ФРЕНСИС БЕРТИ

За кулисами Антанты:

дневник британского посла в Париже

(1914–1919)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

К 100-летию Первой мировой войны

Френсис Берти

За кулисами Антанты

Дневник британского посла в Париже 1914—1919

Под редакцией К.В. Миньяр-Белоручева

Москва
2014

УДК 94 (100)"1914/19"(093)
ББК 63.3(0)53-6
Б 52

Печатается по изданию: Берти, лорд. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914—1919 / лорд Берти; пер. и примеч. Е.С. Берловича. — М.; Л.: Госиздат, 1927. — 232 с.

Берти Ф.

Б 52 За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914—1919 / Френсис Берти; Гос. публ. ист. б-ка России; под ред. К.В. Миньяр-Белоручева; предисл., коммент., ред. К.В. Миньяр-Белоручева; пер. и примеч. Е.С. Берловича. — М., 2014. — 400 с. — (К 100-летию Первой мировой войны).

ISBN 978-5-85209-314-1

Дневник Френсиса Берти (1844—1919), на протяжении тринадцати лет занимавшего должность посла Великобритании во Франции (1905—1918), был опубликован в 1924 г.; русский перевод увидел свет в 1927 г. под названием „За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914—1919“.

Дневник охватывает период с июля 1914 по июль 1919 г. и представляет собой документальное свидетельство эпохи, взгляд изнутри на отношения между Великобританией и Францией и шире — внутри Антанты в целом в период Первой мировой войны. Переиздание этого ценного исторического источника позволит читателю в прямом смысле заглянуть „за кулисы“ начавшейся сто лет назад мировой войны.

Новое издание выходит с предисловием, комментариями и под редакцией к.и.н., доцента К.В. Миньяр-Белоручева.

УДК 94 (100)"1914/19"(093)
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-85209-314-1

ЛОРД БЕРТИ, ЕГО ДНЕВНИК И ЭПОХА

„Дневник лорда Берти Теймского“ — именно так в оригинале озаглавлена данная книга, увидевшая свет в 1924 г., пять лет спустя смерти автора[1]. Сокращенный русский перевод, изданный еще через три года, вышел под гораздо более интригующим названием, которое сохранено и в этом издании, — „За кулисами Антанты“, с уточняющим подзаголовком „Дневник британского посла в Париже, 1914—1919“[2]. Подобная трансформация вполне оправдана и обоснована — советским читателям в 1920-е годы имя Френсиса Берти ничего не говорило, в отличие от их британских современников, а само содержание этих дневников как раз и есть „взгляд из-за кулис“ на отношения внутри Антанты в годы Первой мировой войны. Разумеется, разоблачение чего бы то ни было не входило в задачи автора, но профессиональный дипломат, который в общей сложности провел в Форин-офисе (Министерстве иностранных дел Великобритании) 55 лет, мог позволить себе быть откровенным лишь в дневнике и то, до определенной степени, разумеется.

Сегодня имя Френсиса Берти забыто не только в нашей стране, но и на его родине. Его „Дневник“ не переиздавался с 1920-х годов, а французский перевод так никогда и не был

---

[1] Bertie F.L. Diary of Lord Bertie of Thame, 1914—1918. Vol. 1—2 / Ed. By Lady Algernon Gordon Lennox. London, 1927.

[2] Данное издание дневника Френсиса Берти печатается по первому русскому изданию с добавлением предисловия к английскому изданию и вступительного слова английского редактора, опущенных в первом русском издании. Кроме того, были добавлены данная статья и постраничные комментарии, а в русский перевод были внесены необходимые изменения.

сделан, что вдвойне удивительно, так как Френсис Берти возглавлял британское посольство во Франции в один из ключевых периодов истории этой страны. Не найдем мы имя Френсиса Берти в современных изданиях авторитетнейшей энциклопедии „Британника“, и желающим познакомиться с его жизнеописанием придется полагаться либо на статью из британского Национального биографического словаря (Dictionary of National Biography), написанную еще в 1927 г.[1], либо на единственную монографию, посвященную Френсису Берти, которая уже стала библиографической редкостью[2]. Заслуженно ли был забыт лорд Берти и его дневник? Не слишком ли сурово обошелся с ним и его документальным трудом суд истории?

Однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно. Сотрудник Министерства иностранных дел и дипломат, Френсис Берти сделал в целом успешную карьеру. Наиболее значительным достижением Берти в период службы в аппарате Министерства иностранных дел, несомненно, является подготовка англо-японского морского союза 1902 г. Вершиной карьеры Берти стала должность посла Великобритании во Франции накануне и в годы Первой мировой войны — высокий и ответственный пост в сложное и, безусловно, важное время. За свою профессиональную деятельность Берти удостоился целого ряда государственных наград: он стал рыцарем ордена Бани, ордена Святого Михаила и Святого Георгия, Королевского Викторианского ордена, был назначен членом королевского Тайного совета, а также получил титулы вначале барона, а затем и виконта. Пик политической активности Берти пришелся на предвоенное десятилетие — в должности посла во Франции он многое сделал для дальнейшего сближения Великобритании и Франции и превращения Антанты в полноценный союз. В то же время, в

---

[1] В 2004 г. вышло новое полное издание (в 60 т.) этого поистине энциклопедического словаря с несколько видоизмененным названием — Oxford Dictionary of National Biography, в котором также присутствует статья о Френсисе Берти. В 2007 г. статья о Френсисе Берти появилась в английской версии Википедии.

[2] Hamilton K. Bertie of Thame: Edwardian Ambassador. Woodbridge, Suffolk; New York, 1990.

годы Первой мировой войны Берти, находившийся в силу занимаемой должности в самом центре международной политической жизни, принимал в ней лишь самое формальное участие.

А вот дневник Френсиса Берти, безусловно, перерос личность своего автора. Перед нами документальное свидетельство эпохи, взгляд изнутри активного и отнюдь не рядового участника событий на отношения между Великобританией и Францией и шире — внутри Антанты в целом в период Первой мировой войны. Дневник лорда Берти Теймского является ценным историческим источником, но библиографическая редкость первого издания препятствует его планомерному введению в научный оборот.

Френсис Левесон Берти родился 17 августа 1844 г. в местечке Уитам Аббей, что в Беркшире, недалеко от Оксфорда. Род Берти отличался древностью и аристократичностью. Семейная легенда повествует поистине детективную историю: основатель рода прибывает на Британские острова в ходе англо-саксонского завоевания, получив в свое владение замок и город; в XI в. его потомок, рассорившись с церковью и королем, вынужден бежать во Францию, однако полтора века спустя происходит триумфальное возвращение семейства в Англию; наконец, в начале XV в. очередной Берти отметился убийством монаха и последующим паломничеством в Рим, в ходе которого он обретает прощение. В действительности все обстояло несколько прозаичнее. Более или менее достоверные сведения о роде Берти имеются с XV в. Первые два представителя семейства — Роберт Берти (умер в 1501/1502 г.) и его сын Томас (ок. 1488—1555) — были каменщиками, причем настолько успешными, что Томас Берти возглавил строительство замка Херст — укрепления на южном побережье Англии неподалеку от Портсмута (в 1648 г. узником замка Херст станет английский король Карл I), а в 1550 г., уже после окончания работ, приобрел дворянский титул и стал комендантом этого замка. Но по-настоящему удача повернулась лицом к сыну Томаса —

Ричарду (ок. 1517—1582). В судьбу третьего исторически зафиксированного Берти вмешались две силы, которым равно подчиняются и простолюдины, и знать, — смерть и любовь.

В 1552 г. Ричард Берти женился на Екатерине Уиллоуби, наследнице древнего рода баронов Уиллоуби де Эресби и вдове герцога Саффолка, одного из приближенных короля Генриха VIII (Саффолк до Екатерины был женат на Марии, сестре Генриха VIII). Екатерина, вслед за первым мужем потерявшая двух сыновей, сочеталась браком с состоявшим у нее в услужении Ричардом. Убежденные сторонники Реформации, супруги были вынуждены покинуть Англию и искать убежище в Европе в годы правления королевы Марии I, огнем и кровью взявшейся за реставрацию католицизма. Но новые испытания лишь сплотили союз Ричарда и Екатерины.

Их сын Перегрин Берти (1555—1601), унаследовавший от матери баронский титул (барон Уиллоуби де Эресби), прославился как талантливый дипломат, с блеском, а главное за свой счет, выполнявший деликатные поручения королевы Елизаветы I, а также как главнокомандующий английскими экспедиционными войсками в Нидерландах и во Франции. Признанием заслуг Перегрина может служить тот факт, что крестной матерью его сына Роберта стала сама Елизавета I. Роберт Берти (1582—1642), сын Перегрина и крестник королевы Елизаветы, также добился значительных успехов на дипломатическом поприще и стяжал славу в сражениях на суше и на море. Он был возведен в достоинство графа Линдсдея и сложил голову в ходе Английской революции, сражаясь на стороне короля против парламента. В конце XVII в. род Берти разделится на две линии — представители старшей ветви семейства сохранят титул графов Линдсдеев, а впоследствии возвысятся до маркизов и герцогов, в то время как основатель младшей ветви Джеймс Берти (1653—1699) станет лордом Норрейсом (титул унаследован от матери, на которой отец Джеймса был женат вторым браком) и будет возведен в достоинство графа Абингдонского.

Отцом нашего героя был Монтегю Берти (1808—1884), шестой граф Абингдонский. Он профессионально занимался политикой и почти четверть века провел в Палате общин.

Монтегю Берти сочетался браком с Елизаветой Лавинией (урожденной Вернон-Харкот), дочерью Джорджа Гренвиля Вернон-Харкота, который вместе с самим Монтегю представлял Оксфордшир в парламенте. У Монтегю Берти и Елизаветы Лавинии было девять детей: шесть сыновей и три дочери. Отцовский титул перейдет Монтегю Артуру (1836—1928), старшему сыну от этого союза, а Френсис Берти, будучи вторым сыном, станет шутить, что его „наследством" оказалась должность посла в Париже: один из его предков, Генри Норрейс, служил послом Елизаветы I при дворе французского короля Карла IX, а тесть Френсиса, Генрих Уэлсли, в течение 15 лет был послом в Париже во время правления Наполеона III.

Служба на внешнеполитическом поприще и вправду была одной из семейных традиций Берти (наряду с военной службой, которую выбрали трое сыновей Монтегю Берти). После окончания Итона Френсис стал целенаправленно готовиться к поступлению на работу в Министерство иностранных дел, для чего продолжил свое обучение в Германии, совершенствуя немецкий язык. В 1863 г., на следующий год после возращения в Англию, девятнадцатилетний Френсис становится сотрудником Форин-офиса. Сложно сказать, что стало решающим фактором при приеме на работу: успешно сданные экзамены или же протекция отца, направившего письмо министру иностранных дел Джону Расселу, в котором Монтегю Берти хлопотал за своего сына, перечисляя свои заслуги перед страной в то время, когда он сам являлся членом парламента, а Рассел — премьер-министром.

Вплоть до 1918 г. служба в аппарате Министерства иностранных дел и зарубежные дипломатические миссии существовали как две вполне независимые структуры, пересекающиеся главным образом в высших эшелонах иерархии. Молодой Берти сделал выбор в пользу первой возможности. Его прельщала не профессия дипломата, „кочующего" из страны в страну, из одного посольства в другое, а кропотливая работа в Министерстве иностранных дел в Лондоне с редкими и непродолжительными зарубежными поездками. Дипломатом Френсис Берти станет лишь сорок лет спустя.

Первые десять лет своей службы в министерстве Берти провел на низших ступенях, занимаясь самой рутинной работой — переписыванием депеш, шифровкой и дешифровкой телеграмм, ведением журналов, выполнением различного рода поручений. В 1874 г. Берти становится личным секретарем первого заместителя министра иностранных дел (так называемого парламентского заместителя министра иностранных дел, который является младшим членом правительства) Роберта Бёрка. В указанной должности Берти прослужит до 1880 г. На это время приходится первое личное знакомство Берти с большой международной политикой — в 1878 г. он вошел в состав делегации, отправившейся на Берлинский конгресс, на котором решалась судьба Балкан по итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Во главе делегации стояли премьер-министр Бенджамин Дизраэли и министр иностранных дел Роберт Сесил, маркиз Солсбери, в то время как Френсис Берти исполнял обязанности второго секретаря.

Донесения, которые Берти отправлял в Лондон, дают хорошее представление о его характере, который если и изменится со временем, то не в лучшую сторону. Проницательные наблюдения за жизнью высшего дипломатического общества являются откровенно колкими и нарочито язвительными. Подобная прямота будет составлять одну из главных ценностей его будущего дневника, но она никак не могла способствовать быстрому продвижению Берти по служебной лестнице в столь деликатном ведомстве как Форин-офис. Сослуживцы Берти вряд ли грешили против истины, утверждая, что в искусстве ссориться ему не было равных.

В 1878 г. у Берти родился единственный сын и наследник, получивший имя Вер Фредерик. В брак Френсис вступил за четыре года до этого. Его избранница носила, казалось бы, знакомое, но совершенно непонятное для русского читателя имя — Федоровна Сесилия (урожденная Уэлсли; стоит особо отметить, что Федоровна было ее первым именем, и уж никак не отчеством)[1]. Фео, как ее все называли,

---

[1] Можно лишь предположить происхождение этого имени. Генри Уэлсли, первый граф Коули, будущий посол в Париже, провел свою моло-

приходилась внучатой племянницей знаменитому герцогу Веллингтону, главнокомандующему британской армией в войнах с Наполеоном, а ее отец, а ранее и дед выбрали дипломатическое поприще и среди других миссий возглавляли британское посольство в Париже. По всей видимости, блистательная родословная являлась главным достоинством Фео, которая не была избалована женихами, не блистала в свете и была на шесть лет старше своего супруга.

Карьерный рост в Министерстве иностранных дел редко бывает стремительным. Британский Форин-офис в этом плане не являлся исключением. Рассчитывать на головокружительный взлет не приходилось, поскольку продвижение по иерархической лестнице определялось в первую очередь принципами старшинства. Но и в лучшем случае верхом амбиций молодого сотрудника министерства могла стать лишь должность постоянного заместителя министра, отвечающего за работу аппарата министерства. Выше находилась невидимая, но непреодолимая линия, отделяющая государственных служащих от политиков. Сам министр иностранных дел, так же как и остальные заместители, были профессиональными политиками и назначались из числа членов парламента от победившей партии. Положительная сторона этой системы заключалась в том, что служащие Министерства иностранных дел, как и любые государственные служащие Великобритании, находились вне политики, и им не надо было опасаться за свои места во время регулярных смен кабинета и правящих партий. Британская политическая традиция и поныне опирается на негласное, но от того не менее прочное соглашение: государственные служащие со своей стороны лояльно служат конституционному правительству вне зави-

---

дость, разъезжая с дипломатическими поручениями по всей Европе. В течение 10 лет он выполнял обязанности секретаря британской миссии в Штутгарте (на это время и приходится рождение Федоровны Сесилии), где, вероятно, ему запало на слух экзотическое „второе имя“, столь популярное у русских, особенно у российских императриц (напомним, что супругой Павла I была Мария Федоровна, супругой Николая I — Александра Федоровна). Но, вероятно, поверхностное знакомство с культурой России, в которой он никогда не был, помешало Генриху Уэлсли понять столь специфически русское явление, как отчество, что и привело к появлению во всех отношениях диковинного имени.

симости от того, к какой партии оно принадлежит; правительство в свою очередь оказывает доверие всем госслужащим, независимо от их личных партийных пристрастий. А вот, например, в Соединенных Штатах того времени использовалась принципиально иная схема — смена администрации (и в особенности смена правящей партии) сопровождалась перераспределением государственных должностей в соответствии с принципом политической преданности победившей партии, что самым плачевным образом сказывалось на профессионализме дипломатов.

В 1880 г. Берти переходит от секретарской должности к работе в департаментах — вначале в Восточном, который занимался Россией, Ближним и Средним Востоком и Центральной Азией, а затем в департаменте по делам Азии и Америки. В 1889 г. Берти возглавляет Восточный департамент, а в 1893 г. становится помощником постоянного заместителя министра. В сфере его ответственности оказался департамент по делам Азии и Америки, а после некоторой реорганизации министерства Берти стал ведать вопросами Дальнего Востока, африканских протекторатов и Юго-Восточной Африки. До желанной вершины в виде должности постоянного заместителя министра оставалась лишь одна ступенька, но именно она оказалась для Берти непреодолимой. В начале 1894 г. постоянным заместителем министра стал Томас Сандерсон, коллега Берти по министерству. Общее место работы, однако, вовсе не делало Берти и Сандерсона друзьями. Как раз наоборот. Их разделяла неприязнь, которую они даже не пытались скрывать, неприязнь, переходившая в открытую враждебность, если не сказать ненависть. Самое худшее заключалось в том, что Сандерсон был на три года старше Берти: с одной стороны, это означало, что в силу принципа старшинства Сандерсон опережал Берти ровно на один шаг, с другой — из-за незначительной разницы в возрасте дальнейшее продвижение Берти становилось более чем туманной перспективой (как уже было сказано, должность, которую получил Сандерсон и о которой мечтал Берти, была вершиной карьерной лестницы для обоих, таким образом, на дальнейшее продвижение Берти мог

рассчитывать только в случае ухода Сандерсона на пенсию или в отставку).

Бо́льшую часть его службы в Министерстве иностранных дел обязанности Берти носили административный и технический характер. Впервые Берти получает возможность реально участвовать в выработке внешней политики лишь на должности помощника постоянного заместителя министра, и то лишь в рамках, четко определенных должностными полномочиями. Формирование внешнеполитического курса оставалось прерогативой политиков — министра иностранных дел и младших министров Форин-офиса, в то время как последнее слово всегда оставалось за премьер-министром (который нередко сам занимал пост министра иностранных дел). Высшие служащие министерства могли и должны были высказывать свое мнение по насущным внешнеполитическим вопросам, давать советы, высказывать возражения, а затем — безоговорочно выполнять принятые решения вне зависимости от того, была ли и, если была, то в какой степени, принята во внимание их точка зрения.

Двумя краеугольными камнями внешней политики Великобритании в последней четверти XIX в. являлись приверженность политике „блестящей изоляции“ и поддержание баланса сил в Европе. Берлинский конгресс 1878 г. можно без преувеличения назвать шедевром британской дипломатии (на свой счет его записали Дизраэли и Солсбери), знаменующий пик влияния Великобритании в европейских делах. Однако с каждым годом лидерам Великобритании становилось все сложнее придерживаться указанных принципов, по мере того как „концерт Европы“ неумолимо уступал место разделению европейских государств на противостоящие коалиции. Вплоть до конца 1880-х гг. Великобритании удавалось, с одной стороны, держать необходимую дистанцию, с другой — балансировать между континентальными государствами, при возможности манипулируя ими. Отношения Великобритании с тремя другими ведущими державами можно условно обозначить следующим образом: вражда с Россией,

соперничество с Францией и недоверие к Германии. Противоречия между Великобританией и Россией касались балканского (и шире — восточного) вопроса, Средней Азии, а также Дальнего Востока. Англо-французские отношения „отравляла“ колониальная гонка (наиболее острые противоречия касались Египта), а превращение Германии благодаря умелой политике Отто фон Бисмарка в наиболее сильную державу на европейском континенте не могло не вызывать в Лондоне настороженности.

Между Берлинским конгрессом и отставкой Бисмарка континентальной дипломатией заправляла Германия. Созданная „железным канцлером“ система перекрещивающихся союзов, составной частью которой стала и Великобритания, казалось, успешно выполняла свою роль по сохранению „концерта Европы“. Основными элементами системы Бисмарка являлись: (1) Двойственный союз Германии и Австро-Венгрии (1879), преобразованный в Тройственный союз после присоединения к нему Италии (1882); (2) „второе издание“ союза трех императоров, в который входили Германия, Австро-Венгрия и Россия (1881), и пришедший ему на смену российско-германский „договор о перестраховке“ (1887); (3) средиземноморские соглашения, участниками которых являлись Великобритания, Австро-Венгрия и Италия (1887).

Столь сложная структура, выстроенная на зыбком фундаменте из общности интересов в одних вопросах и соперничества в других, давала возможность Германии контролировать своих партнеров и мешать своим потенциальным противникам договориться между собой. Игра по правилам Бисмарка устраивала англичан: средиземноморские соглашения должны были препятствовать экспансии России в Восточном Средиземноморье и экспансии Франции в Северной Африке. Одновременно Франция, основной противник Германии на европейском континенте и главный соперник Великобритании в колониях, формально оставалась вне рамок указанной структуры, а фактически — в изоляции. В действительности, однако, Бисмарк вел более тонкую игру, неформально поощряя все французские амбиции, за исключением Эльзас-Лотарингии — иными словами, Германия

направляла французскую экспансию в колониальное русло, сталкивая лбами Великобританию и Францию.

При этом сама Германия не воспринималась в Лондоне как реальный противник (в отличие от России и Франции): рост германского могущества (с момента объединения Германии) происходил за счет развития уже имеющихся территорий, а не посредством захватов, а в колониальном вопросе Бисмарк демонстрировал поразительную умеренность. Усиление Германии, несомненно, ставило под угрозу баланс сил, столь дорогой для британцев, однако это был длительный процесс, а не одномоментное действие, в то время как политика „блестящей изоляции" — столь же ценимая англичанами — подразумевала, что прямое вмешательство в дела Европы возможно лишь как ответ на реальную угрозу, а не на перспективу ее появления в будущем.

Отставка Бисмарка в 1890 г. привела к резкому упрощению внешней политики Германии, результатом которого стала ликвидация системы перекрещивающихся союзов. Первым шагом в этом направлении стал отказ императора Вильгельма II, унаследовавшего престол двумя годами ранее, но лишь к этому времени избавившегося от „мелочной опеки" Бисмарка, продлить „договор о перестраховке" с Россией. В том же 1890 г. было заключено соглашение с Великобританией, которое, как надеялись в Берлине, станет прологом для формирования полноценного англо-германского союза. В следующем, 1891 г., был возобновлен Тройственный союз с Австро-Венгрией и Италией. Вместо тонкого маневрирования между потенциальными противниками и реальными партнерами, характерного для дипломатии Бисмарка, новое германское руководство открыто демонстрировало, что впредь будет ориентироваться исключительно на своих союзников, безоговорочно поддерживая их амбиции и политику в отношении третьих держав.

Для России подобное изменение германской внешней политики означало реальную угрозу изоляции: Россия лишалась „особых отношений" с традиционно дружественной Германией (стоит напомнить, что на тот момент она была наиболее сильной континентальной державой в Европе), которая открыто солидаризировалась с безусловными против-

никами России — Австро-Венгрией и Великобританией. Для России единственным возможным выходом из подобной ситуации становилось сближение с еще одним „изгоем" европейский дипломатии — Францией. Уже в июле 1891 г. состоялся дружественный визит французской эскадры в Кронштадт, во время которого Александр III с непокрытой головой выслушал революционную „Марсельезу" — гимн Франции и провозгласил тост за здоровье президента Французской республики. Вслед за визитом, в августе 1891 г., было достигнуто русско-французское консультативное соглашение, касающееся вопросов, которые могут „угрожать всеобщему миру". В 1892 г. в обстановке строжайшей секретности была заключена полноценная военная конвенция (подписана 5 (17) августа 1892 г. в Санкт-Петербурге представителями Генеральных штабов России и Франции), прописывающая механизмы оказания вооруженной помощи в случае нападения на одну из сторон Германии или ее союзников по Тройственному союзу. Наконец, в октябре 1893 г. состоялся ответный визит русской эскадры в Тулон — жест, безусловно, направленный против Англии, а не Германии.

Эта дата — 1890 г. — более чем какая-либо иная, заслуживает того, чтобы считаться точкой, от которой можно вести отсчет подготовки Первой мировой войны. Именно с этого момента начинается разделение Европы на противостоящие коалиции, войска которых четверть века спустя встретятся на поле боя. Однако переход от системы сдержек и противовесов, характерных для „концерта Европы", к жесткому размежеванию на противоборствующие коалиции, оказался медленным и сложным процессом, в первую очередь из-за особой позиции Великобритании.

Британское правительство вовсе не жаждало отказываться от фундаментальных принципов своей внешней политики в угоду следованию веяниям континентальной дипломатии. На протяжении предшествующих полутора веков англичане признавали лишь два вида внешнеполитических обязательств: ограниченные военные соглашения на случай конкретных четко оговоренных угроз и соглашения о взаимопонимании, предусматривающие дипломатические консультации при совпадении интересов договаривающихся

сторон. На этот раз англичане также не собирались связывать себя конкретными обязательствами, которые могли бы втянуть их в континентальные войны или иным способом ограничить „свободу рук“. Британская дипломатия стремилась и впредь балансировать между противостоящими коалициями и, поддерживая то одну, то другую сторону, выступать гарантом равновесия сил в Европе и мире.

Германия первой предприняла попытку „перетянуть“ Великобританию на свою сторону. Летом 1890 г. было заключено англо-германское соглашение, урегулировавшее ряд спорных вопросов, прежде всего колониальных. В Восточной Африке Германия отказывалась от претензий на Занзибар и истоки Нила в районе озера Виктория, присоединив взамен территорию на северо-востоке Германской Юго-Западной Африки (так называемую полосу Каприви) и остров Гельголанд в Северном море. Однако надежда Германии (равно как и опасения России) на то, что это соглашение станет первым шагом к созданию всеобъемлющего англо-германского союза, не оправдалась. Солсбери, который в этот момент совмещал посты премьер-министра и министра иностранных дел Великобритании, был полностью удовлетворен достигнутыми договоренностями и не стремился к дальнейшим шагам в сторону Германии. Урегулирование существующих колониальных споров в принципе открывало путь для сближения в будущем, поскольку означало ликвидацию противоречий в ключевом для Великобритании колониальном вопросе, а значит, создавало возможность для выработки согласованного подхода во взаимоотношениях с третьими странами, к которым как у Великобритании, так и у Германии имелись конкретные претензии, а именно — во взаимоотношениях с Францией и Россией. Однако этот медленный путь взаимного сближения, не обусловленного конкретными обязательствами, не устраивал Вильгельма II, который хотел формальных гарантий, наподобие Тройственного союза. Подобная настойчивость, в свою очередь, вызывала у англичан вполне объяснимые подозрения относительно амбиций Германии, и так уже чрезмерно усилившейся в военном, политическом и экономическом планах.

Во второй половине 1890-х гг. немцы сменили тактику и попытались запугиванием добиться того, что не смогли получить „любезным обхождением“. В 1896 г. Вильгельм II направил телеграмму Паулю Крюгеру, президенту Трансвааля (бурской республики на юге Африки), поздравив его с успешным отражением английского нападения, а в 1898 г. в Германии была принята программа военно-морского строительства, ориентированная на то, чтобы за шесть лет превратить германский флот в сильнейший в мире. Столь неуклюжие попытки продемонстрировать ценность дружбы Германии привели к прямо противоположным результатам. Великобритания впервые открыто ощутила угрозу со стороны Германии в двух ключевых для себя вопросах — колониальном, причем в одном из приоритетных регионов, и морском, где вызов британскому владычеству был абсолютно недопустим.

Однако на рубеже XIX—XX вв. англо-германское соглашение еще было вполне возможным. Угрозы со стороны России и Франции казались в Лондоне более актуальными, тем более что между двумя этими английскими соперниками существовал союз (хотя и не антианглийский). Новое поколение британских политиков, наиболее ярким представителем которого являлся Джозеф Чемберлен, занимавший пост министра по делам колоний в правительстве Солсбери, все более тяготилось политикой „блестящей изоляции“. Сильным аргументом в пользу отказа от традиционной изоляционистской политики стал Фашодский инцидент 1898 г., когда столкновение разведывательных отрядов в верховьях Нила поставило Великобританию и Францию на грань войны. Осенью 1899 г. Чемберлен выступил с инициативой создания нового Тройственного союза, в который должны были войти Великобритания, Германия и США (и который был бы направлен против России и Франции). Однако англогерманские консультации, продолжавшиеся с 1898 по 1901 г., закончились ничем. Фактически повторилась ситуация десятилетней давности — англичане были согласны на неформальное взаимопонимание, в то время как немцы требовали четких гарантий. Германия была готова ограничить свою военно-морскую программу лишь в обмен на присоединение

Великобритании к союзу, однако тактика „все или ничего“ и на этот раз не принесла успеха.

Вместе с тем урегулирование Фашодского инцидента весной 1899 г. стало первым знаком возможности мирного преодоления англо-французских колониальных противоречий. Франция обладала более сильной армией, но Великобритания безоговорочно господствовала на море; в этих условиях перспективы колониальной войны выглядели для Франции достаточно туманно. Осознавая свою слабость, а также опасаясь толкнуть Великобританию в объятия своего самого главного врага — Германии, французское правительство пошло на определенные уступки, отказавшись от претензий на бассейн Нила. Хотя соглашение 1899 г. урегулировало далеко не все спорные моменты (речь шла о размежевании в центральной и западной Африке, в то время как ключевой вопрос о Египте оставался за его рамками), Франция сделала первый шаг в направлении признания первенства Великобритании в колониальной гонке. Архитектором договоренностей выступил новый министр иностранных дел Франции Теофиль Делькассе. Пять лет спустя англо-французское сближение, начавшееся с противостояния в Фашоде, приведет к заключению „сердечного согласия“ (Entente Cordial) — Антанты, которая, по сути, представляла собой то самое соглашение о взаимопонимании, которое столь легкомысленно отвергла Германия.

На рубеже XIX и XX столетий новые внешнеполитические веяния все сильнее проникали в британский кабинет. Даже наиболее последовательные традиционалисты, такие как Солсбери, признавали, что политика „блестящей изоляции“ более не может в полной мере обеспечить государственные интересы Великобритании. Договариваться англичане предпочитали на своих условиях, поэтому найти союзника, который удовлетворял бы всем требованиям англичан, было далеко не просто. Взаимопониманию с Германией мешали принципиальные различия в трактовке характера союза и принимаемых обязательств. В сближении с Францией

делались лишь первые шаги, и пока было невозможно предсказать, приведет ли этот путь к чему-нибудь. Россия оставалась главным и принципиальным оппонентом. Наконец, Соединенные Штаты, которые, согласно задумке Чемберлена, должны были присоединиться к англо-германскому блоку, придерживались в отношениях с Европой политики изоляционизма, хотя в Западном полушарии и на Дальнем Востоке открыто вступали в соперничество с Великобританией.

Идеальный для британского правительства вариант заключался в том, чтобы найти младшего союзника, готового оказать реальную помощь по наиболее важным для Великобритании вопросам и в то же время не заставляющего Великобританию брать на себя обременительные обязательства в делах, не отвечающих государственным интересам Британской империи. Еще лучше, если бы подобный союз позволил англичанам продолжать и дальше поддерживать баланс между двумя блоками, на которые уже бесповоротно разделилась Европа.

На первый взгляд, найти союзника, удовлетворяющего всем перечисленным требованиям, было нереально. Его не существовало не только в Европе, но и в рамках западной цивилизации в целом. Однако британское правительство не собиралось ограничивать себя какими-либо рамками. И когда 30 января 1902 г. в Лондоне был подписан англо-японский морской союз, это оказалось неожиданностью для всей Европы. И сам Солсбери, и его новый министр иностранных дел Генри Петти-Фитцмориц, маркиз Лансдаун (в 1900 г. Солсбери оставил должность министра иностранных дел, но сохранил пост премьер-министра), поставивший под договором свою подпись, могли по праву гордиться этим документом. Активное участие в подготовке договора принял Френсис Берти, курировавший в этот момент в Министерстве иностранных дел дальневосточное направление.

В 1901 г. Берти подготовил серию меморандумов, в которых обосновывал желательность и даже необходимость заключения союза с Японией. Главная цель англо-японского сотрудничества, по мнению Берти, заключалась в следующем: „Желтая опасность будет сдерживаться Россией, а русская — Японией. Если мы ничего не сделаем к тому, что-

бы побудить Японию смотреть на Англию как на друга и на возможного союзника против России и Франции, мы можем толкнуть ее к политике отчаяния, под влиянием которой она может прийти к некоему соглашению с Россией". Для Великобритании основным объектом „сдерживания" выступала, разумеется, Россия: „русская опасность" представлялась британскому кабинету гораздо более серьезной, чем „желтая опасность". Не случайно Берти отвергает достаточно широко распространенное мнение, что „если Япония разобьет Россию, то это будет большой угрозой для европейских интересов на Дальнем Востоке"[1].

Англо-японский союз задумывался в первую очередь как противовес франко-русскому союзу, хотя отчасти был нацелен на сдерживание растущей мощи США. Как отмечал все в том же 1901 г. первый лорд Адмиралтейства Уильям Палмер, граф Селборн, двудержавный стандарт (принцип равенства британского флота флотам второй и третьей военно-морских держав вместе взятых) более неспособен служить надежной гарантией безраздельного господства Великобритании на море: имеющиеся силы могут оказаться недостаточными для безусловной победы в возможной войне против Франции и России, а в случае, если Соединенные Штаты начнут полномасштабную программу военно-морского строительства, Великобритания попросту будет неспособна и далее поддерживать двудержавный стандарт[2].

Договор 1902 г. (подписан 30 января 1902 г. в Лондоне) предусматривал строгий нейтралитет в случае войны одной из сторон с третьей державой и оказание военной помощи, если в войну вступит еще какое-либо государство. Ограниченный характер обязательств как нельзя лучше отвечал интересам Великобритании: помощь Японии могла потребоваться англичанам лишь в случае войны одновременно против Франции и России (с каждой из них по отдельности „владычица морей" была способна справиться самостоятельно), в то же время опасность оказаться втянутой в не-

---

[1] Цит. по: Гальперин А. Англо-японский морской союз, 1902—1921 годы. М., 1947. С. 110.

[2] Steiner Z.S. Great Britain and the Creation of the Anglo-Japanese Alliance // Journal of Modern History. Vol. 31. No. 1. (Mar., 1959). P. 29—30.

нужную англичанам войну за японские интересы сводилась к минимуму; примечательно, что в договоре в неявной форме присутствует элемент стравливания Японии и России, о котором писал Берти, — в случае двусторонней русско-японской войны Великобритания оставалась сторонним (хотя, разумеется, вовсе не нейтральным) наблюдателем.

Подписание англо-японского морского союза означало создание уникальной для системы международных отношений ситуации, когда в мире существовали три равных по силам (в первом приближении) коалиции, каждая из которых относилась к двум другим с откровенной враждебностью или, по меньшей мере, с плохо скрываемой антипатией. Однако в международных отношениях подобная „трехсторонняя конфигурация“ не является устойчивой (почему и встречается исключительно редко) и либо эволюционирует в сторону „блоковой биполярности“ (когда число противоборствующих коалиций сокращается до двух), либо возвращается к многополярной системе в ее чистой форме, для которой характерно отсутствие постоянных союзов и жестких обязательств.

Активный процесс создания и укрепления блоковой системы в континентальной Европе означал, что в ближайшей перспективе возвращения к многополярности не произойдет. Вот почему подписание договора с Японией вовсе не рассматривалось британским кабинетом как альтернатива поиску союзников в Европе, а скорее виделось как шаг, предваряющий более тесное вовлечение в континентальную политику. Англо-японский морской союз усиливал позиции Великобритании в мире (прежде всего на море, а также в колониях) и позволял нейтрализовать целый ряд возможных угроз, давая, таким образом, британской дипломатии более широкое пространство для маневров в отношениях со своими европейскими соседями.

Однако вопрос о выходе из „блестящей изоляции“ продолжал оставаться на повестке дня — теперь уже не только в общемировых масштабах, но в рамках большой европейской политики. Великобритании предстояло сделать выбор между германским и французским блоками; союз с Японией был козырем, который позволял делать этот выбор с более выгодных

позиций, с позиций политической силы. Иными словами, наличие союза с Японией давало возможность превратить соперников в друзей, назначить более высокую цену за свою дружбу и строить отношения с европейскими державами на своих собственных условиях, не опасаясь за свои тылы.

В Форин-офисе Берти считался одним из наиболее последовательных противников Германии и курса на сближение с ней, причем антигерманские взгляды Берти были известны далеко за пределами Уайтхолла[1]. Так, весной 1905 г. князь Хуго фон Радолин, на тот момент являвшийся послом Германии во Франции, писал в своем донесении, ссылаясь на заслуживающие доверия источники, что премьер-министр Великобритании лорд Солсбери вряд ли может считаться другом Германии, а министр иностранных дел маркиз Лансдаун не является ее врагом. Френсис Берти в этом же донесении был охарактеризован как „открытый противник Германии“[2]. Антипатия к Германии формировалась у Берти постепенно и была обусловлена главным образом характером профессиональной деятельности. Берти неоднократно был вынужден урегулировать англо-германские противоречия в южной и восточной Африке, а позднее также в Китае — направлениях, которые, как уже было сказано, он курировал. Переговоры шли, как правило, трудно, конфликты повторялись с завидной регулярностью, и к рубежу веков Германия, в глазах Берти, прочно заняла место основного оппонента Великобритании. Неприязнь Берти вызывали необъятные притязания Германии, но в еще большей степени его раздражали методы германской дипломатии, предпочитавшей действовать посредством силового давления, угроз и ультиматумов, вместо того чтобы идти на взаимовыгодные компромиссы. Эти методы сам Берти охарактеризовал как „постоянное использование тяжелой артиллерии“ и признавался

---

[1] Нарицательное обозначение британского правительства, по месту расположения значительного количества министерских и правительственных зданий.

[2] См.: Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Bd. 1—40. Berlin, 1922—1927. Bd. 20. H. 2. Nr. 6847.

в одном из частных писем: „Я живу в надежде, что мы сможем поставить их в затруднительное положение“[1].

Берти выступал категорически против какого-либо соглашения с Германией, полагая, что во взаимоотношениях с европейскими державами традиционная свобода рук даст Великобритании гораздо больше, чем формальные обязательства со стороны столь ненадежного, по его мнению, союзника. Наиболее полно свою позицию по этому вопросу Берти выразил в меморандуме, который датируется ноябрем 1901 г., когда подготовка соглашения с Японией уже вступила в завершающую фазу[2]. Однако квинтэссенцию своего отношения к перспективам партнерства с Германией Берти лучше всего выразил в одном из частных писем: „Немцы, как всегда, неуклюже лгали“[3].

Англо-французские соглашения 1904 г. (подписаны 8 апреля 1904 г. в Лондоне), известные также как „сердечное согласие“, формально не носили характер союзнических обязательств. Самый главный документ касался раздела сфер влияния в Северной Африке: Франция отказывалась от всех притязаний на Египет, в то время как Великобритания признавала исключительные права Франции в Марокко. Этот документ во многом напоминал англо-германское соглашение 1890 г., однако Франция, в отличие от Германии, была вполне удовлетворена неофициальными договоренностями о взаимопонимании. Урегулирование наиболее острых колониальных противоречий означает сближение интересов, которое, в свою очередь, является необходимым условием для выработки согласованной политики в тех вопросах, по которым эти интересы совпадают. Французы, таким образом, осознали то, что полутора десятилетиями ранее не смогли понять немцы: взаимопонимание и общность интересов создают, пускай и не сразу, моральные и психологические обязательства, которые, хотя и не оформлены юридически, формируют предпосылки для совместных действий как дипломатического, так и военного характера.

---

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 18—19.

[2] См.: British Documents on the Origins of the War, 1898—1914. Vol. 1—11. London, 1926—1938. Vol. 2. No. 91.

[3] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 19.

В условиях блокового размежевания Европы окончательный отход Великобритании от политики изоляции становился лишь вопросом времени. Соглашения с Францией, с одной стороны, определяли направление движения Великобритании (иными словами, означали выбор в пользу франко-русского блока), а с другой — вполне удовлетворяли английских традиционалистов, к числу которых в известном смысле можно причислить и Берти, опасающихся тесных союзнических отношений с европейскими державами и предпочитающих формальным союзническим обязательствам свободу балансирования (пускай и всего лишь кажущуюся) между двумя континентальными союзами.

Берти поддержал англо-французские соглашения, видя в них способ изолировать Германию, но вовсе не относил себя к сторонникам немедленного заключения более тесного союза с Францией. Однако дальнейшие шаги по англо-французскому сближению будут осуществляться при его прямом участии — менее чем через год Берти получит назначение в Париж.

Подписание англо-французских соглашений Берти встретил в Риме, в должности посла Великобритании в Италии. Значительный поворот в его карьере произошел годом ранее. Отчаявшись дождаться продвижения на столь желанный пост постоянного заместителя министра (Сандерсон, как назло, не собирался досрочно покидать службу) и потерпев ряд неудач во внутриминистерской борьбе (Берти рассчитывал ослабить влияние Сандерсона, добившись назначения на ключевые посты „своих“ людей, но все вышло с точностью до наоборот), Берти, чей возраст неумолимо приближался к шестидесяти, осознал, что дальнейшая служба в аппарате Министерства иностранных дел не принесет ему ни славы, ни успеха, ни морального удовлетворения. Предложение занять заветную должность постоянного заместителя министра, но не в родном Министерстве иностранных дел, а в Министерстве по делам колоний Берти по зрелому размышлению отверг: после Форин-офиса подобное продвиже-

ние выглядело как своеобразная ссылка, пускай внутренняя и неофициальная. Берти понравилась другая идея — переквалифицироваться в дипломата, возглавив иностранное посольство в какой-нибудь важной, но не слишком обременительной с политической точки зрения стране, предпочтительно с теплым климатом и богатой культурой.

В ближайшее время как раз должна была освободиться должность посла в Италии, и Берти приложил все усилия, чтобы получить это назначение. Если переход на работу в Министерство колоний воспринимался как ссылка, посольство в Италии выглядело как длительный отпуск с оплачиваемой поездкой на курорт. Приняв решение, Берти начал действовать. Он заручился поддержкой монарха — Эдуарда VII, что имело больше символический характер (сам Берти, правда, так не считал), и сломил сопротивление министра иностранных дел, который совершенно не хотел лишаться столь опытного сотрудника (Лансдаун предложил Берти отправиться послом в Стокгольм вместо Рима, прекрасно понимая, что от такого назначения Берти откажется; в ответ Берти пригрозил выйти на пенсию сразу после достижения шестидесяти лет). В начале 1903 г. Берти приступил к своим новым обязанностям.

Обязанности посла кардинально отличались от всего того, что Берти привык делать за свою многолетнюю службу в министерстве. Государственный служащий, кропотливо трудящийся вдали от любопытных взглядов, внезапно переместился в сферу публичной политики. В одночасье Берти оказался в центре внимания политической элиты иностранного государства; каждый шаг Берти становился объектом внимания искушенной в подобных делах публики; и, что важнее всего, суждение выносилось на основании личного поведения Берти, а оценка выставлялась его стране. От посла требовались коммуникабельность, умение нравиться людям и производить на них благоприятное впечатление, будь то высший свет страны пребывания или собственный персонал посольства. Но перечисленных качеств Берти всегда недоставало; прямота суждений и язвительный тон гораздо чаще помогали заводить не друзей, а врагов.

В жизнь Берти вошли официальные встречи и светские приемы, всевозможные протокольные мероприятия. Эти

приятные, на первый взгляд, обязанности были чужды характеру Берти и, к его большому сожалению, отодвигали на второй план такие „скучные“ занятия, как ведение переговоров, подготовку договоров, выработку компромиссов и налаживание отношений между государствами — все то, что составляет суть дипломатии и политики. Больше всего Берти угнетала необходимость согласования мельчайших деталей дипломатического протокола, которыми были обставлены официальные мероприятия на самом высоком уровне.

Организация встречи Эдуарда VII с папой римским Львом XIII, которая состоялась в апреле 1903 г. в ходе визита английского короля в Италию, была сопряжена для Берти с колоссальными затратами нервной энергии. Требовалось свести к общему знаменателю позиции монарха, британского правительства, Римской курии и властей Италии, проработать все нюансы и не допустить даже намека на возможность неправильной трактовки этого события кем бы то ни было. В протестантской Англии визит не должен был выглядеть как „поклонение“ монарха, который по совместительству является главой английской церкви, „папистам“; итальянскому правительству приходилось считаться с тем, что папа продолжал именовать себя „ватиканским узником“; высшие церковные иерархи ни на секунду не забывали о том, чтобы наместник Св. Петра не поступился и каплей своего достоинства в глазах всего католического мира; наконец, английский король просто хотел выразить свое почтение девяностотрехлетнему понтифику в двадцатипятилетнюю годовщину его пребывания на Святом престоле. В день отъезда Эдуарда VII из Рима Берти отправил официальное донесение Лансдауну, в котором заметил в своей традиционной саркастической манере: „На протяжении последних двух недель я был занят тем, что ничего не делал, при этом никак не мог найти время, чтобы этим заняться“[1].

Еще одна сложность королевского визита была связана с тем, что едва Эдуард VII успел покинуть Вечный город, в Рим прибыл Вильгельм II. Хотя пребывание германского императора было обставлено гораздо пышнее, Берти с удо-

---

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 45.

влетворением отмечал, что британское мероприятие прошло на должном уровне, и английский монарх произвел значительно более благоприятное впечатление на итальянскую общественность, в то время как германская помпезность вызывала скорее раздражение.

Не меньше головной боли принес Берти и визит, который король Италии Виктор Эммануил III нанес осенью того же года в Великобританию. Самый больной вопрос касался формы одежды, в которой итальянский монарх должен был предстать перед своим английским венценосным собратом: согласно английскому протоколу, требовались бриджи, против которых Виктор Эммануил III категорически возражал в силу особенностей своего телосложения, настаивая на том, чтобы вместе со своей свитой по немецкой и австрийской традиции облачиться в военную форму. Королевский двор и Форин-офис, в свою очередь, были готовы на определенные уступки (позволив заменить бриджи брюками, но лишь итальянскому королю), но менять весь церемониал в угоду гостям английская сторона не собиралась.

Единственным „светлым пятном“ итальянской миссии Берти можно считать переговоры с итальянским правительством относительно соглашения по Эфиопии, и то со значительными оговорками: во-первых, в ходе переговоров Берти не полностью разделял официальную позицию министерства по абиссинскому вопросу, но склонить Лансдауна на свою сторону ему не удалось; во-вторых, и в таком виде соглашение не было заключено (три года спустя будет подписано трехстороннее англо-франко-итальянское соглашение, касающееся Эфиопии).

Итальянская миссия явно тяготила Берти. Не прошло и полугода после его назначения в Рим, как Берти стал жалеть о своем решении покинуть Лондон. Если раньше его „до безумия раздражала нескончаемая бюрократия“, царившая в министерстве и „отвратительным образом продолжавшаяся изо дня в день и из года в год“, а также чрезмерная загруженность работой, то в Риме Берти, по своему собственному признанию, регулярно изнывал от ничегонеделания[1]. За ис-

---

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 52.

ключением переговоров по Эфиопии он никаким, даже техническим образом, не принимал участия в решении важных государственных проблем. Без преувеличения можно сказать, что Берти оказался на обочине внешнеполитической жизни Великобритании. Длительный отпуск с оплачиваемой поездкой на курорт, на который он рассчитывал, отправляясь в Италию, все более напоминал выход на пенсию. Вряд ли стоит удивляться, что значительную часть своего итальянского посольства Берти провел в Англии, используя любой предлог, чтобы вырваться на родину — будь то официальные консультации, улаживание дел или поправка здоровья. Однако вернуться в стены Форин-офиса значило признать свое поражение. Кроме того, Сандерсон продолжал прочно удерживать позиции, о которых мечтал Берти, так что, по большому счету, возвращение не имело особого смысла.

В 1904 г. должен был освободиться пост британского посла в Париже — действующий посол Эдмонд Монсон, которому исполнялось 70 лет, готовился к выходу на пенсию. В ноябре 1903 г. Берти официально выразил желание занять эту должность. По сравнению с Римом назначение в Париж являлось гораздо более престижным и важным: британское посольство во Франции неофициально считалось отдельным департаментом Форин-офиса. Посол в Париже имел возможность оказывать существенное влияние на формирование внешнеполитического курса Лондона: отношения с Францией занимали центральное место в британской внешней политике; соглашения 1904 г. лишь усилили этот момент.

Получить назначение в Париж оказалось нелегкой задачей — слишком уж привлекательно выглядела эта должность и слишком много желающих оказалось ее занять. Главным конкурентом Берти выступал Николас О’Коннор, посол в Константинополе, за которым стоял Сандерсон. Циркулировали слухи, что в Париж собирался отправиться граф Кадоган, известный политик, один из видных представителей Консервативной партии, только недавно оставивший пост министра по делам Ирландии. Берти едва не был назначен послом в Санкт-Петербурге, что вовсе не входило в

его планы. Лишь после долгой и трудной закулисной борьбы ему все-таки удалось получить желаемую должность.

Летом 1904 г. заболел Сандерсон, и Берти был отозван из Рима, чтобы временно исполнять обязанности своего заклятого врага на позиции, о которой всегда мечтал. Невзирая на проблемы со здоровьем, Сандерсон не собирался уходить в отставку — в середине ноября, несмотря на неважное самочувствие и вопреки рекомендациям врачей, он возвращается к своим обязанностям. Берти прекрасно понимал деликатность своего положения и использовал временный триумф, чтобы обеспечить свое назначение в Париж. В декабре 1904 г. Берти ненадолго возвращается в Рим, улаживает все дела, оставшиеся от его непродолжительной миссии, чтобы накануне нового года попрощаться с Вечным городом. А уже 12 января 1905 г. Френсис Берти прибывает в Париж в качестве посла Великобритании.

———

Первая и, без сомнения, наиболее важная задача, с которой столкнулся Берти после своего назначения в Париж и которой он без остатка будет отдавать все свои силы на протяжении последующих лет, заключалась в необходимости укрепить и углубить англо-французские договоренности. В 1904 и 1905 гг. вовсе не было очевидно то, что с позиций сегодняшнего дня представляется нам само собой разумеющимся — что Антанта окажется жизнеспособным образованием, а скромные договоренности о размежевании сфер влияний в колониях превратятся в полноценный военный союз. Основными препятствиями на этом пути были продолжающаяся война „младших“ союзников Англии и Франции — Японии и России (отражавшая в том числе и традиционную напряженность в англо-русских отношениях) и стремление Германии любой ценой помешать наметившемуся англо-французскому сближению.

Непосредственным откликом Германии на заключение англо-французского „согласия“ 1904 г. стал первый марокканский кризис. Германия, позднее других европейских держав вступившая в колониальную гонку, очень ревностно

относилась к любым идеям распределения и перераспределения колоний. Поставив под сомнение правомерность двухсторонних договоренностей, достигнутых без участия Германии, Вильгельм II рассчитывал одновременно убить двух зайцев: получить долю „колониального пирога“ на северо-западе Африки и расстроить только что заключенные англо-французские соглашения, которые в Берлине рассматривали в качестве угрозы жизненным интересам Германии.

На протяжении всего кризиса (а по меркам сегодняшнего дня он разворачивался до неприличия долго — ровно 14 месяцев, с марта 1905 по май 1906 г.) Берти находился на передовой линии дипломатического фронта, проводя бесконечные консультации с французским правительством, постоянно отправляя и получая депеши из Лондона. По мнению Берти, англо-французское сближение имело смысл, прежде всего, как средство сдерживания агрессивной политики Германии, и стремление Берлина разрушить только что созданную Антанту лишь увеличивало ее ценность. Более всего новоявленный посол опасался, что французы уступят германскому давлению и пойдут на компромиссное урегулирование кризиса на двухсторонней франко-германской основе. В июне 1905 г. французский министр иностранных дел Теофиль Делькассе, один из наиболее последовательных сторонников превращения Антанты в полноценный военный союз, был отправлен в отставку под давлением Германии. Будущее Антанты казалось теперь более чем сомнительным, однако стремление немецкой стороны любой ценой вынести обсуждение марокканской проблемы на международную конференцию и добиться публичного унижения Франции сыграло Лондону на руку. На Альхесирасской конференции, проходившей с 16 января по 7 апреля в испанском портовом городе Альхесирасе (на берегу Гибралтарского пролива, т. е. в самой непосредственной близости от Марокко), Германия оказалась в дипломатической изоляции, а англо-французский блок подтвердил свою жизнеспособность.

К этому времени существенно изменилась расстановка сил и внутри Форин-офиса. После победы либералов на парламентских выборах в декабре 1905 г. страна получила нового премьер-министра (им стал Генри Кэмпбелл-Баннерман)

и министра иностранных дел (этот пост занял Эдуард Грей). Практически одновременно в отставку по состоянию здоровья вышел Сандерсон, а на место постоянного заместителя министра не без помощи Берти был назначен его родственник и близкий друг Чарльз Гардиндж, до этого занимавший пост британского посла в Санкт-Петербурге. Новый министр иностранных дел внимательно прислушивался к советам своих более опытных в дипломатических делах подчиненных, в первую очередь Гардинджа, возглавляющего аппарат министерства, и Берти, находящегося на острие британской дипломатии (что было особенно актуально в разгар кризиса). Грей хорошо знал Берти еще со времени своей работы в министерстве в качестве первого заместителя министра иностранных дел (парламентского заместителя — младшего члена правительства) в 1892—1895 гг. в правительстве Уильяма Гладстона и, по собственному признанию, высоко ценил его таланты. Немаловажно и то, что в усилении Германии Грей, так же как и Берти с Гардинджем, видел первостепенную угрозу английским интересам. Вряд ли стоит удивляться, что в середине 1900-х гг. Берти — в тандеме с Гардинджем — оказывал реальное влияние на формирование внешнеполитического курса Великобритании.

Важным шагом по дальнейшему укреплению Антанты стало заключение англо-русского соглашения 1907 г. (подписано 18 (31) августа 1907 г. в Санкт-Петербурге). Поражение России от Японии парадоксальным, на первый взгляд, образом способствовало нормализации отношений между Великобританией и Россией. Вынужденный отказ России от имперских претензий на Дальнем Востоке снимал один из важнейших блоков русско-английских противоречий и открывал путь для нормализации отношений с Великобританией. По форме англо-русские договоренности 1907 г. напоминали англо-французские соглашения 1904 г.: речь шла об урегулировании частных колониальных вопросов (на этот раз — в Средней Азии и Иране). Вновь, как и в 1904 г., преодоление наиболее острых противоречий в двухсторонних отношениях открывало путь к неофициальному взаимопониманию и делало возможным более тесное сотрудничество в будущем.

На посту посла Великобритании в Париже Берти оставался одним из наиболее убежденных сторонников англо-французского сближения. Главная задача британской внешней политики, по мнению Берти, заключалась в том, чтобы помешать Франции и Германии достигнуть взаимопонимания или развивать сотрудничество по каким-либо вопросам — колониальным, экономическим, финансовым, не говоря уже о политических и военных. Результатом подобного взаимопонимания и сотрудничества могло стать лишь превращение Франции в младшего партнера Германии, что, в свою очередь, вело к установлению германской гегемонии на европейском континенте. Сотрудничество с Францией, таким образом, оказывалось жизненно важным для обеспечения безопасности Великобритании. Иными словами, Великобритания должна оказывать поддержку Франции, дабы не оставить ее в одиночестве и тем самым не толкнуть в объятия Германии. Испытывая известное недоверие к России, Берти, тем не менее, прекрасно осознавал необходимость выстраивать отношения с царским правительством таким образом, чтобы окружить и изолировать Германию. Схожие идеи, однако гораздо более четко и логически обоснованно, были изложены в начале 1907 г. аналитиком Министерства иностранных дел Великобритании Эйром Кроу в его знаменитом меморандуме („Меморандум о современном состоянии отношений Великобритании с Францией и Германией“, более известный как „меморандум Кроу“)[1].

В ходе двух последующих крупных общеевропейских кризисов — боснийского (1908—1909) и второго марокканского (1911) — британское правительство действовало, исходя из указанной логики. Берти полностью разделял официальную позицию и в меру возможностей участвовал в ее выработке.

В боснийском кризисе „застрельщиком“ выступила Австро-Венгрия, объявившая об аннексии Боснии и Герцеговины (турецких владений, находившихся под австрийской оккупацией по решениям Берлинского конгресса 1878 г.). „Пострадавшей стороной“ оказалась Сербия, которая сама пре-

---

[1] См.: British Documents on the Origins of the War. Vol. 3. P. 398—421.

тендовала на эти территории; в защиту сербов выступила Россия, недовольная усилением австрийцев на Балканах. Германия открыто солидаризировалась с Австро-Венгрией, в то время как Великобритания и Франция не оказали достаточной поддержки России, которая была вынуждена отступить. Дипломатическое унижение наряду с осознанием невозможности в одиночку противостоять Германии и Австро-Венгрии заставило российское правительство стремиться к более тесному сотрудничеству со своими союзниками по Антанте, несмотря на то, что те действовали откровенно „не по-союзнически".

Второй марокканский кризис разразился после того, как Франция оккупировала столицу Марокко — Фес, а Германия в качестве компенсации за укрепление французов в Марокко потребовала порт на атлантическом побережье Африки. Поначалу Великобритания занимала неопределенную позицию, и в этих обстоятельствах Франция даже была готова пойти на определенные уступки Германии. Однако призрак франко-германского урегулирования и гипотетическая возможность превращения Франции в младшего партнера Германии заставили Великобританию вмешаться в ситуацию. Не без влияния Берти британское правительство оказало решительную и последовательную поддержку Франции.

Кульминацией кризиса стало выступление министра финансов Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа: „Если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только ценой отказа от того великого и достойного положения, которое Великобритания завоевывала столетиями героизма и успехов, если с Великобританией в вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы, будут обращаться так, точно она не имеет никакого значения в семье народов, тогда — я подчеркиваю это — мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша"[1].

Различие подходов британского правительства к урегулированию этих двух кризисов не отразилось на конечном

---

[1] The Times. London. July 22, 1911.

результате. Как боснийский, так и второй марокканский кризисы способствовали дальнейшему сплочению Антанты.

Логичным следствием сближения Великобритании и Франции стали англо-французские консультации на уровне высших армейских чинов (начавшиеся еще в 1906 г.), официальные переговоры между представителями штабов армии и флота (с 1912 г.); и, наконец, англо-французская морская конвенция 1912 г., предусматривающая раздел зон ответственности между флотами Великобритании и Франции в случае начала войны с Германией. Согласно этим соглашениям, зона ответственности Франции включала Западное Средиземноморье, в то время как Великобритания должна была обеспечивать защиту Ла-Манша, Па-де-Кале и атлантического побережья Франции. При этом британская сторона неоднократно подчеркивала, что все указанные консультации и соглашения носят неофициальный характер и не имеют характера гарантий; тем не менее сам факт проведения консультаций и заключения соглашений, насколько бы „необязывающими“ они ни были, накладывал моральные обязательства, которые после начала войны британское правительство не смогло игнорировать; французская сторона в меру сил „подыгрывала“ англичанам, не требуя конкретных обещаний и полностью довольствуясь неформальным взаимопониманием.

„Мы договорились, что консультации между экспертами не рассматриваются и не должны рассматриваться как обстоятельство, связывающее каждое из правительств и принуждающее его к действию в обстоятельствах, которые еще не возникли и могут никогда не возникнуть...“ — так Эдуард Грей разъяснял позицию Великобритании французскому послу Полю Камбону в ноябре 1912 г.[1] Стоит ли удивляться, что решение об отправке британского экспедиционного корпуса во Францию было принято лишь после начала войны, и до 6 августа 1914 г. у французов не было никаких официальных гарантий, что они получат подобную военную помощь со стороны англичан (в апреле 1907 г. Кэмпбелл-Баннерман в личной беседе с премьер-министром

[1] Цит по: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 169.

Франции Жоржем Клемансо прямо заявил, что „не думает, что английское общественное мнение позволит использовать британские войска в Европе“[1]).

В отличие от своего правительства, Берти, хотя и являлся его официальным представителем, действовал несколько более раскованно. Так, весной 1912 г. на встрече с премьер-министром Франции Раймоном Пуанкаре (который одновременно занимал пост министра иностранных дел) Берти настоятельно советовал тому не довольствоваться общими фразами касательно англо-французского сотрудничества на случай начала войны, а добиваться от английского правительства более конкретных заверений. При этом Берти выражал свою собственную позицию; предупредив, что выступает как частное лицо, Берти просил французского премьера „забыть на мгновенье, что он посол“[2].

Несмотря на достаточно агрессивную позицию, которую занимал Берти, было бы ошибкой считать, что сам он стремился к развязыванию войны между Францией и Германией, или, тем более, к участию Великобритании в военном конфликте на континенте. Стихией Берти была дипломатия, а не война. Используя терминологию более поздней эпохи, взгляды Берти на проблемы европейской безопасности можно охарактеризовать как „двойное сдерживание“: с одной стороны, требовалось изолировать Германию, заставить ее отказаться от самой мысли начать войну перед лицом сплоченного блока в составе Англии, Франции и России, с другой — не следовало давать слишком значительных обязательств союзникам, дабы уверенность в британской поддержке не спровоцировала Францию и Россию на безрассудные действия и не позволила этим странам манипулировать Великобританией. Подобной логикой англичане фактически руководствовались и раньше: в обоих марокканских кризисах речь шла о сдерживании враждебной Германии, в боснийском кризисе объектом сдерживания выступала союзная Россия.

---

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 152.

[2] Цит по: История дипломатии: в 4 т. М., 1941—1945 / под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. Гл. 10.

Хотя Эдуард Грей и новый премьер-министр Великобритании Герберт Генри Асквит (сменивший на этом посту Кэмпбелл-Баннермана весной 1908 г.) далеко не всегда следовали рекомендациям Берти, его деятельность в Париже они находили достойной самых высоких похвал. Не менее важно, что посол заставлял прислушиваться к себе и считаться со своим мнением постоянно сменяющие друг друга французские кабинеты. Полномочия Берти истекали в 1910 г. — официально срок службы посла не должен был превышать пять лет, но в особых случаях допускались исключения. По представлению Грея полномочия Берти были продлены до конца 1914 г. — в августе этого года Берти исполнялось 70 лет (предельный возраст для выхода посла на пенсию), и лишь в знак особого уважения ему позволили остаться на своем посту несколько лишних месяцев.

Пока не прозвучали выстрелы в Сараево, ничто не предвещало того, что Берти предстоит задержаться во Франции еще почти на четыре года.

Убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, совершенное в Сараево 28 июня 1914 г., не вызвало у Берти серьезного беспокойства. Хотя буквально накануне в очередном меморандуме, посвященном анализу международных отношений, Берти отмечал, что в долгосрочном плане соотношение военных сил Германии и Франции будет меняться не в пользу последней. „Это может, — продолжал он, — поставить французов в отчаянное положение, и любое случайное происшествие способно спровоцировать войну“[1]. Однако вплоть до ультиматума, предъявленного Австро-Венгрией Сербии 23 июля, Берти не считал, что сараевское убийство может стать тем самым поводом, который взорвет Европу. Такой же точки зрения придерживался и Грей, для консультаций с которым Берти в начале июля отбыл в Лондон. Вернувшись в Париж 20 июля, Берти занимается организацией ремонта дымохода в здании посольства и готовится отправиться на

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 319.

отдых на швейцарский курорт Мартиньи, на что получает принципиальное согласие Грея, в случае, если не будет „острого и опасного кризиса“[1], — как уже было сказано, оба полагали подобное развитие событий маловероятным.

Обо всем этом мы узнаем в первой записи, открывающей издание дневника Берти. Именно в таком порядке — сорвавшаяся поездка в Мартиньи, австрийский ультиматум и лишь в самом конце — краткий обзор умонастроений во Франции в связи с разворачивающимся кризисом:

> *[1914 г.] 26 июля.* Сегодня я должен был уехать в Мартиньи. Я условился об этом с Греем и предполагал вернуться в случае кризиса. После появления австрийской ноты я отказался от поездки…
>
> На бирже вчера была паника; последняя французская рента, выпущенная совсем недавно по 91, упала до 85. Все настроены очень нервно.

Нет необходимости подробно останавливаться на жизни и деятельности Берти в годы войны. Обо всем этом читатель узнает на страницах дневника от самого Берти. По тем же причинам не стоит предварять произведения его „правильным и единственно верным“ истолкованием, раскрытием его социально-политической значимости и разоблачением намерений автора, как тайных, так и явных. „Дневник лорда Берти Теймского“ продукт своей эпохи в той же степени, что и сам Берти, типичный представитель вполне определенного социального круга, приближенного к власти. Дневник не содержит каких-либо сенсационных разоблачений. Странно было бы ожидать иного от издания, вышедшего в Лондоне всего шесть лет спустя после окончания Первой мировой войны, о „закулисной“ стороне которой в нем и повествуется; симптоматично, что оригинальное английское издание открывалось предисловием бывшего министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея.

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 319.

Внимательный и вдумчивый читатель — а дневник Берти явно не из разряда „легкого чтения“ — сможет сделать необходимые выводы самостоятельно. Дневник Френсиса Берти представляет собой тот тип документальной литературы, который не просто можно, но и нужно перечитывать не раз и не два, возвращаться снова и снова, открывая новые смыслы и улавливая оттенки, ускользнувшие при предыдущем прочтении, сопоставляя, сопоставляя и еще раз сопоставляя с другой имеющейся информацией по Первой мировой войне, — в первую очередь, по ее дипломатической истории и международным аспектам.

Все же на некоторых моментах стоит остановиться более подробно. Главная ценность дневника Френсиса Берти как исторического источника заключается в том, что он позволяет нам воочию заглянуть на „дипломатическую кухню“ того времени. В дневнике Берти можно найти ответы на многие вопросы, из-за которых специалисты в области истории международных отношений сломали не один десяток копий.

Например, до сих пор существенные сложности связаны с объяснением действий Великобритании в дни июльского кризиса. Считается, что одним из факторов, спровоцировавших агрессивное поведение Германии летом 1914 г., стала несколько двусмысленная позиция британского правительства, которое не высказало открытой солидарности с Россией и Францией, создав таким образом ложное впечатление у лидеров Германии, что Великобритания не собирается вмешиваться в разгорающийся военный конфликт. В итоге Германия, начав войну с Россией и Францией, „делала ставку на британский нейтралитет“ — действительно, у Великобритании „не было юридических обязательств вступать в войну на стороне Франции и России“, как о том заявлял Грей на заседании палаты общин в середине июня 1914 г. Юридических обязательств и правда не было, но были как обязательства моральные, так и государственные интересы, поэтому, когда на следующий день после германского вторжения в нейтральную Бельгию (что было предусмотрено „планом Шлиффена“) Великобритания объявила войну Германии, это

„было неудивительно для всех, кроме германских руководителей“[1].

В своих воспоминаниях российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов следующим образом комментировал позицию Великобритании: „Если бы и в 1914 году сэр Эдуард Грей, как я о том настойчиво просил его, сделал своевременно столь же недвусмысленное заявление в плане солидарности Великобритании с Россией и Францией, он этим спас бы человечество от того ужасающего катаклизма, последствия которого подвергли величайшему риску самое существование европейской цивилизации“[2].

О том, что подобные умонастроения господствовали в июльские дни в Москве и Санкт-Петербурге, свидетельствуют и дневниковые записи Берти:

> *28 июля…* Извольский [посол России во Франции — *К. М.-Б.*] сказал Гренвилю [атташе посольства Великобритании во Франции — *К. М.-Б.*], что война неизбежна притом из-за ошибки Англии, не объявившей о своей солидарности с Францией и Россией или, вернее, с Россией…
>
> *29 июля… 7 часов вечера…* Русское и французское правительства, а также и итальянское утверждают, что мы, и только мы, можем предотвратить войну, объявив, что будем поддерживать Россию и Францию, так как в таком случае немцы тотчас же окажут давление на Австрию с целью умерить ее пыл…
>
> *30 июля.* Вероятность начала войны сейчас равна вероятности сохранения мира. На нас смотрят как на решающий фактор… Я написал Грею о господствующем здесь взгляде, что мир между великими державами зависит от Англии; что если Англия объявит о своей поддержке Франции, то войны не будет, так как Германия не пойдет на риск лишиться поставок по морю из-за действий британского флота.

---

[1] Киссинджер Г. Указ. соч. С. 188, 192.
[2] Сазонов С.Д. Воспоминания. М, 1991. С. 45—46.

Само британское правительство руководствовалось иной логикой. Главным объектом сдерживания со стороны Великобритании выступала не Германия, а английские союзники по Антанте — Франция и Россия. Другими словами, нежелание британского правительства ясно и недвусмысленно объявить о своей готовности вступать в войну имело целью „остудить“ Россию, а вместе с ней и Францию, не допустив, таким образом, эскалации конфликта. Берти описывает это следующими словами:

> *27 июля.* Я не могу поверить в возможность войны, если только Россия не хочет ее… Однако если российский император станет поддерживать абсурдные и устаревшие претензии России на роль покровительницы всех славянских государств, как бы плохо они ни вели себя, это может привести к войне. Германия обязана будет поддержать Австрию, а Франция должна будет помочь России…
>
> *30 июля…* Франции следовало бы оказать давление на российское правительство, дабы умерить его пыл. Если бы мы гарантировали сейчас вооруженную поддержку Франции и России, то Россия стала бы более требовательной, а Франция пошла бы за ней по пятам.

Летом 1914 г. британское правительство действовало по той же схеме, что и во время боснийского кризиса: Уайтхолл был явно не заинтересован воевать из-за проблем России на Балканах и всячески это демонстрировал. В этом отношении характерны следующие записи из дневника Берти:

> *26 июля…* Россия выступает в роли покровительницы Сербии; какие она имеет для этого основания, кроме лопнувшей претензии, будто она по праву является покровительницей всех славян? Что за ерунда! И она ожидает, что Франция и Англия поддержат с оружием ее нынешнюю позицию…
>
> *28 июля…* Сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться…

> *31 июля…* австро-сербский спор плохой повод для объявления солидарности с Францией.

Колониальные вопросы были гораздо более актуальны для Лондона, поэтому в обоих марокканских кризисах британское правительство действовало более решительно и открыто солидаризировалось с Францией. До 1914 г. оба аспекта этой стратегии „двойного сдерживания“ — их можно охарактеризовать как пассивную и активную — в равной степени казались работоспособными. Однако на этот раз Россия не была готова вновь пережить унижение, с которым ей пришлось смириться пятью годами ранее. О подобной позиции Берти был информирован со слов А.П. Извольского, но не был с ней согласен; не хотел с ней считаться и британский кабинет:

> *28 июля…* Россия уступила и подверглась унижению в 1909 г. по вопросу о Боснии и Герцеговине, потому что тогда ее армия не могла воевать; теперь она может.

Гораздо больше Берти импонировала другая точка зрения на готовность России вести войну, более реалистическая, но не столь популярная в кругах российского высшего общества:

> *31 июля…* Витте сказал одному моему знакомому и соседу, что он против войны, так как Россия недостаточно подготовлена и население ее не находится в состоянии покоя и удовлетворения; по его мнению, России, ее армии, железным дорогам и финансам нужно еще три года, прежде чем вступать в войну. Извольский на всех перекрестках заявляет, что Россия готова и что война неизбежна. Какая глупость, даже если это правда!

Однако сколь бы нежелательным для британского правительства ни был общеевропейский конфликт из-за столкновения России и Австрии на Балканах, оставаться в стороне от уже начавшейся войны Великобритания не могла. В этом заключался крупнейший просчет германской дипломатии,

которая приняла политику пассивного сдерживания за готовность к нейтралитету и так и не осознала всей силы неформальных уз, связывающих членов Антанты. Но и сам Берти, хотя и выступал категорически против британского нейтралитета, поначалу не исключал такой возможности (что его, правда, неслыханно огорчало):

> *2 августа…* Мне так тяжело на душе и так стыдно, что слова „коварный Альбион“ могут оказаться действительно обоснованными. У нас, мне кажется, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?

Лучше и не скажешь о целях и причинах участия Великобритании в Первой мировой войне.

С началом Первой мировой войны Берти оказывается в стороне от большой европейской политики, если не творцом, то активным участником которой он являлся в предшествующие годы. На первый взгляд, складывалась парадоксальная ситуация. Посол — официальный представитель британского правительства во Франции в критический момент существования англо-французского союза находится в самом центре событий. К Парижу приближается линия фронта, остановить которую отчаянно пытаются французские войска вместе с пришедшим им на помощь британским экспедиционным корпусом. Казалось бы, Берти может и должен осуществлять и координировать взаимодействие между двумя главными союзниками в самый критический период существования Антанты. Но в действительности ситуация обстояла с точностью до наоборот.

Практически в одночасье Париж превратился в место паломничества высших английских чиновников. 15 августа на Северный железнодорожный вокзал (Гар-дю-Нор) прибы-

вает Джон Дентон Френч, назначенный командующим британскими экспедиционными силами. 1 сентября с краткосрочным визитом Париж посещает новый военный министр Гораций Герберт Китченер. В самом начале 1915 г. для переговоров по финансовым вопросам приезжает министр финансов Дэвид Ллойд Джордж. А уж прибывающих в Париж представителей министерств, разнообразных наблюдателей, экспертов, как настоящих, так и мнимых, — всех их не перечислить; при этом каждый из них привозил с собой многочисленные инструкции, расплывчатые полномочия и, как правило, неограниченные амбиции. Каждый был уверен, что лучше всех остальных — и уж тем более гораздо лучше какого-то там посла — разбирается в политической ситуации во Франции и лучше других знает, что делать. В Париже множились межсоюзнические комитеты и военные миссии. Берти протестовал против незапланированных визитов, особенно когда это касалось членов кабинета, которых ему приходилось принимать и „развлекать“, но без особого успеха.

После начала войны Форин-офис лишился эксклюзивного контроля за формированием и проведением внешней политики Великобритании; Министерство иностранных дел все чаще выступало в качестве посыльного у различных министерств и ведомств, отправляя в Париж их предписания, рекомендации, мнения, отношения, зачастую даже не интересуясь, имеют ли они хоть какое-то отношение к действительности и насколько применимы на практике они окажутся. Берти и сам не особо стремился контролировать этот нескончаемый поток, ограничиваясь традиционным толкованием обязанностей дипломата, но неизменно выражал негодование, когда на эти полномочия и прерогативы покушались „незваные гости“ из Лондона. Берти проводил четкое различие между сферами дипломатии и войны, не претендуя на второе, но не желая отдавать первое; он словно бы не хотел помнить бессмертное высказывание Карла фон Клаузевица, что „война — не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами“[1].

[1] Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 16.

Среди оппонентов Берти, его коллег-соперников, следует особо выделить Реджинальда Балиола Бретта, виконта Эшера. Этот поистине вездесущий придворный, имеющий тесные связи с королевской семьей и с ведущими британскими политиками, занимал скромную должность помощника управляющего Виндзорского замка — главной загородной резиденции британского монарха — и в то же время являлся бессменным членом Комитета имперской обороны. Лорд Эшер считается одним из главных идеологов создания и упрочения англо-французской Антанты, он активно занимался вопросами реформирования армии и флота, и неудивительно, что вскоре после начала войны именно он стал курировать вопросы англо-французского взаимодействия. Эшер делал главный упор на военные вопросы, но не оставлял в стороне проблемы политического и дипломатического взаимодействия — последнее рассматривалось Берти как открытое вторжение в сферу его полномочий и вызывало особое неудовольствие. В отличие от Берти, Эшер хорошо усвоил построения Клаузевица; не занимая высоких постов, но имея непременную поддержку на самом высоком уровне, Эшер не чувствовал себя ограниченным какими-либо формальными рамками и, в буквальном смысле, был повсюду.

С началом войны Берти упускает из виду не только пульс текущей политической жизни, но и теряет контроль над своими прямыми подчиненными. Достаточно показательным является следующий эпизод.

В конце августа, по мере приближения к французской столице немецких войск, британское посольство спешно готовилось к эвакуации. Никто, включая самого Берти, не рассчитывал, что Париж выстоит:

> *[1914 г.] 27 августа…* Из очень авторитетного источника я узнаю, что вопрос о переезде правительства в Бордо обсуждался на тот случай, если немцам удастся сколько-нибудь значительный прорыв франко-британского фронта на севере.
>
> *28 августа.* Сегодня днем видел военного министра (Мильерана)… Положение тяжелое, и я опасаюсь возможного отъезда отсюда…

30 августа. Бои идут в Компьене, и немцы имеют такое подавляющее численное превосходство, что через несколько дней могут оказаться в Париже. Золотой запас в размере 168 млн фунтов стерлингов перевезен из Банка Франции в Бордо и Марсель. Я сжигаю секретные бумаги и готовлюсь к немедленному отъезду, как только узнаю, в какой город переедет правительство, когда оккупация Парижа немцами станет неизбежной; они вполне способны разгромить здесь все, и в таком случае я потеряю все, что у меня есть.

31 августа. Сегодня военное положение несколько лучше, чем вчера; я полагаю, что бегство на юг начнется в среду [т. е. 2 сентября — *К. М.-Б.*].

Эвакуация происходила в спешке. Об отъезде Берти, по собственному признанию, узнал всего лишь за 10 часов; выехали вечером 2 сентября, днем 3 сентября посольство было уже в Бордо. „Что за конец карьеры!“ — комментировал в одном из своих писем происходящее Берти. Мировая война и поспешное бегство от противника — таким британскому послу в Париже виделось завершение его дипломатической службы[1].

После эвакуации посольства представлять и защищать интересы Великобритании и британских подданных в Париже должен был исполняющий обязанности генерального консула Константин Грэм. Берти специально оставил Грэма во французской столице, дав ему инструкции покинуть Париж лишь в одном из двух случаев: если возникнет реальная опасность, что будет нарушена связь с Великобританией (проходившая через северное побережье Франции) или что в Париж войдут немцы. Остается неясным, то ли Грэм вовсе не собирался считаться с полученными инструкциями, то ли он воспринял их слишком буквально, но уже утром 3 сентября, ровно через 8 часов после отъезда самого Берти, Грэм покинул Париж, чтобы вернуться в Лондон. В результате во французской столице и вовсе не осталось британских ди-

[1] Hamilton K. Op. cit. P. 331.

пломатов, а британские подданные были вынуждены в случае необходимости обращаться в американское консульство, сотрудники которого, в отличие от англичан, совсем не спешили спасаться бегством. Берти не мог отрицать, что сложившаяся ситуация создавала „очень плохое впечатление“[1]. Лишь в октябре 1914 г. был назначен новый генеральный консул, но Берти, несмотря на свою активную переписку с Форин-офисом, так и не смог получить удовлетворительного объяснения поведения Грэма.

Той же осенью Берти активно участвовал в обсуждении еще одной проблемы: он выступил против выплаты вознаграждения, которое британское казначейство планировало выделить сотрудникам посольства в связи с эвакуацией в Бордо. Берти считал предложенную схему чересчур щедрой и не мог согласиться с разбазариванием государственных средств в столь ответственной и критической ситуации. После длительной дискуссии предложение казначейства было принято, однако позиция Берти не способствовала его популярности среди подчиненных. Хотя в чем-то Берти, вероятно, был прав (с переездом из Парижа в Бордо расходы работников посольства сократились, и в условиях войны деньгами можно было распорядиться и с бóльшей пользой), умение ладить с людьми в очередной раз его подвело. Однако это был далеко не самый важный вопрос, на который в данных обстоятельствах британскому послу во Франции стоило тратить время и силы (особенно учитывая размер сумм в масштабах всей страны — от 20 до 30 шиллингов в день на сотрудника посольства).

В декабре 1914 г. французское правительство возвращается в Париж. По мнению Берти, переезд был преждевременным:

> *2 декабря.* Сегодня кабинет должен обсуждать вопрос о возвращении в Париж. С точки зрения военного положения, возвращение сейчас не более своевременно, чем шесть недель назад; немцы все еще находятся близ Компьена…

[1] Цит по: Hamilton K. Op. cit. P. 333.

> *4 декабря.* Окончательно решено, вопреки мнению Бриана, Делькассе и Мильерана, начать переезд в Париж 9 декабря; это глупое решение.

Появившись в Париже буквально на несколько дней, Берти практически сразу отправляется в Лондон за консультациями. К этому времени Берти уже знал радостную для себя новость: его посольство продлевалось на неопределенный срок. Подобное решение Грей принял еще в сентябре, а в конце ноября официально попросил Берти остаться во Франции „до конца войны“ и „принять участие в ее счастливом завершении“. Как в шутку заметил король Георг V (в 1910 г. сменивший на престоле своего отца Эдуарда VII) в ходе аудиенции, Берти теперь следовало уповать на то, что война „затянется надолго“[1]. Не менее важным поощрением Берти, чем продление миссии во Франции, стал баронский титул, который он получил в июне 1915 г. С этого времени наш герой стал именоваться лорд Берти Теймский. Однако и в этом случае не обошлось без казуса — новоявленный барон категорически отказывался уплатить пошлину за титул в размере 330 фунтов стерлингов, мотивируя это тем, что странно требовать плату за награду, являющуюся признанием заслуг перед родиной. Асквит согласился с правотой Берти, и казначейство было вынуждено уступить.

Однако в сфере реальной политики акции Берти неуклонно падали. Продление его посольства скорее отражало принцип „коней на переправе не меняют“: в активе Берти были годы безупречной службы и хорошо налаженные официальные связи с представителями политической элиты Франции. Он являлся, без сомнения, лучшим из возможных посланников Форин-офиса во французской столице, но, как уже было сказано, само Министерство иностранных дел играло все меньшую роль в выработке внешней политики. Реальными делами в Париже занимался лорд Эшер, который стремился заменить Берти на „своего“ человека.

Смена кабинета и формирование коалиционного правительства в декабре 1916 г. лишь усилили эту тенденцию. Дэвид

---

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 334—335.

Ллойд Джордж, ставший новым премьер-министром, предпочитал лично контролировать внешнюю политику, не отдавая ее на откуп Министерству иностранных дел и его новому главе Артуру Бальфуру. Коалиционный характер правительства и тот факт, что премьер-министр и министр иностранных дел принадлежали к различным партиям (Ллойд Джордж был либералом, а Бальфур — консерватором), заставляли главу кабинета использовать личную дипломатию в обход официальных каналов.

В этом плане показательны отношения Берти с военным атташе британского посольства во Франции полковником Германом Лероем Льюисом (назначен в мае 1915 г. в качестве заместителя военного атташе, с января 1916 г. — военный атташе), который не желал считаться с послом и постоянно действовал через его голову. Фактически Лерой Льюис заключил союз с Эшером против Берти и плел нескончаемые интриги. К весне 1917 г. отношения между Берти и Лероем Льюисом были настолько напряженными, что, по собственному признанию Берти, они едва разговаривали[1]. Лерой Льюис был одним из кандидатов, которого Эшер рассчитывал посадить на место Берти, однако эта схема провалилась.

Слухи о возможной отставке Берти циркулировали с завидной регулярностью: не последнюю роль в этом играли его недоброжелатели. Смена британского кабинета, казалось, давала им неплохой шанс.

[1917 г.] Лондон, 9 июня. Биржевая телеграфная компания сообщает следующее: ожидается, что лорд Берти, имевший вчера аудиенцию у короля в Букингемском дворце, в ближайшем будущем оставит пост британского посла в Париже.

11 июня. Меня спрашивают, верно ли сообщение газет? Я отвечаю, что мне не предлагали подавать в отставку и что у меня нет оснований для этого, так как я совершенно выздоровел и способен и далее выполнять свои обязанности. Я завтракал у Лансдауна. Лансдаун осведомился, не будет ли с его стороны

---

[1] Hamilton K. Op. cit. P. 358.

> нескромным спросить меня, верно ли, что я остаюсь послом до окончания войны? Я ответил, что Грей просил меня об этом, но что эта просьба и мое согласие необязательны для нынешнего правительства.

На следующий день „Таймс“ разродилась настоящим панегириком британскому послу. С полным текстом передовицы читатель ознакомится на страницах дневника, здесь же мы ограничимся выдержками:

> „В настоящий критический момент войны трудно было бы сделать бóльшую ошибку, чем удалить из посольства в Париже такого выдающегося общественного деятеля, имеющего такие заслуги, какие имеет лорд Берти… Он пользуется в небывалой степени доверием французов, и его твердость оказала неоценимые услуги за последние три года. Он не достиг еще своего предела ни по отношению к своей стране, ни по отношению к великому союзнику, при котором он аккредитован. Поэтому мы… надеемся, что лорд Берти не только останется в Париже послом, но что он получит также полную поддержку. В тот момент, когда во многих странах сторонники компромиссного мира осмеливаются поднимать головы, мы не можем позволить себе роскошь ослаблять нашу бдительность или сменять стража, занимающего пост, требующий наибольшей испытанности“.

Хотя предполагалось, что Берти останется на своем посту до конца войны, непрекращающиеся интриги Эшера, окончательная потеря политического веса и пошатнувшееся здоровье сделали неизбежной его отставку за полгода до прекращения боевых действий.

В апреле 1918 г. новым британским послом в Париже стал Эдвард Стэнли, граф Дерби, до того момента занимавший пост военного министра[1]. В дневнике Берти мы встречаем следующую запись:

---

[1] Так же, как и Берти, новый британский посол в Париже вел дневник, который долгое время считался утерянным и увидел свет лишь в

> *[1918 г.] 17 апреля*. Сегодня утром я получил личную телеграмму от Бальфура, выдержанную в очень благородных выражениях и сообщающую, что моя миссия закончена и что на мое место в качестве специального посла назначен Дерби. Я поблагодарил Бальфура и сказал, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь новому послу.

В действительности реакция Берти была гораздо менее сдержанной. „Так не увольняют даже горничную“, — заявил Берти второму секретарю посольства Невиллу Гендерсону, который помогал с расшифровкой телеграммы министра иностранных дел[1].

Объясняя свое решение о назначении графа Дерби на место Берти, Ллойд Джордж (именно премьер-министр был инициатором этого шага, а уж вовсе никак не Бальфур, которого с Берти связывала давняя дружба) заявил, что в Париже правительству нужна не дипломатия (в этом же выступлении Ллойд Джордж охарактеризовал Берти как „выдающегося и способного дипломата“), а „представитель, который находится в курсе всех взглядов британского правительства по многочисленным вопросам, в первую очередь, военного характера, которые возникают между двумя странами“[2]. Хотя формально отставка Берти и назначение Дерби определялись необходимостью заменить дипломата политиком в связи с изменением характера задач, стоящих перед британским послом в Париже (стоит отметить, что подобное изменение произошло скорее в 1914, а не в 1918 г.), Ллойд Джордж так же мало считался с Дерби в новой должности, как до этого с Берти, по-прежнему предпочитая неформальные каналы связи. Такое развитие событий вряд ли можно считать случайным, учитывая, что одной из немаловажных причин назначения Дерби в Париж являлось стремление Ллойд Джорджа,

---

начале XXI в. На русский язык дневники графа Дерби пока не переводились. См.: Derby E.G.V.S. Paris 1918: The War Diary of the British Ambassador, the 17th Earl of Derby / Ed. by David Dutton. Liverpool, 2001.

[1] Цит. по: Hamilton K. Op. cit. P. 382.

[2] Ibid. P. 383.

сохранив приличия, избавиться от него в качестве военного министра.

В июне 1918 г., незадолго до своего семьдесят четвертого дня рождения, Берти вернулся в Лондон. Завершение карьеры, начавшейся в аппарате Министерства иностранных дел и продолжившейся на дипломатическом поприще в Риме и Париже, ознаменовалось титулом виконта, которого Берти был удостоен в октябре 1918 г. Свой жизненный путь Френсис Берти, лорд Теймский, вышедший в отставку британский посол в Париже, завершит год спустя, 26 сентября 1919 г.

Вне зависимости от того, какую оценку заслужил Френсис Берти своей жизнью и делами, справедливо или нет он оказался практически забыт как у себя на родине, так и в других странах, его дневник продолжает жить своей особой жизнью. И нынешнее издание, по праву, может считаться вторым рождением этого дневника.

Ни в коей мере не намереваясь испортить удовольствие читателя от знакомства с этим выдающимся памятником своей эпохи банальным пересказом всего дневника или его частей, остановимся на одной, безусловно интересной и безумно важной, особенно для российского читателя, проблеме — на отношении Берти к России.

На страницах дневника Россия занимает важное, хотя и не центральное место, что вполне естественно. Один из трех основополагающих столпов Антанты, важнейший после Франции союзник Великобритании в продолжающейся войне — уже этого вполне достаточно, чтобы объяснить интерес и внимание Берти к России. Правда, далеко не всегда эти интерес и внимание были со знаком плюс. Скорее наоборот. Ничего странного в подобной позиции нет. Достаточно вспомнить всю глубину противоречий, которые разделяли наши страны во второй половине XIX в. — как раз в тот момент, когда шло формирование политического и дипломатического характера Берти; разумеется, в канун Первой мировой войны эти противоречия были в значительной степени сняты, но ведь породившие их глубинные причины

никуда не исчезли. Далеко не случайно именно Берти выступил одним из основных архитекторов англо-японского морского союза, направленного в первую очередь против России. Стоит упомянуть тот факт, что в 1904 г. Берти без всякого энтузиазма воспринял возможное назначение послом в Санкт-Петербург. Но если всего этого достаточно, то стоит ли продолжать?

Разумеется, в годы войны Россия для Берти была в первую очередь союзником, но союзником вынужденным, „не по любви", если так можно выразиться, а „по расчету". Великобританию и Россию разделяли противоречия как геополитические, так и идеологические, а объединяло лишь наличие общего врага, однако подобная основа является слишком зыбкой для строительства долгосрочных отношений — тем более с самого начала Первой мировой войны всем было очевидно, что общий объединяющий фактор исчезнет после ее окончания.

Берти не скрывал своего, мягко говоря, сдержанного отношения к России. И хотя в своем дневнике британский посол в Париже выражает лишь сугубо личную точку зрения, позиция Берти является характерной для широкого спектра политического истеблишмента Великобритании. Квинтэссенцию подобных взглядов можно выразить следующим образом: в максимальной степени использовать Россию для достижения победы в войне, при этом не дать ей усилиться в результате совместной победы.

Наиболее показательной в этом плане является позиция Берти относительно судьбы Черноморских проливов. Берти выступает категорически против того, чтобы предоставить России право свободного пользования Босфором и Дарданеллами; перспектива установления контроля России над Черноморскими проливами (подобное обещание содержалось в секретном соглашении, заключенном Великобританией, Францией и Россией в марте—апреле 1915 г.) была для Берти неприемлема. В его дневнике мы встречаем следующие записи:

> *[1914 г.] 17 декабря*... Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превращается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разруша-

ются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала… Вообще вопрос, кто будет распоряжаться Константинополем и проливами, станет камнем преткновения, когда наступит время для обсуждения подобных предметов.

[1915 г.] 22 февраля… Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит великие державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах России в отношении Константинополя и Черноморских проливов.

Не стоит, правда, полагать, что по данному вопросу существовали принципиальные расхождения между Берти и его коллегами в правительстве. В своем дневнике Берти лишь озвучивает то, о чем они предпочитают молчать. Какие бы обещания ни были даны России относительно проливов в качестве стимула для более активного веде́ния войны, британское правительство не собиралось их исполнять. Об этом недвусмысленно свидетельствует Дарданелльская операция 1915 г., в ходе которой соединенные англо-французские силы предприняли неудачную попытку установить контроль над проливами прежде, чем это сможет сделать Россия; неслучайно, что стремление Великобритании и Франции занять Константинополь Берти рассматривает в качестве „гарантии хорошего поведения России“.

Традиционные геополитические противоречия между Великобританией и Россией подкреплялись идеологическими расхождениями. Политическая элита передовой либеральной демократии того времени не испытывала симпатий к консервативному царскому режиму, обладающему практически всей полнотой власти и использующему народное представительство лишь в качестве ширмы. Подобные настроения разделял и сам Берти. Однако в условиях продолжающейся войны ни Великобритания, ни Франция (традиционно более спокойно относившаяся к особенностям политического режима в России) не были особенно заинтересованы в либерализации царского режима: любые политиче-

ские или социальные потрясения, ставящие под сомнение участие России в войне, были нежелательны.

> *[1917 г.] 14 января.* Общественность начинает здесь очень беспокоиться по поводу положения дел в России и того влияния на ход войны, которое могло бы оказать низложение императора, победа реакционеров или революция.

Февральская революция интересует Берти в первую очередь с точки зрения ее влияния на дальнейшее участие России в войне:

> *11 марта.* Письма из Петербурга, о которых мне сообщали, оказались пророческими. Революция разразилась…
>
> *18 марта…* События в России представляют очень пеструю картину. Думе не принадлежит верховная власть в стране. Среди революционеров заметны пацифистские элементы…
>
> *22 мая.* Сведения из России несколько более благоприятны. При встрече со мной сегодня утром Извольский сказал, что армия „образумится“ раньше, чем народ в стране. Он полагает, что наступательные действия возобновятся не позже, чем через месяц…
>
> *1 июня.* Очень угнетающе действует… анархия в России вместе с ее последствием — затишьем на русском фронте в Европе…
>
> *23 июня.* Положение в России меняется изо дня в день, и отнюдь нельзя быть уверенным, что русские перейдут в наступление…
>
> *24 июня.* Много хлопот наделали здесь русские части. Их перевели в тыл французского фронта, они не хотят сражаться и не хотят, чтобы их куда-нибудь переводили. Их обработали русские анархисты.

Очень хорошо характеризует отношение Берти к революционной власти в России — напомним, что пока речь идет исключительно о Временном правительстве, — его комментарий к отставке Извольского, с которым, кстати, Берти никогда не был в особо близких отношениях:

> *2 июня…* Он [Извольский — *К. М.-Б.*], должно быть, сделал что-нибудь, чтобы заслужить такого рода отставку от такой сволочи — правительством ее нельзя назвать, — которая стоит у власти в Петербурге.

Отсутствие способностей (даже при наличии желания) у Временного правительства вести войну вызывает самую бурную реакцию Берти. В дневнике он может не скрывать свои эмоции:

> *4 сентября.* Итак, Рига сдана без боя. Что за сволочь эти русские!..
>
> *11 сентября.* Что за шабаш происходит в России! Я надеюсь, что Корнилов почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта...
>
> *25 сентября…* В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского хватило ума объединиться с Корниловым, чтобы выгнать эту сволочь из Петербурга, то, может быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок.

Октябрьская революция вначале вовсе не заинтересовала Берти, который видел в этих событиях лишь продолжение брожения и безвластия, возникшего в России после низложения Николая II. Только в начале декабря Берти мощными мазками набрасывает политический портрет одного из новых российских лидеров — Л.Д. Троцкого. Портрет, как можно было ожидать, получается нелицеприятным:

> *10 декабря.* Троцкий до войны жил в качестве революционного эмигранта в Париже. Когда разразилась война, его заподозрили в

> шпионаже и выселили в Испанию в октябре 1916 г. Его обвинили в анархизме, арестовали и препроводили согласно его просьбе на Кубу, откуда он, кажется, через Англию вернулся в Россию после свержения императора.

Еще более показательной в плане отношения Берти к большевикам является следующая заметка:

> *14 декабря…* Что касается России, то пусть они дерутся между собой до тех пор, пока большевики не ожесточат большинства и не будут убиты… Возможно, что эта страна к тому времени [к лету 1918 г. — *К. М.-Б.*] вовсе перестанет существовать как единое целое.

Лишь через два месяца после прихода большевиков к власти Берти начинает воспринимать их всерьез. В ходе своих бесед с представителями России (уже, правда, неофициальными): А.П. Извольским, М.М. Севастопуло, В.А. Маклаковым, А.В. Неклюдовым — Берти пытается оценить отношение к новому правительству внутри страны, а также нащупать перспективы дальнейшего развития событий. Среди тем, затрагиваемых в разговорах, — формы будущего государственного устройства России, возможность интервенции и, что очень характерно для Берти, — судьбы Константинополя:

> *23 декабря.* Маклаков, так называемый русский посол, посетил меня сегодня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством де-факто, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного властью правильно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании женщин наравне с мужчинами, Учредительное собрание окажется фарсом… Я спросил его, не выступит ли народ против Ленина и Троцкого из-

за недостатка продовольствия в Петербурге. Он думает, что так оно и будет, но что это не поможет изгнать немцев…

Маклаков говорит, что русский народ не дозрел до республики. Он хочет конституционную монархию…

[1918 г.] 6 января. Сегодня приходил ко мне Севастопуло. Он считает, что Киев может вновь стать столицей России. Он говорит, что Финляндия, не имеющая своего хлеба, не может жить независимо от России. Теперь, когда отпала необходимость заботиться о квартире для императорской семьи, переезд правительства из Петербурга в Москву или в Киев не представляет затруднений. Так говорит Севастопуло; но прежде чем вести разговоры о новой столице, Россия должна оправиться…

22 января… В пятницу я встретился с Извольским за обедом. Он хочет говорить со мной о России… Извольский, хорошо знающий Японию и Сибирь, рекомендует японскую интервенцию. Если вмешаются китайцы, то сибиряки бросятся в объятия большевиков. Он не видит возможности возрождения империи и вообще монархии в России. Лучшее, на что можно надеяться, это федерация государств… Извольский хотел бы при помощи союзников воспрепятствовать переходу Архангельска и Сибири в руки большевиков…

26 января… Вчера вечером я встретился с Извольским за обедом… Извольский считает, что Украина в настоящий момент потеряна. Концентрированное давление на большевиков необходимо начать из Архангельска, Сибири и Кавказа; державы Антанты должны предоставить деньги, оружие и боеприпасы, а также высадить небольшое количество войск в Архангельске; японцы должны высадить войска в Порт-Артуре или Тяньцзине вместе с американскими и британскими контингентами; сибиряки присоединятся к ним и выгонят всех большевиков; британские войска из Месопотамии поддержат армян и черкесов и т. д. Очень длинная волынка. Извольский утверждает, что у него нет личных мотивов для этих

проектов, и считает, что в конце концов одержат верх кадеты; бывшая Российская империя распадется на отдельные государства, которые, быть может, образуют конфедерацию, во главе которой, может быть, станет монарх. Он не думает, что Антанта окажется, таким образом, в состоянии войны с Россией, она поможет только лояльным по отношению к государству элементам подавить большевиков…

28 января. Маклаков приходил ко мне, чтобы отсоветовать вступать в какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия на некоторое время должна оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны. Из боязни заразить свои войска большевизмом германское командование не осмелится проникнуть вглубь Севера России, где эта болезнь свирепствует…

6 февраля. Вчера вечером я встретился на обеде с послом Маклаковым и его сестрой… Маклаков озабочен тем, что мы вступили в контакт с большевиками, которые, по его мнению, не могут оставаться долго у власти…

12 марта. Так называемый русский посол Маклаков хочет и не хочет японской интервенции в Сибири…

16 марта. Неклюдов, бывший в последнее время русским послом в Мадриде, а до того посланником в Софии и еще раньше советником русского посольства в Париже, просил меня принять его и пришел сегодня днем. Он говорил пространно и напыщенно, оплакивал слабость императора Николая и его подчиненность жене, следствием чего явились кризисы, которые привели в конце концов к рево-

люции. Он критиковал потакание революционерам со стороны Антанты и укорял нас за связи с большевиками. Наиболее уязвимой державой является сейчас Англия, так как Германия нацелена из Одессы на Батум, Кавказ, Персию и Индию. Необходимо хорошо помнить, что Россия не просила о японской интервенции. На выступление Японию толкнула Антанта, и если Япония не придет к соглашению с лояльными элементами в России, то ее интервенция принесет только вражду и окончится неудачей. Франция и Англия, повидимому, действуют, не советуясь с русскими, хорошо знающими Россию, и т. д. Я заметил, что когда горит дом, то владелец его обычно благодарен соседу, который помогает ему тушить огонь, нравится ли сосед ему или нет. Несомненно, Япония, в случае интервенции, будет рада помощи и содействию тех русских частей, которые захотят воспрепятствовать продвижению большевиков и немцев на восток. Но где эти офицеры? Пусть они предложат свои услуги японцам. Неклюдов, по-видимому, считает, что он и еще двое-трое русских, составивших в Париже совещательную комиссию, могут претендовать на то, чтобы с ними советовались.

Я спросил его, не думает ли он, что немцы построят трон для монарха, и захотят ли отделившиеся Финляндия, Прибалтика, Польша и Украина вновь стать частью Российской империи. Он не думает, что такую страну, как Россия, имеющую за собой пятивековую историю, возможно было бы расчленить надолго. Германии выгодно в настоящий момент поддерживать состояние хаоса в тех областях России, которые она еще не отторгла. Она не тянется к Дальнему Востоку. Она хочет проникнуть на Кавказ, в Персию, в Центральную Азию, в Индию. Я посоветовал Неклюдову изложить свои взгляды и советы в виде меморандума, который я смог бы отправить в Лондон.

Комментарии, как говорится, излишни. Переплетение реальных событий с домыслами и слухами, действительного и желаемого, страхов и надежд противников новой власти

создает поистине фантасмагоричную (хотя нельзя сказать, чтобы полностью неверную) картину происходящего в России. Детальный анализ, равно как и выводы из этих несколько пространных цитат, каждый может сделать сам.

Наиболее колоритное высказывание Берти по отношению к России было сделано уже после его отставки и после окончания войны. Автор предисловия к первому русскому изданию дневника Берти не смог пройти мимо этой записи, приведем и мы эту цитату, несмотря на очевидную опасность повтора:

> *8 декабря*… Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные народы православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами.

Основной вопрос, который интересует Берти на последних страницах его дневника — а Берти продолжает уделять пристальное внимание международным событиям и после своей отставки, и даже после окончания войны, касается условий мирного урегулирования.

Берти крайне скептически относился к официально объявленным планам послевоенного устройства. Американский проект, получивший наибольшую известность (так называемые Четырнадцать пунктов президента США Вудро Вильсона, изложенные 8 января 1918 г.), был неприемлем для Берти из-за своей очевидной антибританской направленности:

> *[1918 г.] 9 января.* Мне не нравится меморандум президента Вильсона о целях войны…

10 января… Наши колонии выскажутся, когда настанет время для конференции, и с их благополучием нужно считаться больше, нежели с красивыми фразами президента Вильсона. Что он понимает под абсолютной свободой мореплавания за пределами территориальных вод в мирное, равно как и в военное время? Что означает равенство условий торговли? Наконец, каково значение двусмысленного пятого пункта, касающегося колоний? Он хочет иметь Россию в качестве поля для коммерческой деятельности Соединенных Штатов и относится к шайке Ленина и Троцкого как к людям, достойным уважения.

Немногим больше энтузиазма проявил Берти относительно британской программы мирного урегулирования, заявленной Ллойд Джорджем за три дня до Вильсона и по многим пунктам совпадавшей с предложениями американцев. Основные нарекания Берти вызывало обещание британского премьер-министра решить колониальный вопрос на мирной конференции с учетом „устремлений местного населения“[1]:

8 января. Я полагаю, что премьер-министру пришлось ради поддержки со стороны Лейбористской партии [свою речь Ллойд Джордж произнес перед руководителями британских профсоюзов — *К. М.-Б.*] заявить, что судьбу захваченных германских колоний должна решать мирная конференция. Когда наступит этот момент, можно будет найти сколько угодно всяких доводов, чтобы не возвращать их Германии, но наши союзники будут ссылаться на его слова, желая получить уступки, которые немцы станут обещать, если мы, согласно нашим обещаниям, передадим вопрос о колониях на решение конференции…

10 января. Я надеюсь, что Ллойд Джордж найдет способ затушевать свои компромисс-

---

[1] Lloyd George D. British War Aims: Statement by the Right Honourable David Lloyd George, January Fifth, Nineteen Hundred and Eighteen. Authorized Version as Published by the British Government. New York, [1918].

ные заверения относительно германских колоний…

Берти сохраняет верность имперским концепциям британского могущества, характерным для XIX в., не осознавая, в отличие от Ллойд Джорджа, что изменившиеся условия требуют более гибкого подхода к решению старых проблем. Позицию Берти хорошо характеризует его комментарий к статье в „Таймс" накануне начала работы Версальской конференции:

> *14 декабря.* „Таймс" отмечает визит президента Вильсона, приветствуя его как президента Соединенных Штатов, а не как автора Четырнадцати пунктов. Касаясь инсинуации, что наши цели на Востоке эгоистичны, газета отмечает, что они не более эгоистичны, чем доктрина Монро. Мы хотим действовать в нашей части мира так же, как Америка действует в своем полушарии. Говорят, будто наш „маринизм" так же плох, как германский милитаризм, но разве так думает хоть кто-нибудь в американской армии?

Угрозу британским интересам Берти видит в стремлении Соединенных Штатов навязать свою якобы идеалистическую, а на деле — полностью соответствующую американским интересам программу мироустройства:

> *[1919 г.] 30 января.* Навязчивая идея Вильсона — это Лига Наций, построенная по его плану. Он делает эту идею привлекательной для неразмышляющих американцев, лишая Японию возможности создания морских и военных баз на Тихом океане, что, в случае если его предложение будет принято, станет, конечно, преимуществом для Соединенных Штатов. Согласиться с его предложениями в той части, которая касается южных морей и Тихого океана, означало бы отдалить Австралазию от Англии. Уступать предложениям Вильсона относительно Камеруна и Того — значит задевать Францию и наносить ущерб ее интересам, как и интересам Великобритании. С какой стати нам радоваться получению

мандата от какой-то неопределенной Лиги Наций, которая к тому же еще не создана? Что касается Германской Восточной Африки, то согласие с предложениями Вильсона стало бы непростительной слабостью. Система мандатов, подобно системе совместного владения, наверняка приведет к трениям и к краху… Я нигде не встречал предложения, чтобы Филиппины находились под суверенитетом Лиги Наций! Адмирал Майо [Генри Томас Майо — командующий Атлантическим флотом США — *К. М.-Б.*] и мистер Лансинг [Роберт Лансинг — государственный секретарь США — *К. М.-Б.*] пропагандируют идею огромного американского военного флота и столь же огромного торгового флота, чтобы захватить мировую торговлю.

Гораздо больше по душе Берти пришлись французские предложения, и на то было три основания: давняя нелюбовь к Германии, на ослабление которой направлены планы французов; любовь к прекрасной Франции, с которой он в значительной степени сроднился за годы работы в качестве посла; и, наконец, верность французскому союзнику, с которым бок о бок англичане сражались на протяжении четырех лет. Соответственно, в дневнике Берти мы встречаем следующие записи:

18 января. Фош блистателен! Если державы Антанты будут проводить в жизнь его взгляды, то все будет хорошо. Французы считают, что германская граница находится слишком близко (с точки зрения безопасности Франции) к Парижу и по соглашению 1815 г., и по договорам 1870 и 1871 гг. Франция хотела бы отбросить Германию с левого берега Рейна к самой голландской границе. Говорили, что если Франция захочет больше, чем Эльзас-Лотарингию, то мы ради этого не стали бы продолжать войну. Они не подумали об обратной стороне медали: о том, что Франция сделала для спасения Англии и своего собственного спасения. Политики обычно очень невежественны и очень близоруки.

> *18 февраля.* Фош был блистателен! …на левом берегу Рейна не должно быть германских войск, а следовательно, и германской администрации. Дальнейший вывод из этого сводится к тому, что на левом берегу Рейна, между этой рекой и Францией — в границах 1869 г. — будет буферное государство.

Окончательный вариант мирного урегулирования вызывает у Берти противоречивые чувства. С одной стороны, Берти отчетливо видит изначальную слабость Версальской системы, которая объяснялась компромиссным характером достигнутых договоренностей. Версальский мир не ликвидировал, а лишь временно затушевал основные противоречия, которые стали причиной Первой мировой войны, и, словно выступая в роли пророка, Берти предсказывает новые вооруженные конфликты, которые возникнут в результате принятия предлагаемых условий. С другой стороны, подробно перечисляя все недостатки Версальского мира, Берти признает его главное достоинство: урегулирование самого кровопролитного конфликта, который до того времени знало человечество.

> *21 апреля.* Если Германия подпишет мир в том виде, какой имеет сейчас проект договора, то это посеет семена ряда новых войн. И все это из-за того, что президент вначале слишком спешил со своей Лигой Наций, а потом настаивал на том, что осталось после ряда изменений и сокращений. Если мы предпримем решительные военные действия на суше и на море против гуннов, то они отступят, подпишут что угодно и станут трактовать предварительный мир как „клочок бумаги“, лишь только явится благоприятная возможность для этого. Поэтому нам следовало бы совместно с французами и бельгийцами занять Рейнскую область и заставить немцев оплачивать издержки по оккупации и оказывать на них финансовое давление не только, чтобы получить репарации, но и для того чтобы они возместили военные расходы…

> *2 июля.* Мирный договор мог быть хуже, но ему следовало бы быть лучше. Он мало регулирует вопросы, не касающиеся Германии.

> Договоры о взаимопомощи заключены между Америкой и Францией, а также между Англией и Францией. Они имеют в виду помощь Франции против неспровоцированного нападения, однако, если наша помощь будет зависеть от участия в ней Америки, то это портит все дело: Америка может потерять много драгоценного времени, прежде чем станет действовать, к тому же Америка находится далеко, и мы сами подвергнемся опасности, если будем медлить в момент кризиса. Италия обижается и добивается выполнения своих крайних требований.
>
> К числу крупных недостатков следует отнести Данциг, непредоставление Франции обороноспособной границы 1814 г., то, что Бельгия не получила обоих берегов Шельды, что Австрии и Венгрии не обеспечен выход к Адриатическому морю, что греков натравили на Смирну, а также колебания относительно Константинополя, проливов и султана, вместе с предложением отрезать турок от моря, лишив их порта в Средиземном море.

Версальский мир поставил точку в „великой войне“, как на Западе в то время, да и сейчас любят называть Первую мировую.

Во вступительном слове, предваряющем английское издание дневника Френсиса Берти, Бланш Гордон Леннокс, подготовившая эту публикацию, — ее по праву можно назвать первым исследователем Берти — заметила, что если бы в годы Первой мировой войны должность посла занимал кто-либо другой, результаты этого конфликта для Великобритании и Франции, вполне вероятно, были бы иными. Вряд ли можно согласиться с подобной постановкой вопроса. На протяжении полутора десятилетий, предшествовавших войне, Берти действительно был активным участником дипломатии великих держав и внес свой посильный вклад в формирование внешней политики Великобритании. После начала военных действий Берти ограничивается ролью наблюдателя; итогом этих наблюдений и становится его дневник.

Первая мировая война является важнейшим рубежом в развитии Европы, а вместе с ней и всего мира. Она стала во-

доразделом между двумя эпохами, двумя мирами, кровавой мясорубкой пройдясь по судьбам отдельных людей, целых народов и государств. Френсис Берти, лорд Берти Теймский, без сомнения, целиком и полностью принадлежал к уходящей эпохе. Вот простое и элегантное объяснение той трансформации, которая произошла с ним после начала кровопролития. Он пережил четыре года войны, пристально следил за продолжавшимися полгода переговорами о новом мире и застал еще три месяца собственно новой эпохи. И, уходя, оставил нам свой дневник.

К.В. Миньяр-Белоручев
к.и.н., доцент
2014 г.

Предисловие к первому русскому изданию

Буржуазная дипломатия до сих пор свято блюдет завет Талейрана: язык нам дан для того, чтобы скрывать наши мысли. Если бы о мировой войне 1914—1918 гг. мы судили только по правительственным нотам, декларациям и другим документам, написанным дипломатическим языком, мы никогда не добрались бы до подлинных замыслов империалистических держав. Писать о войне 1914—1918 гг. — значит заниматься разоблачениями. Если бы дипломаты всех буржуазных стран составляли одну сплоченную шайку, разоблачения были бы до крайности трудным делом. Но дипломаты разных стран, даже союзных, либо ведут прямую борьбу между собой, либо, под видом дружбы, непрерывно интригуют друг против друга. Это значительно облегчает дело разоблачения империалистической войны, и сопоставление различных дипломатических документов уже во время самой войны, а в особенности после нее, пролило достаточно яркий свет на истинные причины и цели войны и на подлинных ее виновников.

Лорд Берти всю свою жизнь был человеком, который по должности скрывал свои мысли. Во время войны он занимал ответственный пост британского посла во Франции. Ему известны были если не все, то очень многие сокровенные планы союзных держав. Во всех своих публичных выступлениях он, конечно, беспардонно лгал, как и полагается старому заслуженному дипломату Британской империи. Но у себя дома, в уединении кабинета, лорд Берти сбрасывал маску и

писал дневник языком, который не скрывает мыслей. Тут он позволял себе писать то, что он действительно думал.

Но не следует преувеличивать предела и объема этой откровенности. По определению Козьмы Пруткова, „камергер редко наслаждается природой“. Еще реже камергер способен наслаждаться чистой и беспощадной правдой — даже в интимном дневнике. Высокопоставленные государственные мужи пишут дневник в расчете на „суд истории“ или „суд потомства“. Но эта история и это потомство, в представлении автора дневника, — все тот же избранный круг „камергеров“. Только их отзыв интересует автора даже в посмертном его произведении. Лорд Берти допускал, что его дневник будет иметь сенсационный успех в аристократических клубах Лондона и вызовет негодование в дипломатических канцеляриях разных стран. Но лорд Берти не позволил бы себе таких записей в дневнике, которые отразились бы на его репутации джентльмена, члена Палаты лордов, аристократа и сановника. Лорд Берти может записать в своем дневнике, что Италия, Румыния и Соединенные Штаты — все это продажные страны; он приведет такие факты, которые покажут, что и Франция не без греха в этом отношении. О царской России, а тем паче о Германии и Австрии, и говорить нечего: лорд Берти не щадит их. Но он ни за что не назовет войну „грабительской“ и не зачислит Великобританию в разряд торговцев кровью, народами и землей. „Потомство“ не простило бы ему этого. Есть вещи, которых не говорят в приличном буржуазном обществе, не говорят даже ночью, наедине с самим собой, в тиши кабинета, поверяя свои тайны дневнику. Лорд Берти остается верен себе даже в минуту откровенности, представляя собой классически чистую фигуру английского дипломата довоенной эпохи. Такие фигуры начинают исчезать. Личная судьба лорда Берти отразила перемены, происшедшие в буржуазной политике со времени войны. Лорд Берти до войны с честью занимал свой ответственный пост британского посла во Франции. Он был доволен, и им были довольны. Во время войны у лорда Берти начались трения с английским Министерством иностранных дел. Он был недоволен английской политикой, и им были недовольны. А к концу войны, после присоединения к

союзникам Соединенных Штатов, ко времени начала мирных переговоров, лорд Берти оказался и совсем неудобен. Он был отозван как раз тогда, когда должна была развернуться по-настоящему его дипломатическая деятельность. Здесь источник его уязвленности и фронды. А когда сановник брюзжит и фрондирует, он легко может сказать больше того, чем полагается по служебному и кастовому его положению. Это и делает любопытным дневник лорда Берти. Но прежде чем говорить о дневнике, попробуем по материалам его набросать в самых общих чертах портрет его автора.

Вся деятельность лорда Берти относится к золотому „викторианскому“ веку английской политики и дипломатии. Символ веры английского дипломата этой эпохи прост и несложен. Он отвечает сравнительной простоте английской экономики. Англия — бесспорно самое могущественное, самое богатое и самое передовое государство земного шара. Англия и наиболее независимая держава. Она может сверху вниз смотреть на европейские континентальные дела и делишки. Все государства могут существовать только союзами. Англия не хочет брать на себя никаких далеко идущих обязательств и сторонится от всяких чересчур тесных союзов. Азия — безусловно британское владение, и всякое посягательство со стороны царской России, Германии и даже Франции есть беспардонная наглость. В самой Англии могут меняться кабинеты — консервативный, либеральный, — но ее внешняя политика в основах своих неизменна. Политика внутренняя еще менее сложна. Парламентское большинство всемогуще. Борьба буржуазных партий проходит в спокойном русле парламентской жизни, закованной в гранит конституции [неписаной — *К. М.-Б.*]. Рабочие — полезные граждане страны, но понятия классовой борьбы, революции, социализма не заслуживают того, чтобы на них останавливался серьезный и уважающий себя джентльмен. Мораль так же проста, как и политика. Добро — это то, что совпадает с интересами английского империализма. Зло — это то, что им противоречит. Отсюда — оптимизм английского дипломата, его циничный эгоизм и грубоватая самоуверенность.

Надо заметить, что в этой идеологии и психологии появились чувствительные бреши уже перед войной. Соответ-

ствовали эти бреши переменам, которые претерпела английская экономика. Неоспоримому господству Англии на мировом рынке пришел конец. Соединенные Штаты и Германия стали претендовать на первое место. Не сдавая еще самоуверенного вида, английская политика начала проявлять некоторую тревогу. Врагов и друзей приходилось расценивать несколько по-иному. Лорд Берти, в качестве посла, пребывал еще в безмятежном покое, когда виконт Грей, в качестве министра, уже посулил царскому правительству Константинополь — на случай, если произойдут осложнения. Это было серьезное отступление от английской традиционной политики.

Война нанесла смертельный удар прежним империалистическим позициям Англии. Англия не только не могла диктовать миру свою непреклонную волю, но должна была сесть на одну скамью с Францией и Италией и покорно писать то, что диктовали Соединенные Штаты. Во внутренней политике перемена была не менее разительна. Парламент оказался далеко не всемогущим. Рабочие показали, что они не только полезные, но подчас и очень требовательные, и потому беспокойные граждане. Над понятиями классовой борьбы должны были призадуматься весьма почтенные консервативные и либеральные головы, и результатом объединений буржуазных партий против рабочего класса явилась идея коалиции как средства парализовать самостоятельное выступление пролетариата. Словом, и во внешней, и во внутренней политике потребовалась от английских буржуазных политиков такая гибкость и изворотливость, каким старая дипломатическая школа не учила. Наиболее ярким типом нового политика явился Ллойд Джордж. Он лучше других приспособился к политике компромисса, двустороннего надувательства, лицемерных и двусмысленных формул, подписывания дутых векселей. Лорд Берти к этой политике приспособиться не мог. Поэтому „его ушли“.

Это придает особые черты литературной физиономии лорда Берти. Он, несомненно, „твердолобый“ — по современной терминологии. В наши дни он занимал бы с достоинством место на крайней правой английского парламента, рядом с господами типа Локера-Лемпсона [Оливер Локер-Лемпсон — британский политический деятель, член Палаты

общин британского парламента, представитель Консервативной партии, известный своими крайне правыми, антисоветскими и антикоммунистическими взглядами — *К. М.-Б.*] или графа Биркенхеда [Фредерик Эдвин Смит, граф Биркенхед — британский политический деятель, член Палаты общин, затем — председатель Палаты лордов британского парламента, министр по делам Индии, представитель Консервативной партии — *К. М.-Б.*]. Но он по-своему честен. В дневнике он не гримасничает. Лига Наций для него вздор, и он не скрывает презрения к этой „мертворожденной выдумке“. Он справедливо издевается над „мандатами“, которые должны замаскировать прямой захват колоний, народов и государств. Он живет традициями гордой державной английской политики, которая не нуждалась в мелком мошенничестве и не должна была притворяться на каждом шагу. Вот почему в дневнике своем лорд Берти срывает фиговые листки с новейшего английского империализма и называет иные вещи такими своими именами, которые мы привыкли встречать только на страницах радикальной и даже революционной печати. Многим характеристикам лорда Берти, при всей их грубоватости, нельзя отказать в меткости. Такова, например, в частности, характеристика Уинстона Черчилля, которого Берти считает неумным, грубым, вульгарным и „импульсивным“ политиком.

Читатель не найдет в дневнике лорда Берти сенсационных разоблачений. То, что он рассказывает об отношениях между союзными державами, о воздействии на нейтральные государства, о целях войны и т. д., — в общем известно по ряду работ, опубликованных после войны. Ценность дневника — в его бытовой стороне. Мы попадаем на адскую кухню, варившую формулы войны и мира, и узнаем секреты буржуазной дипломатической стряпни. Лорд Берти — один из поваров. Он добросовестно защищает свои взгляды и свое дело. Но благодаря своему дневнику он неожиданно для себя превращается из свидетеля защиты в свидетеля обвинения и подтверждает позицию тех, кто говорит о грабительском происхождении и характере империалистической войны.

Конечно, для лорда Берти, когда он выступал во фраке на торжественных приемах, когда он давал интервью журналистам и принимал у себя в посольстве членов английской „независимой рабочей партии“, война со стороны Англии, это — священная война за права и свободу народов, за соблюдение международных договоров и т. п. Лорд Берти так привык к этим формулам, к этому лживому политическому жаргону, что даже в дневнике называет Вильгельма не иначе, как „повелителем гуннов“. Согласно официальной патриотической формуле, Англия никаких „собственных интересов“ в войне не преследовала и выступила только потому, что Германия грубо нарушила международные договоры и вторглась в нейтральную Бельгию. Но вот еще до того, как произошло это посягательство на права малых и нейтральных народов, в первые же дни войны лорд Берти записал в дневнике:

У нас, мне кажется, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?

Дипломата-практика интересовали в первую очередь не причины войны, не вопрос о виновности тех, кто начал войну (лорд Берти приписывал „начало“ столько же Германии, сколько и царской России), а вопрос об исходе войны, о расплате по счетам. Лорд Берти, не без основания, боялся, что Англию могут обойти при дележе добычи, если она заблаговременно не вмешается. И он стоял за немедленное вмешательство, торопил английский кабинет, даже нервничал.

— Мне так тяжело на душе и так стыдно, — пишет он 2 августа.

Через два дня он уже не стыдился. Германия представила Англии удобный повод для вмешательства в войну. Право на участие в дележе добычи было обеспечено.

Во время войны работа союзнической дипломатии шла главным образом в двух направлениях. Во-первых, надо было втянуть в войну возможно больше нейтральных государств, а во-вторых, поддерживать дружеские отношения

между союзниками. И то и другое было делом нелегким. В зависимости от колебания военных успехов колебались и успехи дипломатические. В общем генералы указывали дорогу дипломатам, но далеко не всегда. Бывали случаи, когда дорогостоящие кровопролитные выступления предпринимались единственно для того, чтобы подкрепить аргументацией оружия недостаточно убедительную аргументацию дипломатических нот. Поучительна история вовлечения в войну Румынии. Лорд Берти откровенно рассказывает о том, как союзники вымогали у царской России наступление на Южном фронте, с целью подействовать на колебавшуюся Румынию.

Капиталистическая и социал-соглашательская печать на все лады пела о высоких задачах культуры и цивилизации, во имя которых Италия, Румыния, Греция, Болгария и другие страны должны непременно присоединиться к Антанте. А лорд Берти прямо и цинически просто поставил вопрос в дневнике:

> Когда же итальянцы найдут момент достаточно благоприятный, чтобы продаться?

И тут же заметил с ядовитой улыбкой:

> Каково представить себе Россию спасительницей цивилизации!

Действительно, о защите культуры и цивилизации лорд Берти предоставлял говорить другим. Сам он откровенно говорит о продажности и торге. Входя „за кулисы Антанты“, мы попадаем прямо на базар. Нейтральные государства не хотели дешево продаваться и проявляли хищнические аппетиты. Маленькие правительства, зная, что в них нуждаются, выступали как империалисты своего угла, своего околотка. Особенно повысили они цену на жизнь и кровь своего народа, когда выяснилось, что война затягивается. Примирить все противоположные интересы, насытить все жадные рты было нелегко, даже невозможно. Любопытны признания лорда Берти, что для подкупа Болгарии и Греции великие державы готовы были принести в жертву даже Сербию — ту самую Сербию, из-за которой была начата война и о страданиях которой говорили не иначе, как с трагическим пафо-

сом. Чтобы привлечь на свою сторону Румынию, лорд Берти готов был преподнести ей за счет России Бессарабию, и это была не только личная мысль лорда Берти. История румынского грабежа имеет свою предысторию, на которую дневник лорда Берти проливает некоторый свет. Не лишен интереса отзыв Берти о Соединенных Штатах в тот период, когда они еще соблюдали нейтралитет.

Американцы — прогнившая шайка жуликов, распевающих псалмы и гоняющихся за барышами.

Скупить нейтральных было трудно, потому что нейтральные, претендуя на непомерно большие части добычи, в то же время косились на вооруженные силы Австро-Германии и взвешивали риск запродажной сделки. Но основная трудность была не в этом, а в том, что не могли поладить между собой главные державы Антанты. Дневник лорда Берти очень хорошо вскрывает истинную физиономию этого союза империалистов. Франция, Англия и Россия взаимно друг другу не доверяли и друг друга боялись. Вопрос о дележе добычи стал уже с первых дней войны. Выступая против „общего врага“, империалистические правительства ревниво и зорко следили друг за другом. В марте 1915 г. сэр Грей заявляет Камбону [Поль Камбон — посол Франции в Великобритании — *К. М.-Б.*]:

Но вы ведь не станете требовать от меня признания Александретты за часть Сирии?

Народам толковали, что они должны проливать кровь для защиты отечества, для спасения цивилизации, а в это время за кулисами шел цыганский торг из-за новых территорий и колоний.

Особый интерес представляет вопрос о Константинополе. Англия и Франция пользовались им в своей игре с царским правительством. Формально они признали права России на Константинополь, но дневник лорда Берти превосходно иллюстрирует цену этого формального признания. Константинополь попеременно бывал то реальной премией, когда дела на фронте поправлялись, то туманным обещани-

ем, когда дела шли хуже. Сам лорд Берти, выражая мнение правых империалистических кругов Англии, был решительно против того, чтобы царская Россия уселась на проливах. Русское правительство чувствовало, что „дорогие союзники“ готовы предать Россию при первом удобном случае, и принимало свои меры. Лорд Берти дает по этому поводу полную волю своему раздражению. Его отзывы о союзной России нисколько не мягче, чем о вражеской Германии. Любопытная деталь: русские националисты, распинавшиеся во время войны за „Царьград“, примчались сейчас же после русской революции в Париж к лорду Берти и отреклись от „исторической миссии“ водружения православного креста на соборе Софии. Маклаков уверял английского посла, что русские кадеты и не думали всерьез о Константинополе. Этой ценой покупалась интервенция.

Об английских притязаниях лорд Берти говорит в дневнике с похвальной откровенностью и грубой простотой. Он передает, например, любопытный разговор с Ллойд Джорджем о Палестине. Как известно, Англия разыграла в этом вопросе грубейший фарс. Палестина была якобы предоставлена евреям в виде возрождаемой под протекторатом Англии их „древней родины“. Еврейские националисты шумно рекламировали бескорыстие английского правительства. Теперь это дело прошлое, и Англия в Палестине не церемонится больше ни с евреями, ни с арабами, ни с Лигой Наций. Но уже в 1917 г., в разгар трескучей декламации о мирных и возвышенных целях Антанты, Ллойд Джордж говорил лорду Берти:

...французам придется примириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там...

Лорд Берти пожелал уточнить эту мысль вопросом:

— В таком случае, — сказал он, — вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки?..

— Да, — сказал Ллойд Джордж.

Собираясь обеспечить за собой более лакомые куски добычи, державы Антанты и относились друг к другу как хищники. Объединяла их общая опасность. Но едва прохо-

дил критический момент, как снова побеждали собственные интересы каждой из объединившихся держав. Отсюда взаимные упреки и подозрения. Во Франции росло недовольство против Англии, которая упорно не хотела расширять свой фронт на западной границе и из своих собственных видов всячески противилась более тесному привлечению Японии к военным действиям. Англия не хотела усиления Японии и раздела с нею добычи. Любопытны в дневнике лорда Берти страницы, освещающие закулисную сторону Дарданелльской и Салоникской экспедиций. И та и другая, как известно, были неудачны. И та и другая диктовались больше политическими, чем военными соображениями. В Дарданеллах были заинтересованы больше англичане, в Салониках — французы. Когда выяснилось, что дело и здесь затягивается на долгое время и требуются новые силы, английское командование стало саботировать салоникский фронт, а французское — дарданелльский. Разногласия приняли довольно острый характер, и обе стороны с полным основанием обвиняли друг друга в эгоистических, направленных к захвату объектов будущей добычи, наклонностях.

С особенной ненавистью относится лорд Берти к послереволюционной России. Он не доверял и царскому правительству. Мысль о возможном усилении России в Азии не давала ему покоя. Он вел активную кампанию против уступки Константинополя. Россия была для него страной пушечного мяса — не больше. С высокомерием и презрением английского аристократа он сначала не допускал и мысли о возможности в России революции. Затем он стал молиться господу богу о том, чтобы такая революция совершилась. Царь оказался плохим поставщиком русского народного мяса для английского империализма. Лорд Берти поверил, что революция, оставив в неизменности поставку, выдвинет лучших, более исправных мясников. Но каковы были его разочарование и ярость, когда вскоре выяснилось, что „мясо" взбунтовалось и не желает отдавать себя на убой. „Сволочь! Сволочь! Сволочь!" — другого слова нет у лорда Берти для русского пролетариата, и он мечтает о кровавой расправе с большевиками.

Беспомощная брань английского лорда доставит нашему читателю несколько веселых минут. Но любопытна не эта

брань. Любопытно то, что лорд Берти скоро утешился. Он не примирился, конечно, с большевиками. Напротив, он нападает на свое правительство за то, что оно вступило в переговоры с Советской властью и признало ее де-факто. Но лорд Берти и в Октябрьской революции открыл положительную для себя сторону. Это — распад бывшей Российской империи, уход со сцены старого и опасного соперника Англии в Азии. Лорд Берти пишет:

Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные народы православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., *и сколько бы их ни удалось сфабриковать* [*Д.З.*], то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами.

Эти слова — а их лорд Берти повторяет неоднократно — проливают яркий свет на причины той страстной ненависти, с какой английская империалистическая буржуазия относится к Советскому Союзу. Большевиков официально обвиняют в том, что они „разрушили“ Россию. Пустое обвинение! Чистейшая фальшь! Лорд Берти охотно примирился бы с Русской Советской Республикой в пределах московской княжеской Руси. Английское правительство на свободе *фабриковало бы* разные „независимые“ государства в Средней Азии, на Кавказе, даже на Волге, по образу и подобию „независимых государств в Месопотамии“. Мог ли мечтать английский империализм о столь блестящем исходе войны и революции?

Но вот это и сорвалось. Российская империя действительно распалась, но на ее месте возник могучий Союз Советских Республик. „Магометанские ханства“ и „кавказские княжества“ превратились в республики, вопреки всяким ухищрениям насадить там ханов и князей. Фабрикация новых государств должна была ограничиться Эстонией и Латвией. Фабрикация „независимой Украины“ с собственным ханом или гетманом не вышла. Отсюда — furor britannicus [британская ярость (*лат.*) — *К. М.-Б.*].

Лорд Берти оказался плохим пророком. Он не понял того, что произошло в России, как не понимал и того, что происходит вокруг него самого. Он отмечает в своем дневнике рост усталости и недовольства войной в народных массах. Он слышит требования — точно определить цели войны и условия мира. Но с прямолинейностью „твердолобого“ консерватора он не видит необходимости более сложных и тонких приемов обмана масс. Он не понимает того, что на определенной стадии лозунги „справедливого мира“, „Лиги Наций“ и т. п. необходимы как средство для отвлечения внимания рабочего класса от подлинного характера войны. В дневнике своем лорд Берти беспощадно издевается над Вильсоном, над пацифизмом, над лживыми формулами мира, над Лигой Наций. Все это верно, и ценные признания лорда Берти показывают, что империалистическая буржуазия никогда не заблуждалась относительно истинной сущности пацифистских погремушек. Но они были нужны для одурачивания народных масс, и лорд Берти был недостаточно изворотливым акробатом. Для этого требовались либеральные и демократические политики, даже с „социалистическим“ стажем. Политика требовала взять курс налево, и временно в лоцманы империалистического судна призывались вожди рабочих партий и Второго интернационала. Старые и молодые дипломаты служили одним и тем же интересам. Поистине классический характер имеет беседа английского зубра лорда Берти с „социалистом“ Тома накануне конференции союзнических социалистов в Париже. С точки зрения лорда Берти, это, конечно, „глупости“ но, увы, этим „глупостям“ нельзя помешать.

Непосредственно перед тем, — пишет лорд Берти, — я виделся с Тома, который выехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему:

— Надеюсь, что вы помешаете им делать глупости.

— Я попытаюсь, — был его ответ.

Лорд Берти вынужден был уйти. Он не умел так хорошо лгать и притворяться, как Тома. Ныне лорд Берти был бы снова у власти.

Д. Заславский
1927 г.

Предисловие к английскому изданию*

Готовится к изданию личный дневник, который лорд Берти вел в годы войны. Он был представлен в Министерство иностранных дел, из чего можно сделать вывод, что книга не будет содержать ничего, что шло бы вразрез с общественными интересами. Сам я не имел возможности ознакомиться с дневником, но в силу того, что Берти являлся послом в Париже во время войны, а также на протяжении многих лет до ее начала, не вызывает сомнений, что он хорошо знал, что происходило во Франции до начала войны и во время нее, и прекрасно представлял себе политику и позиции правительств Великобритании и стран-союзниц. По всей вероятности, в дневнике нашли отражения характерные черты и личные взгляды автора.

Поскольку из тринадцати лет, на протяжении которых Берти являлся послом в Париже, одиннадцать лет я занимал пост министра иностранных дел, меня попросили что-нибудь сказать о его личности и о его работе.

Мое первое знакомство с Берти состоялось с 1892 по 1895 г., когда я был заместителем министра иностранных дел, а он занимал важную должность в министерстве. В тот период он произвел на меня впечатление человека, обладающего острым умом, резкостью суждений и твердостью убеждений. Существует традиция писать пространные и подробные аналитические записки, в которых содержатся важ-

---

* Перевод К.В. Миньяр-Белоручева.

ные материалы, позволяющие руководителям принять решение, но после прочтения которых остаются сомнения, имеет ли автор доклада собственное мнение по данному вопросу. Ни у кого никогда не оставалось сомнений, какую позицию занимал Берти по рассматриваемому вопросу. Он не стремился подкреплять свое мнение пространными рассуждениями, но всегда было ясно, что его мнение основано на здравом смысле и прекрасном понимании предмета обсуждения. Вне зависимости от того, принималась ли его позиция в качестве окончательной и исчерпывающей, было всегда очевидно, что с указанной позицией необходимо считаться и ее нельзя просто так отбросить в сторону.

Когда я вновь оказался в Министерстве иностранных дел в 1905 г., Берти был послом в Париже. Его работа и репутация, которую он себе создал во французской столице, были очень ценны для нашей страны. Сложно переоценить его личный вклад на этом важном и ответственном посту в сохранение англо-французского „согласия“ на протяжении трудных и опасных лет.

Часто говорят, что одним из качеств, которыми должен обладать посол, является такт. Берти обладал более важным качеством. У него был исключительный талант внушать к себе доверие. Все государства и правительства с подозрением относятся друг к другу; не является исключением и Франция. В Париже легко находят поводы для подозрений и столь же легко их используют; быть может, гораздо легче, чем это происходит в других столицах. Иностранному дипломату в Париже непросто внушить к себе доверие; но если это ему удалось, со временем ему начинают по-настоящему доверять, и это доверие оказывается щедрым и искренним. Именно такую репутацию Берти создал себе во французской столице. Все министры и другие официальные лица, с которыми он общался в Париже, знали, что он предан делу Антанты, и чувствовали, что он желает их стране блага. Таким образом, он имел возможность представлять позицию своего правительства и открыто выражать собственное мнение, не нанося никому обиды, даже если мнение, которое он выражал, не совпадало с официальной позицией правительства

или не соответствовало настроениям тех, кому он это мнение высказывал.

Он никогда не делал вид, что согласен, если в действительности согласен не был. Он мог выразить свое несогласие ироничным вопросом, причем делал это гораздо резче, чем если бы просто сказал „нет“; и зачастую это оказывалось гораздо более эффективным способом изменить позицию тех, с кем он был не согласен. Друзья называли его Frank Bertie [Фрэнк Берти — Честный Берти], что отражало как его имя, так и основные черты характера. По своим взглядам и мировоззрению Берти был англичанином до мозга костей, а англичане с не меньшей готовностью, чем представители других наций, замечают слабые стороны других народов. Берти быстро замечал подобные слабые стороны и наслаждался своей наблюдательностью, но не ограничивался этим. Он брал на себя труд разобраться в увиденном, а разобравшись, обращал внимание на достоинства в равной степени, как и на недостатки. Берти мог говорить резкие вещи, которые подчас граничили с грубостью, но при этом давал понять человеку, которому это говорил, что перед ним друг, который находится на его стороне. Подобные качества делали его неоценимым в качестве посла в Париже. В Министерстве иностранных дел в Лондоне были уверены, что пока он находится в Париже, дружественная политика по отношению к Франции будет проводиться наиболее эффективным и последовательным образом.

Он не питал иллюзий; вероятно, быть неподвластным иллюзиям значит не только быть неподвластным чувствам, но и быть в некотором роде идеалистом. У Берти не хватало терпения на то, в чем он не видел практической пользы, но ради того, в чем он подобную пользу видел, Берти готов был трудиться не покладая рук; подобная черта не дает превратиться в циника. Для него было важно, чтобы политика была направлена на достижение благих целей; в союзе с Францией Берти не только видел практическую пользу, но также был уверен, что избранный курс является наилучшим для нашей страны, для Франции и для Европы в целом.

Это всего лишь самые общие заметки, гораздо больше могут сказать те, кто регулярно общались с Берти и были его

близкими друзьями. Но и этого достаточно, чтобы продемонстрировать тем, кто его не знал, что этот человек обладал редкими личными качествами, позволившими ему на посту, который он занимал в течение столь длительного времени, приносить неоценимую пользу.

Он никогда не пытался избежать ответственности или критики и никогда не стремился к известности и славе. Те, кто работал вместе с ним, навсегда запомнили его как человека, который сохранял лучшие традиции службы своей стране. Я, со своей стороны, хочу отдать дань его памяти и выразить благодарность за его советы и поддержку.

Эдуард Грей,
виконт Фалладон
1924 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АНГЛИЙСКОГО РЕДАКТОРА*

После кончины лорда Берти в 1919 г. мне перешла вся его личная и политическая переписка, ее хранение и дальнейшая судьба были переданы на мое усмотрение. Эти документы, охватывающие почти пятьдесят лет, которые лорд Берти провел на службе своей стране в Министерстве иностранных дел, а позднее — в качестве посла в Риме и Париже, имеют огромный интерес, но прошло слишком мало времени, чтобы их можно было публиковать. Тем не менее, на мой взгляд, существует принципиальное отличие между официальными бумагами и личным дневником, который лорд Берти вел в Париже в годы Великой войны. В своем дневнике автор выражает только личное мнение, зачастую в характерной для него резкой манере. Дневник воссоздает день за днем картину жизни в столице нашего главного союзника, жизни, в которой чередовались надежда и страх, отчаяние и вера.

В эти опасные и тревожные дни на каждой странице дневника мы встречаем непоколебимую уверенность лорда Берти в грядущей победе и его непрекращающиеся усилия по борьбе с пораженческими и примиренческими настроениями, где бы они ни проявлялись — вот что наиболее ценно в его дневнике. На протяжении многих лет он видел неотвратимое приближение конфликта и понимал, что в этой

---

* Перевод К.В. Миньяр-Белоручева.

войне Англии нужна лишь полная победа. Если бы должность посла Великобритании в Париже занимал не он, а кто-либо менее решительный, итог войны для наших двух стран вполне мог бы оказаться иным.

В апреле 1918 г. болезнь, которая в следующем году станет причиной его кончины, заставила лорда Берти завершить свою дипломатическую миссию. Он уехал из Парижа в июне, когда германские армии предприняли последнюю попытку решить исход войны в свою пользу. После возвращения в Англию, несмотря на постоянно ухудшающееся здоровье, он продолжал вплотную следить за международными событиями, и я сочла возможным включить в данное издание заметки, которые он делал в последующие месяцы вплоть до подписания мира.

Я выражаю признательность Эдуарду Грею (виконту Фалладону), Роберту Крю-Милнсу (маркизу Крю), сэру Уильяму Тиреллу, а также другим сотрудникам Министерства иностранных дел, которые оказали мне существенную помощь и дали важные советы.

Особую благодарность хочу высказать Эдмунду Фицалану-Говарду (виконту Фицалану), душеприказчику лорда Берти, за его верную дружбу и мудрые советы.

Бланш Гордон Леннокс
1924 г.

ЗА КУЛИСАМИ АНТАНТЫ
ДНЕВНИК БРИТАНСКОГО ПОСЛА
В ПАРИЖЕ
1914—1919

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Июль—август 1914 г.

26 июля. Сегодня я должен был уехать в Мартиньи*. Я условился об этом с Греем** и предполагал вернуться в случае кризиса. После появления австрийской ноты я отказался от поездки. Трудно поверить, что российское правительство ввергнет Европу в войну ради того, чтобы выставить себя в роли покровителя сербов. Если бы у австрийского правительства не было доказательств участия сербских властей в заговоре против жизни эрцгерцога***, оно не обратилось бы к сербскому правительству с такими строгими требованиями, какие мы видим в австрийской ноте[1]****. Россия выступает в роли покровительницы Сербии; какие она имеет для этого основания, кроме лопнувшей претензии, будто она по праву является покровительницей всех славян? Что за ерунда! И она ожидает, что Франция и Англия поддержат с оружием ее нынешнюю позицию. Английское общественное мнение никогда не согласится санкционировать такую политику, но, к несча-

---

* Мартиньи — курорт на юге Швейцарии в кантоне Вале. (Здесь и далее — постраничные комментарии К.В. Миньяр-Белоручева).

** Эдуард Грей (1862—1933) — министр иностранных дел Великобритании (1905—дек. 1916), посол Великобритании в США (1919—1920), представитель Либеральной партии. В 1916 г. получил титул виконта.

*** Франц Фердинанд (1863—1914) — австрийский эрцгерцог, племянник и наследник императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I (1848—1916). Убит 28 июня 1914 г. в Сараево членом сербской организации „Млада Босна“ (Гаврило Принцип), что послужило формальным поводом для начала Первой мировой войны.

**** Здесь и далее в квадратных скобках приводятся примечания к первому русскому изданию (см. после текста со с. 360).

стью, мы можем быть втянуты в войну в случае неудач французского оружия, чтобы предупредить уничтожение Франции.

На бирже вчера была паника; последняя французская рента, выпущенная совсем недавно по 91, упала до 85. Все настроены очень нервно.

27 июля. Я не могу поверить в возможность войны, если только Россия не хочет ее. Военная партия в Германии, быть может, и считает настоящий момент более благоприятным для Германии, чем более поздний, когда завершатся реформы русской армии и постройка стратегических железных дорог, ведущих к русско-германской границе, но я не думаю, что германский император* и его правительство *желают* войны. Однако если российский император станет поддерживать абсурдные и устаревшие претензии России на роль покровительницы всех славянских государств, как бы плохо они ни вели себя, это может привести к войне. Германия обязана будет поддержать Австрию, а Франция должна будет помочь России. Что опасно сейчас — это военная лихорадка среди населения Германии. Здесь не чувствуется военное настроение. Сегодня или завтра здесь ожидается возвращение Извольского**, а он не является проводником мира.

Асквит*** говорит, что все зависит от позиции России.

28 июля. Биржа продолжает оставаться в угнетенном состоянии. Вчера вечером здесь происходили социалистические демонстрации против войны вообще, но полиция, всюду появлявшаяся в большом количестве, рассеяла бунтовщиков. Заметно сильное нервное возбуждение, но нет народных

---

* Вильгельм II (1859—1941) — последний германский император и король Пруссии (1888—1918). Представитель династии Гогенцоллернов, по матери — внук Виктории, королевы Великобритании (1837—1901). Отрекся от престола 9 ноября 1918 г. вследствие Ноябрьской революции, основной причиной которой было поражение Германии в Первой мировой войне. Остаток жизни провел в изгнании в Нидерландах.

** Александр Петрович Извольский (1856—1919) — министр иностранных дел России (1906—1910), посол России во Франции (1910—май 1917).

*** Герберт Генри Асквит (1852—1928) — премьер-министр Великобритании (1908—1916), лидер Либеральной партии (1908—1926). В 1925 г. получил титул графа.

демонстраций в поддержку войны, как в Берлине. Здесь уверяют, что сербский вопрос — дело рук Германии, настоящий германский заговор. Извольский сказал Гренвилю*, что война неизбежна, притом из-за ошибки Англии, не объявившей о своей солидарности с Францией и Россией или, вернее, с Россией. Россия уступила и подверглась унижению в 1909 г. по вопросу о Боснии и Герцеговине[2], потому что тогда ее армия не могла воевать; теперь она может. Этот человек нанесет здесь немало вреда, разжигая военные настроения. Если начнется война, то мы можем оказаться втянутыми в нее, притом, быть может, слишком поздно для того, чтобы предотвратить военный разгром Франции. Сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться, и было бы трудно убедить британское общественное мнение в необходимости нашего вмешательства. Если суждено быть *общеевропейскому конфликту*, то приходится сожалеть, что нынешний спор неспособен заинтересовать нас в самом начале, так как именно в начале войны наша помощь представила бы наибольшую ценность, тогда как позднее она не заслужит благодарности и, вероятно, принесет мало пользы Франции.

29 июля. Сейчас больше надежд на сохранение мира между великими державами. Россия и Австрия намерены вести переговоры. Однако если Россия начнет мобилизацию, то Германия сделает то же самое — и тогда? Через Париж проходит большое количество солдат, направляющихся в свои части; происходит переброска частей на восток и на юг из окрестностей Парижа и с запада. Железнодорожные станции и мосты находятся под охраной, осуществляются последние приготовления к мобилизации.

7 часов вечера. Последние сведения менее благоприятны, чем утренние. Австрия не желает вести переговоры в Петербурге с Россией. Германия отказывается присоединиться к намечаемому в Лондоне совещанию между Англией, Францией и Италией, посвященному выработке плана о

---

* Гренвиль Джордж Левесон-Гоуэр, граф Гренвиль (1872—1939) — британский дипломат, атташе посольства Великобритании во Франции (1913—1916), посол Великобритании в Бельгии (1928—1933).

том, как избежать войны, и в настоящее время Германия не согласна осуществлять посредничество между Австрией и Россией. Русское и французское правительства, а также и итальянское утверждают, что мы, и только мы, можем предотвратить войну, объявив, что будем поддерживать Россию и Францию, так как в таком случае немцы тотчас же окажут давление на Австрию с целью умерить ее пыл. Германия с ужасом думает об ущербе, который мы смогли бы нанести ей, прервав снабжение по морю. По суше она ничего не сможет получить из России и Франции, лишь немного из Австрии, которой самой будет нужен весь свой хлеб, и очень немного из остальных стран, как Швейцария, Бельгия, Голландия, Швеция и Норвегия.

30 июля. Вероятность начала войны сейчас равна вероятности сохранения мира. На нас смотрят как на решающий фактор. Итальянцы предлагают, чтобы Италия и мы оставались в стороне. Плохая сделка для французов! Я написал Грею о господствующем здесь взгляде, что мир между великими державами зависит от Англии; что если Англия объявит о своей поддержке Франции, то войны не будет, так как Германия не пойдет на риск лишиться поставок по морю из-за действий британского флота. Но местная общественность не понимает и не считается с тем, как трудно британскому правительству объявить о поддержке России и Франции по такому вопросу, как австро-сербский конфликт. Франции следовало бы оказать давление на российское правительство, дабы умерить его пыл. Если бы мы гарантировали сейчас вооруженную поддержку Франции и России, то Россия стала бы более требовательной, а Франция пошла бы за ней по пятам. Газеты, но пока еще не общественность, становятся воинственными. Биржа фактически закрыта, а Банк Франции готовит выпуск банкнот в 20, 10 и 5 франков — между тем у окошек банка стоят очереди из людей, требующих обмена банкнот на звонкую монету. Чиновники со всей возможной предупредительностью выполняют обязательства банка по выдаче металлических денег, золота или серебра, в обмен на банкноты.

31 июля. Когда министр иностранных дел вызвал меня сегодня вечером, то я думал, что он намерен дать ответ

французского правительства на предложение, которое я передал сегодня утром, касающееся формулы соглашения между Австрией и Россией. Когда я прибыл в министерство, у г-на Вивиани* сидел германский посол**, и я вошел к министру тотчас же после отъезда посла. Под влиянием только что полученного сообщения г-н Вивиани, естественно, был в крайне нервном состоянии и забыл о теме, ради которой он меня пригласил. Г-н фон Шён не мог сказать, когда истечет срок ультиматума, предъявленного России[3]. Немцы, очевидно, хотят ускорить ход событий и не дать России возможности подготовиться. Г-н фон Шён послал прощальное письмо президенту республики.

Вчера видел Пуанкаре***. Он хочет, чтобы Асквит заявил о поддержке Франции; он уверен, что это предотвратит всеобщую драму.

Я боюсь, что шансы на сохранение мира уменьшаются. В то время, как в Вене происходят так называемые дружеские переговоры, немцы на французской границе ведут активные приготовления к нападению. Здесь все ожидают, что Англия „исполнит свой долг“, однако австро-сербский спор плохой повод для объявления солидарности с Францией.

Витте**** сказал одному моему знакомому и соседу, что он против войны, так как Россия недостаточно подготовлена и население ее не находится в состоянии покоя и удовлетворения; по его мнению, России, ее армии, железным дорогам и финансам нужно еще три года, прежде чем вступать в войну. Извольский на всех перекрестках заявляет, что Россия

---

* Рене Вивиани (1863—1925) — премьер-министр (июнь 1914—окт. 1915), министр иностранных дел (июнь—авг. 1914, окт. 1915), министр юстиции (окт. 1915—сент. 1917) Франции.

** Вильгельм фон Шён (1851—1933) — барон, министр иностранных дел Германии (1907—1910), посол Германии во Франции (1910—авг. 1914).

*** Раймон Пуанкаре (1860—1934) — премьер-министр (янв. 1912—янв. 1913, 1922—1924, 1926—1929), министр иностранных дел (янв. 1912—янв. 1913, 1922—1924), президент (1913—1920) Франции.

**** Сергей Юльевич Витте (1849—1915) — министр финансов (1892—1903), председатель Комитета, затем Совета министров (1903—1906) России. После заключения Портсмутского мира с Японией, завершившего Русско-японскую войну, получил титул графа (1905).

готова и что война неизбежна. Какая глупость, даже если это правда!

1 августа. Народ — по французской мерке — очень спокоен. Он встретил убийство Жореса[4]* очень спокойно, и социалисты ведут себя хорошо[5] перед лицом общенациональной опасности. Правительство Асквита представляет картину семейного раздора и меняет свою позицию каждый день[6]. Сегодня здесь кричат: „Да здравствует Англия!", завтра может прийти на сцену „коварный Альбион". Агентство „Рейтер"** сообщает сегодня вечером, что Германия объявила войну России. Сегодня я должен был обедать у Эдмона де Ротшильда*** на его вилле в Булонь-сюр-Сен; свидание состоялось вместо того в „Парнасе", так как все его лошади и автомобили были реквизированы.

2 августа. Сейчас уже недалеко до возгласов: „Коварный Альбион". Немцы повели себя неслыханно: они нарушили неприкосновенность территории Люксембурга, нейтралитет которой находится под гарантией всей Европы; возможно, что вслед за этим они вступят в Бельгию, что может возбудить английское общественное мнение. Германский посол до сих пор здесь; возможно, что германское правительство хотело бы, чтобы французское правительство послало ему его паспорт, что можно было бы истолковать как изгнание. Большие ворота здания нашего посольства в течение нескольких дней держатся на запоре, так как в любой момент дружественные демонстрации могут смениться оскорблениями.

---

* Жан Жорес (1859—1914) — один из лидеров французских социалистов, основатель и главный редактор главного печатного органа французских социалистов газеты „Юманите" (L'Humanité; 1904—1914). Член Палаты депутатов французского парламента (1885—1889, 1893—1898, 1902—1914). Активно выступал против поддержки правительства в случае начала войны. Застрелен французским националистом 31 июля 1914 г.

** Агентство „Рейтер" (Reuters) — информационное и новостное агентство, основанное в Лондоне в 1851 г.

*** Эдмон де Ротшильд (1845—1934) — барон, основатель французской ветви династии банкиров Ротшильдов, филантроп, организатор и покровитель еврейского переселенческого движения в Палестину.

В тот же день, позже. Мне так тяжело на душе и так стыдно, что слова „коварный Альбион“ могут оказаться действительно обоснованными. У нас, мне кажется, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?

4 августа. Вчерашняя речь Грея была блестяща и ее встретили здесь с бóльшим удовлетворением, чем я ожидал. Германия решила воевать и сделала все, что могла, чтобы убедить нас сохранить нейтралитет[7]. Но она совершила громадный промах, нарушив договоры, ею же подписанные; она напала на Люксембург, угрожала Бельгии и, как нам передают теперь, вторглась также и в эту страну. Этот последний акт возбудит гнев британского льва, и я думаю, что через несколько дней мы будем вести войну на море против Германии. Какой, однако, будет позиция Голландии? Она воздвигла укрепления в устье Шельды, и чтобы достигнуть Антверпена, наша военная экспедиция должна пройти через эти укрепления.

Только что (7 часов вечера) я узнал, что идут ожесточенные бои между бельгийцами и германскими войсками, вступившими в Бельгию. Видано ли было когда-нибудь такое циничное пренебрежение договорными обязательствами?

5 августа. Сегодня я видел австрийского посла*. Он все еще не получил инструкций оставить свой пост. Австрия и Франция не находятся в состоянии войны.

6 августа. Город напоминает Лондон в августовский воскресный день. Очень много лавок закрыто par cause de mobilization**; кафе должны закрываться в восемь часов вечера, и запрещено выставлять столы на улицу. За исключением погрома немецких лавок на следующий день после германского ульти-

---

* Николаус Сечен, граф фон Темерин (1857—1926) — посол Австро-Венгрии во Франции (1911—авг.1914).

** par cause de mobilisation (фр.) — по случаю мобилизации.

матума, здесь не было никаких нарушений порядка. Народ спокоен и, по-видимому, настроен решительно.

7 августа. Мне передают, что толпа разбила окна в здании германского посольства в Лондоне; я сожалею, что такое происшествие могло иметь место в Англии. Единственное утешение в том, что поведение населения Берлина по отношению к сотрудникам посольства России, включая женщин, было возмутительным. Австрийский посол все еще здесь, а французский посол продолжает оставаться в Вене*, и война не объявлена. Мне кажется, что Австрия была бы рада предоставить Германию самой себе. Положение Швеции затруднительно. С Германией и с Россией она оказалась бы одинаково несчастной! В *данный момент* ей приходится больше бояться военно-морского флота, чем чего бы то ни было со стороны России. Я не думаю, чтобы Норвегия связала свою судьбу с Германией. Несчастная Дания выдана на милость Германии. Что будет делать Голландия? Это большой вопрос. Ее *долгосрочные* интересы диктуют ей защиту своего нейтралитета против Германии, так как немцы, в случае победы, не сдержат своих обещаний уважать целостность и неприкосновенность голландской территории, и голландцы должны видеть это по тому, как ведет себя Германия по отношению к Бельгии.

Вне всякого сомнения, немцы рассчитывали, что бельгийцы окажут только для видимости формальное сопротивление и после формального протеста отведут свои войска и пропустят немцев, атакующих Францию. Поведение бельгийцев принесло немцам большое разочарование, французам же оно дало большое преимущество, задержав германское наступление.

Я не видел „Таймс"** с субботы, и поэтому я не в курсе относительно перемен в кабинете, так как в „Дейли Мейл"***

---

* Альфред Шило-Дюмен (1852—1930) — посол Франции в Австро-Венгрии (1912—авг.1914).

** „Таймс" (The Times) — ежедневная общенациональная британская газета, выходящая в Лондоне с 1785 г. В редакционных статьях конца июля 1914 г. обосновывалась необходимость вступления Великобритании в войну.

*** „Дейли Мейл" (The Daily Mail) — популярная британская газета, выходящая в Лондоне с 1896 г.; в начале XX в. имела самый большой тираж как в Великобритании, так и в мире в целом. На протяжении

не было об этом ничего, кроме назначения Китченера военным министром*, которое я считаю превосходным.

9 августа. Мы принимаем, по-видимому, очень срочные меры предосторожности, судя по газетам, против немцев, находящихся в Англии. Обращение с британскими подданными в Германии, по сообщениям прессы, достойно Средних веков, но я думаю, что многое преувеличено.

Если нам удастся полностью прекратить поставки по морю в Германию через Голландию и Скандинавию, то наступит голод и мор. Будем надеяться, что Гогенцоллерны** исчезнут; они явились проклятием для мира около пятидесяти лет тому назад, когда они начали с бедной маленькой Дании[8].

10 августа. Все, что касается британской военной экспедиции, держится в тайне, и это правильно. Моральное воздействие нашей помощи удивительно. Я не видел еще президента со времени нашего объявления войны. В городе удивительное спокойствие и порядок; нет автобусов, а потому нет и суматохи.

11 августа. Рассказывают, что на недавнем заседании кабинета в Константинополе Энвер-паша*** высказался за объявление войны России и для поддержки своего предложения поднял револьвер, все его коллеги сделали то же самое, но война не была объявлена. Мой знакомый сообщает

нескольких предвоенных лет последовательно предупреждала о приближающемся конфликте с Германией.

* Гораций Герберт Китченер (1850—1916) — британский фельдмаршал (1909), военный министр Великобритании (авг. 1914—июнь 1916). В 1900—1902 гг. — главнокомандующий британскими войсками в Англобурской войне; в 1902—1909 гг. — главнокомандующий британскими войсками в Индии. В 1914 г. получил титул графа. Погиб 5 июня 1916 г., направляясь с правительственной миссией в Россию, на борту крейсера „Хэмпшир“, который подорвался на немецкой мине.

** Гогенцоллерны — немецкая династия, правившая курфюршеством Бранденбург с XV в., герцогством (затем — королевством) Пруссия с XVI в. В 1871—1918 гг. прусские короли из династии Гогенцоллернов были одновременно германскими императорами.

*** Исмаил Энвер, известный также как Энвер-паша или Энвер-бей (1881—1922) — один из вождей младотурецкой революции 1908 г. в Османской империи, участник триумвирата „трех пашей“, установившего в 1913 г. военную диктатуру и правившего до 1918 г. В 1913—1918 гг. занимал пост военного министра Османской империи.

также, что германское судно „Гёбен“ бракованное и вследствие этого было недавно предложено Турции; артиллерия его годна только на одной стороне судна. Если это верно, туркам судно принесет мало пользы. Очень странно, что мы воюем с австрийцами. Извольский высказывается очень глупо и хвастливо; в то же время он разузнает от знакомых, как поступали в 1870 г., когда немцы шли на Париж!

14 августа. Что за неслыханное нарушение международного права со стороны турок — позволить пройти германским крейсерам „Гёбен“ и „Бреслау“* через Дарданеллы! Крейсера эти подняли германский флаг и преследуют французские, британские и русские торговые суда. Турки думают, что немцы победят; их уже забросали отчетами о германских победах и об отчаянных затруднениях держав тройственной Антанты.

Как я слышу, К. думает, что война будет продолжительной. Здесь не разделяют этого мнения, поскольку *предполагается, что мы воспрепятствуем доставке морских грузов в Германию*. Если бы только Италия нарушила Тройственный союз и выступила против Австрии! Это было бы не так тяжело для ее совести, а выиграла бы она от этого больше, чем от союза с Австрией и Германией: война окончилась бы раньше, и наша победа была бы лучше обеспечена.

15 августа. Френч** прибыл на Гар-дю-Нор из Амьена в 12 часов 26 минут днем. Я встречал его на вокзале. Было

---

* „Гёбен“ (Goeben; линейный крейсер класса „Мольтке“), „Бреслау“ (Breslau; легкий крейсер класса „Магдебург“), спущены на воду в 1911 г. — немецкие крейсера, составлявшие германскую Средиземноморскую эскадру. Уходя от преследования британского флота, вошли в пролив Дарданеллы (10 августа 1914 г.). После прибытия в Константинополь 16 августа 1914 г. корабли были формально переданы Османской империи. С появлением этих кораблей турецкий флот оказался под командованием немецких офицеров, что ускорило решение о вступлении Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии и ее союзников.

** Джон Дентон Френч (1852—1925) — британский фельдмаршал (1913), начальник Генерального штаба Великобритании (1912—апр. 1914), главнокомандующий британскими экспедиционными силами во Франции (1914—дек. 1915), главнокомандующий вооруженными силами метрополии (дек. 1915—февр.1918), наместник Ирландии (май 1918—1921). В 1916 г. получил титул виконта, в 1922 г. — графа.

условлено, что Френч со своим штабом выедет из Парижа завтра утром в 8 часов на автомобилях и отправится в Главную квартиру генерала Жоффра* и что после свидания с Жоффром Френч направится в свою Главную квартиру.

16 августа. На бумаге немцам предстоят тяжелые времена; однако объявление войны Японией, захват Цзяо-чжоу[9], германских судов и колоний, нанося ущерб германскому престижу, все же не окажет влияния на крупные бои на суше; не повлияет на них и крупное морское сражение, если таковое произойдет, и мы не можем ожидать, чтобы в ближайшее время сказался эффект голода. Наши надежды и моления должны быть направлены на то, чтобы военные действия перешли на германскую территорию и чтобы Германия оказалась зажатой в тиски между русскими, французскими и бельгийскими силами, чтобы Италия, наподобие голодного волка, набросилась на Австрию, как только австрийские морские силы будут разбиты или парализованы франко-британским флотом, и чтобы Сербия смогла отвлечь значительную часть австрийских сил, атакующих Францию. Если не считаться с возможными последствиями голода в Германии, то потребуется значительное время, чтобы нанести такое сокрушительное поражение германской армии, которое позволило бы ее противникам диктовать свои условия мира.

22 августа. В телеграмме из Санкт-Петербурга сообщается, что отход бельгийской армии вызвал некоторое замешательство. План русской кампании подвергся некоторым изменениям; три северные армии продвигаются сейчас в Восточную Пруссию, а четвертая армия, находящаяся на левом берегу Вислы, медленно продвигается туда же от Варшавы. Когда вышеназванные армии смогут удерживать против себя германские армии, они как можно быстрее двинутся на Берлин. Французский посол** в Санкт-Петербурге говорит, что

---

* Жозеф Жак Жоффр (1852—1931) — маршал Франции (1918), начальник Генерального штаба Франции (1911—1914), главнокомандующий французской армией (1914—дек. 1916). Благодаря своей популярности получил прозвище „Папа“ Жоффр.

** Жорж Морис Палеолог (1859—1944) — посол Франции в России (янв. 1914—май 1917).

до сих пор русские продвинулись в Восточную Пруссию по всему фронту километров на двадцать.

23 августа. Сегодня объявлена война между Японией и Германией. Правительство Соединенных Штатов, по-видимому, удовлетворено объяснениями, представленными Японией. Правительство Соединенных Штатов хотело бы купить германские линейные суда, стоящие в Нью-Йорке, и поднять на них звездно-полосатый флаг, но мы не должны признавать такого рода передачу в военное время; это означало бы приукрашенное нарушение нашего права захватывать вражеские суда.

Французская система сообщать только об успехах и захватах пленных и орудий французами представляется мне глупой, так как сами французы, несомненно, потеряли много людей и некоторое количество орудий, и когда истина обнаружится, это вызовет здесь большое негодование.

26 августа. Вполне возможно, что сообщение между Булонью* и Парижем будет прервано. Сегодня Военное министерство не выпустило своего ежедневного коммюнике; высказывается предположение, что после того как недавно были обнародованы более полные сведения, члены Палаты депутатов предприняли попытку давать указания и вмешиваться в военные дела. Наш курьер находился в пути из Лондона сюда двадцать четыре часа; ему пришлось ждать пять часов в Амьене, где он видел пятьдесят британских резервистов и толпы крестьян из оказавшихся театром военных действий пограничных деревень. Поговаривают, будто Клемансо** или Мильеран*** станет во главе Военного министерства.

---

* Булонь-сюр-Мер — город и порт в северной Франции на побережье пролива Ла-Манш; в годы Первой мировой войны являлся одним из ключевых французских портов, использовавшихся британской армией.

** Жорж Бенжамен Клемансо (1841—1929) — премьер-министр Франции (1906—1909, нояб. 1917—1920), одновременно занимал посты министра внутренних дел (1906—1909) и военного министра (нояб. 1917—1920). Являлся одним из наиболее последовательных сторонников ведения войны до окончательного разгрома Германии.

*** Александр Мильеран (1859—1943) — французский социалист, впервые в истории занявший министерский пост (министр торговли, 1899—1902) в буржуазном правительстве (так называемый „казус Мильерана“). Военный

Сегодня продолжаются ожесточенные бои. Пока я пишу, пришло сообщение о новом отступлении, увы! Если бы у нас было еще 100 тыс. человек, мы могли бы высадить их в Остенде*.

27 августа. Переговоры о смене или перестановках в правительстве велись, должно быть, в течение нескольких дней, но, судя по газете, они заняли только час! Делькассе** вернулся в Министерство иностранных дел; он охвачен уверенностью в окончательном успехе. Я не разделяю его настроения ввиду необходимости удерживать немцев от чрезмерного приближения к столице. Из очень авторитетного источника я узнаю, что вопрос о переезде правительства в Бордо обсуждался на тот случай, если немцам удастся сколько-нибудь значительный прорыв франко-британского фронта на севере.

28 августа. Сегодня днем я видел военного министра (Мильерана), который провел ночь во французской Главной квартире и вернулся сегодня утром; он, по-видимому, уверен, что продвижение немцев на Париж будет приостановлено свежими французскими частями, которые должны перебросить с восточной границы. Положение тяжелое, и я опасаюсь возможного отъезда отсюда.

29 августа. Немцы в Аббевиле. Завтра или послезавтра будет крупное сражение.

30 августа. Бои идут в Компьене, и немцы имеют такое подавляющее численное превосходство, что через несколько дней могут оказаться в Париже. Золотой запас в размере 168 млн фунтов стерлингов перевезен из Банка Франции в Бордо и в Марсель. Я сжигаю секретные бумаги и готовлюсь к немедленному отъезду, как только узнаю, в какой город переедет правительство, когда оккупация Парижа немцами

министр (янв. 1912—янв. 1913, авг. 1914—окт. 1915), премьер-министр и министр финансов (янв.—сент. 1920), президент (сент. 1920—1924) Франции.

* Остенде — город и порт в Бельгии на берегу Северного моря.

** Теофиль Делькассе (1852—1923) — министр колоний (1894—1895), министр военно-морского флота (1911—1913), министр иностранных дел (1898—1905, авг. 1914—окт. 1915) Франции. С 1913 г. по январь 1914 г. являлся послом Франции в России.

станет неизбежной; они вполне способны разгромить здесь все, и в таком случае я потеряю все, что у меня есть.

31 августа. Сегодня военное положение несколько лучше, чем вчера; я полагаю, что бегство на юг начнется в среду. В „Таймс" гораздо больше сведений и правды, чем в какой-либо из французских газет. Мы понесли ужасные потери, но немцы потеряли значительно больше людей; впрочем, им это легче перенести, чем нам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сентябрь 1914 г.

1 сентября. Французы отступают, вследствие чего наши фланги обнажены. Френч приехал сюда на несколько часов, чтобы встретиться с Китченером, который прибыл из Лондона сегодня утром. Между двумя штабами нет согласия.

Между 6 и 7 часами вечера я слышал шум аэроплана; он пролетел над домом и сбросил бомбу, кажется, где-то вблизи от площади Согласия. Я слышал взрыв и непрерывную стрельбу по аэроплану. Относительно отъезда ничего еще не решено.

2 сентября. Мы очень заняты сборами. Мы уезжаем в Бордо сегодня вечером, и возможно, что я в последний раз пишу в этом доме, так как война, по-видимому, затянется надолго. Французы не оказали нам поддержки в той мере, в какой мы могли ожидать; на нас выпала вся тяжесть сражения, и мы все время вынуждены отступать.

Бордо, 3 сентября. Мы прибыли сюда сегодня между 1 и 2 часами дня; сообщение об отъезде было передано нам вчера только в час дня, а отъезд был назначен на 10 часов 50 минут вечера, т. е. мы узнали об отъезде всего за 10 часов. Но мы уже заранее сделали приготовления; иначе мы никогда не были бы готовы. Русским предоставили восемь вагонов первого класса, и они увозили с собой, по-видимому, жен, детей, слуг и их детей. Англичане имели в своем распоряжении три вагона. Вследствие нескольких продолжительных остановок и зачастую тихого хода путешествие продлилось около четырнадцати часов вместо обычных семи.

4 сентября. Сегодня я видел Делькассе. Как бы я желал узнать о победе на нашем фронте, подобной той, которую одержали русские над австрийцами[10]. Если бы не большое

количество солдат и военного снаряжения, то нельзя было бы подумать, что происходит нечто необычное. Здесь не заметно никаких ужасов войны, нет раненых и нет несчастных беженцев из занятых областей.

5 сентября. Сегодня вечером меня посетил Делькассе; он описал военное положение к северу и востоку от Парижа, в котором я не смог разобраться. Цель его визита заключалась в том, чтобы просить меня обратиться по телеграфу непосредственно к Френчу, чего я не мог бы сделать даже и в том случае, если бы знал шифр. Написанное им обращение гласило:

„Генерал Жоффр заявляет о своем решении двинуть все части и резервы для завоевания победы, так как положение превосходно и мы не можем рассчитывать на лучшие условия для нашего наступления.

Генерал Жоффр считает абсолютно необходимым, чтобы фельдмаршал Френч, заверивший его в энергичном содействии, обратил внимание на решающую важность безоговорочного наступления“.

Я сказал Делькассе, что мне неизвестно положение британских сил в настоящий момент. Но я знаю, что в понедельник, 31 августа, британская армия не была в состоянии наступать вследствие сильного истощения и тяжелых потерь в личном составе и орудиях, которые она понесла в ожесточенных боях. Получил ли сэр Джон Френч подкрепление, мне неизвестно. Делькассе сообщил мне также, что состоялась встреча между генералом Галлиени*, военным губернатором Парижа, и начальником штаба** сэра Джона Френча и что сэр Джон Френч получил заверения в поддержке со стороны парижской армии.

---

* Жозеф Симон Галлиени (1849—1916) — французский генерал, военный министр Франции (окт. 1915—март 1916). Военный комендант (авг. 1914—окт. 1915) и организатор обороны Парижа, посмертно удостоен звания маршала Франции (1921).

** Арчибальд Мюррей (1860—1945) — британский генерал, начальник штаба главнокомандующего британскими экспедиционными силами во Франции (1914—янв. 1915), начальник Генерального штаба Великобритании (сент.—дек. 1915), главнокомандующий британскими экспедиционными силами в Египте (янв. 1916—июнь 1917).

6 сентября. Досадно, что немцы оказались способны потопить пятнадцать наших рыболовецких судов. Это доказывает, что они могут выступать и действовать, не вызывая нашего непосредственного вмешательства. Поскольку немцы находились в непосредственной близости от своего порта, они не имели права топить корабли, а должны были привести их в порт для решения призового суда.

Я получил записку от Делькассе о том, что предстоит наступление и что необходима полная связь между Френчем и Жоффром.

8 сентября. Нам удалось несколько оттеснить немцев, но ненамного. Их сообщения о боях более чем значительно отличаются от французских и русских. Многие хотят здесь уверить, что 50 тыс. русских высадились в Англии по пути во Францию; как они достигли Англии, не объясняется! В качестве авторитетного источника мне назвали одного из директоров Банка Франции; я ответил, что бывают дураки среди директоров, так как с момента начала войны Бельт* закрыт, и, если бы даже этого не было, все равно транспорт не мог бы миновать собранный в кулак германский флот в Балтийском море.

Вчера я беседовал с министром финансов**; он был изумлен отсутствием приготовлений к обороне Парижа: прежний военный министр*** не считал нужным сделать что-либо, а военный комендант Парижа**** был мягок, как воск;

---

* Бельт (Малый и Большой) — датские проливы, входящие в комплекс проливов, соединяющих Северное и Балтийское моря.

** Александр Рибо (1842—1923) — министр финансов (янв. —нояб. 1895, авг. 1914—март 1917), министр иностранных дел (1890—1893, март—окт. 1917), премьер-министр (1892—1893, янв.—нояб. 1895, июнь 1914, март—сент. 1917) Франции.

*** Адольф Мессими (1869—1935) — министр колоний (март—июнь 1911) и военный министр (июнь 1911—янв. 1912, июнь—авг. 1914) Франции. Участник Первой мировой войны, дослужился до звания бригадного генерала. После окончания войны возобновил политическую деятельность, сенатор (1923—1935).

**** Виктор Констан Мишель (1850—1937) — французский генерал, начальник Генерального штаба и председатель Высшего военного совета Франции (1910—1911), военный комендант Парижа (1913—авг. 1914). В 1911 г. предсказал, что германское наступление на Францию будет ве-

новый комендант решительный человек. Здесь находится много людей без определенных занятий, из породы „я должен участвовать в движении“, среди них актрисы Барте и Сорель*.

11 сентября. Благодарение судьбе, военные сообщения сегодня благоприятнее! Почему нейтральные государства не протестуют против установки мин в открытом море? Какой блестящей демонстрацией являются предложения индийских туземных князей послать нам войска и деньги! Каково должно быть отчаяние и огорчение „честного и верного“ Вильгельма! Он испытал ряд разочарований, чего не может скрыть ворох лжи, нагромождаемой его министрами и им самим. Впрочем, если бы бельгийцы не оказали сопротивления, притом хорошего сопротивления, и если бы мы не подошли с нашими войсками и флотом, то немцы сейчас были бы уже в Париже.

13 сентября. Наконец-то действительно хорошее известие. Немцы бегут, и, судя по сообщениям, они очень утомлены и деморализованы; отмечается, что офицеры и люди в Шампани напиваются допьяна.

Каким сюрпризом должна явиться для кайзера поддержка, которую оказывают Англии колонии и Индия; как горько ему придется раскаиваться в Лувене** и в злодеяниях его героев-солдат. Deutschland über Alles!*** Какой будет парадокс, если цивилизацию спасет русский самодержц!

стись через Бельгию, но был смещен с должности за предложенную оборонительную стратегию ведения войны (так называемый „план XVI“).

* Юлия Барте (настоящее имя — Жанна Жюли Реньо, 1854—1941), Сесиль Сорель (настоящее имя — Сесиль Эмили Сер, 1873—1966) — известные французские актрисы театра Комеди Франсез.

** Лувен (иначе — Лёвен) — город в Бельгии, в августе 1914 г. был практически стерт с лица земли немецкой артиллерией в наказание за оказанное жителями сопротивление.

*** Deutschland über Alles (нем.) — „Германия превыше всего“, первая строка из „Песни немцев“, немецкой патриотической песни, ставшей особенно популярной в Германии в годы Первой мировой войны. В 1922 г. „Песнь немцев“ стала официальным гимном Германии, сегодня в этой функции используется ее третья строфа (в которой слова „Германия превыше всего“ отсутствуют).

14 сентября. По-моему, Адмиралтейство напрасно в официальном пресс-коммюнике говорит, что германский флот „прячется в портах“; недостойно пользоваться таким термином, и, на мой взгляд, это отдает Уинстоном (Черчиллем)*.

15 сентября. Один день здесь очень похож на другой, за исключением военных известий, которые поступают скудно. Здесь уже много людей ходят в трауре, между тем война только что началась. Последние победы оживили дух французов, и они уже готовы делить шкуру неубитого медведя. Даже если победы над немцами будут продолжаться беспрерывно, то все же пройдет немало времени, прежде чем русские захватят Берлин, а французы продвинутся в глубь Германии настолько, чтобы поставить на колени императора и К°; возможно, что голод придет на помощь, особенно в том случае, если русским удастся разбить австро-венгерские армии и, таким образом, прекратить доставку хлеба в Германию из Румынии и Болгарии.

16 сентября. Отступление Френча и его депеша (которую я получил только сейчас) изумительны, и наши войска сражались спокойно и великолепно. Театральный удар по Эльзасу и Лотарингии, рассчитанный на политический эффект, был крупной ошибкой.

Жестокости в Бельгии, которые приписывают немцам некоторые наши офицеры, невероятны; виновность Вильгельма и К° ужасна, но при каком угодно исходе они все же не получат возмездия в этом мире: монархов и министров не вешают ведь за их злодеяния.

18 сентября. Бои до сих пор продолжаются и затянутся, по-видимому, еще на несколько дней. Немцы хорошо укрепились в траншеях и, кажется, намерены занять во Франции на некоторое время оборонительные позиции, чтобы исполь-

---

* Уинстон Черчилль (1874—1965) — министр торговли и промышленности (1908—1910), министр внутренних дел (1910—1911), первый лорд Адмиралтейства (1911—май 1915, 1939—1940), премьер-министр (1940—1945, 1951—1955) Великобритании. Начинал политическую карьеру как представитель Консервативной партии, в 1904—1924 гг. — член Либеральной партии, впоследствии — вновь консерватор, лидер Консервативной партии (1940—1955).

зовать наибольшее количество войск против русских. Когда же итальянцы найдут момент достаточно благоприятный, чтобы продаться? Газеты предсказывают отставку Сан-Джулиано*, а затем войну. Здесь дела идут по-обычному; нет сильного возбуждения; господствует убеждение, что в конце концов Франция, Россия и Англия выиграют войну. Каково представить себе Россию спасительницей цивилизации! После войны у нее должны появиться учреждения более современного типа, чем нынешние.

20 сентября. Поведение правительства в вопросе о гомруле[11] не выглядит достойным; ради того, чтобы не потерять поддержку Редмонда**, оно сделало то, что будет беспокоить совесть кое-кого из них. Военные сообщения, которые Уинстон дает прессе, отличаются вульгарным тоном; они подвергаются некоторой тенденциозной обработке, прежде чем попадают во французские газеты! Выражения вроде „пусть немцы придумают другое вранье" являются мальчишеством; предпочтительно опровергать лживые заявления, не употребляя излишних эпитетов и давая голые факты в достойных выражениях.

22 сентября. Кайо***, являющийся генеральным казначеем армии, выказал себя здесь в дурном свете. Он считал

---

* Антонио Патерно-Кастелло, маркиз Сан-Джулиано (1852—1914) — министр иностранных дел Италии (1905—1906, 1910—окт. 1914).

** Джон Эдуард Редмонд (1856—1918) — ирландский и британский политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1891—1918), лидер Ирландской парламентской партии, один из наиболее активных сторонников самоуправления Ирландии. С начала Первой мировой войны согласился на отсрочку введения закона о самоуправлении Ирландии (гомруле), принятого британским парламентом в мае 1914 г., и призвал ирландцев содействовать Великобритании в войне. Противник ирландского восстания 1916 г. (известно как Пасхальное восстание), послужившего прологом войны Ирландии за независимость (1919—1921).

*** Жозеф Кайо (1863—1944) — министр финансов (в том числе 1906—1909, март—июнь 1911, дек. 1913—март 1914, апр.—окт. 1925), премьер-министр и министр внутренних дел (июнь 1911—янв. 1912) Франции. Член Палаты депутатов французского парламента (1898—1919), сенатор (1925—1944). В марте 1914 г. был вынужден покинуть пост министра финансов, после того как его жена Генриетта застрелила главного редактора газеты „Фигаро" (Le Figaro; основана в 1826 г.) Гастона Кальметта (1858—1914), опубликовавшего документы, компрометирующие ее мужа (суд Генриетту оправдал). В годы Первой мировой войны являлся

себя всемогущим и незаменимым. Когда в конце августа здесь происходила реорганизация кабинета, он рассчитывал попасть в него в качестве главы партии социалистов-радикалов, он неохотно согласился на участие в кабинете Бриана*, Рибо и Мильерана; но Барту**, главного свидетеля обвинения против Кайо на процессе об убийстве, он не хотел терпеть, и Барту, ожидавший назначения, был отвергнут и удалился в свой департамент для ухода за ранеными. Кайо, которому надлежало исполнять свои обязанности в Руане, приехал сюда для интриг; он явился в Министерство внутренних дел; министр Мальви***, член партии социалистов-радикалов, отсутствовал; Кайо устроился в помещении, стал давать приказания начальнику министерства, телефонировал своей жене и вел себя, как будто он был министром. Мальви нашел в этом признак дурного вкуса. Военный министр Мильеран вынужден был внушить Кайо, что, будучи теперь солдатом, он должен вернуться к исполнению своих военных обязанностей.

23 сентября. „Тан“**** возвращается в Париж. Некоторые думают, что переезд этот является предвестником возвращения в Париж правительства. Мы только что узнали по

лидером группы французских парламентариев, выступавших за примирение с Германией. В январе 1918 г. лишен депутатской неприкосновенности и арестован по обвинению в государственной измене, осужден „за переписку с врагом“, впоследствии амнистирован (1925) и продолжил политическую деятельность.

* Аристид Бриан (1862—1932) — премьер-министр (в том числе 1909—1911, янв.—март 1913, окт. 1915—март 1917, 1921—1922), министр юстиции (в том числе, авг. 1914—окт. 1915 г.), министр иностранных дел (в том числе, окт. 1915—март 1917, 1921—1922) Франции.

** Луи Барту (1862—1934) — премьер-министр Франции (март—дек. 1913), министр юстиции (в том числе янв.—март 1913), министр иностранных дел (окт.—нояб. 1917, февр.—окт. 1934). Застрелен террористом вместе с королем Югославии Александром I (1921—1934) в Марселе во время визита последнего во Францию.

*** Луи Мальви (1875—1945) — министр внутренних дел Франции (март 1914—авг. 1917). В 1918 г. арестован и осужден по обвинению в государственной измене и попустительстве антивоенной пропаганде, впоследствии амнистирован (1924) и продолжил политическую деятельность.

**** „Тан“ (Le Temps) — центральная французская ежедневная газета, выходившая с 1861 по 1942 г. в Париже.

телеграфу, что германские подводные лодки потопили три наших крейсера, по 12 тыс. тонн каждый; крейсера были старого типа, но все же это тяжелый удар, и я боюсь, что мы не сможем добраться до германских судов. Недавно здесь был бельгиец, рассказывавший, что немцы убили его мать и изнасиловали его жену, после чего он вооружил свой автомобиль пулеметом и отправился на охоту за немцами. По его словам, он убил 120 человек; позже цифра эта понизилась до 80. Ему устроили большую овацию в ресторане, где он завтракал и откуда он отправился дальше, чтобы продолжать убийства немцев; автомобиль его забросали цветами; он получил букеты цветов и множество рукопожатий! Эти люди очень курьезны и театральны. Бельгиец, быть может, и обманщик; если он охотится на немцев, то в этом районе он сможет найти только раненых.

24 сентября. Мы все еще с тревогой ждем исхода боев, идущих уже несколько дней. Здешняя общественность, на мой взгляд, слишком сильно уверена в том, что немцев вскоре оттеснят на значительное расстояние от Парижа, и даже из Франции вообще. Сегодня утром я получил от Грея письмо, в котором он склоняется к мысли, что Жоффр проявил большое искусство, так как отвел свою армию на парижскую линию, имея против себя численно превосходящего неприятеля, и сумел повести свою армию в наступление столь скоро после длительного отхода, выбрав момент, когда германская армия во Франции оказалась ослабленной вследствие переброски многих частей на восточную границу. Грей опасается, что успех последней недели слишком велик, чтобы дело могло продолжаться в том же духе, но добавляет, что этот бой имеет очень большое моральное значение, да и, кроме того, немцы сейчас оказались на пятьдесят миль дальше Парижа, чем были.

25 сентября. Из неофициального и конфиденциального источника я узнаю, что с начала войны французы потеряли 40 тыс. убитыми, 240 тыс. ранеными и 80 тыс. пленными. Госпитали совершенно не в силах справиться с таким количеством раненых.

27 сентября. Окончательные сведения о продолжающемся сражении мы получили через два дня. Здесь уже по-

говаривают о возвращении в Париж. Речь Уинстона Черчилля, быть может, соответствует вкусу его аудитории, но, помоему, она очень дурного тона. Глупо было говорить, что мы „разгоним немцев, как мышей“: непосредственно после этого они потопили три наших крейсера по 12 тыс. тонн каждый, причем мы потеряли много людей. Упоминания Ллойд Джорджа[*] об императоре были недостойны: лучше было бы говорить о нем с презрением, нежели с издевкой, и не следовало делить шкуру неубитого медведя.

29 сентября. 26 августа, когда вступал в исполнение своих обязанностей нынешний кабинет[**], не было еще ничего сделано для подготовки внешних фортов Парижа; Галлиени в ответ на заданный вопрос сказал, что на установку необходимых крупных орудий потребуется не менее трех недель; орудия эти доставлялись из Шербура и Бреста. Если бы немцы прибыли в Шантийи[***] немного раньше, они смогли бы занять Париж, так как на линии внешних фортов не было ничего, что могло бы задержать их. Катастрофы удалось избежать благодаря сочетанию чрезвычайных событий: немцы вторглись в Бельгию, чего французы не ожидали. Бельгийцы оказали сопротивление и не ограничились одним лишь протестом, на что немцы надеялись и рассчитывали. Наше активное вмешательство застало немцев врасплох; они думали, что поскольку Бельгия ограничится формальными протестами, мы сделаем то же самое. Далее следует отметить изумительные арьергардные операции Френча, а также стоическую смелость и дисциплинированность наших войск, ободрившие французов, а также наше сопротивление

---

[*] Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945) — министр торговли и промышленности (1905—1908), министр финансов (1908—май 1915), министр военного снабжения (май 1915—июль 1916), военный министр (июль—дек. 1916), премьер-министр (дек. 1916—1922) Великобритании. Первое правительство Ллойд Джорджа (дек. 1916—окт. 1919) носило коалиционный характер, избранные члены которого составили узкий круг т.н. Военного кабинета. Лидер Либеральной партии (1926—1931), в 1945 г. получил титул графа.

[**] 26 августа 1914 г. во Франции произошла смена правительства, при этом пост премьер-министра сохранил за собой Рене Вивиани.

[***] Шантийи — город в пригороде Парижа, расположенный в 40 км к северо-востоку от французской столицы.

немцам, несмотря на утомление наших людей и сокращение численности наших войск, вследствие потерь убитыми, ранеными и взятыми в плен. Французы, потерпевшие до прибытия наших войск страшное поражение при Шарлеруа, оправились и стали сражаться превосходно. Каждый день мы слышим, что должно закончиться крупное и решающее сражение, но каждый день это оказывается „завтра“.

30 сентября. Для защиты своего нейтралитета датчане минировали вход в Балтийское море, и если даже нашим судам удастся пробраться, то они не смогут вернуться обратно; очень тяжело не иметь возможности добраться до германских кораблей и сознавать, что они могут делать что угодно с русскими в Балтийском море. Я боюсь, что мы можем помочь не иначе, как денейтрализовав Данию убеждением или силой, и в обоих случаях нам грозила бы опасность германского вторжения в Данию по суше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Октябрь 1914 г.

1 октября. Газета Клемансо „Свободный человек“ („Ом либр“)* закрыта на неделю в наказание за статью, критикующую санитарные учреждения в армии; это скандальная мера; вчера газета вышла под названием „Человек в цепях“ („Ом аншене“), но и в таком виде газета была закрыта. Нам все время говорят, что германские армии на севере Франции будут окружены — своего рода Седан — но до сих пор это не удается.

2 октября. У немцев были некоторые основания рассчитывать, что их проход через Бельгию не встретит вооруженного сопротивления. Бельгийский министр иностранных дел** отклонил первую просьбу германского посла*** о свободном проходе, но когда последний вернулся с новым заверением, что в случае отказа требование поддержат 1 млн 200 тыс. солдат, бельгийский министр воздел руки со словами: „Что можем мы сделать в таком положении?“ Из этих слов германский посол сделал вывод, что реальное сопротивление оказано не будет. Бельгийский миллионер, владелец одной из газет, узнал об этом свидании и опубликовал статью со словами: „Долой немцев!“ За это его арестовало бельгийское правительство, однако это настроение и публичные демонстра-

---

* „Ом либр“ (L’Homme libre) — французская ежедневная газета, основанная в 1913 г., с началом Первой мировой войны переименована в „Ом аншене“ (L’Homme enchaîné), выходила в Париже до 1939 г.

** Жюльен Давиньон (1854—1916) — министр иностранных дел Бельгии (1907—1916).

*** Конрад Клаус фон Белов-Залеске (1866—1939) — посол Германии в Бельгии (1913—авг. 1914).

ции, вызванные этим арестом, заставили правительство освободить арестованного и убедили короля* и правительство в необходимости оказать немцам сопротивление.

4 октября. Один француз, вернувшийся недавно из Антверпена, говорит, что народ будет требовать сдаться, когда германские снаряды начнут летать вокруг города. Какое несчастье, если этот город падет! Жестокости немцев — я хотел бы сказать императора — продолжаются. Как бы найти для него подходящее наказание, если Германия будет завоевана? Боюсь, что в наши дни трудно будет повесить монарха, хотя и это было бы слишком хорошо для него.

11 октября. Антверпен пал! Ради смягчения этой потери можно сказать только, что обстоятельства потери могли оказаться хуже: бельгийская армия могла бы быть разбита и вынуждена сдаться, наши суда с их командами могли попасть в руки немцев. Наш план кампании необходимо пересмотреть. Я надеюсь, что смерть румынского короля** изменит позицию румынского правительства; но я сильно сомневаюсь, что это произойдет, если Италия не выступит против Австрии. Между тем Италия ждет, кто ей предложит больше.

Итальянцы воображают, что они значительно превосходят древних римлян и что они призваны стать великой средиземноморской державой и завладеть Тунисом, Мальтой, Египтом и турецкими островами***.

12 октября. По вопросу о падении Антверпена здесь принята следующая версия: падение Антверпена хоть и пе-

---

* Альберт I (1875—1934) — король Бельгии (1909—1934), представитель Саксен-Кобург-Готской линии немецкой династии Веттинов, которую пригласили на бельгийский престол вскоре после обретения Бельгией независимости в 1830 г.

** Кароль (Карл) I (1839—1914) — князь (с 1881 г. — король) Румынии (1866—1914), первый представитель немецкой династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов на румынском троне. Скончался в октябре 1914 г. Ему наследовал племянник Фердинанд I (1914—1927).

*** Додеканесские острова — архипелаг в Эгейском море (главный остров — Родос), находившийся под властью Османской империи и оккупированный Италией в 1912 г. Вплоть до 1947 г. острова принадлежали Италии; по итогам Второй мировой войны переданы Греции.

чально, но не имеет большого значения! Мы все еще ждем победы, столь давно возвещенной.

13 октября. В Испании господствует резко выраженное антифранцузское настроение. Дарданеллы блокированы немцами; немцы фактически распоряжаются Турцией; Италия „ждет, что будет“; Румыния не с нами, и Болгария против нас. В общем положение наше не из счастливых. Нам предстоит очень трудное время.

14 октября. Сегодня я видел главного директора таможни; он говорит, что пшеницы и ржи немцам хватит на год и что если нам не удастся прекратить поставки всех прочих предметов питания, *а также* керосина, то война затянется надолго. Все время приводятся новые основания для жоффровских задержек: а теперь говорят, что он ждет дождей, так как тогда германская тяжелая артиллерия увязнет в грязи; между тем французские 750-миллиметровые орудия не столь дальнобойны, но зато более подвижны и эффективны.

16 октября. У меня была очень интересная беседа с официальным экспертом по военно-экономическим вопросам французского Военного министерства: он говорит, что промышленная жизнь идет в Германии своим обычным порядком, что в стране достаточно продовольствия. В Австро-Венгрии продовольствия хватит на семь месяцев. Он полагает, что, поскольку мы допускаем значительный ввоз в Германию сырья и продовольствия через нейтральные государства, нет иного средства закончить войну, кроме военной оккупации; это же средство применить трудно, если не невозможно, так как, имея в своих руках Антверпен и фактически всю Бельгию, Германия сможет еще легче, чем до сих пор, использовать Голландию (захочет она или нет) для своего снабжения. Он говорит, что мы должны объявить блокаду Германии, окружить ее, подобно тому, как Наполеон пытался окружить нас континентальной блокадой. Ему это не удалось, но мы, владея морем, можем иметь успех. Ввоз в Норвегию, Швецию, Данию и Голландию очень сильно возрос по всем товарам, возрос также и вывоз из них в Германию лошадей, железа, никеля, меди, керосина, нефти, продовольствия и т. д. Мы не можем объявить блока-

ду германских портов в Балтийском море, мы не можем проникнуть в это море, а если бы и проникли, то не смогли бы выбраться оттуда. Нам следовало бы объявить блокаду Норвегии, Швеции, Дании и Голландии, а также германских портов в Северном море. Но это, конечно, невозможно. Достигнуть цели — взять Германию измором — можно было бы, пожалуй, заключив с названными нейтральными государствами соглашение, по которому они обязались бы запретить вывоз в Германию тех предметов, которые будут нами указаны. Возможно, что нейтральные государства не пойдут на такое соглашение, но даже если бы они и приняли наши условия, то правительство Соединенных Штатов смогло бы возразить, что Лондонская декларация 1909 г.[12], которую мы в начале войны обязались соблюдать в принципе, положила конец теории непрерывного пути следования, и что мы не вправе поэтому настаивать на указании места окончательного назначения грузов, направляемых в нейтральный порт на нейтральном судне. Единственный способ обойти это затруднение — воздействовать на правительство Соединенных Штатов, обещая скупать все грузы, увеличивающие поставки в нейтральные страны сверх их обычных объемов; я сомневаюсь в осуществлении такой системы. „Экономист“[13] заявляет, что, поскольку Германия нарушила все свои обязательства, стоящие на пути к реализации ее стремлений, мы вправе поступать по отношению к ней так же. Между тем мы обязались перед *американским* правительством действовать по принципу Лондонской декларации. Вот в чем загвоздка!

20 октября. Здесь жалуются на низкую скорость продвижения русских войск; сначала они шли слишком быстро; они все же, быть может, побьют немцев количеством, если не военным превосходством. Что нас страшно затрудняет — это глупая Лондонская декларация, мудро отвергнутая Палатой лордов и немудро принятая частично правительством в отношении к нынешней войне; она лишает нас контроля над ввозом в Германию через нейтральные государства тех продуктов, которые дают ей возможность вести войну гораздо дольше, чем она смогла бы при отсутствии такой декларации. Это может иметь для нас очень серьезные последствия.

Настаивать на своем мы не решаемся из боязни перед Соединенными Штатами, которые пользуются блестящей возможностью вести прекрасную торговлю с Германией. Мы не постеснялись бы с другими государствами, такими как Италия, Испания, Норвегия, Швеция, Дания и Голландия.

26 октября. Сегодня ко мне приезжал Жюль Камбон*. Он рассказал мне ряд интересных вещей, между прочим о том, что в стране заметно широко распространившееся недовольство по поводу нелепой и недостаточной подготовки к войне: неудачи эти приписывали так называемой „политической кухне“. По окончании войны, которого можно ожидать не ранее чем через год, начнется движение за новые выборы, причем нынешняя Палата депутатов будет стремиться их избегнуть. Камбон видел Сан-Джулиано[14]. Относительно позиции Италии Сан-Джулиано сказал, что в вопросе о присоединении к Антанте играют роль три соображения: моральность, удобный случай и легкость. Должны быть налицо хороший повод и удобный случай; кроме того, и армия должна быть подготовлена, чего сейчас нет. Жюль Камбон рассказал мне, что германский император отослал обратно в Италию тех мобилизованных немцев, которые имели там работу в качестве рабочих или предпринимателей; эти немцы должны явиться в Италии проводниками Германии и ее методов. В Италии ведется хорошо организованная пропаганда в поддержку Германии. Я спросил Камбона, действительно ли за войну выступал сам император или же его втянули в нее кронпринц** и военная партия, я интересовался также ролью германской императрицы*** во всей этой иг-

---

* Жюль Камбон (1845—1935) — посол Франции в Германии (1907—1914), с началом Первой мировой войны отозван на родину, возглавил Политический департамент в Министерстве иностранных дел Франции.

** Фридрих Вильгельм (1882—1951) — кронпринц, старший сын и наследник германского императора Вильгельма II. Командовал германскими войсками на различных фронтах Первой мировой войны. 1 декабря 1918 г. окончательно отрекся от своих прав на престол Германии и удалился в изгнание в Нидерланды. С 1923 г. вновь проживал в Германии.

*** Августа Виктория (1858—1921) — германская императрица и королева Пруссии, супруга Вильгельма II. Представительница Августенбургской линии династии Ольденбургов (Гольштейн-Зонденбургская ветвь).

ре. Камбон в ответ на это сказал, что в частых спорах между кронпринцем и императором императрица всегда становилась на сторону сына и что император стал очень завидовать той популярности, которой пользовался в армии и в народе его сын, в качестве провозвестника антифранцузских, антирусских и особенно антианглийских настроений. Император был побежден кронпринцем и военной партией и увидел, что ему предстоит выбор между объявлением войны и потерей своего положения в Германии.

30 октября. В начале войны я говорил Севастопуло*, что Россия поступила бы мудро, выступив за существование независимой Польши[15] в качестве католического славянского буфера между Россией и Германией и согласившись на возвращение Румынии, в виде *приданого* за союз, Бессарабии[16], которою она владела по договору 1856 г.; он ответил, что это невозможно. Теперь, когда Турция начала войну против России, благоразумие диктует отдать последней Бессарабию и предоставить Болгарии возможность удержать за собой Адрианополь, если та сможет это сделать. Я думаю, что на Балканах опять вспыхнет пожар. Я не считал бы нужным рассматривать нападение турок (немцев) на Одессу как такое военное действие, на которое мы обязаны отвечать. Пусть турки нападут на нас или объявят нам войну, чтобы наши мусульманские подданные не могли считать нас нападающей стороной[17]. Если дело дойдет до войны с турками, то мы должны будем выступить за арабский халифат[18].

---

* Матвей Маркович Севастопуло (1860—1947) — советник посольства России во Франции (1914—май 1917), поверенный в делах России во Франции (май—нояб. 1917).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ноябрь 1914 г.

4 ноября. Англо-французский флот обстрелял внешние форты, защищающие вход в Дарданеллы; я боюсь, что большего мы не сможем сделать. Правительство надеется, что Болгарию удастся обещаниями соблазнить выступить против турок, а Румынию удастся направить против Австрии; при таких обстоятельствах Греция присоединится к нам. Все Балканские государства с недоверием смотрят друг на друга и боятся, что Германия, Австрия и Турция выйдут из войны победителями. Между тем наше продвижение на севере Франции идет очень медленно, мы теряем суда из-за подводных лодок и мин и не в состоянии добраться до германского флота.

10 ноября. Какой дурак этот Извольский! Несколько дней тому назад он сказал: „У меня нет друзей. У меня есть союзники и люди, которыми я пользуюсь“. В начале войны он претендовал на роль ее виновника: „Это — моя война“. Теперь же он говорит: „Если бы я хоть сколько-нибудь был ответствен за эту войну, я не простил бы себе этого никогда“.

13 ноября. Сегодня я виделся с Мильераном. Сейчас не может быть и речи о возвращении в Париж.

26 ноября. Какое несчастье гибель „Булварка“![*] Мне сообщают, что во время недавнего свидания между Китчене-

---

[*] „Булварк“ (Bulwark) — британский линейный корабль додредноутного типа класса „Формидабл“, спущен на воду в 1899 г. Погиб в результате внутреннего взрыва 26 ноября 1914 г. у юго-восточного побережья Великобритании.

ром и Пуанкаре был затронут вопрос о мире и что французские генералы были встревожены очевидным малодушием Китченера. Если б создалось общее впечатление, что мы сдаемся, то это было бы роковым ударом для интересов долгосрочного мира и цивилизации: союзники связаны друг с другом обязательством не заключать сепаратного мира, но французское общественное мнение может быть встревожено и может допустить, что мы подумываем о мире до того, как Германия будет разбита.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Декабрь 1914 г.

2 декабря. Сегодня кабинет должен обсуждать вопрос о возвращении в Париж. С точки зрения военного положения, возвращение сейчас не более своевременно, чем шесть недель тому назад: немцы все еще находятся близ Компьена. В воздухе носятся слухи о переговорах. Говорят, будто Австрия пытается обратиться к Франции и Бельгии через Испанию, чтобы заключить мир отдельно от Германии и спасти себя от разгрома.

4 декабря. Окончательно решено, вопреки мнению Бриана, Делькассе и Мильерана, начать переезд в Париж 9 декабря; это глупое решение.

Париж, 13 декабря. Грей хочет увидеться со мной, и в среду я уезжаю в Лондон с поездом 7 часов утра. Сегодня утром я виделся с Брианом. Он доволен положением на фронтах. Сербы, по-видимому, имели настоящий успех, а русские заявляют об успешных действиях под Краковом.

Лондон, 16 декабря. Путь от Фолькстона до Лондона продолжался два с половиной часа, и мы прибыли в 8 часов 15 минут вместо 7 часов. В Тёрф-клубе*, где я ужинал, я получил печальное известие о том, что германские крейсера, пользуясь туманом, ушли после обстрела Скарборо и других незащищенных городов. По-видимому, нарушениям системы современного ведения войны со стороны этих гуннов нет предела.

* Тёрф-клуб (Turf Club) — закрытый аристократический клуб Лондона, основанный в 1861 г.; существует по сегодняшний день.

17 декабря. По сведениям Китченера, русский Верховный главнокомандующий* известил французского главнокомандующего, а наш военный атташе в России** передал британскому правительству, что русским недостает боеприпасов, вследствие чего им придется отступить даже к Бугу, что дает немцам возможность занять Варшаву. Результатом этого явится значительное усиление немцев на Западном фронте, имеющее целью атаковать англо-французскую линию. Я спросил, будет ли иметь это наступление шансы на успех, так как мне дано было понять, что Жоффр и Френч уверены, что смогут сохранить нынешнее расположение. Китченер сказал, что он знает об этой уверенности, но не считает ее обоснованной. Он думает, что немцы смогут прорваться благодаря своему численному превосходству и подойти к Парижу. По его сведениям, французы смогут выставить не более миллиона с четвертью человек, тогда как немцы, заняв оборону на русском фронте, смогут бросить на франко-английский фронт 4 млн.

Я беседовал с Греем также о положении во Франции, об американском посредничестве, о будущей Бельгии, об Италии и т. д. Я указал на русские претензии относительно Константинополя и проливов. Грей сказал, что мы должны выполнить обещания, данные нами в 1908 г.[19], а именно, Россия должна получить право свободного прохода своих военных судов из Черного моря в Средиземное и обратно в мирное время, в военное же время участники войны будут пользоваться равными правами. Я заметил, что в случае ухода турок из Констан-

---

* Николай Николаевич (младший) (1856—1929) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук императора Николая I. Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России (июль 1914—авг. 1915). Назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим войсками Кавказского фронта (авг. 1915—2 марта 1917), после того как Николай II лично принял на себя командование всеми вооруженными силами России.

** Альфред Уильям Нокс (1870—1964) — британский генерал, военный атташе Великобритании в России (1911—нояб. 1917), в годы Первой мировой войны исполнял обязанности офицера связи, активный участник Гражданской войны в России. В 1921 г. опубликовал книгу „С русской армией в 1914—1917 гг.“ Член Палаты общин британского парламента (1924—1945) от Консервативной партии.

тинополя создается положение, совершенно отличное от того, при котором давались все эти обещания; что в правах и привилегиях, предоставляемых России, нельзя отказать Румынии, имеющей выход к Черному морю, или Болгарии. Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превращается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала. Грей сомневается, что Россия согласится на такие условия. Вообще вопрос, кто будет распоряжаться Константинополем и проливами, станет камнем преткновения, когда наступит время для обсуждения подобных предметов.

Я должен встретиться с Греем, Китченером и Камбоном* в понедельник после полудня, так что раньше вторника об отъезде не может быть речи. На улицах Лондона очень тихо. Здесь заметно сильное разочарование, так как германские крейсера, обстреливавшие Хартлпул, Уитби и Скарборо, все еще не уничтожены. Обстрел Хартлпула может быть оправдан, так как там установлена батарея, в других же городах этого нет.

19 декабря. В здешних военных кругах существует мнение, что с русскими, поскольку речь идет о наступательных действиях с их стороны, покончено до июля. Вопрос идет о том, смогут ли англо-французские армии оказывать сопротивление немцам, если последние перебросят *значительные* подкрепления с русского фронта? Китченер сильно в этом сомневается.

Брайан[20]** готовит попытку посредничества с подачи германского*** и австрийского**** послов в Вашингтоне. Во-

---

* Поль Камбон (1843—1924) — посол Франции в Великобритании (1898—1920), брат Жюля Камбона.

** Уильям Дженнингс Брайан (1860—1925) — государственный секретарь США (март 1913—июнь 1915), представитель Демократической партии, накануне Первой мировой войны выдвинул план разрешения международных конфликтов путем арбитража.

*** Иоганн Генрих фон Бернсторф (1862—1939) — граф, посол Германии в США (1908—февр. 1917).

**** Константин Теодор Думба (1856—1947) — австрийский дипломат, посол Австро-Венгрии в Сербии (1903—1905), Швеции (1909—1912) и США (1913—нояб. 1915). Отозван из США после серии политических скандалов, причиной которых было обнаружившееся участие работников посольства в шпионаже. В 1917 г. получил титул графа.

прос в том, согласится ли с этим Вильсон*. Германия якобы согласна восстановить суверенитет Бельгии, выплатить ей возмещение и вывести войска из страны. В остальных отношениях повсюду должен быть восстановлен статус-кво.

21 декабря. Я присутствовал сегодня на совещании в Министерстве иностранных дел между Греем, Китченером и Камбоном. В Лондоне получены еще худшие вести о недостаточном снабжении русской армии снарядами и ее неспособности продолжать наступательные действия. Китченер изложил свой взгляд на положение: русским придется отступить после поражения, которое им нанесли немцы, и ограничиться обороной своих позиций. Это даст немцам возможность перебросить на англо-французский фронт часть своих сил, направленных сейчас против русских. Китченер считает, что переброска эта может дать около 500 тыс. человек. Эта цифра меньше, чем та, которая называлась 17 декабря. Если немцы будут действовать, как подобает хорошим стратегам, то они, по мнению Китченера, принудив русских к безопасной для немцев обороне, поведут наступление против французов в районе Вердена с целью прорваться к Парижу.

Париж, 25 декабря. По возвращении я нашел очень устаревшие письма — одно от Грея, от 4 декабря, другое от Мюррея Элибанка**, датированное тем же числом. Грей отклоняет всякие колебания в вопросе о войне, исходящие от Китченера или от кого бы то ни было другого: не должно быть неопределенного мира. В его письме заметна излишняя

---

* Томас Вудро Вильсон (1856—1924) — президент США (1913–1921), представитель Демократической партии. Автор Четырнадцати пунктов (1918) — программы мирного урегулирования после Первой мировой войны, центральным положением которой было создание Лиги Наций — международной организации по развитию сотрудничества между народами.

** Артур Сесил Мюррей, виконт Элибанк (1879—1962) — британский военный и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1908—1923), представитель Либеральной партии. В 1910—1914 гг. (до начала войны) — личный парламентский секретарь министра иностранных дел. В 1914—1916 гг. воевал в Бельгии и во Франции в составе Второго кавалерийского полка короля Эдуарда VII. В 1917—1918 гг. – помощник военного атташе Великобритании в США.

боязнь, что Франция изнемогает от напряжения продолжительной войны. Мюррей Элибанк пишет о жалобах прессы по поводу ошибочного утаивания несчастья со сверхдредноутом „Одейшес“[*] и по поводу сообщения о гибели другого сверхдредноута. Он говорит, что последняя речь германского канцлера[**] ободрила известные малодушные круги в Англии. Он сомневается, что всеобщее братство в Англии продлится в течение длительного времени.

27 декабря. Вчера у меня были интересные беседы с Клемансо и Полем Камбоном. Я заверил первого, что мы непоколебимы в наших стремлениях; Клемансо желал бы японской помощи на Западном фронте; Камбон предпочитает, чтобы японцы пришли по суше и помогли России в ее наступлении на Берлин; таким образом удалось бы избежать появления желтой расы в Западной Европе. Клемансо говорит, что главное — это вытеснить немцев из Франции и Бельгии, откуда они вывозят, или же потребляют на месте все, что только возможно, как то: уголь, железо, сахарную свеклу, хлопок и шерсть. В некоторых местах они запускают сохранившиеся фабрики, как, например, в Рубе и т. д. Ранней весной он ожидает большое наступление германских войск, подкрепленных пополнениями с русского фронта. Он считает, что количество британских войск, сражающихся на фронте, не превосходит 70 тыс., и не верит, чтобы „армия Китченера“ могла дать к весне больше 500 тыс. вполне экипированных солдат. Если Румыния и Греция и придут на помощь Сербии, это не отразится на главной борьбе. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть между Германией и союзниками. Россия не оправдала ожиданий ее французских

---

[*] „Одейшес“ (Audacious) — британский сверхдредноут класса „Кинг Джордж V“, спущен на воду в 1912 г., подорвался на немецкой мине в ходе учений близ берегов Ирландии 27 октября 1914 г., что стало первым случаем гибели корабля такого класса в боевых действиях; гибель корабля держалась в тайне вплоть до окончания Первой мировой войны.

[**] Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856—1921) — канцлер Германии (1909—июль 1917). На объявление Великобританией войны Германии в августе 1914 г. в ответ на нарушение последней нейтралитета Бельгии удивленно спросил, как Великобритания может объявлять войну из-за „клочка бумаги“ (международный договор 1839 г., гарантирующий независимость и нейтралитет Бельгии).

друзей. Он относится с пренебрежением к американскому вмешательству, считая, что мир должен быть делом воюющих сторон, без какого-либо посредничества или вмешательства извне. Он уверен, что Англия легко сможет убедить Японию послать войска в Европу. Однако поражение японского кабинета, в связи с предложенным им увеличением армии, опровергает такой взгляд. Сегодня днем я видел Делькассе. Он также очень хочет заполучить японцев, чтобы запугать немцев и убедить колеблющиеся нейтральные государства, что с Германией будет покончено, и побудить их присоединиться к союзникам.

29 декабря. Нижеследующее сообщение исходит от испанского посольства в Вене: „Австрийцы вполне понимают, что немцы принесли их в жертву и вскоре они будут полностью разбиты. Они допускают возможность потери Галиции, Боснии и Герцеговины и отделения Венгрии. Единственное, чем они, по-видимому, озабочены — это спасение Вены. Офицеры из лучших семей не пошли на фронт, о чем свидетельствуют списки убитых и раненых. Они служат либо в автомобильных частях, либо в различных управлениях военного ведомства. Угольный и продовольственный вопросы очень обострились в Вене: угля не достать ни за какие деньги, а хлеб распределяется, каждое утро выдается по несколько унций на каждого жителя — одному лицу разрешено получать не более четверти литра молока. Военный заем потерпел полную неудачу; подписка на него достигла порядочных размеров, но подписывались большею частью банки; последние надеялись на рост вкладов, который дал бы им наличность для оплаты взятых облигаций; но на деле общественность не откликнулась, и банки не смогли оплатить свою подписку. Как только австрийцы узнали, что указом в России запрещена продажа алкогольных напитков, они поняли, что будут разбиты. Им постоянно говорили, что произойдет то же, что и в японскую войну, когда русские генералы после сильной выпивки давали странные приказания, результатом которых бывала гибель тысяч людей.

В Вене думают, что Румыния нарушила свой нейтралитет и вскоре присоединится к союзникам“.

31 декабря. Верховный комиссар в Египте, сэр Генри Мак-Магон*, был сегодня за завтраком; в воскресенье и понедельник он был на фронте и осматривал индийские войска, потерпевшие страшные потери в боях; многие офицеры их были убиты, так что люди остались без начальников. Он виделся с Френчем и говорит, что все настроены очень уверенно и что Френч доволен своим воскресным совещанием с Жоффром. Они считают, что Военное министерство и Китченер вмешиваются слишком много; они плохо оценивают положение и недостаточно сознают, что, занимая всего только восемнадцатую или двадцатую часть всего фронта, они не могут диктовать Жоффру расположение войск. Он думает, что наша позиция по вопросу о Константинополе и проливах будет очень слабой, когда дело дойдет до обсуждения, и что мы слишком много уступаем России в этих делах, а также в вопросе о Персии. После войны у нас будут нелады и затруднения с Россией, в особенности если она станет добиваться права сношений с Афганистаном.

---

* Артур Генри Мак-Магон (1862—1949) — британский военный и дипломат, занимал различные посты в колониальной администрации Индии, верховный комиссар Великобритании в Египте (1915—янв. 1917).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Январь 1915 г.

1 января. Ллойд Джордж приезжает сюда для переговоров по финансовым вопросам.

Очень тягостна гибель в Английском канале* еще одного большого судна от мины или подводной лодки.

3 января. Сегодня у меня была интересная беседа с одним румынским депутатом, сторонником участия Румынии в войне на стороне союзников: он считает, что Румыния вступит в войну в марте, когда минует суровая румынская зима и Румыния будет иметь все необходимое военное снаряжение. Он посетил Софию и Рим. Он убежден, что Болгария не предпримет военных действий, идущих вразрез с желаниями России. Если в кабинет войдет кто-либо из сторонников Стамболийского**, это будет означать усиленную подготовку к войне, быть может, против турок, невзирая ни на какие противоположные обязательства, которые будут рассматриваться, на немецкий манер, как клочки бумаги. Он противник японской помощи в Европе. Он уже перекроил европейскую карту! Галиция — Польше, Польша — России, Триест и Трентино — Италии, которая будет настаивать на том, чтобы не допустить Венгрию к Адриатическому морю. Все, что есть „румынского“ в Австро-Венгерской империи, переходит к Румынии. Австрийцам, по его мнению, лучше всего

---

* Английский канал — английское название пролива Ла-Манш.

** Александр Стамболийский (1879—1923) — лидер Болгарского земледельческого народного союза (1902—1923), выступал против союза Болгарии с Центральными державами. В 1919—1923 гг. — премьер-министр Болгарии.

присоединиться к Германии. Болгария по меньшей мере должна получить территории до линии Энос — Мидия. Греция должна довольствоваться тем, что она уже получила. Сербия получит Боснию и Герцеговину, а также сербские области Австро-Венгерской империи. Турок следует вытеснить из Европы, а Константинополь и проливы поставить под международный контроль, так как ни Румыния, ни Болгария не могут согласиться на исключительные привилегии России на этих территориях. Судя по разговорам, которые ведутся здесь, он полагает, что французы надеются иметь после войны границу по Рейну до самой Голландии. Я думаю, что с этим им не справиться, принимая во внимание немецкое население Трира, Кёльна и т. д.

Все это значит — делить шкуру неубитого медведя. Он не верит в русское командование, но сильно надеется на солдат.

Одна женщина, оставленная охранять замок на севере Франции в занятой немцами области, пишет своей хозяйке о состоянии дома, о реквизициях обстановки, белья и т. д. В постскриптуме она добавляет: „Я забыла сказать вам, графиня, что меня изнасиловали четыре раза!“

6 января. Французы считают ошибкой, что наши офицеры и солдаты слишком много рискуют. Французы теряют веру в русский „паровоз“: не хватает пара, чтобы пустить его как следует в ход. Газеты и общественность страстно желают иметь во Франции по меньшей мере 400 тыс. японцев, чтобы очистить страну от немцев. Согласятся ли японцы на это, и если согласятся, то какой ценой? Индокитай считается подходящей приманкой, если ни Россия, ни Англия не согласятся уступить что-либо приемлемое для Японии.

Сегодня я видел одного француза из Главной квартиры Френча. Он говорит, что на фронте все настроены очень уверенно, но что траншеи так близки друг к другу, что англичане и французы братались, что следовало бы запретить.

10 января. Здесь выдвигают идею, которую поддерживает Клемантель*, докладчик Финансовой комиссии

---

* Этьен Клемантель (1864—1936) — министр колоний (1905—1906), министр торговли, промышленности, почты и телеграфа (окт. 1915—нояб. 1919), министр труда и одновременно министр сельского хозяйства (дек.

Палаты депутатов, выпустить заем, примерно на 800 млн фунтов стерлингов от имени британского и французского правительств для предоставления средств Англии, Франции и всем странам, воюющим на их стороне, а после войны создать своего рода таможенный союз. Я сказал своему осведомителю, что это было бы использованием британского кредита в целях удешевления займа для прочих участников войны, или повышением процента, в ущерб британским налогоплательщикам, что имело место, когда державы настояли на своем участии совместно с Англией в гарантировании займа Египту: процент по займу оказался вследствие этого выше, чем он был бы, если бы единственными гарантами были мы, как мы и предполагали. Что же касается таможенного союза, то он неосуществим с такой фритредерской* страной, как Англия. Я думаю, тем не менее, чтобы компенсировать некоторые потери вследствие сокращения торговли с Германией, после войны мы должны будем вернуться к торговому договору с Францией наподобие соглашения 1860 г., чтобы нашу торговлю не ограничивал неблагоприятный французский тариф, созданный для этой цели французскими промышленниками.

Предполагаемый визит Ллойд Джорджа, о котором стало известно, ожидается в финансовом мире с интересом. Мюррей Элибанк был здесь вчера; он говорит, что предпринимаются серьезные попытки отстранить Френча; Китченер интригует, и имеются уже френчисты и китченеристы. Было бы несчастьем, если бы Китченер принял командование, так как он ссорился бы с Жоффром и Фошем** и со всеми французскими генералами.

1916—март 1917), министр финансов (1924—1925) Франции. В 1914 г. не занимал министерских должностей, являясь одним из членов Палаты депутатов французского парламента.

* Фритредерство (от англ. free trade — свободная торговля) — экономический принцип, в соответствии с которым предусматривается минимизация или полный отказ от импортных и экспортных таможенных пошлин, как правило, на принципах взаимности.

** Фердинанд Фош (1851—1929) — маршал Франции (1918), заместитель главнокомандующего французской армией (окт. 1914—дек. 1916),

12 января. Вступление Румынии в войну становится все более и более вероятным, так как, если русские продвинутся далеко в Трансильванию, Румынии придется выступить или упустить благоприятную обстановку. Если Румыния вступит в войну, то общественное мнение в Италии возобладает над правительством, и оно окажется в состоянии войны помимо своей воли. Итальянцы отвлекут несколько австрийских армейских корпусов от России и Франции. При таких обстоятельствах Австро-Венгрия может распасться на части.

14 января. Два дня тому назад я встретил на улице Извольского. Он предсказывает революцию в Константинополе против младотурок*. Что надлежит делать в таком случае? В ответ на мое замечание, что нужно предоставить борющимся группам резать друг друга, он ответил: „О нет! Это было бы неправильно“. Он, очевидно, думал, что это будет поводом для вмешательства России в качестве охранительницы порядка!

25 января. Эдмон де Ротшильд приходил сегодня утром, а позже прислал одного своего единоверца из России, живущего в Манчестере, чтобы поговорить о плане, который я считаю абсурдным; хотя они и утверждают, что заручились одобрением Грея, Ллойд Джорджа, Сэмюэла**

начальник Генерального штаба Франции (май 1917—март 1918), Верховный главнокомандующий войсками Антанты (с апреля 1918 г.). Был удостоен званий британского фельдмаршала (1919) и маршала Польши (1923).

* Младотурки — представители либерально-реформистского движения в Османской империи, объединившиеся в организацию „Единение и прогресс“ (1889; позднее преобразована в политическую партию). С приходом к власти лидеров „Единения и прогресса“ в результате младотурецкой революции (1908) связано введение в Османской империи конституционного строя. Находились у власти вплоть до крушения Османской империи в 1918 г.

** Герберт Луис Сэмюэл (1870—1963) — генеральный почтмейстер (1910—февр. 1914, май 1915—янв. 1916), председатель Совета местного самоуправления (1914—1915, министерский пост), министр внутренних дел (янв.—дек. 1916, 1931—1932) Великобритании, верховный комиссар Великобритании в Палестине (1920—1925). Лидер Либеральной партии (1931—1935). В 1937 г. получил титул виконта.

и Крю*, они не упомянули о лорде Рединге**. Этот план предусматривает превращение Палестины в израильское государство под протекторатом Англии, Франции или России, предпочтительно — Англии; они не подумали о том, что Россия и Франция могут выдвинуть свои возражения! Представьте себе христианские святые места под охраной евреев, которым пришлось бы следить за порядком среди римско-католических священников и православных попов, привыкших к дракам друг с другом в церквях и к вмешательству турецких солдат! Авторы плана готовы передать охрану особой международной комиссии, если это нужно; они готовы даже передать ей охрану всего старого Иерусалима и построить себе поблизости новый. Франция нацеливается на Египет, но мне кажется, что не рекомендуется иметь Францию на границе Египта, равно как и Россию. Что скажут об этом плане папа***, Италия и католическая Франция, ненавидящая евреев? Несколько лет тому назад Чемберлен предложил евреям часть Уганды, но этого им было мало.

---

* Роберт Крю-Милнс (1858—1945) — председатель Палаты лордов британского парламента (1908—1916), министр колоний (1908—1910), министр по делам Индии (1910—май 1915), министр образования (авг. — дек. 1916), военный министр (1931) Великобритании, посол Великобритании во Франции (1922—1928), представитель Либеральной партии. В 1911 г. получил титул маркиза Крю.

** Руфус Айзекс (1860—1935) — верховный судья Англии и Уэльса (1913—1921), посол Великобритании в США (1918—1919), вице-король Индии (1921—1925), министр иностранных дел Великобритании (1931), представитель Либеральной партии. В 1914 г. получил титул барона, а в 1926 г. — маркиза Рединга.

*** Бенедикт XV (до интронизации — Джакомо Паоло Джованни, маркиз делла Кьеза, 1854—1922) — Папа римский (сент. 1914—1922). В ходе Первой мировой войны неоднократно обращался к враждующим сторонам с предложениями о примирении, известен как „апостол мира“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Февраль 1915 г.

3 февраля. Сегодня я сопровождал Ллойд Джорджа на аудиенцию у президента республики; разговор касался исключительно англо-французской или просто английской военной экспедиции в Салоники, имеющей целью скомпрометировать Грецию и убедить Румынию помочь Сербии против австро-германского наступления, грозящего ей разгромом; британское правительство придерживается мнения, что для ослабления германского нажима на севере надлежит попытаться ввести новые силы на Востоке. Венизелос* предлагает контингент в 5 тыс. человек. Китченер считает, что необходимо направить армейский корпус в составе двух дивизий численностью, если это будут британские войска, в 36 тыс. человек. Президент сказал, что он усматривает известные преимущества, дипломатические и политические, в предложениях, выдвинутых Ллойд Джорджем, и что французское правительство запросит мнение генерала Жоффра, взгляды которого, по его сведениям, разделяют генерал Фош и сэр

---

* Элефтериос Венизелос (1864—1936) — премьер-министр (в том числе 1910—март 1915, авг.—окт. 1915, июнь 1917—1920), министр иностранных дел (авг.—окт. 1915), военный министр (июнь 1917—1920) Греции. Сторонник участия Греции в войне на стороне Антанты, в чем кардинально расходился с прогермански настроенным королем Константином I. Создание Венизелосом альтернативного правительства в Салониках (так называемое Временное правительство национальной обороны, авг. 1916) стало началом раскола страны на две части („национальный раскол“, 1916), завершившегося в июне 1917 г. отречением Константина в пользу своего второго сына Александра и вступлением Греции в Первую мировую войну.

Джон Френч, но он явно не предсказывал этим, что генерал согласится выделить какой-либо контингент из своих армий, и добавил, что дипломатические и политические соображения, которые могли бы оправдать игнорирование французским правительством взглядов военных властей, должны быть весьма вескими. Ллойд Джордж обратил также внимание президента на целесообразность учреждения во Франции совета с участием представителей от французского, русского и британского главнокомандующих, дабы последние были осведомлены о намерениях и операциях своих коллег. В настоящее время нет достаточной координации между армиями союзников, что дает преимущество германскому командованию. Пуанкаре, по-видимому, отнесся одобрительно к этому предложению.

4 февраля. Ввиду того, что министр финансов пожелал побеседовать с Брианом, я пригласил их на обед в посольство сегодня вечером. После обеда Ллойд Джордж, Бриан и я расположились в библиотеке, и я взял на себя роль переводчика. Ллойд Джордж немного понимает по-французски, но недостаточно; то, что было сказано обоими министрами, можно было сказать в течение 20 минут, но беседа затянулась более чем на полтора часа. Со стороны Ллойд Джорджа она заключалась в повторении почти тех же аргументов, которые он выдвигал в пользу Салоникской экспедиции в беседе с президентом. Бриан сказал, что около трех месяцев тому назад он предлагал это средство, чтобы ослабить германский нажим на Бельгию и Францию — он имел в виду франко-британский экспедиционный корпус, численностью в 40 тыс. человек, но французские военные власти были против этого, и кабинет отверг эту идею. Вчера, в результате представлений британского правительства и после совещания по телеграфу с генералом Жоффром, кабинет пересмотрел свое прежнее отрицательное решение и принял это предложение в принципе. Свой взгляд Бриан изложил следующим образом. Чтобы улучшить положение в Бельгии и на севере Франции, следует распространить кампанию на Балканы. Экспедиция британских и французских войск в Салоники с участием греческой армии и при давлении со стороны России, несомненно, заставила бы Румынию вступить в вой-

ну и определила бы позицию Болгарии, у которой, быть может, и есть обязательства по отношению к Австрии и Германии и даже к Турции, что представляется вероятным ввиду вывода турецких войск и орудий из Адрианополя, но она едва ли стала бы соблюдать эти обязательства, если бы страна увидела, что интересам Болгарии больше соответствует союз с Антантой, нежели с Австрией и Германией. Если бы русские войска высадились в Варне или вступили бы в Румынию с согласия ее правительства, то царю* и правительству Болгарии пришлось бы выбирать между совместными действиями с Антантой и поражением.

12 февраля. Уррутиа** нанес мне сегодня визит и придет завтра к завтраку. Он с сожалением констатирует, что в Мадриде господствует определенно германофильское настроение; даже те, кто привык ездить в Англию, настроены в пользу Германии и уверены, что немцы дойдут до Парижа; королева*** чувствует себя очень несчастной, так как она ненавидит немцев. Передают, что король**** сказал: „Il n'y a en Espagne pour les alliés que moi et la canaille" („В Испании за союзников стою только я и разная сволочь").

---

* Фердинанд I (1868—1941) — князь (с 1908 г. — царь) Болгарии (1887—1918), первый представитель Саксен-Кобург-Готской линии немецкой династии Веттинов на болгарском престоле. В 1908 г. провозгласил полную независимость Болгарии от Османской империи. Придерживался прогерманских взглядов. После поражения Болгарии в Первой мировой войне отрекся от престола в пользу своего сына Бориса (1918—1943).

** Венсеслао Рамирес де Вилла-Уррутиа (1850—1933) — испанский дипломат и историк, министр иностранных дел Испании (янв.—июнь 1905), посол Испании в Австро-Венгрии (1902—1905), Великобритании (1906—1913), Франции (1913—1916), Италии (1916—1922). В 1918 г. получил титул маркиза.

*** Виктория Евгения Баттенбергская (1887—1969) — испанская королева, супруга Альфонса XIII, по матери — внучка британской королевы Виктории.

**** Альфонс XIII (1886–1941) — король Испании, представитель испанской ветви династии Бурбонов (1886—1931). Родившись после смерти своего отца, короля Альфонса XII (1874—1885), получил престол при рождении, был вынужден покинуть Испанию в ходе революции (1931).

15 февраля. Здесь существует партия, которая хочет послать представителя в Рим, чтобы убедить окружение папы (не его преосвященство, так как он непогрешим и не нуждается в убеждениях) в том, что Франция борется за правое дело и победит, и чтобы убедить Квиринал* (не короля**, потому что он уже убежден), что интересы Италии требуют единства с Францией и Англией. Делькассе против такой миссии, а Бриан ее поддерживает.

16 февраля. Сегодня днем меня посетил некий мистер Морган, американский журналист. Он выехал в пятницу из Берлина в Берн и Цюрих и прибыл в Париж в воскресенье. Он говорит, что германская ненависть по отношению к Англии проникла отчасти и в Соединенные Штаты; он уехал, ибо в такой атмосфере нельзя было сделать ничего хорошего. Он беседовал относительно подводной блокады с Яговым[21]***. Ягов заявил, что это не блокада, а лишь уведомление о том, что определенные зоны будут представлять опасность после 18 февраля, подобно тому, как опасны прогулки нейтралов между двумя вражескими траншеями. В настоящий момент, говорит мистер Морган, не может быть и речи о том, чтобы Германия сдалась. Когда он указал Ягову на то, как опасно провоцировать американское общественное мнение, подвергая опасности жизнь и собственность американцев, Ягов ответил, что Германия никого не боится и решила прибегнуть ко всем тем мерам, которые смогут нанести ущерб Англии, невзирая на последствия, вытекающие из этих мер для нейтральных стран. В Германии, думает Морган, господствует взгляд, будто Америка уже сейчас старается нанести Германии как можно

---

* Квиринал — самый высокий из семи холмов Рима, место расположения официальной резиденции главы (до 1946 г. — короля, затем — президента) Италии, Квиринальского дворца. В переносном значении обозначает государственный аппарат Италии в целом.

** Виктор Эммануил III (1869—1947) — король Италии (1900—1946), представитель Савойской династии. В мае 1946 г. отрекся от престола в пользу сына — Умберто II, но уже в следующем месяце по итогам референдума монархия в Италии была упразднена.

*** Готлиб фон Ягов (1863—1935) — посол Германии в Италии (1909—янв. 1913), министр иностранных дел Германии (янв. 1913—нояб. 1916).

больше вреда и что объявление войны с ее стороны не ухудшило бы положения, так как Америка не может добраться до Германии; вместе с тем она уже сейчас снабжает Францию и Англию оружием и боеприпасами, не настаивая, однако, на отправке продовольствия в Германию. Все свое внимание Германия обращает в настоящее время на восточную границу; немцы надеются разбить русских, а затем они намерены начать наступление на франко-британском фронте. По мнению Моргана, немцы начинают чувствовать тягости ограничения продовольственного снабжения, которое они сами на себя навлекли безрассудным объявлением подводной блокады. Морган является корреспондентом нью-йоркского „Метрополитэн Мэгазин“*.

17 февраля. Делькассе очень смущен тем обстоятельством, что министр Самба** присоединился к резолюции социалистической конференции в Лондоне[22]: это может повлечь за собою реорганизацию кабинета. Гед*** не участвовал в конференции. Извольский, которого я видел сегодня, в бешенстве по поводу выступления Самбы. Акции социалистов понизились в настоящее время, и их легко можно удалить из кабинета, не вызывая никакого движения в стране. Вчера я обедал в „Кафе-де-Пари“****, где я не был уже несколько лет. Кафе было полным-полно. Много демимоде-

---

* „Метрополитэн Мэгазин“ (Metropolitan Magazine) — американский ежемесячный журнал, издававшийся в Нью-Йорке с 1895 г. по 1925 г. В годы Первой мировой войны с журналом активно сотрудничали известный журналист и писатель Джон Рид и экс-президент США Теодор Рузвельт.

** Марсель Самба (1862—1922) — французский журналист и политический деятель, социалист, министр общественных работ Франции (авг. 1914—дек. 1916).

*** Жюль Гед (настоящее имя — Жюль Базиль, 1845—1922) — французский журналист и политический деятель, социалист, член правительства Франции (министр без портфеля, авг. 1914—дек. 1916).

**** Кафе-де-Пари (Café de Paris) — модный парижский ресторан, открытый в 1822 г. Располагался на Итальянском бульваре. В 1920-е гг. здание, где находился данный ресторан, было снесено при завершении строительства Бульвара Осман.

нок*, среди них некоторые со спутниками в хаки**. Огни были погашены ровно в десять часов вечера. „Кафе-де-Пари“ в настоящий момент самое людное место. Изредка довольно занятно посмотреть на *нравы* военного времени, но для меня нет ничего более раздражающего, чем ночные сборища; я предпочитаю покой „Ритца“***, если не обедаю дома. *Ни одно* из Балканских государств не намерено выступить. Каждое по очереди заявляет: „Прошу вас, извините меня“. Обоснование — или „у нас нет оружия“, или „мы не можем выступить, пока не выступят соседи“, или „момент еще не настал“, или „то, что вы предлагаете, недостаточно“. Они ожидают решительной победы той или иной стороны — вот как в действительности обстоит дело. Все они хотят шантажировать друг друга и нас.

21 февраля. Меня тревожит, что наши офицеры и солдаты ведут себя слишком непринужденно в занимаемых ими квартирах. В замке Жоннара**** в Па-де-Кале офицеры индийских полков выпили все вина и старую водку, а погреб у Жоннара был превосходный; они даже приглашали его самого обедать и пить свои собственные вина! А их ординарцы вбивали гвозди в тонкую деревянную обшивку стен, чтобы вешать одежду своих господ. Жоннар не жаловался, но эти акты возмутительны; мы называем немцев, которые так поступают, разбойниками и бандитами, и мне становится стыдно.

---

* Демимоденки (фр. demi-mondaines) — женщины легкого поведения, дамы полусвета.

** Спутники в хаки — британские военные; британская армия с 1902 г. полностью перешла на военную форму цвета хаки, французская армия встретила начало Первой мировой войны в сине-красном обмундировании, которое в 1915 г. было заменено на серо-голубую форму.

*** „Ритц“ (Ritz) — модный парижский ресторан, расположенный в здании одноименного фешенебельного отеля, построенного в 1898 г.; отель и ресторан существуют по сегодняшний день.

**** Шарль Жоннар (1857—1927) — французский политический деятель, министр иностранных дел Франции (янв.—март 1913), министр по вопросам блокады и освобожденных территорий (нояб. 1917). В годы Первой мировой войны являлся сенатором; уполномоченный представитель Антанты по принятию отречения греческого короля Константина I (1917).

22 февраля. Военно-морской атташе* вернулся со Средиземного моря; он в восторге от перспективы разгрома дарданелльских фортов и захвата Константинополя. Если это случится, то произойдут большие изменения. Болгария, Греция и Румыния, как голодные волки, бросятся на умирающего турка, чтобы отхватить себе клочок, а турки повернут фронт и предадут своих друзей-гуннов. Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит великие державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах России в отношении Константинополя и Черноморских проливов. Боюсь, что Грей в этом вопросе не занимает такой твердой позиции, какой я желал бы; я имею в виду интернационализацию по принципам режима Суэцкого канала: это не удовлетворило бы Извольского и его хозяина. Наше новейшее и самое большое судно „Куин Элизабет"** в Дарданеллах; у нас там очень крупные силы.

Сюда дошла из Лондона сплетня о происходившем недавно „избиении" адмиралов, среди которых некоторые, но не все, невиновны; по этому поводу много ворчат.

24 февраля. Я давно подозревал поползновения Франции на Рейн, как границу с Германией, а также вожделения ее по части Сирии. Все это Делькассе подтвердил в академической беседе сегодня вечером: Франция займет Майнц, Кобленц, Кёльн; Бельгия — Аахен. Сирия не представляет ценности, заявил он. Когда я спросил, почему же стремятся ею завладеть, он ответил, что здесь играют роль сентиментальные чувства. Я не думаю, чтобы он знал о размерах русских претензий в отношении Константинополя и проливов.

Он высказал предположение, что мы, как всегда, захотим все взять себе, и спросил, что я готов предоставить

---

* Майкл Генри Ходжес (1874—1951) — британский адмирал, второй лорд Адмиралтейства (1927—1930). В начальный период Первой мировой войны занимал должность военно-морского атташе Великобритании во Франции.

** „Куин Элизабет" (Queen Elizabeth) — британский сверхдредноут, головной корабль в одноименном классе судов, спущен на воду в 1913 г., флагман ВМФ Великобритании (1917). Участвовал в Дарданелльской операции (февр. 1915—янв. 1916). Принимал участие во Второй мировой войне.

Франции. Я ответил — Эльзас-Лотарингию и все, что не понадобится нам самим!

Он согласен, что было бы безрассудно оставить Гельголанд* в руках Германии. Сегодня вечером я виделся с Титтони**. Я заметил, что если Италия не выступит в ближайшем же будущем, то для нее может не оказаться добычи; он ответил, что имеются трудности, которые предстоит преодолеть, и он надеется, что это удастся. Трудности заключаются в недостатке вооружения и внутренних разногласиях. Делькассе говорит, что Италия располагает армией в 700 тыс. солдат и что, как только Франция, Англия и Россия приблизятся к Константинополю, Болгария, Румыния и Италия захотят быть с нами как с побеждающей стороной.

26 февраля. По нынешним временам ни о чем нельзя говорить. В „свете“ только и говорят, что о балканской военной экспедиции Франции и Англии. Поговаривают о присоединении канадских и египетских войск к французской армии. Если это так, то следовало бы сделать это поскорее, чтобы форсировать выступление Болгарии и Румынии. Здесь все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы Россия не имела возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора.

---

* Гельголанд — остров в Северном море. До 1807 г. принадлежал Дании, затем Великобритании. В 1890 г. передан Германии в обмен на Занзибар (остров у восточного побережья Африки, сейчас входит в состав Танзании). С 1892 г. Гельголанд — крупная военная база Германии.

** Томазо Титтони (1855—1931) — министр иностранных дел (1903—1905, 1906—1909, 1919), премьер-министр и министр внутренних дел (март—май 1905) Италии. В период с 1910 г. по ноябрь 1916 г. — посол Италии во Франции. Сторонник смены внешнеполитического курса от сотрудничества с Центральными державами в пользу совместных действий с Антантой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Март 1915 г.

2 марта. Делькассе сказал мне сегодня утром, что Германия предпринимает энергичные попытки оторвать Россию от ее союзников; он говорит, что это ей не удастся. Однако я отмечаю некоторую нервозность, которая усилится, если Россия будет недовольна позицией Франции и Англии по константинопольскому вопросу.

5 марта. Я встретил Извольского, ожидая приема у Делькассе. У Извольского и его хозяина закружились головы — надутые головы, надутые ноги, все надутое. Общественное мнение будет выдвигаться в России в качестве оправдания всякого рода нелепых требований, что восстановит против России Румынию, Болгарию, Грецию, Италию и, как *мне* думается, общественное мнение в Англии и Франции.

6 марта. Известия о Дарданеллах благоприятны. Комичное зрелище — небольшое русское судно в Средиземном море, присоединившееся к крупным судам Англии и Франции, участвующим в обстреле только для того, чтобы засвидетельствовать свое присутствие.

12 марта. Мне передают, что некоторые из наших высокопоставленных военных сомневаются в успехе нашей атаки на Дарданеллы, если она не будет поддержана *крупными* сухопутными силами.

14 марта. Во время продолжительной вечерней прогулки в Во я имел беседу с Мюрреем Элибанком. По его сведениям, предпринимаются подозрительные шаги к организации партии, которая будет настаивать на заключении мира раньше, чем война будет доведена до конца; в состав ее вой-

дут пацифисты, германофилы, квакеры и часть Лейбористской партии; правительство использует члена парламента Томаса[23]* для противодействия этому движению.

20 марта. Дела под Дарданеллами идут не так хорошо, как мы надеялись: течение очень сильно, и плавучие мины, устанавливаемые немцами, представляют новую опасность, против которой еще не найдено надлежащее средство.

27 марта. Делькассе сделал в Комиссии по иностранным делам Палаты депутатов сообщение по вопросу о Константинополе и проливах; ничто не держится здесь в тайне так же, как и в Лондоне. О Дарданелльской экспедиции было известно только узкому кругу лиц, но Луис Маллет** услышал о ней во время обеда от Луи де Ротшильда***, узнавшего эту новость от Альфреда де Ротшильда****, который, в свою очередь, мог узнать ее во время ежедневных своих визитов к Китченеру в Военном министерстве на Даунинг-стрит, 10*****. Секретов сейчас не существует. Я знаю только одну женщину, которая не болтает.

28 марта. Мне сообщили подробности о разъяснениях, сделанных в Комиссии по иностранным делам. Более чем неделю тому назад Делькассе сообщил комиссии, что Франция „приняла формальные обязательства“ по отношению к России и ее желания касательно Константинополя. Комиссия высказала признаки серьезного недовольства. Два члена ко-

---

* Джеймс Генри Томас (1874—1949) — британский профсоюзный и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1910—1936), один из лидеров Лейбористской партии. В 1920—1930-е гг. занимал различные министерские посты.

** Луис Маллет (1864—1936) — посол Великобритании в Османской империи (1913—1914). В годы Первой мировой войны занимал различные посты в Министерстве иностранных дел Великобритании.

*** Луи Натаниель де Ротшильд (Луис Натаниель фон Ротшильд, 1882—1955) — барон, представитель австрийской ветви династии банкиров Ротшильдов.

**** Альфред Карл де Ротшильд (1842—1918) — представитель британской ветви династии банкиров Ротшильдов. В 1869—1889 гг. — директор Банка Англии. Известен как покровитель изящных искусств и меценат.

***** Даунинг-стрит, 10 — официальная резиденция премьер-министра Великобритании.

миссии, из них один — Дени Кошен*, заявили решительный протест — последний, быть может, отчасти с точки зрения католика — против того, чтобы собор Святой Софии оказался в руках православных. Делькассе указал тогда, что Франция получит Александретту!** Грею приписывают следующие слова, якобы сказанные им Камбону, когда вопрос этот обсуждался между ними: „Но вы ведь не станете требовать от меня признания Александретты за часть Сирии?“ Осенью Делькассе говорил депутатам о Палестине, но в последний раз он не упоминал о ней; из этого депутаты заключили, что Россия ставит препятствия в этом пункте. Предполагают, что во время посещения президентом Франции Петербурга в июле 1914 г. российскому правительству была дана надежда, и, быть может, больше чем надежда, что французское правительство не будет возражать против передачи Константинополя во владение России. Многие французские общественные деятели ожидают, что Англия станет возражать против того, чтобы британские и французские силы заняли Константинополь раньше русских в качестве гарантии хорошего поведения России. Здесь существует авторитетное мнение, что, имея Россию на Кавказе, на Босфоре и на северном конце Багдадской железной дороги***, Англия окажется выданной на произвол России в Месопотамии.

---

* Дени Кошен (1851—1922) — барон, французский писатель и политический деятель, член Палаты депутатов французского парламента (1893—1919), член правительства (министр без портфеля, 1915—1916) Франции, видный представитель Католической партии.

** Александретта (соврем. — Искендерун) — город в Турции на границе с Сирией, самый большой город области Хатай (ранее — Александреттский санджак). По итогам Первой мировой войны Александреттский санджак вошел в состав Сирии, находившейся под мандатным управлением Франции. В 1939 г., несмотря на сирийские протесты, французское правительство передало Александреттский санджак Турции. На протяжении второй половины XX в. александреттский вопрос оставался наиболее острым в турецко-сирийских отношениях.

*** Багдадская железная дорога — частично реализованный проект строительства железной дороги по территории Османской империи, которая должна была соединить Стамбул с Багдадом и побережьем Персидского залива (в районе Басры). В начале XX в. концессию на строительство дороги получила Германия (отсюда второе название дороги, Берлин—Багдад), что вызвало резкое недовольство Великобритании. С нача-

Сазонов[*] обнаруживает полную меру глупости. Он воображает, что победа русских под Перемышлем позволяет ему диктовать свои условия.

29 марта. Сегодня утром здесь был Эшер[**]. Он намерен посетить Френча в субботу. Он рассказывает, что английские рабочие, занятые в производстве снарядов, получают так много денег, что отказываются работать более четырех дней в неделю. Я боюсь, что запрещение крепких напитков может вызвать беспорядки. Положение очень затруднительно. Найдет ли в себе правительство смелость, чтобы ввести *временную* воинскую повинность, дабы мобилизовать и подчинить военным законам непокорных рабочих? При таких затруднениях, какие мы теперь переживаем, принципы должны быть выброшены за борт, несмотря ни на какие издевательства политических противников.

лом Первой мировой войны темпы работ по строительству дороги были резко сокращены.

[*] Сергей Дмитриевич Сазонов (1860—1927) — министр иностранных дел России (1910—июль 1916). В 1919 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве Колчака и представлял интересы Белого движения на Парижской мирной конференции (1919—1920), подводившей итоги Первой мировой войны.

[**] Реджинальд Балиол Бретт, виконт Эшер (1852—1930) — британский политический деятель, представитель Либеральной партии. Имел тесные связи с королевской семьей и с ведущими британскими политиками. Не занимая высоких должностей, обладал значительным неофициальным влиянием, являлся инициатором и вдохновителем многих правительственных реформ накануне Первой мировой войны, в том числе реформы вооруженных сил.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Апрель 1915 г.

2 апреля. Итальянские газеты сообщают о цене, которую Италия хочет и рассчитывает получить за свою честь. Оттеснить Австрию от Адриатического моря значило бы толкнуть ее в объятия Германии или какого бы то ни было иного государственного образования, которое окажется на месте Германии после войны, и в то же время выдать ее на милость России, так как, вместо прямого выхода к морю, у нее останется лишь выход в Черное море через Дунай или путь через Германию к Балтийскому и Северному морям, если ей только не будет предоставлено право прохода в Триест через итальянскую территорию. Я думаю, что было бы очень ошибочно доверять России и Италии и сделать первую владычицей Черного моря, а вторую сильнейшей державой в Адриатике.

7 апреля. Я получил от Делонкля* — он не играет сейчас политической роли, но знает, что говорят в обществе, — меморандум о Константинополе и проливах. В нем говорится: „Недостаточно подготовить и завоевать победу дорогой ценой, но надлежит обеспечить ее будущее. Между тем забота об этом будущем, по-видимому, со слишком легким сердцем откладывается руководителями общественного мнения. Союзническая пресса утверждает, что следует разрушить Германскую империю, создать польское государство из части Восточной Прус-

---

* Франсуа Делонкль (1856—1922) — французский дипломат и политический деятель, член Палаты депутатов французского парламента (1889—1898, 1902—1910, 1912—1914), активно занимался колониальными проблемами.

сии и Силезии, из русской Польши и Галиции, вернуть Триест и Трентино Италии, увеличить территорию Сербии, дав ей Боснию и Герцеговину, Хорватию и Далмацию вплоть до Триеста, и, исправив границы Румынии, Болгарии, Сербии и Греции, *оставить Константинополь России*".

Обсудив вопрос об образовании Польши и стоящие на этом пути трудности, он говорит: „Беспокойство возрастает, когда видишь, что Святейший Синод близок к осуществлению своих давних мечтаний о проникновении на западе, посредством Сербии, до Адриатики, и на востоке — до Константинополя".

Он протестует во имя цивилизации против позора, каким явилось бы господство Синода над Пулой* и Стамбулом, нашествие славян на Адриатику, греческий крест на воротах Рима и Россия, в роли владычицы Константинополя, господствующая над Румынией, Болгарией, Грецией и Анатолией, проникающая вплоть до святых мест, угрожающая Суэцкому каналу и держащая в своих руках два пункта Баг-дадской железной дороги, т. е. Скутари в Малой Азии и Кавказ. Вся работа Англии и Франции на Западе оказалась бы бесцельной, не было бы более свободного Средиземного моря, и пришлось бы совместно с остатками Германии ковать новое оружие против гегемонии, которую трудно было бы одолеть.

Далее он говорит о необходимости противодействовать замыслам Святейшего Синода. „Будет ли Восток русским или международным?" Так стоит вопрос. Международный режим Англия, Франция и Россия осуществляли бы совместно; две первые державы смогли бы установить по своему усмотрению справедливый режим, потребовав, после совместной оккупации Константинополя, совместного же управления как Константинополем, так и Иерусалимом, создания на Адриатике государства, препятствующего против власти Святейшего Синода, и, наконец, восстановления действительно независимой Польши.

---

* Пула — город и порт на Адриатическом море, расположенный на полуострове Истрия. С 1859 г. — главная военно-морская база Австро-Венгерской империи. После Первой мировой войны Пула вместе с Истрией была передана Италии (1919), после Второй мировой войны вошла в состав Югославии (1947), с 1991 г. — в составе независимой Хорватии.

„Ради такого дела готовы прийти в движение все либеральные и революционные силы Европы. Неужели Англия здесь впервые не окажется вовремя на месте?“

8 апреля. То тут, то там и вообще повсюду Уинстон Черчилль поступает опрометчиво: его импульсивность — прямое несчастье. Как мне передают, недавние действия корабельной артиллерии против дарданелльских фортов произвели на него такое сильное впечатление, что он готов был приказать подвергнуть бомбардировке Гельголанд и Куксхафен*, совершенно забывая о том, что там имеются германские суда для поддержки береговой обороны, тогда как у турок нет ничего сколько-нибудь значительного, за исключением надувательских „Бреслау“ и „Гёбена“.

9 апреля. Превосходно будет, если изданное королем запрещение „пить“ во дворце приведет к большей умеренности в этом отношении среди рабочего люда. Но мне кажется, что опасной и глупой была бы попытка прекратить законодательными или административными мерами потребление алкоголя — считая и пиво — рабочими. Это вызвало бы очень сильное недовольство, если не больше. Более того, в силу привычки и, в некоторых случаях, в силу конституциональных особенностей, алкоголь в той или иной форме или пиво почти что необходимы. Если сокращение пьянства диктуется исключительно интересами национальной безопасности и питейные дома должны быть закрыты, то на нанимателей рабочих следовало бы возложить обязанность выдавать ограниченное количество алкоголя тем рабочим, которые потребуют этого, и вычитать стоимость всего того, что они выпили, из заработной платы.

15 апреля. Люди, приезжающие из Англии, передают о царящем там угнетенном настроении; здесь господствует твердая уверенность.

---

* Куксхафен — германский порт на Северном море, расположенный в устье Эльбы. Накануне и в период Первой мировой войны имел большое военное значение.

17 апреля. Вечером я встретился за обедом с Пирпонтом Морганом*. Я узнал от него, что полковник Хаус[24]** понимает, что еще не наступило время для американского вмешательства. Присутствовавший на обеде мистер Гаррett*** заметил, что если бы скупили весь урожай хлопка в Соединенных Штатах, то это обошлось бы нам меньше, чем одна неделя войны, и явилось бы хорошим помещением капитала в двух смыслах: мы лишили бы Германию средств для производства взрывчатых веществ и имели бы запас для собственного потребления или продажи после войны. Титтони говорит, что Италия готова присоединиться к нам.

27 апреля. Сегодня утром я встретился с Русполи****. Я спросил его, как он себя чувствует; он посмотрел удивленно, так что мне пришлось сказать: „Быть может, я ошибся, но я думал, что вы не спали сегодня ночью!“ Я полагаю, что он очень глуп — ведь он не может не знать, что с Италией все решено.

Я видел Делькассе сегодня днем. Все либо хотят больше, либо отказываются от своих обещаний: аппетиты Румынии выросли, сербы, ввиду плохого поведения Болгарии, берут обратно обещанные ими уступки в пользу Болгарии, которая хочет больше, чем кто-либо согласен ей дать. Греки говорят, что если мы хотим, чтобы они вступили в войну, то должны быть готовы предоставить 400 тыс. человек или больше! Между тем Греция подбивает сербов напасть на Далмацию.

---

* Джон Пирпонт Морган (младший) (1867—1943) — американский банкир, сын и наследник основателя крупнейшего в мире банкирского дома „Дж. П. Морган и Ко“.

** Эдвард Мандел Хаус (1858—1938) — широко известен как полковник Хаус, американский политический деятель, близкий советник президента США Вудро Вильсона. Не занимая никакого официального поста в администрации Вильсона, фактически был ответственным за формирование внешнеполитического курса США.

*** Джон Гаррett (1872—1942) — американский дипломат, посол США в Венесуэле (1911) Аргентине (1912—1913), Нидерландах (1917—1919), Италии (1929—1933).

**** Марио Русполи, князь Поджо-Суаза (1867—1963) — итальянский дипломат, в годы Первой мировой войны работал в посольстве Италии во Франции; посол Италии в Бельгии (1919—1924).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Май 1915 г.

2 мая. Стид*, редактор иностранного отдела „Таймс“, посетил меня сегодня утром.

Стид, который хорошо знает Адриатическое побережье, — он был корреспондентом „Таймс“ в Вене — говорит, что из территорий, которые требует Италия, только западное побережье (вернее, узкая полоса) Истрии населено итальянцами, все же острова и Далмация, а также большая часть Истрии имеют хорватское население и язык.

В Лиссе есть небольшая итальянская колония, состоящая из рыбаков. Для обоснования своих претензий итальянцы восходят к временам республики Венеции (600 лет тому назад) и даже к сочинениям Плиния! Если Италия получит то, чего она добивается, то это будет основано не на национальных, а на чисто стратегических соображениях. Если Австрия проявит благоразумие, говорит Стид, то в момент, когда неизбежность войны станет очевидной, она освободит хорватских вождей, находящихся в заключении с начала войны: хорватские части австрийской армии охотно будут сражаться с итальянцами, которых они ненавидят гораздо больше, чем своих нынешних правителей. Некоторое время тому назад австрийцы считали войну с Италией неизбежной. Чтобы захватить австрийские позиции на итальянской гра-

---

* Генри Уикхэм Стид (1871—1956) — британский журналист и историк. Работал в газете „Таймс“, вначале как зарубежный корреспондент в Берлине (1896—1897), Риме (1897—1902) и Вене (1902—1913), затем как редактор иностранного отдела (1914—1919) и главный редактор (1919—1922). Активно выступал за ликвидацию Австро-Венгрии и образование независимого югославянского государства.

нице, со стороны атакующих потребуется немало усилий, которые, быть может, превышают силы итальянской армии. По мнению Стида, Делькассе в отчаянии от общего положения, а Жоффр и Френч сердятся, что им ограничивают подкрепления ради Дарданелльской экспедиции.

Мортира, из которой обстреливали Дюнкерк, находится от этого города на расстоянии 22,5 миль!

5 мая. Немцы утверждают, что они приближаются к Риге со стороны Либавы*; русский военный атташе**, с которым я встретился вчера вечером за обедом, назвал это набегом в форме кавалерийского рейда, который не имеет военного значения и не приведет ни к чему. Я подозреваю, что дела обстоят не совсем удовлетворительно как в этом случае, так и в Галиции. Все союзники с прицелом на будущее занимают позицию, которую можно выразить словами: „Прошу уволить меня, если вы не пообещаете гораздо больше, чем я просил несколько времени тому назад“. Все они мастера петь, и все они подозрительны, и не без основания.

8 мая. Италия бесповоротно решила отдать свои прелести своим поклонникам, но, подобно Ромео и Джульетте, она не дает до сих пор определенного ответа на вопрос „когда и где“.

Как будет реагировать правительство Соединенных Штатов на новейшее преступление гуннов — на потопление „Лузитании“[25]? Мы здесь еще не знаем, сколько человек было потоплено и сколько среди них американцев. Хотелось бы знать, пойдет ли Вильсон дальше протеста против потопления американцев, находившихся на „Лузитании“.

9 мая. Я не думаю, чтобы война между Соединенными Штатами и Германией дала нам какое-нибудь преимущество, так как американцы не в состоянии еще активно помочь на поле сражения, а между тем они стали бы добиваться участия в установлении условий мира.

---

* Либава — до 1918 г. название г. Лиепая (в соврем. Латвии).

** Алексей Алексеевич Игнатьев (1877—1954) — граф, военный атташе России в Дании, Швеции, Норвегии (1908—1912) и Франции (1912—1917), генерал (с 1917 г.) российской, затем Красной и Советской армии.

14 мая. По-видимому, Джолитти* намерен свергнуть кабинет в Италии. Он считал себя незаменимым, когда покидал свой пост, и не может вынести мысли, что Италия предпримет что-либо серьезное без его участия: помимо того, вероятно, что он подкуплен Бюловым**. Он надеется, что располагает большинством в парламенте и что голосование произойдет в согласии с его желаниями. Между тем агитация и демонстрации в пользу войны в разных местностях Италии могут послужить предметным уроком для Палаты депутатов и заставить ее поплыть по течению: если принято будет предложение министерства воздержаться от войны или вотум Палаты депутатов против войны, то что останется от обещаний и подготовки к войне[26]?

21 мая. Военный корреспондент „Таймс"*** своими разоблачениями неверных сообщений Китченера относительно наличия достаточного количества снарядов, как видно, вызвал кризис кабинета.

Я опасаюсь, что кабинет продолжит политику Уинстона. Здесь против него имеется серьезное недовольство из-за того, что он начал морскую атаку Дарданелл, не имея достаточно военных резервов. Французский адмирал, командующий флотом в Адриатическом море****, согласился дать в

---

* Джованни Джолитти (1842—1928) — премьер-министр и министр внутренних дел Италии (в том числе 1903—1905, 1906—1909, 1911—март 1914, 1920—1921). Выступал против вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, сторонник политики нейтрализма. Пребывание Джолитти у власти считается „золотым веком" итальянского либерализма.

** Бернхард фон Бюлов (1849—1929) — министр иностранных дел (1897—1900) и канцлер Германии (1900—1909). Посол Германии в Италии (1893—1897, дек. 1914—май 1915). В 1899 г. получил титул графа, в 1905 г. — князя.

*** Чарльз а-Корт Репингтон (1858—1925) — полковник, военный корреспондент газеты „Таймс" (1902—1918). Являлся сторонником укрепления национальной безопасности путем развития сухопутных вооруженных сил за счет военно-морских. Автор ряда популярных сочинений о Первой мировой войне.

**** Огюст Буэ де Лапейрер — французский адмирал, министр военно-морского флота (1809—1911), командующий французским флотом в Средиземном море (1911—окт. 1915). Основные операции в этот период французский средиземноморский флот осуществлял в Адриатическом море против Австро-Венгрии.

виде подкрепления лишь несколько старых судов, так как считает все предприятие необдуманным и весьма рискованным.

24 мая. Итак, Италия находится в состоянии войны. Король объявил об этом вчера.

26 мая. Я опасаюсь, что русским недостает боеприпасов. Великий князь — главнокомандующий — отказался в первые дни войны от предложенных ему 5 млн снарядов под предлогом, что в конце войны окажется излишек. Сейчас он не знает, откуда их взять. Теперь он уполномочил Китченера получить то, что следует, из Америки, но на это уйдет время. Мы, по-видимому, обречены на вторую зимнюю кампанию.

28 мая. Вопрос, по которому обращался ко мне Мильеран, заключается в следующем: Ллойд Джордж хочет, чтобы Тома*, депутат-социалист, недавно назначенный на должность заместителя военного министра по вопросам артиллерии и вооружений, отправился в понедельник в Лондон, в сопровождении военного директора артиллерийского управления и г-на Рено**, чтобы научить там привлечению частных промышленных заведений к производству снарядов. Такую просьбу нельзя оправдать: недель пять или шесть тому назад комиссия Ллойд Джорджа, чтобы получить информацию по этому поводу, послала двух джентльменов для изучения вопроса; им были предоставлены все льготы; они посетили предприятия Рено и другие частные заводы, получили все необходимые сведения и вернулись вполне удовлетворенные. Теперь Ллойд Джордж „по-русски“ хочет начать дело сначала и оторвать людей от их работы во Франции. Мильеран, естественно, не может обойтись без французов, о

---

* Альбер Тома (1878—1932) — французский социалист, член Палаты депутатов французского парламента (1910—1921), заместитель военного министра по вопросам артиллерии и вооружений (младший член правительства, май 1915—дек. 1916), министр вооружений и военного производства Франции (дек. 1916—сент. 1917).

** Луи Рено (1877—1944) — крупный французский промышленник, пионер автомобильной индустрии, один из основателей французского автомобильного концерна „Рено“ (1899). Под его руководством был создан один из немногих удачных легких танков Первой мировой войны — Рено FT–17.

которых идет речь: чиновники не могут бросить свою работу, а Рено должен ежедневно участвовать в совещаниях по обороне в Военном министерстве. Если Ллойд Джорджа и его комиссию не удовлетворяет информация, представленная г-ми Муаром* и Лобницем**, то они могут прислать других экспертов, которым здесь предоставят все льготы.

---

* Эрнест Муар (1862—1933) — британский гражданский и военный инженер, в годы Первой мировой войны работал на британское правительство, в том числе в Министерстве военного снабжения. В 1916 г. получил титул баронета.

** Фредерик Лобниц (1863—1932) — британский судопромышленник, совладелец компании „Лобниц и К°“, заводы которой находились в Шотландии. В годы Первой мировой войны работал в Министерстве военного снабжения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Июнь 1915 г.

1 июня. Ни Румыния, ни Греция, как видно, не намерены выступить сейчас; нам не сопутствовал еще достаточный успех у Дарданелл, чтобы подбодрить их, а отступления и поражения русских было достаточно, чтобы их обескуражить.

Мне передают, что „в надлежащий момент" Уинстон Черчилль докажет, что не он ответствен за дарданелльский план и его неудачу.

21 июня. До меня дошли слухи, что в некоторых частях страны народ ропщет, требует мира и контролеры в некоторых крупных предприятиях предсказывают революцию, если мир не будет заключен. Я произвел обследование в ряде мест и узнал, что кое-где крестьяне ворчат из-за недостатка рабочей силы для сбора хлебов, но что хлеб все-таки будет собран, отчасти женщинами и детьми. Слухи, которые распускают заводские контролеры, рассматриваются как пустая болтовня. Наша политика по отношению к Балканским государствам оказалась сплошь блестящей неудачей.

27 июня. Я отказался от поездки в Дьеп, так как на Валентина Чайрола* возложена специальная и секретная мис-

---

* Валентин Чайрол (1852—1929) — британский журналист, историк и дипломат. Работал в газете „Таймс", вначале как зарубежный корреспондент в Берлине (1892—1896), после возвращения в Лондон освещал вопросы международной политики, в 1899—1911 гг. — редактор иностранного отдела. С 1912 г. на дипломатической службе. Его миссия на Балканах (1915) была направлена на укрепление Антанты и привлечение в ее ряды новых государств. Ввел в широкий оборот термин „Ближний Восток". В 1912 г. возведен в рыцарское достоинство.

сия в Афинах, Нише, Бухаресте и Софии, и я должен повидаться с ним в субботу, чтобы разъяснить ему точку зрения Франции, которая соответствует постоянно меняющейся позиции России. Грей считает, что все более заманчивые предложения вынуждают малые государства сойти с безопасных высот нейтралитета в долину битв и риска. На мой взгляд, они не сдвинутся с места раньше, чем мы займем проливы и Константинополь, а русские начнут двигаться вперед, вместо того чтобы отступать.

29 июня. Вчера был здесь Эшер; я не видел его — настроен он очень пессимистично. Он объехал армии и после того стал говорить даже о возможности возвращения посольства на осенние квартиры. Он считает, что превосходящие силы немцев вполне могут прорвать наше расположение. Кого можно упрекнуть за это? Очевидно, никого из членов кабинета. Делькассе очень обеспокоен военным и политическим положением. В России газеты ревут о недостатке помощи со стороны Франции и Англии!

30 июня. Что делает Болгария? Она сообщает Германии и Австрии о тех предложениях, с которыми к ней обращается Антанта. Фердинанд* радуется каждому поражению России и содрогается при каждом успехе западных держав: за последнее время ему мало от чего приходилось содрогаться. Румыния все еще не может принять решение и ждет, чтобы Россия повысила цену.

* Фердинанд I (1868—1941) — князь (с 1908 г. — царь) Болгарии (1887—1918), первый представитель Саксен-Кобург-Готской линии немецкой династии Веттинов на болгарском престоле. В 1908 г. провозгласил полную независимость Болгарии от Османской империи. Придерживался прогерманских взглядов. После поражения Болгарии в Первой мировой войне отрекся от престола в пользу сына Бориса (1918—1943).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Июль 1915 г.

2 июля. Французы настроены критически по отношению к нам. Нас считают ответственными за дарданелльскую неудачу, что безусловно верно. Мы потеряли страшно много людей и несколько судов. Французская общественность считает, что мы занимаем недостаточно большую часть фронта и что мы недостаточно активны; даже в правлении компании Суэцкого канала делались саркастические замечания по поводу того, что Френч спокойно живет в комфортабельном доме, уделяя часть своего времени уходу за цветами! По стране прокатывается волна пессимизма, так как ожидания, что война закончится самое позднее осенью, оказались необоснованными, и общественность видит неизбежность еще одной зимней кампании в траншеях, при этом, весьма вероятно, не на германской территории. Для некоторых это является очень большим разочарованием; нужно найти козла отпущения — почему бы не в лице Альбиона? Англичане не торопятся закончить войну, прежде чем будут приняты меры для захвата германской торговли, — так жалуются французы! Не думаю, чтобы могло последовать с нашей стороны сколько-нибудь серьезное наступление во Фландрии, пока не выяснится окончательно успех или неудача дарданелльского предприятия.

4 июля. В высоких кругах здесь начинают поговаривать о *политической* необходимости победы для поднятия общественного духа, так как перспектива провести зиму в траншеях угнетающе действует на общественное мнение и вызывает проклятия со стороны малодушных. Нас считают ответственными за фиаско в Дарданеллах, так как Уинстон Чер-

чилль уговорил Оганьера[*] участвовать в экспедиции, план которой не был надлежащим образом продуман. Нам нужен крупный успех в Дарданеллах, чтобы сохранить наши позиции в Египте и в Индии; французам нужна победа во Фландрии, чтобы сохранить позиции кабинета и репутацию Жоффра. Боюсь, что оба эти стремления могут привести к поспешным действиям.

Болгария делает то же, что и остальные: ждет, чтобы увидеть, какая сторона является более вероятной победительницей и сколько можно путем обещаний вырвать у каждой из них. Если бы *мне* пришлось решать вопрос о линии поведения России, то я посоветовал бы отдать Бессарабию Румынии, пообещать ей Буковину, Трансильванию и от Баната столько, сколько она сможет усвоить. Судьбу Константинополя, Босфора и Дарданелл необходимо решать всем заинтересованным державам совместно, т. е. России, Румынии и Болгарии, как прибрежными государствами, Англии, Франции и Италии. Греция вела себя недостаточно хорошо, чтобы и ее привлечь к совещанию. Грецию мы можем держать в руках при помощи наших морских сил. Впрочем, Россия всегда уступает слишком поздно, когда уступки не имеют уже цены.

6 июля. Господин Маккормик[**], совладелец и главный редактор „Чикаго Трибюн", по-видимому, не рассчитывает на то, что удастся вторгнуться в Германию и нанести ей решительное поражение, и полагает, что все бои на севере Франции и на русском фронте окончатся как бы вничью. Что касается поставок оружия и военного снаряжения союзникам со стороны Соединенных Штатов, то он опасается, что американским немцам и нанятым ими газетчикам, быть может, удастся добиться запрета на вывоз оружия и т. д. Под-

---

[*] Жан-Виктор Оганьер (1855—1931) — министр военно-морского флота Франции (авг. 1914—окт. 1915).

[**] Роберт Маккормик (1880—1955) — американский издатель, с 1910 г. совладелец и соредактор „Чикаго Трибьюн" (Chicago Tribune), одной из наиболее влиятельных газет в США (выходит в Чикаго с 1847 г.). В 1915 г. посетил Европу как военный корреспондент. В 1917—1918 гг. принимал участие в боевых действиях, закончил войну в звании полковника. Был сторонником политики изоляционизма.

нимется агитация и крики, что безнравственно снабжать союзников средствами для убийства немцев. Я сомневаюсь, чтобы американскую общественность можно было убедить отказаться от прибылей, которые приносят поставки оружия и т. д. Такого рода поставки являются вполне законной торговлей для отдельных лиц, рискующих тем, что их оружие и т. д. может быть перехвачено кем-либо иным из участников войны.

8 июля. Вчера я видел одного румына, только что прибывшего из Бухареста, кузена здешнего посланника* и Лаговари**, вождя части консервативной партии. Он заявил, что решительно поддерживает выступление Румынии совместно с нами, при условии, что остальные союзники гарантируют последние предложения России; однако Румыния не может одна противостоять удару Германии и Австрии. Россия должна быть готова принять участие во вторжении в Австрию, чего она в настоящее время, по-видимому, не в состоянии сделать. В первый период войны, когда Россия с успехом осуществила вторжение в Австрию, но в то же время нуждалась в помощи со стороны Румынии, она с пренебрежением относилась к румынским условиям, теперь, попав в тупик, она становится благоразумнее и, по-видимому, готова уступить то, что ей на деле вовсе не принадлежит, — Буковину, Трансильванию и Банат. Однако после опыта 1877 г.[27] для Румынии были бы желательны лучшие гарантии, нежели слово России.

9 июля. Уволенного управляющего заказами Военного министерства допросили относительно недостатка орудий; его спросили, между прочим, почему он отменил крупный

---

* Александр Эммануэль Лаговари (1856—1950) — румынский дипломат, посол Румынии в Османской империи (1902—1906), Австро-Венгрии (1906—1908) и Франции (1908—окт. 1917).

** Ион Лаговари (1844—1915) — министр иностранных дел (1899—1900, 1907—1908), председатель Сената (июль 1913—янв. 1914) Румынии, лидер крыла Консервативной партии, выступавшего за сотрудничество со странами Антанты (1915), которое в следующем году (уже после его смерти) оформилось в Консервативно-националистическую партию Румынии.

заказ, который получил Шнейдер*. Он ответил, что налицо было слишком много орудий и что нет смысла снабжать ими полевую армию, так как они разрываются при употреблении! Эти показания он дал в заседании Финансовой комиссии палаты. 5 тыс. орудий были захвачены немцами.

13 июля. Согласно сплетне, которую мне сегодня рассказал один русский, герцог Гессенский** будто бы отправился в Россию: предполагают, что он намерен предпринять попытку отвлечь своего шурина от франко-британского согласия, что дало бы возможность заключить мир между Германией и Россией.

14 июля. Итальянцы надеются, что не будет второй зимней кампании, это довольно смешно! Они не объявили войну ни Германии, ни Турции по причинам, известным им одним; тем временем, ввиду отсутствия состояния войны с Германией, немцы ездят в Италию и обратно, сколько им угодно. Есть опасения, что австрийцы вторгнутся в Италию.

17 июля. В свете ходят слухи, что отношения между Извольским и Сазоновым натянуты: говорят, что недавно Извольский указал Сазонову, что целесообразно согласиться на крайние требования Румынии, чтобы заручиться ее военной поддержкой. Один раз в жизни он оказался правым, но Сазонов посоветовал ему помнить, что он не является министром иностранных дел, и заниматься своим делом.

---

* Евгений Шнейдер (1868—1942) — глава французской компании „Шнейдер и К°“, внук Евгения Шнейдера, который в 1836 г. вместе со своим старшим братом Адольфом основал данную компанию. В начале XX в. „Шнейдер и К°“ выпускает вооружение и продукцию тяжелого машиностроения. В годы Первой мировой войны налажено серийное производство одного из первых пехотных танков Шнейдер СА-1. Центр производства компании „Шнейдер и К°“ находился в г. Ле-Крезо (расположен в Бургундии), название которого часто использовалось как синоним для обозначения компании.

** Эрнст Людвиг (1868—1937) — последний Великий герцог Гессенский и Прирейнский (1892—1918), чьи владения входили в состав Германской империи. Представитель Гессенской династии, старший брат российской императрицы Александры Федоровны (урожденной Алисы Гессенской), супруги императора Николая II (1894—1917). По матери Эрнст Людвиг и Александра Федоровна приходились внуками британской королеве Виктории. Во время Первой мировой войны служил в германской армии.

Забастовка шахтеров в Уэльсе[28] приобретает очень серьезный характер. Что может сделать правительство и что оно сделает? Как покрыть крупный ежедневный убыток? Нельзя же засадить в тюрьму тысячи людей, даже в том случае, если бы невыработка каралась тюремным заключением, и в то же время вы не можете заставить людей работать. Если бы шахтеры из соседних округов захотели бы работать в Южном Уэльсе, что мне представляется очень сомнительным, то дело, вероятно, дошло бы до сопротивления и кровопролития. Смогло ли бы правительство справиться с такой ситуацией, приказать солдатам стрелять по забастовщикам? Я в этом сомневаюсь.

21 июля. Русские, подобно Бурбонам*, ничего не забыли и ничему не научились; они продолжают до сих пор говорить: „Этого мы не хотим, то нам нужно, этого мы не позволим и т. д.“ Несколько месяцев тому назад они относились к Румынии с пренебрежением, а теперь румыны не хотят сдвинуться с места. Когда русские возобновят наступление, румыны с удовольствием присоединятся к ним, пока же они будут выжидать.

22 июля. Падение Варшавы представляется почти неизбежным, и, в лучшем случае, можно надеяться на то, что русская армия не будет окружена немцами. Извольский очень угнетен.

23 июля. Д’Онэ**, член одной из комиссий сената по иностранным делам, сказал вчера Ли***, что единственной причиной отсрочки подписания соглашения с Румынией является неуверенность относительно возможных событий в

---

* Бурбоны — французская династия, младшая ветвь дома Капетингов, правившая Францией с 1589 по 1792 и с 1814 по 1848 г. С первой половины XVIII в. представители династии Бурбонов занимали престолы Испании, Неаполитанского королевства, Пармского герцогства. К династии Бурбонов принадлежит король Испании Хуан Карлос I (с 1975 г.).

** Шарль Мари Стефан Ле Пелетье, граф д’Онэ (1840—1918) — французский дипломат и политический деятель, посол Франции в Швеции (1883), Дании (1891—1894), Швейцарии (1907—1911), сенатор (1898—1918). В качестве сенатора активно занимался международными и внешнеполитическими вопросами.

*** Генри Остин Ли (1847—1918) — торговый атташе Великобритании во Франции в годы Первой мировой войны. В 1902 г. возведен в рыцарское достоинство.

России. Имеются сведения о том, что движение в пользу мира растет в России; здесь, несомненно, есть беспокойство о судьбе русской армии на фронте, а также о событиях внутри России, где, как предполагают, разрастаются революционные настроения. По смыслу соглашения, подписанного 4 или 5 сентября, Россия не может заключить мир отдельно от союзников*, но некоторые думают, что Россия может отнестись к этому соглашению „по-немецки“, как к клочку бумаги.

26 июля. Британский офицер, возвращающийся домой с Дарданелл, говорит, что мы сможем форсировать их в сентябре месяце, если нам удастся приостановить транзит оружия и т. д. в Турцию через Румынию и Болгарию.

Мне передают, что большое количество оружия и снаряжения прибыло в Россию. Однако, если не считать германское сообщение полностью ложным, то оказывается, что русские потеряли и продолжают терять огромное количество запасов во время отступления под давлением германских армий. Французы не верят в возможность русского наступления через несколько месяцев, и они также угнетены и разочарованы медленными успехами под Дарданеллами. Я не могу поверить, чтобы Америка стала воевать против кого-либо. Вильсон будет писать высокоморальные ноты, одинаково неприятные для Германии и для Англии; однако он должен быть в хороших отношениях с гражданами, заинтересованными в хлопке, и если бы мы объявили хлопок абсолютной контрабандой, мы нанесли бы ущерб интересам южных плантаторов и Вильсон смог бы отплатить нам приостановкой вывоза оружия и снаряжения — под предлогом, что они нужны Америке для собственного употребления. Мы не можем установить эффективную блокаду Германии из-за немецкого подводного флота, а американцы утверждают, что поскольку продолжаются торговые отношения между Скандинавией и Германией, фактически блокада Германии не существует и что мы не имели права препятствовать торгов-

---

* 5 сентября 1914 г. в Лондоне представителями Великобритании, Франции и России было подписано соглашение, в соответствии с которым указанные страны обязывались не заключать сепаратный мир, а также не начинать мирные переговоры без взаимного предварительного согласия.

ле между двумя или несколькими нейтральными государствами, т. е. между Америкой, Норвегией, Данией и Швецией, даже в том случае, если товары, выгруженные в одном из этих нейтральных государств, предназначены к отправке в Германию. Правда заключается в том, что Америка ведет превосходную торговлю одной частью товаров и сокращенную — другой, и она хочет вести превосходную торговлю всеми товарами так, чтобы одна отрасль торговли не имела преимущества за счет другой: она хочет иметь свой пирог и кушать его спокойно. Быть может, нам следует сделать какие-нибудь приготовления, чтобы скупить часть будущего урожая хлопка; сложность заключалась бы в том, чтобы определить количество и установить цены, так как потребление хлопка, за исключением военных целей, уменьшается во всех странах, участвующих в войне. Взять ли нам хлопок в размере нормального потребления Германии и Австрии или весь американский излишек? Они говорят много вздора по поводу свободы морей; между тем во время войны между северными и южными штатами* Север объявил южный хлопок контрабандой. Была объявлена блокада побережья на протяжении около 3 тыс. миль. Недовольство нами, господствующее в части французской общественности, о котором сообщают некоторые люди и которое распространяют сплетники, преимущественно женщины и бездельники-мужчины, является необоснованным; но здесь считают, что мы могли бы занимать бóльшую часть фронта во Фландрии, что мы делаем хорошие торговые дела, тогда как у французов дела идут плохо: козел отпущения — превосходное животное, и его особенно любят французы.

28 июля. Сегодня днем я видел поляка, только что прибывшего из Варшавы, где все еще господствует уверенность в военном отношении, но вместе с тем растет негодование и разочарование из-за того, что русское правительство не выполняет обещания, содержащиеся в воззвании великого князя Николая, а также злоба по поводу нашествия на страну целой орды попов, которые пичкают поляков-католиков русским

---

* Гражданская война в США (1861—1865), поводом для которой стал выход южных рабовладельческих штатов из состава США.

православием. Он сообщил, что последние перемены в составе русского правительства, а именно, отставка министров — юстиции, внутренних дел и обер-прокурора Святейшего Синода[*], может привести к кое-каким хорошим результатам, так как их сменили либералы.

29 июля. Грей и Делькассе, мне кажется, должны начать понимать, что я не слишком ошибался относительно Сазонова: он опасен и упрям, у него нет остроты ума, и он крайне близорук; если Грей и Делькассе не возьмут его за уши и не встряхнут его, то он всех нас вовлечет в серьезные затруднения.

30 июля. Эдмон де Ротшильд рассказал мне вчера, что евреи в России подвергаются страшным мучениям: двести пятьдесят еврейских местечек разрушено, и пятьсот тысяч евреев скитаются бездомно. Он очень угнетен вообще и не уверен даже в окончательной победе. Он считает, что немецкая организация слишком превосходит плохую организацию у нас; он опасается, что Россия, несмотря на обязательства, которые она взяла на себя 5 сентября, заключит сепаратный мир с Германией.

31 июля. Сегодня утром здесь был по пути из Афин в Лондон дипломатический курьер Гиндлип. Он говорит, что король[**], его жена-немка[***] и все окружение, равно как во-

---

[*] В начале июля 1915 г. в рамках заявленного Николаем II нового курса „на общественность“ были отправлены в отставку ряд российских министров. На посту министра юстиции Ивана Григорьевича Щегловитова, возглавлявшего министерство с 1906 г., сменил Александр Алексеевич Хвостов (до июля 1916 г.). Министра внутренних дел Николая Алексеевича Маклакова (на этом посту с 1912 г.) сменил Николай Борисович Щербатов (до сент. 1915 г.). В должности обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Карловича Саблера (с 1911 г.) сменил Александр Дмитриевич Самарин (до сент. 1915 г.).

[**] Константин I (1868—1923) — король Греции (1913—1917, 1920—1922), представитель младшей ветви датской династии Глюксбургов, в свою очередь являвшейся ответвлением дома Ольденбургов. Был сторонником участия Греции в войне на стороне Германии. В июне 1917 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего второго сына Александра, после скоропостижной смерти которого вновь получил корону (1920).

[***] София Гогенцоллерн (1870—1932) — греческая королева, супруга Константина I. Сестра германского императора Вильгельма II, по матери — внучка британской королевы Виктории. Вопреки широко распространен-

енный штаб, настроены германофильски. Греки в бешенстве по поводу нашего вмешательства в их выгодную контрабандную торговлю с Турцией через Болгарию.

С Балканскими государствами дело обстоит попрежнему: „Прошу меня избавить“. Нет ничего удивительного, что они ожидают возобновления русского наступления, а когда это будет?

Несмотря на поражения, русские остаются заносчивыми и обнаруживают упрямство и величайшую близорукость. Здесь нет признаков ослабления решимости идти до конца с немцами; французы надеются на нашу выдержку как в политическом, так и в военном отношениях, но мы должны не ослаблять блокаду.

ным в период Первой мировой войны обвинениям в германофильстве, придерживалась пробританских взглядов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Август 1915 г.

1 августа. „Пти журналь“* возвращается к вопросу об участии Японии в военных действиях в Европе для поддержки союзников. В газете утверждается, что Японии следовало принять более активное участие в войне и что Европа могла бы рассчитывать на ее помощь. Японцы не хотели посылать войска, а здесь возникла мысль, что мы, преследуя собственные тайные цели, отговорили японское правительство прийти на помощь Европе. Можно себе представить, что это было бы за предприятие — отправить на французский театр военных действий морем 500 тыс. человек, снабжать их в течение всей войны всем необходимым, подкреплениями и т. д. Другая мысль заключалась в том, чтобы Япония на суше пришла на помощь России. В результате появления японцев в Европе по всей Азии распространилась бы версия, что желтая раса явилась единственным средством спасения Англии.

2 августа. Достигнуто соглашение о том, что мы возьмем на себя еще 15 миль линии фронта с „прослойкой“ французских войск. Я сомневаюсь, чтобы можно было, как думают некоторые, убедить болгарского короля взяться за оружие в интересах держав Антанты, а если он останется нейтральным, то он будет пропускать к Центральным державам оружие, идущее через Румынию, если эта страна бу-

* „Пти журналь“ (Le Petit Journal) — французская ежедневная газета, выходившая в Париже с 1853 по 1944 г.

дет его пропускать, из Австрии, Германии и из Дедеагача*, если мы не приостановим доставку оружия в этот порт по морю со стороны Адриатики, Греции, Испании и, быть может, Америки. Если Болгария останется нейтральной, несмотря на лесть держав Антанты, то, мне кажется, мы оставим наши сомнения и положим конец поставкам оружия и т.д., как бы ни протестовал против этого король.

Французы ненавидят Дарданелльскую экспедицию, они возлагают на нас ответственность за начало этой экспедиции, предпринятой, как думает общественность, для спасения наших позиций в Индии и в Египте; но французы не хотят теперь отступать, так как неудача в борьбе против турок сильно поколебала бы их положение в Марокко. Французское правительство сознает теперь, что оказалось вовлечено в экспедицию, план которой оно неосновательно считало вполне продуманным британскими военными и морскими экспертами.

9 августа. Мы думали, что форсируем Дарданеллы в короткий срок и что затем мы поведем за собой — по пути в Сербию, в Будапешт и в Вену — Грецию, Болгарию и Румынию; этот расчет оказался неправильным, но я считаю, что поскольку мы пустились в Дарданелльскую экспедицию, мы должны довести ее до конца ради сохранения нашего влияния и позиций в Индии, Египте и на Балканах[29].

Завтра утром я приму г-на Эппльтона** (секретаря Всеобщей федерации тред-юнионов) вместе еще с двумя представителями рабочих организаций, г-ми О'Грэди*** и Крунио-

---

* Дедеагач (соврем. — Александруполис) — город и порт на фракийском побережье Эгейского моря. До 1913 г. принадлежал Турции, по итогам Балканских войн (1912—1913) перешел Болгарии. По итогам Первой мировой войны был передан Греции (1919).

** Уильям Арчибальд Эппльтон (1860—1940) — британский профсоюзный деятель, генеральный секретарь Всеобщей федерации тред-юнионов (профсоюзный центр Великобритании; 1907—1938) и председатель Международной федерации профсоюзов (1919).

*** Джеймс О'Грэди (1866—1934) — британский профсоюзный и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1906—1924), представитель Лейбористской партии. В апреле 1917 г. возглавил британскую миссию в Петроград, целью которой было убедить Временное правительство продолжить участие в Первой мировой войне.

ном[30]. У них есть рекомендация от Роберта Сесила*, и они прибыли с поручением по адресу некоторых французских рабочих организаций.

12 августа. Профсоюзные лидеры нанесли мне сегодня визит; они были удивлены склонностью части французских рабочих приукрашивать дело Кайо—Кальметта[31]; эту склонность они приписывают влиянию германских агентов. Сами они, т. е. британская Лейбористская партия и профсоюзы, откладывают все вопросы, в которых они специально заинтересованы, до тех пор, пока немцев не вытеснят из Франции и Бельгии, и им хотелось бы по этому вопросу договориться со своими французскими товарищами. Главной квартирой агитаторов среди рабочих был Берлин; британская сторона хотела бы перенести центр в другое место — но куда? Амстердам слишком немецкий город, равно как и Берн, где силен германский элемент.

13 августа. Представители профсоюзов хотят посетить британский фронт, чтобы получить из первых рук и сообщить своим товарищам сведения о положении, о настроениях солдат, об их взглядах на внутреннюю политику и, наконец, о состоянии, в котором страна оказалась в результате германской оккупации! Британская Главная квартира чинит к этому препятствия; французская значительно более сговорчива.

15 августа. Я думаю, что мы смогли бы вовлечь Болгарию в войну, если бы только Россия согласилась на необходимые и оправдываемые жертвы; Румыния была бы на нашей стороне пассивно, а впоследствии и активно, если бы Россия перестала гнаться за „врагом хорошего — за лучшим“. Что касается Греции, то с ней совершенно невозможно иметь дело, и даже если бы Венизелос[32] вернулся к власти, то король и общественное мнение отказались бы усту-

---

* Эдгар Роберт Гаскойн-Сесил (1864—1958) — сын Роберта Артура Гаскойн-Сесила, маркиза Солсбери (премьер-министр Великобритании, 1885—1886, 1886—1892, 1895—1902), парламентский заместитель министра иностранных дел (младший член правительства, май 1915—янв. 1919), министр блокады (дек. 1916—июль 1918) Великобритании, представитель Консервативной партии. Один из архитекторов Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира (1937). В 1924 г. получил титул виконта.

пить Кавалу и другие территории, на которые претендует Болгария. Поскольку вся Греция состоит из морского побережья и островов, мы можем повлиять на нее, и я отказался бы от методов ласкового убеждения и заставил бы ее понять, что она должна поступать так, как говорит. Сербия продолжает гордо заявлять, что она ничего не уступит, но, мне кажется, она поймет еще до того, как станет поздно, что то, что сейчас можно отдать с выгодой, впоследствии у нее смогут отнять без всякой компенсации, и что она поступит благоразумнее, если примет то, что ей предлагают в обмен на территории, от которых ее просят отказаться. Все мы, как дети, делим шкуру неубитого медведя, но никто из участников дележа не согласен отдать что-либо из своих собственных владений.

20 августа. Потеря „Арабика“[*] тягостна; большим несчастьем является также потопление двух транспортных судов у Дарданелл, но что действительно вызывает тревогу, это тяжелое положение русской армии; здесь опасаются, что ее могут окружить или разделить на две части, вследствие чего немцы смогут пойти на Петербург; если так, то возможны внутренние потрясения в России, а когда трон самодержца начинает колебаться, то нельзя знать, что станут делать для своего спасения сидящий на троне и окружающие его.

Итальянцы удерживают свои позиции, но предполагается, что они не станут продолжать свое наступление, если им удастся сбросить австрийцев на равнину. Они, как говорят, будут выжидать наступательных действий французов и англичан, русских и румын.

Русская дипломатия не заслуживает даже презрения. Она говорила и действовала так, как будто бы русские победители и могут диктовать свою волю. Вскоре они могут оказаться на коленях, и будет уже поздно спасать себя. Мы и Франция будем продолжать борьбу в крайне невыгодных условиях.

22 августа. По сведениям, полученным здесь из хорошего источника, русские армии лишены всего, что нужно для войны: нет достаточного количества ружей, орудий, снарядов и т. д.; все снабжение хромает, и повсюду в высших сферах армии бы-

---

[*] „Арабик“ (Arabic) — британский пассажирский пароход, потопленный германской подводной лодкой в августе 1915 г.

ло обнаружено и продолжает существовать взяточничество. Французам и нам придется вынести всю тяжесть немецкого наступления. Здесь заметны угнетенные настроения, но не среди офицеров, приезжающих с фронта. Извольский очень поник, но утешается чаем в „Ритце“ в дамском обществе.

Юрисконсульт американского Государственного департамента мистер Кудер*, сообщил интересные сведения о происках немцев в Соединенных Штатах. Немцы, среди которых насчитывается около 4 млн натурализованных американских граждан, обрабатывают против нас американцев германского происхождения, непримиримых ирландцев, хлопководов и лиц, связанных с хлопчатобумажной промышленностью; они заручаются симпатией хлопкопроизводящих штатов, ведя разговоры о „королевских указах в совете“; нашему Министерству иностранных дел следовало бы избегать этого ненавистного термина, послужившего началом размолвки между американскими колониями и Англией**. Немцы стали разъяснять хлопководам, что „распоряжения тайного совета“ погубят их хозяйство и заставят голодать их семьи; хлопководы, по большей части англичане по происхождению и склонные симпатизировать Англии, озлобились и вместе с германскими элементами стали оказывать давление на правительство, с целью добиться запрета на вывоз оружия и снаряжения, чтобы закончить войну и дать им возможность продавать свой хлопок. Конгресс насчитывает 430 членов, из которых 230 демократов; президент и правительство, боясь потерять голоса хлопководов, которые получила Демократическая партия, заняли уклончивую позицию. Мистер Кудер уверен, что объявление хлопка абсолютной

---

* Фредерик Рене Кудер (1871—1955) — американский юрист, сын одного из основателей крупнейшей юридической фирмы „Кудер Бразерс ЛЛП“, которую впоследствии возглавил, специалист в области международного права. Выступал в качестве посредника между США и странами Антанты по юридическим вопросам, а также по вопросам осуществления займов и закупок оружия.

** Недовольство жителей британских колоний в Северной Америке т. н. „распоряжениями тайного совета“, всячески ограничивающими права колоний, послужило одной из предпосылок для начала войны США за независимость (1775—1783).

контрабандой будет принято совершенно спокойно, так как британское правительство примет меры против понижения цен и скупит весь излишек по справедливой цене. Если случай с „Арабиком“ вызовет войну, что маловероятно, то вскоре и Германию возьмут измором, и этот процесс замедлится только в случае, если все ограничится простым разрывом дипломатических отношений. Ни в том, ни в другом случае не будет запрещен вывоз военного снаряжения в страны Антанты.

23 августа. В Военном министерстве говорят — боюсь, что это верно, — что „русским крышка“. В обществе здесь распространено мнение, что в России может быть революция и великого князя Николая могут провозгласить императором, или же будет заключен мир любой ценой, по настоянию немецкого окружения нынешнего императора. Я не верю в возможность ни одного из этих событий.

26 августа. Итальянцы не имели значительных успехов в борьбе против австрийцев, и поэтому они намерены выступить против турок, но не в надлежащем месте для того, чтобы помочь нам; они хотят немного поработать на себя, что заслуживает величайшего порицания. Судьба Константинополя — мнимая тайна, но итальянцы делают запросы о его будущем, что заставляет Делькассе настораживаться!

Германское радио опровергает сообщения об англо-русской морской победе в Рижском заливе и Балтийском море. От немцев и русских невозможно добиться правды.

27 августа. Из Петербурга приходят плохие вести о внутреннем положении в России. Германская клика при дворе настаивает на мире. Дума и общественность хотели бы покончить с этой кликой. Москва и провинция настроены решительно, Петербург же пессимистичен.

31 августа. Сегодня здесь нет абсолютно никаких новостей. Всеобщая уверенность в *окончательном* успехе, но никаких действительных шагов вперед раньше весны, а тем временем русские будут разбиты. Однако Дарданеллы представляют собой опасный пункт: если нам не удастся форсировать их до начала плохой погоды, то это приведет к тяжелым последствиям в отношении Балканских государств.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сентябрь 1915 г.

3 сентября. Нижеследующие строки я получил из заслуживающего доверия английского источника: „К сожалению, не могу сообщить вам много хорошего. Недавно мы должны были прорваться у Дарданелл, и все генералы достигли тех пунктов, которые были им указаны, но ни у одного из них не хватило предприимчивости и смелости выйти за пределы инструкции. Если бы они так поступили, то, по их мнению, мы обошли бы турок и отрезали их части. Мне говорят, что эту ошибку исправят в конце нынешнего месяца (сентября), но, несомненно, ценою более значительных людских потерь. Несомненно, производство снарядов в Англии растет скачкообразно, хотя оно даже и приблизительно не достигло необходимых размеров. Мне передают еще из очень хорошего источника, что Армстронг* изготовляет орудия, метко стреляющие на 22 мили, и что произведенные уже опыты стрельбы дали очень хорошие результаты“. Военное положение России становится хуже и хуже, и находятся люди, доказывающие, что русские заманивают немцев в мешок, совершенно так же, как утверждали, что отступление от Монса было стратегическим движением с целью привести к сражению на Марне!

5 сентября. Из-за развращенности и упрямства Сербии мы можем потерять последние шансы перетянуть на нашу сторону Болгарию. Немцы предпринимают энергичнейшую

---

* „Армстронг, Уитворт и К°“ — одна из крупнейших промышленных компаний Великобритании начала XX в., специализировавшаяся на производстве вооружения, кораблей, локомотивов, автомобилей и самолетов.

попытку проникнуть в Болгарию через Сербию, и если им это удастся, то им нетрудно будет уговорить Фердинанда пойти с ними. Когда необходимо соглашение между государствами Антанты, то дело подвигается медленно, и Сазонов все очень задерживает.

6 сентября. Берлинский корреспондент нью-йоркской газеты „Уорлд“* телеграфирует: „Англия просто потеряла голову от страха перед Германией. От этого абсурдного страха, ставшего навязчивой идеей, обезумели лучшие государственные люди Англии, которые забыли основные интересы своей страны и оказались готовы сделать нечто такое, что, в случае удачи, явилось бы величайшим несчастьем для будущего Англии. Россия действительно является великим врагом Англии в будущем. Если рассматривать достаточно отдаленное будущее, то невозможно прийти к иному заключению. Именно с Россией придется считаться Англии завтра. Усилия Англии, направленные на то, что бы овладеть Дарданеллами и тем самым развязать руки своему будущему сопернику, являются чудовищной политической ошибкой. Я всегда относился с величайшим изумлением и уважением к английским государственным деятелям, которые, несомненно, занимают первое место среди величайших политиков мира, но я утверждаю, что усилия Англии, имеющие целью отдать Турцию России, свидетельствуют о недостатке политического предвидения. Английский престиж был похоронен на дарданелльском фронте глубже, чем где бы то ни было; другими словами, наиболее тяжелым ударом, когда-либо нанесенным английскому престижу, является неудача на полуострове Галлиполи, которая, несомненно, скомпрометирует английское влияние на Востоке. К счастью для Англии (и наступит день, когда она даст себе в этом отчет), ее усилия овладеть Дарданеллами остались и останутся тщетными“. Эти слова выдаются за мысли одного дипломата, с которым корреспондент встретился в Вене. В них есть большая доля правды.

---

* „Уорлд“ (The World), также известная как „Нью Йорк Уорлд“ — американская ежедневная газета, выходившая в Нью-Йорке с 1860 по 1931 г.

8 сентября. Мне сообщают, что наш посланник в Софии[*] не передал в Англию о своей беседе с болгарским премьер-министром[**], из которой видно было, что он (болгарский премьер-министр) был бы готов присоединиться к Антанте на условиях, для нас вполне приемлемых. Наш посланник ничего не сообщал об этой беседе, пока не стало поздно; тем временем русские обратились в бегство, и болгарский премьер-министр уже переменил свое мнение. Из-за отсутствия согласия между державами Антанты их предложения Балканским государствам всегда были нерешительными и запоздалыми.

Принятие российским императором верховного командования не совсем неожиданно. Он до некоторой степени, как мне думается, подозревал, что великий князь Николай уберет его, если он сам не уберет великого князя, которого теперь сошлют на Кавказ наместником. У русских есть огромные резервы людей, но их потери орудиями, пулеметами, ружьями и снаряжением не так легко компенсировать. Император становится очень непопулярным, Петербург пессимистичен и очень склонен прислушиваться к германским нашептываниям.

12 сентября. Ходят слухи, как мне кажется, хорошо обоснованные, о большой французской экспедиции в Восточное Средиземноморье. Я предполагаю, что назначенный на эту должность по политическим мотивам генерал Саррай[***] будет командовать ею независимо от Гамильтона[****], так как французы не намерены терять людей в Галлиполи.

---

[*] Хью Джеймс О'Бирн (1866—1916) – советник посольства Великобритании в России (1906—1913), посол Великобритании в Болгарии (июль 1914—окт. 1916). Погиб вместе с военным министром Г.Г. Китченером на борту крейсера „Хэмпшир“.

[**] Васил Радославов (1854—1929) — премьер-министр Болгарии (1886—1887, 1913—1918), глава Либеральной партии (1887—1918). Придерживался проавстрийских взглядов.

[***] Морис Саррай (1856—1929) — французский генерал, участник битвы на Марне (сент. 1914), командующий французскими экспедиционными силами на Салоникском фронте (окт. 1915—янв. 1916), главнокомандующий силами Антанты на Салоникском фронте (янв. 1916—дек. 1917). Верховный комиссар Франции в Сирии и главнокомандующий французскими войсками в Леванте (1924—1925).

[****] Йан Гамильтон (1853—1947) — британский генерал, с марта по октябрь 1915 г. командующий британским экспедиционным корпусом в

15 сентября. Я имел беседу с Ганото[*], который очень здраво смотрит на вещи. Взгляды его заключаются в следующем: *независимая* Польша; проливы и Босфор, равно как северное побережье Мраморного моря — Болгарии; Константинополь должен быть вольным городом, никаких укреплений ни на Босфоре, ни в Дарданеллах; для прохода из Средиземного моря в Черное и обратно необходимо использовать систему Суэцкого канала, которой будет управлять международная комиссия под европейским контролем.

21 сентября. Вчера вечером я обедал с сэром Питером Мак-Брайдом[**], атташе австралийского штата Виктория в Лондоне, и другим австралийцем, имени которого я не запомнил. Оба они проявляли большой энтузиазм по отношению к империи и гордость по поводу подвигов австралийцев, новозеландцев и канадцев. Они верят больше, чем я, в возможность более тесной связи между метрополией и ее колониями. Они хотят исключения желтой, красной и черной рас и установления белой империи с представительным советом, заседающим в Лондоне. Просуществует ли Британская империя в таком виде, как сейчас, еще сто лет? Не превратятся ли колонии в независимые государства, когда они будут достаточно населены для того, чтобы защищать самих себя? В настоящее время их оборона зависит от английского флота, и они глубоко заинтересованы в том, чтобы помочь нам в борьбе с Германией, стремящейся к всемирному господству. Оба мои собеседника решительно осуждают позицию Соединенных Штатов. Они сказали, что в

ходе неудавшейся высадки на полуостров Галлиполи в рамках Дарданелльской операции. После провала операции отправлен в отставку.

[*] Габриэль Ганото (1853—1944) — французский историк и государственный деятель, министр иностранных дел (май 1894—нояб. 1895, апр. 1896—июнь 1898), министр колоний (май—июнь 1898) Франции. Придавал важное значение франко-русскому союзу, рассматривая его как противовес политике Великобритании. На его министерство пришелся наиболее острый период соперничества между Францией и Великобританией по колониальным вопросам. Накануне и в годы Первой мировой войны активно выступал за усиление участия США в международной жизни. В первой половине 1920-х гг. был представителем Франции в Лиге Наций.

[**] Питер Мак-Брайд (1867—1923) — австралийский политический деятель, атташе австралийского штата Виктория (один из членов Австралийского союза, в 1901 г. получившего статус британского доминиона) в Великобритании (1913—1922). В 1915 г. возведен в рыцарское достоинство.

случае победы Германии немцы стали бы более активно осваивать Америку, которая стала бы немецкой по духу.

23 сентября. Делькассе очень угнетен неудачей в Дарданеллах.

24 сентября. Балканы кипят, как котел. Делькассе, наконец, теряет веру в русских. Во время различных кризисов они все время вели себя положительно как идиоты.

Сейчас всякий называет Фердинанда свиньей, но это было очевидно. Его можно было в свое время купить.

26 сентября. Итак, началось серьезное наступление. Вчера вечером мы получили сообщение, что вчера утром началось крупное сражение, причем при хорошем успехе британских войск у Лооса, мы захватили 1600 пленных прусских гвардейцев. В Шампани значительный успех французов — около 10 тыс. пленных. В Артуа и Аргоне мы также заняли территорию: на фронте в 24 километра мы продвинулись на четыре километра вглубь. Офицеры с фронта довольны положением.

Корреспондент „Таймс“ сообщил по телефону, что мы захватили 25 тыс. немецких пленных. Это большое счастье, если это верно, но я опасаюсь, что это не помешает Болгарии напасть на Сербию, если Германия сделает то же самое.

27 сентября. Мы, по-видимому, не проникли глубоко в расположение германских войск.

29 сентября. Сегодня днем состоялось собрание в Министерстве общественных работ (Самба, министр-социалист), чтобы заслушать речи г-на Робертса[*] и г-на Ходжа[**], членов парламента, на тему помощи, которую Соединенное Королевство оказало Франции. Присутствовали Пуанкаре и несколько французских министров. Всего было

---

[*] Джордж Генри Робертс (1868—1928) — британский профсоюзный и политический деятель, парламентский секретарь Министерства торговли и промышленности (младший член правительства, дек. 1916—авг. 1917), министр труда (авг. 1917—янв. 1919), министр продовольственного обеспечения (янв. 1919—март 1920) Великобритании, член Палаты общин британского парламента (1906—1923), представитель Лейбористской партии.

[**] Джон Ходж (1855—1937) — британский профсоюзный и политический деятель, министр труда (дек. 1916—авг. 1917), министр пенсионного обеспечения (авг. 1917—янв. 1919), член Палаты общин британского парламента (1906—1923), представитель Лейбористской партии.

около 200 человек. Председательствовал Пишон*, произнесший превосходную речь. Некий мистер Смит, исключительно хорошо владеющий французским языком, сам произнес речь и дал на французском языке резюме речей г-д Робертса и Ходжа. Они оба поставили себе задачей похвастать тем, что мы сделали, и делали они это в таком размере, что я почувствовал себя несколько неловко. Мистер Ходж показал себя типичным искренним британским лейбористом и был убедительнее, чем мистер Робертс. Его очень хорошо приняли.

У Дарданелл мы затягиваем время, и я полагаю, что мы отправимся в Салоники, но прибудем ли мы туда вовремя, чтобы запугать Фердинанда и заставить его сохранить нейтралитет? Балканские монархи с их тщеславием, честолюбием, интригами и семейными симпатиями и антипатиями — сущий ад. Они ставят свои личные интересы выше интересов своих стран, которые обычно не являются их настоящей родиной.

Мистер Ходж сказал мне, что члену парламента Томасу не удастся повести за собой железнодорожников на забастовку, если правительство, т. е. Асквит и Китченер, объявят, что принудительный призыв на военную службу необходим для того, чтобы довести войну до победного конца. Ходж говорит, что в этом деле общественность вполне доверяет Асквиту и Китченеру, что означает недоверие к другим министрам. В своей речи он бранил дилетантов критиков, критикующих „после событий“ дилетантов генералов, адмиралов, дипломатов, а также некоторых газетных критиков. Как бы то ни было, но если бы не разоблачения „Дейли Мейл“ и „Таймс“ относительно недостатка снарядов большой разрывной силы, то крики Френча и его офицеров остались бы неуслышанными и у нас не было бы Министерства военного снабжения**, которое улучшило постановку дела.

---

* Стефан Пишон (1857—1933) — французский политический деятель, министр иностранных дел Франции (1906—1911, март—дек. 1913, нояб. 1917—янв. 1920). В годы Первой мировой войны являлся сенатором.

** Министерство военного снабжения было создано в мае 1915 г. в качестве реакции на т. н. „снарядный кризис“. Первым министром военного снабжения стал Дэвид Ллойд Джордж. Министерство было ликвидировано в 1921 г.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Октябрь 1915 г.

3 октября. Мы, по-видимому, ввязались в войну с болгарами, которыми командуют гунны. Сазонов больше беспокоится о религиозном престиже своего хозяина, чем о военных делах своих союзников.

4 октября. Фердинанд связал свою судьбу с бошами, чего можно было ожидать[33]. Я не понимаю, как можно было предполагать, что он не продался, принимая во внимание, что его правительство получило заем в Германии и получало оттуда военное снаряжение, а также отправляло туркам разного рода грузы из Германии; несмотря на все это, русские удивлены и говорят о неблагодарности болгар. Возможно, что если бы в начале войны Россия не медлила высказать свои намерения недвусмысленным образом и если бы она пригрозила избалованному ребенку или подготовила бы посылку войск в Варну или Бургас, дела приняли бы иной оборот.

6 октября. Не может быть никаких сомнений в том, что в течение всего времени Фердинанд имел соглашение с Германией и Австрией о том, что присоединится к ним в момент, когда они проникнут в Болгарию через Сербию, если им вообще это удастся. Румыния еще не имеет окончательного мнения о том, кто будет в конечном счете победителем. Король*, который сам является Гогенцоллерном, желает победы Германии, но правительство его выжидает, так как Румыния получит больше в случае поражения австрийцев и немцев, нежели в

---

* Фердинанд I (1865—1927) — король Румынии (1914—1927), представитель династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов, племянник предыдущего короля Румынии — Кароля I.

случае их победы. В последнем случае ей досталась бы Бессарабия и еще кое-что; в первом же — Трансильвания, Банат и еще кое-какие небольшие территории. В Салониках создалось любопытное положение. Венизелос подбивал нас, англичан и французов, на высадку: протест против десанта должен был иметь лишь формальное значение. Десант был осуществлен, Венизелос ушел в отставку, и нас обвиняют в нарушении нейтралитета Греции по образцу немцев в случае с Бельгией. Король имеет на своей стороне штаб и маневрирует, чтобы сохранить благожелательный нейтралитет по отношению к Германии.

Сегодня утром здесь был Эшер. Он приехал от Френча, который настроен оптимистично. В официальных кругах Лондона, по его словам, господствует угнетенное настроение. Запись добровольцев в армию сократилась до 12 тыс. в неделю. Имеется 1 млн 200 тыс. молодых людей в возрасте 19—24 лет, которые не хотят идти в армию, а всего имеется около 4 млн годных для военной службы мужчин, которые не явились на призывные пункты. Вчера в Кале встретились Китченер, Бальфур* и Мильеран для обсуждения вопроса, откуда взять силы, необходимые для Салоник. Китченер обещал Мильерану 75 дивизий в определенные сроки; однако откуда мы можем взять их, если Салоникская экспедиция прибавится к необходимости держать известное количество войск на полуострове Галлиполи? Как Жоффр, так и Френч настаивают на том, чтобы им предоставили обещанное, и являются противниками Дарданелльской и Салоникской экспедиций.

13 октября. Жоннар посетил меня сегодня утром. Он критиковал методы правительства и, в частности, образ действий его на Балканах, в каковом сказалось полное отсутствие политики. Министерство, по его словам, плыло по те-

---

* Артур Джеймс Бальфур (1848—1930) — премьер-министр Великобритании (1902—1905), первый лорд Адмиралтейства (май 1915—дек. 1916), министр иностранных дел (дек. 1916—окт. 1919), лидер Консервативной партии (1902—1911). С его именем связана знаменитая декларация (декларация Бальфура, 1917), в которой была изложена официальная позиция британского правительства в поддержку создания еврейского национального очага в Палестине. В 1922 г. получил титул графа.

чению и его взяло на буксир русское правительство со своими абсурдными выдумками. Пользуясь отсутствием Делькассе, кто-то стал от имени Франции напоминать России о жертвах, принесенных Францией и Англией, и о причинах, по которым Балканские государства так неохотно нам помогают. Салоникская экспедиция должна продолжаться в большом масштабе, при участии французов или без них, но не решено еще, что будет с галлипольскими войсками: останутся ли они на месте, пойдут ли вперед или отступят.

Что станут делать итальянцы, никто не может сказать, но следует ожидать, что они будут делать как можно меньше.

15 октября. Г-да Ходж и Робертс, члены парламента, а также Смит нанесли мне вчера визит. Они продолжают посещать провинциальные города. Ходж просил у меня подтверждения или опровержения того, что ему говорили в социалистических кругах, а именно, что гражданское население в настоящее время за мир *на каких угодно* разумных условиях. Я разуверил г-на Ходжа и компанию. Ходж сказал мне, что, по его мнению, у нас введут воинскую повинность, так как иным способом невозможно получить требуемое количество людей.

17 октября. Нам передают, что 200 тыс. турок намерены выступить на помощь болгарам. Греки говорят, что условия договора им не подходят, что они неприменимы к настоящей обстановке, и заявляют: „Мы не сдвинемся с места, тем более что противная сторона, по-видимому, победит“. Румыны говорят: „Мы душою с вами, но пока что просим извинить нас“.

Сегодня утром здесь был X. Он приехал по делам, связанным с поставкой леса для траншей. X. привез с собой угнетенное настроение Лондона; ему говорили, что во Франции есть движение за мир, который может быть заключен в течение ближайших шести недель. Ходит слух, что, ввиду истощения Германии, император хочет заручиться поддержкой президента Вильсона для осуществления следующего благородного проекта. Восстанавливается довоенный статус-кво. Германии возвращаются все отнятые у нее колонии. Германия удерживает Антверпен и, должно быть, некоторую часть Бельгии, достаточную для осуществления непосредственной связи с Германией. Президент Вильсон будто бы считает эти предложения великодушными, так как

Германия занимает Польшу и часть России, Бельгию и часть Франции и до сих пор не была разбита. Напротив, Германия была и остается повсюду победительницей. Американская общественность поддержит президента, который окажет давление на союзников, угрожая, в случае, если эти условия не будут приняты, запретить всякий экспорт в их страны из Америки.

То, что он рассказывал о внутренних делах, было интересно. Кабинет раскололся. Артур Бальфур написал убедительную статью против введения воинской повинности. X. не мог припомнить его аргументации, за исключением указания на то, что такой набор расстроил бы промышленность... X. сказал, что произведенная недавно перепись доказала, что в стране имеются многие тысячи здоровых мужчин, рабочих и других, которые не желают идти в армию, и он, X., не может сказать, каким образом их можно заставить служить. Джордж Керзон* — единственный член кабинета, который стоит без оговорок за введение воинской повинности.

18 октября. Итальянец, занимающий довольно видное положение, работающий в Турции и выехавший из Константинополя девять недель тому назад, утверждает, что короли Греции и Болгарии, несомненно, приняли на себя личные обязательства по отношению к германскому императору в том смысле, что ни Греция, ни Болгария не нападут друг на друга и что румынский король пообещал германскому императору, что Румыния останется нейтральной. До того, как были заключены эти соглашения, Джавид-бей** не мог полу-

---

* Джордж Натаниел Керзон (1859—1925) — вице-король Индии (1899—1905), министр иностранных дел Великобритании (1919—1924), председатель Палаты лордов британского парламента (1916—1924), представитель Консервативной партии. В период с мая 1915 г. по декабрь 1916 г. являлся членом Кабинета министров в должности лорда-хранителя малой печати. Автор проекта установления границы между Польшей и Советской Россией по линии этнического размежевания поляков, с одной стороны, и украинцев и белорусов — с другой (линия Керзона, 1920), а также ноты, предъявленной советскому правительству (ультиматум Керзона, 1923). В 1911 г. получил титул графа, в 1921 г. — маркиза.

** Мехмед Джавид, известный также как Джавид-бей (1875—1926) — турецкий экономист и политический деятель, представитель младотурок, министр финансов Османской империи (1909—1911, март—нояб. 1914, март

чить в Берлине никаких субсидий, после же Турция получила 5 млн фунтов стерлингов при условии территориальных уступок Болгарии вблизи Адрианополя. Переговоры между Германией и Турцией протекали очень неблагоприятно до первого наступления на Дарданеллы: тогда турки стали шелковыми в руках немцев. Турки были очень перепуганы, когда Италия объявила войну; они думали, что это означает отправку 300 тыс. итальянцев против Турции. Тот же итальянец говорит, что добиться сколько-нибудь реального успеха в Салониках может лишь армия, насчитывающая не менее чем 500 тыс. человек. Между тем снабжать такое количество войск, действующих в глубине страны, при наличии одной только железнодорожной линии, почти невозможно.

Положение складывается, по-видимому, следующим образом: греческий король получил заверения от германского императора, что Болгария не нападет на Грецию, а получит компенсацию за счет разбитой и расчлененной Сербии. Греческий король уверен в том, что в случае возможного нарушения этого обещания он может рассчитывать на защиту со стороны англо-французских войск. Румынский король обещал германскому императору сохранить нейтралитет: его вознаградят Бессарабией, которую отнимут у разбитой России. Какое влияние окажет на болгар манифест российского императора, сопровождаемый обстрелом Бургаса и Варны?

19 октября. Эшер был у меня сегодня утром. Он много рассказывал о разногласиях в кабинете, но не упоминал о мире во что бы то ни стало в том виде, как его предлагает президент Вильсон.

Кабинет сейчас разделился, одни хотят обсудить и провести закон о воинской повинности, так как введение ее оказалось необходимым, другие хотят ждать, пока не выяснится неудача попыток Дерби[34]*. Асквит одобряет эту последнюю

1917—нояб. 1918). Подал в отставку после вступления Османской империи в Первую мировую войну, но оставался советником по финансовым вопросам вплоть до возвращения в правительство.

* Эдвард Стэнли, граф Дерби (1865—1948) — военный министр Великобритании (дек. 1916—апр. 1918, 1922—1924), посол Великобритании во Франции (апр. 1918—1920), сменивший на этом посту Френсиса Берти. Представитель Консервативной партии. В 1915 г., возглавляя службу вер-

идею. Он говорит, что схема Дерби может еще иметь успех, и тогда не будет надобности вводить воинскую повинность; если же он потерпит неудачу, то тогда найдется достаточно времени для подготовки закона. Дерби говорит, что, если к концу ноября ему не удастся получить 600 тыс. рекрутов, он будет считать, что добровольческая система не удалась и что необходимо вводить воинскую повинность.

20 октября. Мюррей Элибанк завтракал у меня. Он прибыл из Лондона вчера вечером. Очевидно, он считает, что Асквиту придется уйти и что его преемником будет Ллойд Джордж, который уйдет в отставку, если не будет введена воинская повинность, так как иным способом он не может получить людей для заводов, изготовляющих военное снаряжение. Не так давно Китченер соглашался, что необходимо ввести воинскую повинность. Теперь же он дает отбой и не знает, какая сторона в кабинете победит. Артур Бальфур решительный противник воинской повинности. Карсон* за ее введение, но, как мне передают, по другому пункту он разошелся с большинством членов кабинета, а именно в вопросе о Салоникской экспедиции: он хотел, чтобы вопрос этот решался исходя из чисто военных, а не политических соображений.

22 октября. Из слов Мюррея Элибанка я заключаю, что дни пребывания Асквита в кабинете сочтены. Ллойд Джордж говорит, что введение воинской повинности необходимо для его военных заводов. Старые бабы в Военном министерстве продолжают утверждать, что шрапнель является предпочтительной по сравнению со снарядами большой разрывной силы, и пытаются доказать, что наша артиллерия превосходит французскую.

бовки, разработал схему комплектования британской армии, в основе которой лежал принцип добровольности набора (схема Дерби).

* Эдвард Генри Карсон (1854—1935) — ирландский и британский юрист и политический деятель, генеральный прокурор Англии и Уэльса (май—окт. 1915), первый лорд Адмиралтейства (дек. 1916—июль 1917), член правительства (министр без портфеля, июль 1917—янв. 1918) Великобритании. Лидер Ирландской юнионистской парламентской и Ольстерской юнионистской партий (1910—1921), выступавших против предоставления Ирландии самоуправления. В 1921 г. получил титул барона.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ноябрь—декабрь 1915 г.

3 ноября. Вчера я нанес визит Бриану[35]. Он сказал, что я слишком хорошо знаю его политику, чтобы на ней стоило останавливаться. Он настроен не очень оптимистично в вопросе о балканских делах, но он решительный сторонник борьбы до конца.

9 ноября. Анри де Бретей* только что был здесь. Недавно он встретил одного французского морского офицера, который сказал, что согласно существующему мнению, в том числе мнению нового министра**, Дарданеллы можно форсировать ценою потери пяти или шести кораблей и 15 тыс. человек. Как бы то ни было, если даже предположить, что союзнический флот прорвется, не уничтожив турецкие форты, орудия и т. д., то как сможем мы снабжать наши корабли всем необходимым и быть уверены в возможности их возвращения в Эгейское море? В 1878 г., когда британский флот прошел проливы до Константинополя, он не встретил никакого сопротивления со стороны турок, которые были в восторге от нашего появления, положившего конец русскому диктату. В настоящее время мы имеем совершенно иной случай[36].

---

* Анри ле Тоннелье, маркиз де Бретей (1848—1916) — французский политический деятель, член Палаты депутатов французского парламента (1877—1881, 1885—1892). Приближенный короля Великобритании Эдуарда VII (1901—1910) и российского императора Николая II (1894—1917), один из архитекторов Антанты.

** Люсьен Лаказ (1860—1955) — французский адмирал, министр военно-морского флота Франции (окт. 1915—авг. 1917), участвовал в Дарданелльской операции.

Германские подводные лодки проявляют слишком большую активность в Средиземном море. Помощь, которую мы получаем на Балканах за счет продвижения русских в других местах, в настоящее время равна нулю: русские и на этот раз, как всегда, опаздывают, и глупости, допущенные императором, Сазоновым и компанией, поразительны.

Возможно, что Китченер отправится в Салоники, после изучения положения на полуострове Галлиполи. Он взял с собой очень способного французского офицера, который только что приехал с полуострова. Китченер поехал, чтобы самому посмотреть, сможем ли мы там удержаться, на что он надеется, так как наш уход оттуда повлек бы теперь за собою огромные потери и мог бы иметь неблагоприятный политический эффект в Египте и Индии. Он говорил, что вернется к исполнению своих обязанностей в Военном министерстве как можно скорее, после того как ознакомится с военным положением в восточной части Средиземного моря.

Я не пессимист, но наши министры, по-видимому, неспособны ни на какие решения. Китченер сказал мне, что Асквит превосходный человек. В подтверждение этого он сказал мне, что Асквит нашел формулу, удовлетворившую всех, когда кабинет разделился по вопросу о воинской повинности. Однако формула эта, насколько я могу судить, не дала никакого решения. Каждый министр, несомненно, ждет и надеется, что его точка зрения победит в ближайшем будущем. Между тем быстро проходит драгоценное время.

В качестве председателя сенатской Комиссии по иностранным делам, Буржуа* задавал вопросы Делькассе. Он был поражен и ужаснулся, когда этот министр хладнокровно признал, что Константинополь был обещан России в согла-

---

* Леон Буржуа (1851—1925) — французский юрист и политический деятель, премьер-министр (нояб. 1895—апр. 1896), министр иностранных дел (март—апр. 1896, март—окт. 1906—июнь 1914), член правительства (министр без портфеля, окт. 1915—дек. 1916, сент.—нояб. 1917), министр труда и социального обеспечения (1912—1913, март—сент. 1917), президент Сената (1923—1924) Франции. Крупный специалист в области международного права, делегат обеих Гаагских конференций (1899, 1907). Первый председатель Совета Лиги Наций (1920), лауреат Нобелевской премии мира (1920).

шении между русским, британским и французским правительствами*. Делькассе изображал дело так, что Грей был инициатором этого. Буржуа отнюдь не пессимист, но он хочет советов, координации и сотрудничества между союзниками. Нынешняя система, или отсутствие системы, лишена какого бы то ни было порядка: необходим более тесный контакт между военными и морскими штабами держав Антанты и их правительствами, которые должны в точности выяснять свои намерения на суше и на море и сотрудничать для их осуществления. Он говорит, что мы не в состоянии помешать Германии захватить Константинополь, где она фактически уже давно присутствует духовно, но она растягивает свои линии до опасных размеров, и остатки сербской армии всоединении с франко-британскими экспедиционными силами в Салониках будут представлять постоянную угрозу для ее коммуникаций; позднее Россия станет сильной военной державой, действующей из Бессарабии, и время работает в пользу союзников, так как силы Германии истощаются. Он решительно высказывается за то, чтобы оставаться в Галлиполи. Китченер рассказал мне по поводу Дарданелл следующее: когда Уинстон Черчилль выдвинул свой план, согласно которому проливы можно форсировать одним флотом без участия сухопутной армии, Китченер сказал, что он рад слышать, что таково мнение морских властей. Мнение военных экспертов запрошено не было.

11 ноября. Греки становятся очень решительны. Они заявляют, что всякая сербская часть, перешедшая при отступлении греческую границу, будет интернирована, и обещают установить мины за пределами греческих территориальных вод. Однако против кого направлены эти меры защиты? Несомненно, не против немцев. Я бы запретил такого рода действия, так как они могут быть направлены исключительно против французов и нас. Я завладел бы Салониками, быть может, Пиреем, и высадился бы на Корфу, чтобы разрушить

---

* В марте—апреле 1915 г. в результате обмена памятными записками и вербальной нотой было оформлено секретное соглашение между Великобританией, Францией и Россией, предусматривающее передачу России по итогам войны Константинополя и Черноморских проливов.

установленную там радиотелеграфную станцию, которая информирует немецкие подводные лодки о местонахождении наших судов.

Органы германской печати сообщают о предполагающейся встрече королей Румынии, Болгарии и Греции. О, эти шакалы, лижущие сапоги императора гуннов!

12 ноября. Мы должны будем в конце концов применить силу по отношению к грекам, которые действуют по приказу Германии. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Сделает ли что-нибудь президент Вильсон, чтобы на практике выказать свое возмущение по поводу потопления „Анконы“* Германией? Я сомневаюсь в этом. Он станет цитировать Иезекииля! Его нота, обращенная к нам, не из приятных. Он ссылается на Парижскую декларацию 1856 г., к которой американское правительство никогда не присоединялось, и требует, чтобы мы проводили досмотр судов в море, вместо того чтобы приводить их в порты, что, как ему известно, невозможно в наши дни, при больших размерах судов и огромном грузе. Эти американцы — прогнившая шайка жуликов, распевающих псалмы и гоняющихся за барышами.

14 ноября. Вчера вечером я обедал по соседству. В числе присутствующих был г-н Виктор Берар**, ученый-востоковед, пишущий для разных журналов. Г-н Берар решительный противник неумелого вмешательства Франции в Сирию. Ввязываться в сирийские дела она могла бы только в качестве католической державы, для каковой, однако, разделение церкви и государства явилось бы аномалией. Кроме того, Франция не сможет поддерживать мир между мусульманами, евреями и христианами различных исповеданий. Англия является единственной державой, имеющей успех в таких делах. Она господствует над Персидским заливом и Красным морем, и ей надлежало бы заложить основы араб-

---

* „Анкона“ (Ancona) — итальянский пассажирский пароход, потопленный германской подводной лодкой в ноябре 1915 г.

** Виктор Берар (1864—1931) — французский ученый-востоковед и политический деятель, сенатор (1920—1931). Неоднократно посещал Османскую империю и выражал обеспокоенность положением ее армянского населения. Известен тонким переводом поэмы Гомера „Одиссея“ на французский язык.

ской империи под своим протекторатом, дав Франции гарантии, подобные тем, которые она имеет в Египте. Он высказывался в этом смысле перед Комиссией по иностранным делам в Палате депутатов. Я не думаю, чтобы у него нашлось много сторонников или хотя бы один[37].

19 ноября. Греческий король, очевидно, предвидит либо окончательную победу Германии, либо что война не выявит победителя. Китченер намерен иметь с ним беседу.

29 ноября. С Френчем покончено. Возможно, что он станет главнокомандующим в Англии. Я очень сожалею о нем. Мне бы хотелось знать особые обстоятельства, которые привели к его падению.

1 декабря. Я получил инструкции настаивать перед французским правительством, что, поскольку попытка генерала Саррая установить связь с сербской армией не удалась, вступило в силу соглашение, по которому все союзнические силы должны вернуться в Салоники и использоваться, как того потребуют обстоятельства. Что касается действий в Салониках[38], то британское правительство высказывается за вывод союзнических сил, однако лишь при наличии определенного соглашения с греками, обязывающего их защищать свои границы. Далее, необходимо информировать греческое правительство, что если оно разрешит Центральным державам занять Салоники, то это станет поводом к войне. Ответ, который я передал по телефону, заключался в том, что мое сообщение произвело угнетающее действие на Бриана и Жюля Камбона. Я добавил, что, на мой взгляд, отношения между британским и французским правительствами стали бы очень натянуты, если бы мы настаивали на выводе войск из Салоник, что французы рассматривают как пожелание, высказанное греческим королем и его правительством по просьбе германского правительства. Военный министр, которому военный атташе* передал взгляды британского правительства, сказал ему, что Совет обороны на днях согласился с необходимостью полной или частичной эвакуации

---

* Генри Ярд-Буллер (1862—1928) — британский генерал. В начальный период Первой мировой войны занимал должность военного атташе Великобритании во Франции.

полуострова Галлиполи, по совету лорда Китченера, и высказал пожелание, чтобы салоникский вопрос был немедленно разрешен посредством соглашения между обоими правительствами. Французы считают, что беседы Китченера с греческим королем принесли много зла; они укрепили короля в мысли, что мы с радостью оставим Салоники, на условиях, желательных для германского правительства и подходящих для короля. Начальник греческого штаба, германофил Метаксос[*], указал Китченеру, что лучшим средством для спасения Египта была бы экспедиция на юг от Александретты. Французы считают, что если оставить Салоники, то их займут неприятельские силы, будь то болгары, немцы или австрийцы, вне зависимости от того, окажут ли греки содействие или выступят против; вывод войск из Салоник имел бы серьезные и неблагоприятные последствия для всей балканской и восточной политики.

3 декабря. Я передал Бриану официальное представление британского правительства, в котором говорилось, что продолжающаяся отправка войск в Салоники заставляет британское правительство опасаться катастрофы, так как его военные эксперты единодушно предвидят такой исход. Они считают, что если решение вывести союзнические силы из Салоник не будет принято немедленно, то можно потерять все англо-французские силы в Македонии и Салониках. Британское правительство настаивает на том, чтобы французское правительство либо тотчас же согласилось с этой точкой зрения, либо встретилось с британскими министрами на конференции в Лондоне.

Позже. Конференция соберется завтра в час дня в Кале. Бриан, Галлиени и министр военно-морского флота примут в ней участие.

5 декабря. Из бесед, которые я имел сегодня с различными лицами, участвовавшими в конференции в Кале, я собрал следующие сведения: Бриан высказывал взгляды французско-

---

[*] Иоаннис Метаксос (1871—1941) — греческий генерал, начальник Генерального штаба Греции (1913—июнь 1917), придерживался прогерманской ориентации, после отречения Константина I вынужден был покинуть Грецию. В 1936—1941 гг. — премьер-министр (фактически диктатор) Греции.

го правительства, уже изложенные мною. Китченер говорил с волнением и сказал, что, в случае решения остаться в Салониках, он должен подать в отставку, так как не может принять на себя ответственность за решение, которое, по его мнению, повлечет за собою военную катастрофу. Бриан напомнил Китченеру о мнении, высказанном им 30 ноября, что Салоники необходимо удерживать в качестве базы для возможных операций в будущем. Французские министры уступили.

Британский кабинет не принял никакого окончательного решения относительно полуострова Галлиполи. В военных кругах считают, что с полуострова необходимо вывести войска. Китченер высказался за то, чтобы удерживать позиции длиною в четыре километра у мыса Геллес, но, по мнению Генерального штаба, эту позицию нельзя будет удержать, когда снаряды неприятельской тяжелой артиллерии начнут достигать ее. В кабинете лидером противников отступления является Джордж Керзон. Генеральный штаб считает, что, если откладывать решение, эвакуация может оказаться невозможной. Правительство желает, чтобы Китченер отправился из Мудроса в Египет и принял там на себя командование; Китченер ответил, что должен вернуться в Англию, чтобы осуществлять контроль за проведением в жизнь своей политики.

8 декабря. Э. говорит, что Френч знает о своем предстоящем уходе и что он распрощался с Жоффром, который, услышав о предстоящей отставке, поднял руки и сказал: „Если мы будем так продолжать, то мы проиграем!“ Галлиени полагает, что, что бы ни говорили Китченер и Грей, эвакуация Салоник окажется невозможной, а это потопит Бриана и его правительство. Китченера и Грея здесь ожидают завтра.

9 декабря. Тяжелые вести из Салоник. Возможно, что мы потеряли или теряем целую дивизию.

10 декабря. Из Афин приходят немного лучшие и более ободряющие вести: согласно сообщению французского посланника Гиймана*, король настроен значительно более примирительно, а г-н Гийман считает, что можно достигнуть

---

* Жан Гийман — посол Франции в Греции (авг. 1915—авг. 1917) и Норвегии (1919—1920).

соглашения, между англо-французскими и греческими военными властями, касающегося обеспечения безопасности французских и британских войск.

В своем желании остаться в Салониках французы не вполне единодушны, но французский взгляд, как говорят, заключается в том, что мы думаем исключительно об охране Кале и защите Египта.

Передают, что греческий король и его министр Гунарис* пришли к соглашению с Германией о сохранении благожелательного нейтралитета по отношению к Болгарии до тех пор, пока немцы не окажутся вблизи Салоник, с тем, чтобы тогда ввязаться в борьбу против нас. Говорят, что немцы готовят серьезное наступление на Ригу. Они надеются, что победы на Балканах, турецкие успехи в Багдаде, занятие Константинополя и приготовления к наступлению на Египет отвлекут внимание общественности от финансового положения.

12 декабря. Вчера вечером я встретился за обедом с Б. Он недавно нанес визит Кайо[39]; мне кажется, что дело шло о какой-нибудь интриге правых против правительства. Кайо настроен очень антибритански. Он считает себя новым Наполеоном и ориентируется на заключение мира с Германией при помощи Джолитти; Германия вместе с руководимой им Францией должны умерить гордость и заносчивость Англии; Эльзас и Лотарингия будут возвращены Франции, Австрия разделяется на несколько частей, причем основные территории отходят к Италии, а отдельные области присоединяются к Германии. Что касается Бельгии, то об этом еще придется подумать! Кайо рассчитывает, что поражение при Салониках даст ему посты председателя Совета министров и министра финансов. Клемансо согласен с ним в вопросах внутренней политики; расходятся они только во внешней политике; а это значит расходиться во всем.

---

* Димитриос Гунарис (1866—1922) — премьер-министр Греции (февр.—авг. 1915, 1921—1922), политический оппонент Э. Венизелоса. Был инициатором начала греко-турецкой войны (1921—1922), закончившейся неудачно для Греции. Расстрелян по приговору военного трибунала.

18 декабря. Вчера за обедом предсказывали, что чем дольше затянется война, тем лучше это будет для политического положения социалистов. Если падет министерство Бриана, то возможен приход к власти Клемансо, а на смену Пуанкаре придет Рибо, который ради президентского места пообещает что угодно и сколько угодно.

20 декабря. Вчера вечером у меня была непродолжительная беседа с Френчем. Он говорил о военном невежестве Китченера, которое теперь стало очевидным, о недостатке у него познаний в области стратегии, о том, как он часто меняет свое мнение и упрямо возвращается к своим идеям после того, как они оказываются полностью дискредитированными.

21 декабря. Итальянцы ведут себя нехорошо: остатки сербской армии достигли побережья и должны были отплыть из Сан-Джованни ди Медуа в Дураццо; так как высадка там представляет трудности, то оттуда предложили принять их в Валоне*. Итальянцы возражают на это и говорят: „Берите их в Салоники“. Даже после того, как итальянцы вступили в войну, они делают все, что только возможно, для самих себя, а не для общего блага всех союзных держав, и, сверх того, они не находятся в состоянии войны с Германией!

22 декабря. Германские радиотелеграммы сообщают, что греки заняли форт, господствующий над Салониками, и в пятницу на прошлой неделе открыли огонь по французскому патрулю, который приблизился к форту и не остановился на окрик!

Камбон заметил сегодня, что путь, по которому идет русский царь, напоминает путь Людовика XVI; возможно, что его устранят таким же способом, но на русский манер, — придворными кругами и аристократами.

---

* Сан-Джованни ди Медуа, Дураццо, Валоне — порты в Албании, современные названия Шеджин, Дуррес и Влёра соответственно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Январь 1916 г.

8 января. В Берлине состоялась арабская демонстрация в присутствии одного из потомков пророка Мухаммеда, немецких заместителей министра, турецкого посла[*] и болгарского посланника[**]! Присутствовали представители арабов из Туниса, Алжира, Турции и Индии.

Вследствие филэллинизма[***] французов и вялости англичан мы видим нерешительность по отношению к грекам. Кое-кто поговаривает, что греки объявят военное положение, а затем арестуют Венизелоса и его сторонников. Жюль Камбон сожалеет о такой позиции. Общественность здесь все еще надеется, что греки любят французов!

13 января. Мне передают, что X. в письме к Артуру Гардинджу[****] говорит, что мы должны умиротворить Германию, уступив ей — я думаю, следовало бы сказать возвратив — хорошую колонию! Если таково настроение в Министерстве иностранных дел, то да поможет нам Бог!

---

[*] Ибрагим Хаккы, известный также как Хаккы-паша или Хаккы-бей (1863—1918) — великий визирь Османской империи (1910—1911), посол Османской империи в Италии (1909—1910) и Германии (авг. 1915—июль 1918).

[**] Димитар Ризов (1862—1918) — болгарский журналист и политический деятель, посол Болгарии в Сербии (1905—1907), Италии (1908—июль 1915) и Германии (окт. 1915—апр. 1918).

[***] Филэллинизм — греч., букв. любовь к эллинам (грекам).

[****] Артур Генри Гардиндж (1859—1933) — посол Великобритании в Персии (1901—1905), Бельгии (1906—1911), Португалии (1911—1913) и Испании (1913—1919).

Я рад, что французский флаг развевается над резиденцией императора гуннов на Корфу. Грей относится неодобрительно к такому поспешному образу действий, а греки взбешены.

19 января. Общественное мнение заставит правительство установить эффективную блокаду Германии, и если мы проявим решимость и будем настаивать на своем, то не думаю, чтобы американцы могли что-то реальное сделать против нас. Нам необходимо, чтобы французы были с нами.

21 января. О'Коннор[*] рассказал мне о том, как он обратил ирландское собрание (в бывшем Аквариуме, ныне Центральный Холл в Вестминстере) в ассоциацию друзей империи, где играют и поют „Боже, храни короля", что для собрания ирландцев факт удивительный. О'Коннор — фритредер, но так же, как его друг г-н Магуайер, он видит, что нам придется заключить соглашение с Францией, Россией, Италией и Испанией, чтобы вытеснить немецкие товары. Г-н Магуайер отметил, что во время своего кругосветного путешествия он убедился, что немцы держат в своих руках мировую торговлю, что именно благодаря богатству, приобретенному от торговли, они смогли вынести финансовое бремя подготовки к войне и что если мы не отнимем у немцев их богатства, то не пройдет и нескольких лет, как они опять навяжут нам войну. При довоенном темпе развития Германия через каких-нибудь двадцать лет будет владычицей мировой торговли. Я опасаюсь, что хвастовство наподобие Рансимана[**] дает тему для россказней в нейтральных государствах и в Америке о том, что мы ставим своей целью разрушить промышленность и торговлю Германии.

---

[*] Томас Пауэр О'Коннор (1848—1929) — ирландский и британский журналист и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1880—1929), представитель Ирландской парламентской партии. Сторонник самоуправления Ирландии.

[**] Уолтер Рансиман (1870—1949) — министр сельского хозяйства (1911—авг. 1914), министр торговли и промышленности (авг. 1914—дек. 1916, 1931—1937) Великобритании, представитель Либеральной партии. В 1937 г. получил титул виконта.

23 января. Я беседовал с герцогиней д'Юзе* о Польше и глупостях, которые делают там русские. К числу мелочей, вызывающих недовольство, принадлежит, между прочим, распределение знаков отличий. Извольский раздавал их чехам, находящимся здесь в плену, и ничего не дал полякам. Далее следует почти принудительное обращение поляков в русское православие, разрушение в Польше всего, что встречалось на пути отступления русских войск, а также русификация местной администрации. Моя собеседница говорит, что Франция и Англия должны настаивать на создании свободной Польши.

24 января. Сторонники Китченера все еще стремятся добиться отказа от Салоникской экспедиции, но им не удается убедить местную общественность.

25 января. За завтраком были сегодня румынский посланник и румынский министр юстиции Антонеску**, близкий друг румынского премьер-министра***. Они выдвигали всевозможные аргументы в пользу сохранения Румынией нейтралитета в настоящий момент: они находятся между молотом и наковальней и т. п. Но весной, когда численность союзнических войск в Салониках возрастет с 300 тыс. до 350 тыс., когда греки будут с нами, как противники болгар, а греческий король будет вынужден либо воевать, либо спасаться бегством, и если *далее* русские будут подготовлены к наступлению в Буковину, тогда вы увидите, на чью сторону станет Румыния! В настоящий момент Центральные державы заняли по отношению к Румынии угрожающую позицию. Оба румына критиковали обещания, данные Францией и

---

* Мария Адрианна Анна Клементина де Рошешуар де Мормар, герцогиня д'Юзе (1847—1933) — французская феминистка и общественный деятель, активно выступала за реставрацию монархии. Известна как первая женщина, получившая водительские права (1897).

** Виктор Антонеску (1871—1947) — румынский политический деятель и дипломат, министр юстиции (янв. 1914—дек. 1916, нояб. 1933—февр. 1935), министр финансов (февр. 1935—авг. 1936), министр иностранных дел (авг. 1936—дек. 1937) Румынии. В 1919—1932 гг. занимал пост посла Румынии во Франции.

*** Ион И.К. Брэтиану (1864—1927) — премьер-министр Румынии (в том числе 1909—1911, янв. 1914—февр. 1918, дек. 1918—окт. 1919), лидер Национальной либеральной партии (1908—1927).

Англией России, а также обещания этих двух держав по отношению к Италии. Италия играет роль всеобщей посредницы и миротворца, она будет настаивать перед Францией, Англией и Россией на приемлемых условиях мира для Германии, чтобы в награду получить от Германии поддержку итальянских претензий на австро-венгерские территории. Италия руководствуется правилом: не оказываться под сапогом победителя, кто бы таковым ни был. Мои румынские гости признают, что решающий фронт находится во Фландрии, Бельгии и Шампани; но они думают, что многочисленные фронты против Германии, т. е. Салоники, Кавказ, Полесье, Галиция, Месопотамия, предоставляют союзникам преимущество в том отношении, что заставляют Германию постоянно передвигать войска с одного фронта на другой, а это утомляет и деморализует их. Если мы будем поддерживать или даже усилим нашу блокаду, то в июне Германия столкнется с нехваткой продовольствия, так как запасы к тому времени истощатся, а собрать урожай в Германии, Австрии и Болгарии можно не ранее сентября. В Вене, где румынские представители были совсем недавно, говядина стоит 14 франков за килограмм, цены на остальные виды продовольствия возросли в той же пропорции. Румыны говорят, что Германия не сможет избежать в ближайшем будущем серьезных затруднений. До тех пор, пока будут победы, будут находиться и деньги, но когда начнутся поражения, то вся постройка обрушится, как карточный домик. Румыния очень благодарна Англии за то, что последняя купила у нее 80 тыс. вагонов хлеба на 10 млн фунтов стерлингов. Германия закупила некоторое количество, и закупленное вывезли до того, как был введен запрет на экспорт.

Мне хотелось бы знать, что скажет сегодня правительство в Палате общин по вопросу о политике блокады. Никаких отступлений, несмотря на возражения со стороны Америки. Я надеюсь, что именно это будет сказано. Поскольку французы не живут бок о бок с американцами, здесь заметно гораздо больше решимости противостоять американским претензиям, чем в определенных колеблющихся кругах Лондона.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Февраль 1916 г.

2 февраля. Извольский очень нервничает из-за Швеции, Сазонов тоже.

3 февраля. Сегодня вечером я встретился на Кэ д'Орсе* с Извольским и с Титтони; первый очень опасается нападения Швеции на Россию. Я спросил Титтони, были ли среди взятых итальянцами пленных баварцы, и если да, то почему они не были расстреляны, — ведь между Италией и Германией нет войны. Он ответил, что все такие пленники вполне законны, так как их бумаги показывают, что они „примкнули" к австро-венгерской армии в качестве добровольцев; по его словам, таких добровольцев насчитывают несколько тысяч. Недурная комбинация!

Ради успеха Вильсона на выборах американское правительство начинает занимать неприятную и недопустимую позицию, создавая в Америке особое международное право, специально для осуществления своих целей. Я надеюсь, что мы и французы отвергнем американскую идею: торговые суда не вправе иметь орудия для собственной защиты, иначе они будут рассматриваться как военные суда, и суда обязаны останавливаться по приказу подводных лодок. Германия не сможет выполнить те действия, которые предусматривает для нее американский проект. Как может германская подводная лодка обеспечить безопасность команде и пассажирам, прежде чем потопить судно?

---

* Кэ д'Орсе — Орсейская набережная Сены в центре Парижа, место расположения Министерства иностранных дел Франции.

Посреди океана или даже в виду берега, но при бурной погоде, шлюпки не являются безопасным убежищем. Ожидают, чтобы мы смягчили нынешнюю форму нашей блокады, специально ради выгоды Америки, ради повышения тех огромных барышей, которые она на нас же зарабатывает.

5 февраля. Жюль Камбон против репрессалий по отношению к немцам за их жестокость в воздушной и подводной войне; он за то, чтобы мы не пачкали свои руки, дабы нейтральные страны могли делать выгодные для нас сравнения между нашим поведением и поведением немцев. Он не возражал бы против легкого обстрела какого-либо германского города, который напомнил бы немцам, что мы *можем* сделать, но он против систематических репрессий.

7 февраля. Я удостоверился в том, что целью беседы Ллойд Джорджа с Брианом, при которой присутствовали Бонар Лоу[*] и Робертсон[**], была попытка отговорить Бриана от серьезных наступательных действий из Салоник и убедить его сосредоточить все усилия на французском фронте: попытка эта не имела никакого успеха, так как Бриан оставался все время непроницаемым. Упорно держится слух, что дни Жоффра сочтены и что его заменят на Лиотэ[***] из Марокко.

Я имел беседу с маркизом дель Муни[****], который сказал мне, что он оставил свое уединение ради попытки наладить

---

[*] Эндрю Бонар Лоу (1858—1923) — министр колоний (май 1915—дек. 1916), министр финансов (дек. 1916—янв. 1919), премьер-министр (1922—1923) Великобритании, лидер Консервативной партии (1911—1921, до 1916 г. — вместе с маркизом Лансдауном).

[**] Уильям Роберт Робертсон (1860—1933) — британский фельдмаршал (1920), начальник штаба британских экспедиционных сил во Франции (янв.—дек. 1915), начальник Генерального штаба Великобритании (дек. 1915—февр. 1918), главнокомандующий британской оккупационной армией на Рейне (1919—1920). В 1919 г. получил титул баронета.

[***] Луи Юбер Лиотэ (1854—1934) — маршал Франции (1921), верховный комиссар Франции в Марокко (1912—дек. 1916, март 1917—1925), военный министр Франции (дек. 1916—март 1917). Внес значительный вклад в развитие французской колониальной империи.

[****] Фернандо Леон-и-Кастильо (1842—1918) — министр заморских территорий (1881—1883), министр внутренних дел (1886—1887) Испании, вел переговоры в Париже, закрепившие за Испанией владения в Северной

лучшие отношения между Францией и Испанией. Его аргументы сводились к следующему: Германия ведет в Испании активную политику против Франции и Англии, она тратит много денег и привлекла на свою сторону священников и клерикальную партию. Она проповедует, что страна, не имеющая идеалов, неизбежно гибнет. Испания должна иметь идеалы и справедливое честолюбие, но на ее пути стоят Франция и Англия. Франция — в Танжере и в Марокко, Англия в качестве хозяйки Гибралтара и вследствие ее договоров с Португалией, которые препятствуют созданию какого-либо подобия Иберийского союза. Эта германская кампания, по мнению дель Муни, представляет большую опасность для дела Антанты. Франция фактически выгнала Испанию из Марокко, а Танжер является больным местом для испанцев. Он говорил об этом с президентом Франции и с Брианом, но те посоветовали ему подождать до окончания войны. Но тогда будет поздно, так как, если Германия потерпит поражение, Франция не предложит Танжер Испании. Идеал испанцев, полностью осуществить который они, однако, не надеются, — это соглашение с Португалией с целью создания конфедерации государств (Португалия сохраняет при этом свои суверенные права) и овладение Танжером, частью Марокко, а также Гибралтаром. Я прервал своего собеседника, сказав, что присоединение Гибралтара невозможно: даже в том случае, если бы Германия победила, она не отдала бы Гибралтар Испании, а взяла бы его себе. Он согласился, что Гибралтар — недостижимая мечта. Но он добивается немедленного обещания, что Танжер войдет в состав испанской зоны, чтобы этим обещанием положить конец германской пропаганде; остальные же вопросы, как, например, вопрос о превращении некоторой части Марокко из французской в испанскую, соглашение с Португалией с согласия Англии, а также некоторые возможные колониальные приращения необходимо обсуждать по окончании войны.

12 февраля. Я видел хорошо осведомленного джентльмена из Швейцарии; он сказал, что франкоговорящие швей-

---

Африке (1890). Четырежды занимал пост посла Испании во Франции (1887—1890, 1892—1897, 1897—1910, 1915—1918). В 1900 г. получил титул маркиза дель Муни.

царцы очень возбуждены против своих германоговорящих соотечественников из-за того, что швейцарское правительство поместило вклады сберегательных касс в германские займы. В Швейцарии опасаются возможности революции. Франкошвейцарские войска отправляют в германскую Швейцарию и наоборот. Также опасаются, что в случае революции Германия сможет воспользоваться ситуацией для прохода во Францию через Базель; все это преувеличено, но тем не менее серьезно.

13 февраля. Из газет я не могу выяснить, принял ли Вильсон германские предложения относительно „Лузитании“ или нет. Быть может, Хаус указал, что принятие данных условий восстановит популярность Вильсона среди немцев и что, поскольку мы отвергнем условия, согласно которым наши торговые суда не должны быть вооружены, он не может рассчитывать навязать их нам. Я не думаю, чтобы он смог привести в исполнение свою скрытую угрозу: рассматривать торговые суда, имеющие орудия для самозащиты, как военные суда, с распространением на них соответствующих ограничений в нейтральных портах, а именно — не более одного посещения за три месяца; стоянка длится не более двадцати четырех часов или столько времени, сколько требуется для временного ремонта и погрузки угля для перехода до ближайшего национального порта.

14 февраля. Робертсон был сегодня в Шантильи, где он совещался со штабом. Ожидается крупное наступление немцев между Верденом и Реймсом. Армия Макензена* будет спешно переброшена из Швейцарии на французский фронт. Французы настроены очень уверенно. „Пусть они придут, — говорят они о немцах. — Чем больше их будет, тем лучше. Пусть все они придут!“ Французы обеспокоены положением дел в Швейцарии и возможностью там беспорядков, которые дадут немцам повод проникнуть во Фран-

---

* Август фон Макензен (1849—1945) — германский генерал-фельдмаршал (1915). В 1914—1915 гг. в качестве командующего армией участвовал в сражениях против России (Восточный фронт — Лодзинская операция, Горлицкий прорыв), главнокомандующий силами Центральных держав в сербской и румынской кампаниях, завершившихся разгромом и оккупацией Сербии (1915) и Румынии (1916).

цию через Базель; на этот случай сделаны необходимые приготовления.

Для секретных нужд Палата депутатов вотировала кредит в 28 млн франков, что составит 1 млн 120 тыс. фунтов стерлингов по паритету и 1 млн фунтов стерлингов по нынешнему курсу. Эти деньги будут использованы для французской пропаганды в нейтральных странах; распоряжается этой суммой Бертло*, управляющий делами кабинета Бриана; он очень умен. Бриан ничего не делает, а Бертло очень много работает. Он имеет большое влияние на своего шефа, на мой взгляд неблаготворное, так как он британофоб до глубины души.

15 февраля. Уррутиа рассказал мне, что немцы предлагают Испании Гибралтар в обмен на испанские береговые сооружения в Марокко, т. е. Сеуту и Мелилью, а также свободу действий в Португалии. Танжер, говорят немцы, нужен им самим, равным образом вся французская часть Марокко; Испании они могут предоставить оставшуюся часть Марокко. Французам следовало бы сейчас объявить об отказе в пользу Испании от прав на Танжер, чем можно было бы приостановить пропаганду, которую осуществляют в Испании на немецкие деньги, а также положить конец интригам против держав Антанты. Я бы хотел, чтобы Грей нашел какую-нибудь компенсацию, которая могла бы сохранить престиж Франции при отказе от прав на Танжер; *нам* стоит это сделать.

Я читал одну из статей Диллона**, опубликованную в „Дейли Телеграф", от 8 февраля; многое из того, что он говорит, очень верно, но кое-что принадлежит к разряду esprit

---

* Филипп Бертло (1866—1934) — французский дипломат и политический деятель, занимал различные посты в Министерстве иностранных дел Франции. Неформально считался одним из наиболее влиятельных творцов французской внешней политики в период Первой мировой войны и первые послевоенные годы.

** Эмиль Джозеф Диллон (1854—1933) — ирландский и британский журналист и филолог, на протяжении многих лет работал в качестве зарубежного корреспондента газеты „Дейли Телеграф" (The Daily Telegraph; выходит с 1855 г.), в том числе в России, один из ведущих экспертов по России.

d'escalier*. К кому он обращается со своими открытиями и пророчествами? Слишком много чужого добра раздали задолго до устранения прежних владельцев; обещание относительно Константинополя было огромной глупостью, чтобы не сказать — преступной ошибкой. Далее, тупостью и ребячеством было верить, что Германия допускает ввоз оружия и припасов в Болгарию, не заручившись содействием Фердинанда, и думать, что турки пошли на территориальные уступки Болгарии вблизи Адрианополя без какой-либо реальной компенсации в форме соглашения с Германией. Фердинанд и его министры озадачили О'Бирна, который пришел, весь пропитанный русской верой в преданность болгарского народа матушке-России. Далее, король Константин одурачивал посланников союзников в Афинах и их начальство. Если бы это все не было так трагично, то могло бы оказаться хорошей комедией. Хотя, быть может, сербы не подготовили свои войска настолько, чтобы быть в состоянии атаковать болгар в момент, когда Фердинанд объявил мобилизацию, державам Антанты не следовало давать Сербии решительный совет воздержаться от наступления на Болгарию. Очень больно, что мы оказались такими идиотами и были так одурачены. Я не принадлежал к числу веривших в успех такой политики.

19 февраля. Взятие Эрзерума[40] должно изменить положение дел в Месопотамии и Египте, если только русские не наделают ошибок; непосредственно же это окажет большое влияние на Малую Азию и на Азию вообще.

26 февраля. Сражение под Верденом все еще продолжается без решительного результата в ту или иную сторону; в одной из своих радиотелеграмм немцы утверждают, что благодаря внезапной атаке они заняли вчера вооруженный форт Дуомон, на одном из концов главной линии постоянных укреплений к северо-востоку от Вердена. Здесь это известие опровергают.

Когда Хаус был здесь, он сказал, что не пройдет шести месяцев и Соединенные Штаты будут на стороне Антанты. В

---

* esprit d'escalier (фр.) — букв. эффект лестницы; выражение, аналогичное русскому „быть крепким задним умом".

Лондоне он зондировал Грея относительно посредничества Америки в заключении мира на следующих условиях: Германия выводит свои войска с территорий Франции и Бельгии, Франция получает Эльзас-Лотарингию в обмен на некоторые колонии. Грей передал эти условия Камбону, который презрительно рассмеялся над ними. Грей мне об этом ничего не говорил.

Немцы косвенно предлагали, а правительство Соединенных Штатов прямо зондировало относительно мира на следующих условиях: Германия выводит свои войска с территорий Франции и Бельгии; Франция получает Эльзас-Лотарингию и отдает некоторые колонии, но не платит никаких возмещений, Англия должна платить. Немцы намекнули, что Соединенные Штаты получат от Дании Гренландию взамен Филиппин, которые Дания затем уступит Германии в обмен на Северный Шлезвиг.

Соединенные Штаты не удовольствуются Гренландией. Я думаю, что они согласятся взять датские Вест-Индские острова в обмен на Филиппины и смотреть сквозь пальцы на то, что будет с ними делать Дания. Немцам Филиппины нужны для действий против Японии в будущем. Японцы никогда не примирились бы с переходом этих островов в руки немцев.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Март 1916 г.

13 марта. Нижеследующее — слух, но слух достоверный. Обнаружено, что оборона Вердена не была подготовлена. Кастельно* отправился туда, в результате чего несколько генералов сместили с должностей, во главе командования поставили Петена**, была организована настоящая система и вырыты траншеи. Военные власти сейчас вполне уверены в том, что смогут выдержать натиск немцев. Французские потери исчисляются не менее чем в 50 тыс. человек, а германские от 110 до 150 тыс.

16 марта. Кажется, изобретен новый страшный газ, но посмеем ли мы использовать его против гуннов и будет ли достаточный запас его? Я сомневаюсь в этом.

Теперь здесь понимают и ценят британские усилия и помощь. Говорят, что сейчас во Франции находится 1 млн 500 тыс. британских солдат. Наша тяжелая артиллерия вы-

---

* Ноэль Эдуар, виконт Кюрьер де Кастельно (1851—1944) — французский генерал, первый заместитель начальника Генерального штаба Франции (янв. 1912—дек. 1913), командовал французскими войсками на различных фронтах Первой мировой войны. В 1917 г. участвовал в военной миссии, направленной в Россию.

** Анри Филипп Петен (1856—1951) — маршал Франции (1918), получил широкую известность после битвы при Вердене (февр.—дек. 1916), начальник Генерального штаба Франции (апр.—май 1917), главнокомандующий французской армией (май 1917—1931), военный министр Франции (февр.—нояб. 1934). После разгрома Франции во Второй мировой войне возглавил коллаборационистский режим с центром в г. Виши (1940—1944). По обвинению в государственной измене приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением (1945).

зывает большое восхищение. Она оказала большие услуги под Верденом.

18 марта. Сегодня я завтракал у Анри де Бретея. Там был Пишон. Против Жоффра выдвигают много обвинений. У него в Главной квартире находятся около 300 офицеров, которые, вместо того, чтобы выполнять свои прямые военные обязанности, пишут меморандумы по таким вопросам, как финансы Румынии. Жоффр посылает такие бумаги военному министру для передачи на рассмотрение кабинета! Штаб Жоффра не сделал настоящих приготовлений к обороне Вердена. Кастельно приехал в Верден 21 января и нашел, что ничего не сделано. Он отправил 4 тыс. человек рыть траншеи. 21 февраля немцы перешли в наступление. 24 февраля Кастельно получил от Жоффра все полномочия для действий. Генерал де Лангль де Кари* хотел отступить, так как считал, что занимаемые позиции не удержать. Кастельно вызвал Петена ночью 25 февраля и на следующее утро приказал генералу Бальфурье** взять обратно форт Дуомон, что было сделано. Петен получил командование, и положение улучшилось. Обрадованная общественность, за исключением крайних социалистов, хочет, чтобы Кастельно сменил Жоффра; если же эта замена не удастся, то хотят Петена.

20 марта. Некоторые германские колониальные учреждения и предприятия обратились к министру колоний*** с петицией настаивать при заключении мира на том, чтобы Германскую Юго-Западную Африку возвратили Германии. На это министр ответил, что правительство не только будет настаивать на возвращении всех колоний, но что оно будет действовать в

---

* Фернан де Лангль де Кари (1849—1927) — французский генерал, член Высшего военного совета Франции (1912—1914), в годы Первой мировой войны занимал различные командные должности. В 1916 г. отстранен от командования, в отставке с 1917 г.

** Морис Бальфурье (1852—1933) — французский генерал, во время Первой мировой войны занимал различные командные должности. Проявил себя в битве при Вердене. В отставке с 1917 г.

*** Вильгельм Зольф (1862—1936) — немецкий ученый, дипломат и политик, министр колоний (1911—дек. 1918) и министр иностранных дел (окт.—дек. 1918) Германии. В качестве министра иностранных дел вместе с канцлером Максимилианом Баденским осенью 1918 г. пытался дипломатическим путем положить конец войне. Впоследствии занимал пост посла Германии в Японии (1920—1928).

духе расширения германских колониальных владений. Если бы даже немцы нас победили, туземцы Юго-Западной Африки удержали бы эту территорию в своих руках и сказали бы немцам: „Приходите и берите, если можете“.

Ввиду того, что итальянскому министерству было выражено доверие от значительного большинства, я думаю, что дипломатическая конференция состоится здесь, как предположено, 27 марта.

В качестве причины, по которой Италия не объявила войну Германии, мне указывают на пребывание в Германии 750 тыс. рабочих итальянцев. Я подозреваю более тайные причины.

27 марта. На утреннем заседании конференции (от 10 до 12 часов) обсуждались военные вопросы. Итальянцы заявили, что им нужны тяжелые орудия, пулеметы и снаряжение. Британские представители сказали, что потребности флота были настолько значительны, а потребности армии настолько неожиданны, что мы в состоянии производить только для своих собственных нужд, и то не удовлетворяя их полностью до января следующего года. У нас есть машины, но нам недостает необходимой квалифицированной рабочей силы. Мы не можем перебросить шахтеров на другую работу, так как нам приходится снабжать углем союзников и самих себя, и несколько крупных орудийных заводов в Глазго были вынуждены остановиться на несколько дней из-за нехватки угля. Ллойд Джорж привел статистические данные о сделанном нами, а г-н Тома дал отчет о том, что сделано Францией. Он и Бриан предлагали итальянским представителям дать квалифицированных рабочих французским заводам.

Представители Италии протестовали, говоря, что итальянское правительство не властно посылать итальянских рабочих во Францию, и было бы невозможно провести через парламент меру, которая давала бы правительству такую власть. На послеобеденном заседании конференции (3 ч 30 м — 5 ч) обсуждались вопросы о продовольствии, о нормировании, о регулировании торговли и о блокаде.

Заседание конференции, происходившее в шесть часов вечера в кабинете Бриана, в присутствии Асквита, Грея, меня,

Китченера, Робертсона, Извольского и Жилинского*, было посвящено салоникскому вопросу. Слово получил Китченер, и он стал в взволнованном тоне распространяться о бесполезности Салоникской экспедиции. Вслед за тем Робертсон прочел записку на французском языке, излагавшую его доводы против экспедиции. Китченер объявил о намерении вывести одну британскую дивизию. Робертсон разъяснил, что этот уход является предисловием к выводу в возможно ближайшее время второй и третьей дивизий. Жоффр приводил доводы против вывода войск, причем Китченер время от времени высказывал возражения, утверждая, что британские войска будут полезнее во Франции, чем в Салониках, что он никогда не считал возможным наступление из Салоник и что присутствие там таких крупных сил в настоящее время означает напрасную трату сил. Ответственность должна взять на себя Франция. Мы не в состоянии предоставить транспортные средства, необходимые для подкрепления и снабжения этих войск.

Аргументы Бриана в пользу сохранения нынешнего состава франко-британских войск в Салониках, целиком поддержанные Извольским и Жилинским, заключались в следующем. Первоначально мы пришли в Салоники для того, чтобы воспрепятствовать их превращению в англо-германскую базу подводных лодок и чтобы помешать Греции присоединиться к Центральным державам. Присутствие англо-французских войск явилось серьезным препятствием для осуществления германских намерений. Это видно из заявления греческого короля, шурина императора, предложившего гарантию в том, что если б мы согласились вывести наши войска из Салоник, то неприятель не стал бы мешать. Присутствие англо-французских войск помешало выполнению германского плана вторжения в Египет, каковое намерение причинило столько беспокойства лорду Китченеру. Эти союзнические войска удерживали вокруг

* Яков Григорьевич Жилинский (1853—1918) — русский генерал, начальник Главного управления Генерального штаба России (1911—1914). С началом Первой мировой войны назначен командующим Северо-Западным фронтом, но уже в сентябре 1914 г. смещен за поражение в Восточно-Прусской операции. В 1915—1916 гг. — представитель русского верховного командования в Союзном совете в Париже.

Салоник значительное количество турок, австрийцев и немцев. Присутствие войск заставило болгар опасаться возможного объединения против них Румынии и Греции. Если бы мы вывели хотя бы одну британскую дивизию, то турки, болгары и румыны заключили бы, что англо-французские войска будут выведены совсем, так же, как и с Галлиполи. Румыния потеряла бы всякую надежду на соединение с Грецией. Болгария осмелела бы и заняла бы агрессивную позицию по отношению к Румынии, и пришлось бы попрощаться со всякими надеждами на присоединение Греции к державам Антанты. Если бы британские дивизии одну за другой вывели, то французам не оставалось бы ничего иного, как тоже уйти, и вся экспедиция закончилась бы провалом. Он думает, что материальный и моральный эффект от этого был бы в высшей степени неблагоприятным. Он надеется, что Китченер не будет настаивать на своем намерении вывести войска, и предлагает Асквиту и Грею подумать о дипломатических и политических последствиях вывода войск в настоящих условиях. Китченер ответил, что много думал об этом, и результатом этих раздумий и явилось его предложение о выводе сперва одной, а затем еще двух дивизий. Видя, что Китченер и Робертсон не сумели логически обосновать свое мнение, Асквит сказал, что, принимая во внимание настойчивые возражения Бриана и представителей России, он не будет настаивать на предложении, выдвинутом британскими военными.

30 марта. Конференция была жестом, и в качестве такового она имела успех. Все задают себе вопрос, почему итальянец взял на себя обязанность говорить за остальных делегатов. Некоторые думают, что он поступил так с целью подчеркнуть участие Италии в борьбе, *но она не находится в состоянии войны с Германией*.

Сопротивление, оказанное французами под Верденом, грандиозно и является горьким разочарованием для немцев; но сможем ли мы, когда настанет время для активной операции, предпринять успешное наступление? Многие военные авторитеты, в том числе, кажется, и наши, считают, что в полной мере настоящее наступление невозможно ни для од-

ной из сторон. Говорят, что так думали и думают командиры полков, что Жоффр думает так же, но не говорит об этом по политическим соображениям.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Апрель 1916 г.

1 апреля. Из Афин корреспондент пишет: „Нам приходится здесь иметь дело с самым гнусным правительством, руководитель которого, Гунарис, является ярым германофилом, и тем не менее правительства союзников, по-видимому, расположены давать деньги для поддержки нынешнего кабинета. Это печально, но, к счастью, потеряно уже столько времени, что есть надежда на то, что эти старые птицы свалятся с насеста, прежде чем они получат деньги“.

2 апреля. Здесь был Репингтон, приехавший из Вердена и Шантильи. Он уверен, что французы смогут продержаться против немцев, у которых много убитых. Он считает, что это будет самое действительное средство для побед над немцами. Германия падет от недостатка людей, а не от недостатка иных „товаров“. Хотя русским, быть может, и приходится терять двух людей против каждого немца, но людей у России достаточно, чтобы перенести эту диспропорцию в потерях. Репингтон видел последние партии пленных немцев, и он говорит, что они представляют собою жалкий сброд, показывающий, что немцы близки к исчерпанию своих людских ресурсов. Он нашел у французских офицеров и солдат полную решимость идти до конца. Нашей бедой может явиться недостаток людей для пополнения потерь, если мы не введем всеобщую воинскую повинность, что, как он опасается, маловероятно. Он бранит Салоникскую экспедицию, как трату людей и имущества, но он не считается с моральным и политическим воздействием, который имел бы вывод войск с Балкан, из Румынии, Греции, Болгарии, Турции,

Ближнего и Дальнего Востока, а также из нейтральных государств.

Лондон, 6 апреля, 4 часа утра. Только что прибыли сюда, выехав из Парижа вчера в час дня.

Бриан и министр финансов были здесь с серьезными намерениями достать деньги.

11 апреля. Сегодня утром я посетил Лансдауна*. Он опасается, что потеря форта Кут[41] произведет очень неблагоприятное моральное воздействие в Индии, Персии — на Востоке вообще, а между тем мало шансов на его спасение. Он подтвердил мнение Чарли Гардинджа**, что военные, а не гражданские власти ответственны за попытку подойти к Багдаду без достаточных сил. Он говорил о частых переменах мнений Китченера. Он думает, что Бриан и „Папа" Жоффр ввергли нас в Салоникскую экспедицию.

14 апреля. Во время моего визита к Ллойд Джорджу он сказал мне, что, согласно расчетам, мы потеряли около 1 млн тонн, т. е. приблизительно седьмую часть нашего торгового флота. Он доволен результатами работ по изготовлению снарядов. Компромиссный мир для него не существует.

Париж, 19 апреля. Сэр Хью Белл***, владелец крупного сталелитейного завода, был здесь с поручением от министерства Ллойд Джорджа расследовать вопрос о сравнительных достоинствах кованых и точеных снарядов. Это сделано, наконец, только сейчас; между тем, еще когда мы были в Бордо, я добивался, чтобы этот вопрос был изучен. Заинте-

---

* Генри Петти-Фитцмориц, маркиз Лансдаун (1845—1927) — военный министр (1895—1900), министр иностранных дел (1900—1905) Великобритании, председатель Палаты лордов британского парламента (1903—1905), лидер консерваторов в Палате лордов (1903—1916), лидер Консервативной партии (1911—1916; вместе с Эндрю Бонар Лоу).

** Чарльз Гардиндж (1858—1944) — посол Великобритании в России (1904—1906) и Франции (1920—1922), постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании (1906—1910, апр.1916—1920), вице-король Индии (1910—июнь 1916). Благодаря его усилиям британское правительство получило возможность использовать колониальные войска, прежде всего индийские, на фронтах Первой мировой войны. В 1910 г. получил титул барона.

*** Томас Хью Белл (1844—1931) — баронет, крупный британский сталепромышленник, представитель известной сталелитейной династии.

ресованные круги оказывали сопротивление всякому сколько-нибудь серьезному расследованию. Такое расследование раскрыло бы действительную стоимость, по которой можно производить снаряды и которая значительно ниже цены, которую платит британское правительство.

22 апреля. Клемансо взволнован по поводу Константинополя. Шериф* уверяет, что он может прогнать младотурок при условии, что старотуркам будет дано обещание оставить Константинополь турецким. Между тем русские сейчас очень задирают нос по поводу того, что они заняли Эрзерум и Трапезунд, и считают, что Константинополь им обеспечен. Однако с какой бы стороны по суше русские ни направились к Константинополю, им все еще далеко до него. Извольский узнал о проекте шерифа и устроил бурную сцену Бриану, который уверял, что ничего не знает об этом проекте[42].

25 апреля. Кут до сих пор держится, но надолго ли это?

Гражданские и военные власти хотят свалить друг на друга ответственность за опрометчивый поход на Багдад.

26 апреля. Присутствие одной русской дивизии во Франции** является лишь политическим жестом, своего рода детской игрой в солдатики. Во время посещения Петербурга Думер*** явился инициатором этого жеста, но он имел в виду более крупный масштаб, что было абсурдно. Каким образом

---

* Хусейн ибн Али аль-Хашими (1854—1931) — великий шериф Мекки (1908—1924) и первый король Хиджаза (июнь 1916—1924), представитель династии Хашимитов. С 1916 г. выступает в качестве союзника Антанты в войне против Османской империи (так называемое Арабское восстание, 1916—1918).

** 1-я особая пехотная бригада русской армии, сформированная в январе 1916 г. и отправленная на Западный фронт через Дальний Восток и Марсель. Командовал бригадой генерал-майор Николай Александрович Лохвицкий (1868—1933).

*** Поль Думер (1857—1932) — французский политический деятель, генерал-губернатор Индокитая (1897—1902), председатель Палаты депутатов французского парламента (1905—1906), президент Сената (1927—1931), президент Франции (1931—1932). В годы Первой мировой войны являлся сенатором, входил в правительство Франции (министр без портфеля, сент.—нояб. 1917), в 1915 г. возглавил миссию, прибывшую в Петроград для обсуждения плана отправки во Францию 300 тыс. русских солдат в качестве союзнической помощи в войне с Германией. Застрелен русским эмигрантом.

можно было переправить большое количество русских? Переправлять их из Владивостока значило бы занять все суда государств Антанты, которых недостает и для лучшего употребления. Отправить из Архангельска сколько-нибудь значительное количество людей было бы опасно: мысль о таком маршруте принадлежит к числу неудачных идей Китченера. Я думаю, что общее число отправленных солдат не превышает 12 тыс.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Май—июнь 1916 г.

6 мая. Сведения, которые я получаю из России, не вселяют оптимизма. Путиловский завод производит снарядов в пять раз меньше, чем выпускал до секвестра предприятия*. Движение в пользу секвестра было вызвано наличием немцев в составе администрации завода. От немцев — натурализовавшихся русских подданных — избавились, но на их место поставили некомпетентных преемников. Распутин сохраняет свое всемогущество. Германофильские настроения имеются при дворе, в консервативных и торгово-промышленных кругах и в революционной партии. Император колеблется между противоположными влияниями при дворе. Вивиани и Тома отправились туда, чтобы ознакомиться с положением дел.

7 мая. Я обедал с Мюрреем Элибанком в „Кафе-де-Пари“. Ресторан был переполнен людьми в хаки и демимоденками в экстравагантных платьях и еще более странных шляпах. Мюррей видел Лейшмана**, бывшего американского посла в Константинополе. Лейшман, очевидно, намерен использовать его в качестве посредника для передачи в Лондон берлинской точки зрения, изложенной Лейшману Цим-

---

* Путиловский завод (ныне — Кировский завод) был секвестрирован (передан в управление государством без перехода права собственности) в феврале 1916 г.; национализирован в декабре 1917 г. большевиками.

** Джон Джордж Александр Лейшман (1857—1924) — американский бизнесмен и дипломат, посол США в Швейцарии (1897—1901), Османской империи (1901—1909), Италии (1909—1911) и Германии (1911—окт. 1913).

мерманом*, заместителем министра иностранных дел Германии, который, по словам Лейшмана, является человеком, действительно представляющим позицию Германии.

Позиция Циммермана и Лейшмана сводится к следующему: поскольку как германский, так и французский фронты в равной степени невозможно прорвать, война окончилась как бы вничью. Германия будет удерживать занятые ею области Бельгии и Франции до тех пор, пока державы Антанты не согласятся на германские условия, так как немцы считают себя непобедимыми.

8 мая. Мне сообщают о серьезном волнении в официальных кругах Англии, и это неудивительно при той расстановке сил, которая сложилась в результате споров о принудительной военной службе, Куте и ирландском восстании[43]. Асквит был очень напуган, так как стал вопрос о падении кабинета. Бесконечные интриги как в гражданских, так и в военных кругах.

11 мая. Полученные здесь сообщения говорят, что Ллойд Джордж очень обеспокоен успехами *пацифистов* в России и в Италии. Предполагают, что в России имеется не только германофильская придворная партия, но также партия мира в народе и среди революционеров.

17 мая. „Тан“ сообщает, со ссылкой на „Морнинг Пост“**, о предстоящем назначении Гардинджа заместителем министра. Из Лондона мне сообщают, что, согласно распространенному мнению, Кейсмента[44]*** приговорят к

---

* Артур Циммерман (1864—1940) — заместитель министра иностранных дел (1911—нояб. 1916), министр иностранных дел (нояб. 1916—авг. 1917) Германии. Автор телеграммы (депеша Циммермана, 1917) послу Германии в Мексике Генриху фон Экхарду, с обещаниями вернуть Мексике ряд территорий, аннексированных Соединенными Штатами в середине XIX в. (Техас, Нью-Мексико, Аризона) и оказать помощь в войне против США, которую Мексика должна была начать в случае объявления Соединенными Штатами войны Германии.

** „Морнинг Пост“ (The Morning Post) — консервативная британская ежедневная газета, выходившая с 1772 г. по 1937 г. в Лондоне.

*** Роджер Дэвид Кейсмент (1864—1916) — ирландский и британский политический деятель и дипломат, активный участник борьбы за независимость Ирландии. В 1913 г. ушел с британской дипломатической службы и в том же году стал одним из основателей Ирландских добро-

казни через повешение, но что приговор не будет приведен в исполнение из-за боязни возбудить общественное мнение в Соединенных Штатах. Говорят также, что его обвиняют в том, что склонял британских солдат, находящихся в германском плену, к нарушению присяги, но не в восстании, ибо он не совершил никакого явно повстанческого акта, не был пойман с оружием в руках и т. д. Все это вздор. Он гораздо более виновен, чем многие из тех, которые были убиты как повстанцы во время боев или были казнены за подписание воззвания об Ирландской республике. Я бы повесил его и бросил бы этот вызов американскому общественному мнению. Американские немцы, конечно, против нас, равно как и американские ирландцы, сочувствующие шинфейнерам*; но остальные американцы, не принадлежащие к этим двум группам, будь они на нашем месте, безусловно повесили бы, расстреляли бы или линчевали бы Кейсмента, и с нашей стороны было бы слабостью, если бы мы отпустили его, и за слабость сочли бы это в Америке.

24 мая. Вчера вечером я обедал в „Ритце“ с Гинцбургом**, Лероем Льюисом***, японским послом****, Ж. Камбоном, управляющим Банком Франции***** и с Бони де

вольцев — военизированной националистической организации, предшественницы Ирландской республиканской армии. В годы Первой мировой войны вел переговоры с Германией относительно формы и размеров помощи ирландскому национальному движению, включая поставки оружия в Ирландию. В 1911 г. возведен в рыцарское достоинство. Казнен в 1916 г. по приговору британского суда за государственную измену.

* Шинн Фейн (ирл. Sinn Féin — „мы сами“) — ирландская националистическая партия, созданная в 1905 г. Артуром Гриффитом. После Пасхального восстания 1916 г. Шинн Фейн превращается в ведущую организацию в борьбе за независимость Ирландии.

** Один из представителей российской династии банкиров и промышленников Гинцбургов.

*** Герман Лерой Льюис (1860—1931) — британский полковник, с мая 1915 г. — заместитель военного атташе, с января 1916 г. — военный атташе Великобритании во Франции.

**** Матсуи Кейширо (1868—1946) — посол Японии во Франции (нояб. 1915—1921) и Великобритании (1925—1928), министр иностранных дел Японии (янв.—июнь 1924). Участвовал в работе Парижской мирной конференции. По ее итогам получил титул барона (дансяку).

***** Жорж Паллен (1845—1923) — управляющий Банком Франции (1897—1920).

Кастелланом[*]. Эмиссия банка достигла суммы в 600 млн фунтов стерлингов. Золотой запас незначительно превышает 200 млн. Внешняя торговля Японии относительно в таком же благоприятном состоянии, как и торговля Соединенных Штатов: большое превышение экспорта над импортом, главным образом благодаря русским заказам на оружие и военное снаряжение. Стоимость шерстяных изделий, хлопка, кожи и полотна, реквизированных немцами на севере Франции, исчисляется в 36 млн фунтов стерлингов. Реквизиции эти оплачиваются доходами от реквизиций же. Размеры убытков от грабежа, разрушений, вывоза машин, готовых изделий исчисляются в сумме 200 млн фунтов стерлингов. Ткацкая промышленность Лилля разрушена, фабрики больше не существуют. Германские власти заставляют банки подписываться на выпускаемые ими облигации. Получаемая от этих подписок наличность в банкнотах и звонкой монете отправляется в Берлин в Рейхсбанк, который открывает ограбленным банкам счета и рассматривает эти суммы как постоянные вклады. На возражения по этому поводу немцы заявляют, что это делается в ответ на секвестр германского имущества и фондов во Франции и должно служить гарантией уважения к этим секвестрованным фондам и имуществу.

25 мая. Мы получили сведения, что в течение 90 дней сражений на верденском и британском участках фронта потери французов составили 120 тыс., наши 90 тыс. и германские (по вычислению Петена) — 450 тыс. С итальянского фронта приходят дурные вести. Согласно германским сообщениям, итальянцы потерпели жестокое поражение и были отброшены, потеряв при этом 24 тыс. (в том числе 524 офицера) пленными, 251 орудие, 101 пулемет и 16 бомбометных установок. Даже по французским сообщениям, итальянцы потерпели поражение, и положение их серьезно. Австрийцы объявляют, что часть итальянского населения бежит вместе с итальянскими войсками из австрийских городов и что с такими лицами поступят как с примкнувшими к неприятелю.

---

[*] Мари Эрнест Поль Бонифаций, граф де Кастеллан-Новжан, известный также как Бони де Кастеллан (1867—1932) — граф, член Палаты депутатов французского парламента (1898—1902, 1903—1910). В годы Первой мировой войны служил переводчиком при британском экспедиционном корпусе в Гавре. Известен как законодатель моды.

1 июня. Говоря о том, как много времени уходит понапрасну из-за длинных речей на заседаниях французского Кабинета министров, Бриан попросил меня угадать, кто является наиболее болтливым лицом в кабинете; я ответил, что трудно угадать, кто из 22 членов кабинета, но на основании моего опыта, приобретенного на заседании французского кабинета, на котором я присутствовал вместе с Асквитом, Греем, Ллойд Джорджем и Китченером, я бы сказал, что больше всех говорит президент республики. Бриан ответил на это: „Вы угадали с первого раза“.

Мне передали еще одно письмо из Петербурга, согласно которому в России под ружьем находятся 7 млн. Из них 2 млн 750 тыс. на передовых позициях и 1 млн 500 тыс. в ближнем тылу. Теоретически немцы не могут прорвать фронт, но у русских нет способных генералов. Куропаткин* неспособен. Это он руководил, вопреки советам Алексеева**, последним наступлением, которое стоило русским 50 тыс. убитыми. Император недостаточно интересуется войной. В гвардейской пехоте отмечаются антидинастические настроения в пользу великого князя Николая, которому это небезызвестно.

2 июня. В Северном море произошло большое сражение[45], но это считается секретом; еще бы! Немцы утверждают, что они вышли из него победителями.

---

* Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925) — русский генерал, военный министр России (1898—1904), главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне (1904—1905). В годы Первой мировой войны командовал Северным фронтом (февр.—июль 1916), назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа (июль 1916—февр. 1917).

** Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) — русский генерал. Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (июль 1914—март 1915), главнокомандующий армиями Северо-Западного (март—авг. 1915 г.) и Западного фронтов (авг. 1915 г.). Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (авг. 1915—нояб. 1916), Верховный главнокомандующий вооруженными силами России (апр.—май 1917). Один из лидеров Белого движения на начальном этапе Гражданской войны, создатель и верховный руководитель Добровольческой армии — оперативно-стратегического объединения белогвардейских войск на Юге России (1917—1918).

Позже. Немцы уверяют, что они уничтожили дредноут „Уорспайт“*, крейсера „Куин Мэри“** и „Индефатигебл“***, два броненосных крейсера, легкий крейсер, эсминцы „Тербюлент“, „Нестор“ и „Акаста“****, а также большое количество малых кораблей и подводных лодок; остальные британские суда серьезно пострадали, в том числе дредноут „Мальборо“*****; из экипажа „Индефатигебл“ в живых осталось всего два человека. Немцы потеряли всего только легкий крейсер „Висбаден“****** и броненосец „Поммерн“*******; пострадали „Фрауэнлоб“******** и несколько миноносцев. Наша версия еще не опубликована.

3 июня. Морское сражение показывает, что немцы были хорошо осведомлены, мы же совсем не осведомлены о движениях флота противника. Наши крейсера, по-видимому,

---

* „Уорспайт“ (Warspite) — британский сверхдредноут класса „Куин Элизабет“, спущен на воду в 1913 г. Участвовал в Ютландском сражении (1916), в ходе которого сильно пострадал. Принимал участие во Второй мировой войне, в том числе — в высадке англо-американского десанта в Нормандии (1944).

** „Куин Мэри“ (Queen Mary) — британский линейный крейсер, построен в единственном экземпляре, являлся усовершенствованной версией класса „Лайон“, спущен на воду в 1913 г. Потоплен в Ютландском сражении.

*** „Индефатигебл“ (Indefatigable) — британский линейный крейсер, головной корабль в одноименном классе судов, спущен на воду в 1909 г. Потоплен в Ютландском сражении.

**** „Тербюлент“ (Turbulent), „Нестор“ (Nestor), „Акаста“ (Acasta) — британские эсминцы различных классов. Участвовали в Ютландском сражении, в котором „Тербюлент“ и „Нестор“ были потоплены.

***** „Мальборо“ (Marlborough) — британский сверхдредноут класса „Айрон Дюк“, спущен на воду в 1912 г. Участвовал в Ютландском сражении, в ходе которого получил попадание торпеды. В период Гражданской войны в России принимал участие в патрулировании Черного моря. Списан в 1932 г.

****** „Висбаден“ (Wiesbaden) — немецкий легкий крейсер, головной корабль в одноименном классе судов, спущен на воду в 1915 г. Потоплен в Ютландском сражении.

******* „Поммерн“ (Pommern) — немецкий броненосец класса „Дойчланд“, спущен на воду в 1905 г. Потоплен в Ютландском сражении.

******** „Фрауэнлоб“ (Frauenlob) — немецкий легкий крейсер класса „Газель“, спущен на воду в 1902 г., потоплен в ходе Ютландского сражения.

были пойманы и попали под сильный обстрел немецких дредноутов и крупных крейсеров.

5 июня. Здесь вновь возникло движение против Жоффра и правительства, руководимое Клемансо, Думером и Барту. Они надеются свергнуть Бриана за бездеятельность и за операции Жоффра под Верденом, стоившие 40 тыс. убитых, 45 тыс. пропавших без вести и 100 тыс. раненых.

6 июня. Говорят, что одно из обвинений, выдвигаемых против Жоффра, заключается в следующем: в то время как Петен постоянно и удачно меняет людей, занимающих передовые позиции в траншеях, Жоффр настаивает, чтобы они оставались там в течение нескольких дней подряд. Говорят, что Петен безуспешно протестовал против этого.

Я получил сообщение о несчастье с „Хэмпширом“* непосредственно перед завтраком. Меня удивляет, что, несмотря на вероятность встречи с германскими подводными лодками, рыскающими на пути к Архангельску, суда идут туда без конвоя: ведь уже более года тому назад немцы выслеживали там судно, на котором из Архангельска перевозили 8 млн фунтов стерлингов золотом. В телеграмме сообщается, что Китченер вместе со своим штабом и О’Бирн, а также весь экипаж погибли. Частые потопления наших судов — очень прискорбное явление, но самое ужасное — это гибель их экипажей. Я опасаюсь, что гибель Китченера вызовет сильное угнетение общественного мнения в Англии, во Франции и в России. Кто будет его преемником? Не будет ли им Ллойд Джордж — мастер на все руки. Если это будет Ллойд Джордж, то неизбежны трения между ним с его диктаторскими замашками и Робертсоном с его огромным упрямством.

9 июня. Бриан отправился в Лондон. Положение французского кабинета, а вместе с тем и положение Жоффра очень неустойчиво. Результатом секретного заседания 16 июня мо-

---

* „Хэмпшир“ (Hampshire; также переводится как „Гэмпшир“) — британский броненосный крейсер класса „Девоншир“, спущен на воду в 1903 г. Участвовал в Ютландском сражении. Подорвался на мине 5 июня 1916 г. недалеко от Оркнейских островов, унеся жизни членов британской правительственной делегации (во главе с военным министром Г.Г. Китченером), направлявшейся в Россию.

жет явиться отставка обоих. Если Жоффр уйдет, то возможно, что его место займет Кастельно или Петен. О Барту и Клемансо говорят как о возможных преемниках Бриана.

14 июня. Бриан твердо надеется, что ему удастся преодолеть все трудности и одержать верх над своими политическими противниками.

Наступление русских на рижском направлении оказалось, как видно, неудачным.

18 июня. У меня нет еще достоверных сведений о визите Альбера Тома в Россию[46], за исключением того, что Сазонов был недоволен так же, как некоторые другие лица, которым хотелось бы скрыть размеры взяточничества и глупостей.

Русские блестяще обороняются на юге. Чего я опасаюсь, это возможности внезапного возникновения нехватки снарядов и прочих припасов и отсрочки вследствие этого операций на два года.

21 июня. Бриан говорит, что министерство с уверенностью рассчитывает на солидное большинство.

Мне передают, что Делькассе выставил себя на посмешище: он высказал надежду, что результатом сумасшедшей Салоникской экспедиции может явиться переброска 300 тыс. немцев с верденского фронта на Балканы; между тем дело на это мало похоже, и Мильеран напомнил ему, что он был в числе сторонников Салоникской экспедиции. На Делькассе смотрят как на конченого человека. Говорят, что Бриан обошелся очень ловко с Палатой депутатов, он напомнил депутатам об их ответственности перед страной за отказ в кредитах на военные приготовления, время от времени предлагаемые правительством, заявил, что сейчас не время для упреков, что были допущены военные ошибки, но что сейчас не время поднимать вопрос о пользе тех или иных изменений. Все такого рода вопросы следует отложить на короткое время. Результатом секретных заседаний может явиться компромиссная резолюция. Несмотря на то, что солдаты обожают Жоффра, многие генералы критикуют его в беседах со своими друзьями, и эта критика доходит до депутатов.

22 июня. Греческий король смирился после того, как нанес нам, сколько смог, вреда в Салониках и т. д.; все наши требования будут удовлетворены.

„Тан" сообщает об изгнании турок из Мекки арабами. Это — крупное событие[47].

23 июня. Бриан получил очень значительное большинство, но он связал себе руки, комиссии будут мешать ему.

Х. недавно видел одного очень умного русского, на днях прибывшего из России. Он говорит, что Россия имеет всего лишь 50% того количества снарядов, которое действительно необходимо. Он опасается, что Россия не сможет сохранить нынешний темп развития своих успехов, а остановка означала бы большой шаг назад; как только война кончится, революция, по словам этого русского, неизбежна.

24 июня. Совершенно очевидно, что король Константин сговаривался с Фердинандом, в согласии с гуннским императором и императором австрийским*, о том, что болгарам будет предоставлена возможность занять любую часть греческой территории для обороны против союзников, наступающих из Салоник, и что при окончательном решении вопроса Греция получит части Сербии и Албании в качестве компенсации за те территории, которые ей, быть может, придется уступить Болгарии; это-то и побудило Италию принять участие в давлении на греческого короля, так как она видела, что ее позиции на Адриатике находятся под угрозой.

Я был бы рад, если бы мог думать, что немцы выдохнутся так скоро, как представляют себе некоторые. Всякий мир, который оставил бы Гельголанд в руках Германии и не ограничил бы вооружения Кильского канала**, был бы только перемирием. Я сомневаюсь, что возможно задушить германскую торговлю. Мы сталкиваемся здесь с финансовыми инте-

---

* Франц Иосиф I (1830—1916) — император Австрии (1848—нояб. 1916; с 1867 г. — Австро-Венгрии) из династии Габсбургов.

** Кильский канал — морской судоходный канал, проходящий по территории Германии (от Кильской бухты до эстуария Эльбы) и соединяющий Балтийское и Северное моря. Был построен в 1887—1895 гг. в силу военно-стратегических и торговых интересов Германии. В результате работ по расширению 1907—1914 гг. стал способен пропускать корабли дредноутного типа.

ресами слишком многих нейтральных стран, и невероятно трудно будет принудить отказаться от торговли с Германией все те государства, которые сейчас ведут войну против нее.

25 июня. Эдмунд Тэлбот* обедал у меня вчера вечером с женой. Он говорит, что положение в Ирландии очень скверное, так как ничего не сделано для укрощения шинфейнеров.

26 июня. Доктор Диллон прибыл сюда сегодня утром. Он все время знал, что Верден должен пасть! Он продолжает держаться мнения, подтверждаемого многочисленными депутатами, сенаторами, политиками и т. д., что Кайо вернется к власти. Это событие он не назначает теперь на столь раннюю дату, как во время нашей последней беседы, которая происходила в момент, когда предполагалось падение Бриана. По мнению Диллона, Кайо должен явиться финансовым спасителем Франции, и для этой цели он потребуется как министр еще до окончания войны. Доктор Диллон продолжает утверждать, что во Франции заметны огромная усталость и стремление к миру. На этот раз он не сказал „во что бы то ни стало“.

---

* Эдмунд Фицалан-Говард, он же Эдмунд Тэлбот (1855—1947) — член Палаты общин британского парламента (1894—1921), в 1915—1921 гг. занимал пост младшего министра (в качестве „главного кнута“ Консервативной партии, которым являлся с 1913 г.). Последний наместник Ирландии (1921—1922). В 1921 г. получил титул виконта. Был женат на родной племяннице Френсиса Берти (Марии — дочери Монтегю Артура Берти, седьмого графа Абингдонского, старшего брата Френсиса Берти).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Июль 1916 г.

1 июля. Мы получили превосходные известия по телефону с нашего фронта. Мы отбросили немцев на значительное расстояние на протяжении двадцатимильного участка фронта и взяли множество пленных при незначительных потерях с нашей стороны. Какое облегчение!

Извольский сказал мне сегодня утром, что с начала июня русские захватили 212 тыс. пленных.

4 июля. Все идет, по-видимому, достаточно хорошо на нашем фронте, но были кое-какие трения между Жоффром и Хейгом*. Из хорошего источника я узнаю, что наши потери были очень тяжелыми по сравнению с французскими. Французские потери исчисляются в 6 тыс. человек, тогда как наши достигают 30 или 40 тыс., отчасти вследствие того, что наше наступление было более трудным, отчасти из-за неопытности наших офицеров.

6 июля. Это новое продвижение французов еще больше осложнит попытку противников Жоффра свергнуть его. Мне сообщают, что французы прорвали германский фронт на семь миль в глубину и что позади у немцев нет готовых укрепленных траншей, так что если Хейг будет продвигаться с таким же успехом, то должны быть достигнуты действительно хорошие результаты.

---

* Дуглас Хейг (1861—1928) — британский фельдмаршал (1917), главнокомандующий британскими экспедиционными силами во Франции (дек. 1915—1918), главнокомандующий вооруженными силами метрополии (1919—1921). В 1919 г. получил титул графа.

16 июля. Мы как будто добились значительных успехов на Сомме, и французы в восторге от нас.

Вчера вечером в числе гостей за обедом был один эльзасец, некий Вендель*, член рейхстага, владелец заводов по обе стороны франко-германской границы. Он бежал во Францию, когда началась война. Он поставляет снаряды французскому правительству. Он сказал, что производство наших заводов в настоящее время значительно превосходит количеством французское производство; между „Крезо“ и французским Военным министерством происходили споры, так как министерство отказалось принять советы „Крезо“ относительно снарядов, но, в конце концов, оно было вынуждено признать, что в „Крезо“ правы. Нет сомнения, что в военных поставках было немало подкупа по обе стороны Ла-Манша.

19 июля. Военный атташе говорит, что с 1 июля наши потери составили 100 тыс. человек. По только что полученным сведениям, немцы начали ожесточенную массированную атаку вчера вечером, и борьба продолжалась всю ночь.

21 июля. Стоимость французских снарядов, выпущенных между 21 февраля и 31 мая на одном только верденском участке фронта, достигает 31 млн 200 тыс. фунтов стерлингов.

25 июля. Х. пытается заняться условиями мира, которые вдобавок были предложены одним гунном с подачи Бюлова. Отставка Сазонова стала результатом сложной интриги императрицы, реакционной и германской партий в России. Император, как подобает восточному деспоту, замышляющему акт неблагодарности, более чем обычно милостив накануне разжалования. От этого пострадают в первую очередь поляки.

---

* Иван Эдуард Карл де Вендель д’Айанж (1871—1931) — немецкий и французский промышленник и политический деятель. Представитель франко-немецкой (лотарингской) семьи де Венделей. Депутат рейхстага (1907—1911), с началом Первой мировой войны отказался от германского подданства и переехал во Францию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Август 1916 г.

2 августа. Нынешнее поведение американского правительства отвратительно. Ради успеха на выборах президент пытается дергать британского льва за хвост; если бы этот зверь показал свои зубы, то президент содрогнулся бы. Французскому правительству и прессе следовало бы объявить о своей твердой солидарности с нами в вопросах блокады, захвата почты, обращения с германскими подводными лодками, будь то военные или так называемые торговые. Американцы забыли о „Лузитании“, о „Персии“* и о прочих подобных случаях.

Лондон, 10 августа. Я прибыл в Лондон вчера вечером и, по приглашению Мюррея Элибанка, завтракал с ним в клубе холостяков, чтобы встретиться там с Ллойд Джорджем.

Обсуждалось положение Германии, ее стремление к миру и условия, которые она предложила и на которые она пошла бы. Ллойд Джордж заявил себя решительным сторонником того, чтобы поставить немцев на колени, но тяжелые времена настанут для них только тогда, когда венгры, хорваты и прочие славяне покинут ее и оставят Германии одних австрийцев. Возможно, что Германия предложит при посредничестве Америки вывод войск из Бельгии и возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, при условии возврата германских колоний... Согласится ли Франция на это, и сможем ли мы продолжать отказываться? Я заметил, что, поскольку необходимо удовлетворить интересы России,

* „Персия“ (Persia) — британский пассажирский пароход, потопленный германской подводной лодкой в декабре 1915 г.

Франции, Англии и Италии, уничтожение Германии в качестве мировой державы *необходимо*, так как иначе через короткое время начнется новая война. Ллойд Джордж, по-видимому, считает, что Германию можно взорвать изнутри.

15 августа. Во время завтрака Бальфур спросил меня, какова была бы позиция Франции, если предположить, что Германия предложила бы сейчас вывести войска из Бельгии и вернуть Эльзас-Лотарингию. Возникла бы заинтересованность принять эти условия? Я ответил отрицательно, так как Франция потребовала бы больше, чем содержится в таком предложении. Она не согласилась бы отдать ничего из того, что она захватила у Германии, и, кроме того, она связана со своими союзниками обещанием не заключать мир отдельно от них. Более того: французский народ в целом решительно хочет разгромить Германию, чтобы иметь длительный, не гнилой мир. Бальфур спросил, смогут ли французы выдержать еще одну зимнюю кампанию. Я ответил утвердительно, так как последние успехи значительно ободрили их, и они уверены, что при помощи союзников им удастся поставить Германию на колени.

Ханки*, указывая на возможность американского посредничества для заключения перемирия, сказал, что перемирие, которое продолжалось бы месяц, оказало бы большую услугу в смысле увеличения наших запасов военного снаряжения. Бальфур и я доказывали остальным присутствовавшим, что немцы потребуют снять блокаду на этот месяц, на что, по мнению Бальфура, мы не сможем согласиться.

Разговор коснулся также германского влияния при русском дворе и успешного вмешательства императрицы и Распутина по вопросу о Польше, для того чтобы добиться отставки Сазонова. На заданные мне вопросы я ответил, что сведения, полученные во Франции из неофициальных русских кругов и от французских должностных лиц в России, содержат предсказания революции в России непосредствен-

---

* Морис Паскаль Ханки (1877—1963) — секретарь британского Кабинета министров (1918—1938). Многократно представлял Великобританию на международных и имперских конференциях. В 1939 г. получил титул барона.

но после войны. Обсуждалось также неразумное поведение императора и его министров по отношению к Распутину. Впрочем, мне сказали сегодня утром в Министерстве иностранных дел, что русское правительство уступило представителям британского и французского правительств и согласилось на требования румынского правительства. Ожидается, что соглашение о военном сотрудничестве Румынии с Антантой будет подписано не сегодня-завтра.

21 августа. Сегодня вечером я видел Жюля Камбона и Бриана. Французская общественность вполне понимает необходимость еще одной зимней кампании. Бриан согласен со мной в оценке господствующих настроений. Не нужно „мира во что бы то ни стало“. Война до конца, до полного разгрома германского милитаризма, заключение сепаратного мира невозможно!

Бриан взволнован из-за России, и неудивительно! Извольский чувствует, что его положению грозит опасность; Бриан предпочел бы сохранить его, чем получить другого, который может оказаться еще хуже. Революция в России после войны воспринимается здесь как нечто неизбежное. Она может произойти еще раньше. Бриан также думает, что если обнаружится соглашение реакционеров с немцами, то армия воспрепятствует этому.

22 августа. Положение дел в России и победы реакционеров вызывают здесь большое беспокойство. Я не допускаю, чтобы народ и армия позволили императору броситься в объятия Германии.

24 августа. Здесь сильно нервничают по поводу так называемой германской партии в Петербурге, стоящей у власти, и из-за возможной склонности России заключить мир на умеренных условиях. Русская цензура разрешает публикацию германофильских и антибританских мыслей. X. подтверждает мою уверенность в том, что, если стоящие сейчас у власти в Петербурге круги обнаружат склонность пойти на соглашение с Германией вместо того, чтобы разгромить ее, русский народ и русская армия воспрепятствуют этому, даже если бы для этого потребовалось сместить императора и поставить на его место другого.

Извольский боится и трепещет в ожидании новой награды в виде отставки. Его уход в настоящих условиях вызвал бы сожаление, так как, несмотря на многие свои ошибки, он имеет некоторые заслуги. Он выступает за то, чтобы довести войну до конца.

25 августа. Мне передали копию письма, полученного недавно из Петербурга. В письме говорится, что положение на австрийском фронте превосходно, на германском же неопределенно. Армии Брусилова*, несмотря на свои крупные потери, полны бодрости и продвигаются вперед. Армии Куропаткина не продвигаются и не могут прорвать расположение германских войск. Высшее командование медлит и колеблется, а это обескураживает подчиненных генералов, которым не предоставлено никакой свободы действия. Куропаткин непригоден для полевого командования. Он мог бы быть лучшим военным министром, чем генерал Шуваев**, на неспособность которого горько жаловался Верховный главнокомандующий Алексеев. Отставка бывшего военного министра Поливанова*** вызывает большое сожаление, она вызвана была теми же влияниями, что и отставка Сазонова. Либерально настроенных министров сместили одного за другим из-за антипатии реакционной партии, пропитанной германофильством, к либерализму. Сазонов был за то, чтобы обещания великого князя Николая Польше были подкрепле-

---

* Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) — русский генерал, главнокомандующий Юго-Западным фронтом (март 1916—май 1917), Верховный главнокомандующий вооруженными силами России (май—июль 1917). С 1920 г. на службе в Красной армии. Получил широкую известность благодаря наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 г. (Брусиловский прорыв).

** Дмитрий Савельевич Шуваев (1854—1937) — русский генерал, начальник Главного интендантского управления (1909—дек. 1915), начальник управления Главного полевого интендантства Ставки Верховного главнокомандующего (дек. 1915—март 1916), военный министр (март 1916—янв. 1917) России. В 1922 г. назначен начальником штаба Петроградского военного округа. Расстрелян в 1937 г.

*** Алексей Андреевич Поливанов (1855—1920) — русский генерал, военный министр России (июль 1915—март 1916). После Февральской революции — председатель Особой комиссии по построению армии на новых началах. С 1920 г. на службе в Красной армии.

ны царским манифестом. Г-н Штюрмер* желал ограничить уступки Польше известными муниципальными и областными привилегиями и децентрализацией в административном отношении, без какой бы то ни было политической автономии. Император принял решение в духе Сазонова и поручил ему составить манифест. Сазонов попросил у императора разрешения прикомандировать барона Шиллинга** к Министерству иностранных дел, а сам уехал в отпуск в Финляндию. Во время его отсутствия Штюрмер и его друзья обработали императора при помощи императрицы, и Сазонов пал. Штюрмер, без сомнения, очень громко заявляет о своем намерении продолжать политику своего предшественника, но, поскольку своим приходом к власти он обязан определенной партии, поддержка которой необходима ему для сохранения поста, приходится опасаться, что мало-помалу внешняя политика России если и не изменится практически, то подвергнется иным влияниям.

Транспортный вопрос стоит очень остро. Состояние Архангельской дороги улучшилось, но грузы, доставляемые из Соединенных Штатов, скапливаются во Владивостоке, и движение их скоро приостановится. Пробка образовалась в Челябинске, так как пропускная способность железнодорожной сети Европейской России недостаточна.

Наступление из Салоник, по-видимому, не слишком успешно.

26 августа. Эдмон де Ротшильд опасается, что Россия, которую сейчас представляет германофильское правительство, взяв все, что хочет, от Австрии, пойдет на соглашение с Германией и затем остановится, сложив руки и заявив: „Я выполнила свою часть“. Он говорит, что русская армия зави-

---

* Борис Владимирович Штюрмер (1848—1917) — председатель Совета министров России (янв.—нояб. 1916), одновременно занимал должности вначале министра внутренних дел (март—июль 1916), затем — министра иностранных дел (июль—нояб. 1916).

** Маврикий Фабианович Шиллинг (1872—1934) — секретарь посольства России в Вене (1898—1902), Ватикане (1902—1908) и Париже (1908—1910), директор канцелярии и 1-го политического отдела Министерства иностранных дел (1910—1916). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

сит от офицеров, которые являются бюрократами и будут слушаться приказов начальства. Крестьяне же невежественны, и им скажут, что Россия получила все, чего хотела. Я думаю, что Россия созрела для революции и что попытка пойти на соглашение с Германией до того, как она будет разбита, объединит народ и армию против германской партии и русского двора. Будем на это надеяться и об этом молиться.

27 августа. По-видимому, между Пуанкаре и Брианом были разногласия по вопросу о том, как поступить с королем Константином. Пуанкаре — сторонник железного кулака. Бриан надеется на ораторское убеждение. Британское правительство отдает предпочтение последнему.

Жюль Камбон сказал, что Извольский настолько не уверен в сохранении своей должности, что раздумывал, не лучше ли подать в отставку. Я сомневаюсь, что он это сделает.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сентябрь 1916 г.

1 сентября. Ситуация в Греции оживляется. Константин в затруднительном положении, и лозунг „Да здравствует король!“ может не встретить успеха во время выборов. Даже его офицеры начинают возмущаться эвакуацией территорий и фортов по приказам из Афин и по требованиям гуннского императора.

2 сентября. Наконец мы произвели военно-морскую демонстрацию в Пирее. Грей встревожен возможностью революции в Афинах и падения короля. Если он падет, то здесь отнюдь не захотят установить в Греции республику. Французы будут вполне довольны, если вместо короля будет править его сын*. Полагают, что, в отличие от своего отца, он свободен от симпатий к немцам.

4 сентября. Хотя дни и месяцы идут быстро, потребуется еще много месяцев, прежде чем станет виден мир. Американское посредничество здесь не встретят дружелюбно. Я надеюсь, но я могу только надеяться, что и в других местах его встретят холодным пожатием плечами. Было бы непредусмотрительно и противно здравому смыслу, если бы мы позволили превратить наши жизненные интересы в игрушку президента, нуждающегося в предвыборном лозунге. Мы должны сказать в вежливых выражениях: „Какое нам дело до посредничества? Оставьте нас в покое. Если враг

---

* Александр I (1893—1920) — король Греции (1917—1920), второй сын короля Константина I, по матери — племянник германского императора Вильгельма II. Занял престол после того, как его отец и старший брат (будущий король Георг II, 1922—1924, 1935—1947) покинули страну под нажимом Антанты в июне 1917 г. Скончался от укуса обезьяны.

хочет мира, то пусть он сам обращается со своими условиями к противнику“.

Хитрец Фердинанд перехитрил самого себя. Мы единственный народ, который верит ему. Мы верили также Константину, но теперь ему трудно будет заставить поверить себе даже своих собственных подданных. Он может оказаться в числе лиц, ищущих себе место: бывший король, имеющий хорошие связи, умеет говорить по-французски, по-английски, по-немецки, по-датски и по-гречески, привык путешествовать и хорошо знает главные европейские столицы.

5 сентября. Не думаю, чтобы наше Министерство иностранных дел имело много сведений о политике Франции. Я замечаю, что в Англии начинают подозревать Францию в намерении создать в Греции республику. Если бы такая республика была создана, то она вскоре распалась бы на части. Представьте себе полдюжины или более греческих республик! Это не подошло бы Франции! Французы не любят Константина, но если бы в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств он исчез, то они захотели бы видеть на его месте его сына.

8 сентября. Я думаю, что Саррай обречен и что командовать будет вместо него Гуро*. Румыния недовольна нашей бездеятельностью в Салониках, которая вряд ли вызывает удивление. Бóльшая часть греческих орудий волшебным образом перешла к болгарам, а немцы получили все возможности шпионить и интриговать.

Дьеп, 10 сентября. Падение рождаемости во Франции приняло серьезные размеры. За 1914—1915 гг. число рождений понизилось на 1 млн. Конечно, из-за войны уменьшилось количество потенциальных отцов, но пополнить упущенное будет трудно, если даже такая попытка и будет предпринята. От Англии ожидают, что она позаботится о финансовой помощи и об организации в деле возвращения

---

* Анри Гуро (1867—1946) — французский генерал, командующий французским экспедиционным корпусом в ходе неудавшейся высадки на полуостров Галлиполи в рамках Дарданелльской операции, где потерял руку. Участник второй битвы на Марне (июль—август 1918). Верховный комиссар Франции в Сирии и командующий французскими войсками в Леванте (1919—1923), военный губернатор Парижа (1923—1937).

беженцев из опустошенных областей и даст деньги, чтобы вновь запустить остановившуюся промышленность. Мне кажется, что французское правительство достигло соглашения с Бельгией о том, что она не станет заключать торговый договор с Германией; но взамен этого обязательства бельгийцы естественно будут ожидать, что им предоставят возможность выйти на благоприятных условиях на французский рынок с теми товарами, которые они прежде продавали Германии: тогда французские промышленники на севере поднимут крик о конкуренции бельгийцев. Другой вопрос, интересующий сейчас общественность, касается судьбы тех молодых людей, которые в момент их мобилизации готовились к ученым профессиям — к адвокатуре, медицине и т. д., и что будет сделано с демобилизованными солдатами. Многие из них будут неспособны вернуться к своим прежним занятиям, многие не захотят этого.

13 сентября. Из Мадрида я получил следующие вести. Лорд Нортклиф[*] пробыл три дня на севере Испании и принял то, что он там видел, за типичное испанское умонастроение, между тем это не так. Письмо императора гуннов к испанскому королю, доставленное подводной лодкой, явилось очень некстати, и король не ответил на него. Уррутиа намерен прийти к завтраку, так что я могу надеяться на интересную информацию.

Речь Мауры[**], которой он добивается назначения, имеет тот смысл, что если Франция согласится на присоединение Танжера к испанской зоне и проявит сговорчивость также в других отношениях, то позиция Испании по отношению к Антанте изменится. Отдать Танжер за то, чтобы изгнать тол-

---

[*] Альфред Чарльз Уильям Хармсворт (1865—1922) — британский газетный магнат, владелец газет „Таймс“, „Дейли Мейл“, „Обсервер“, а также других изданий. Обладал значительным политическим влиянием, подготовил общественное мнение к замене Асквита на Ллойд Джорджа на посту премьер-министра. В 1917—1918 гг. возглавлял британскую службу пропаганды. В 1905 г. получил титул барона, а в 1918 г. — виконта Нортклифа.

[**] Антонио Маура-и-Монтанер (1852—1925) — премьер-министр Испании (в том числе 1907—1909, март—нояб. 1918, апр.—июль 1919). Занимал крайне консервативные позиции, сочувственно относился к Германии, активно отстаивал нейтралитет Испании в Первой мировой войне.

пы немцев из Испании и чтобы положить конец укрывательству и снабжению германских подводных лодок в испанских водах, не слишком большая цена, но я сомневаюсь, чтобы французы поняли целесообразность этой уступки.

14 сентября. Сдача Кавалы[48] по приказу недурная штука! А в Англии все еще есть люди, готовые защищать Константина. Указывают на затруднительность его положения и т. п., между тем все дело в том, что он до сих пор продолжает надеяться, что Германия выиграет войну и он тогда получит свою награду, т. е. часть территории Сербии и часть территории Албании. Однако Болгария все же получит обратно все, что отобрала у нее Греция в 1913 г., несмотря ни на какие обещания шурина-гунна.

16 сентября. Кавала, т. е. сдача греческой дивизии по приказу Константина и ее интернирование в Германии, превосходное доказательство лояльности короля по отношению к Антанте и к самой Греции!

17 сентября. Румыны очень недовольны тем, что Саррай не предпринял энергичное наступление, объясняя этим свои поражения в Добрудже[49].

Анархия в Греции с каждым днем лишь усиливается. Короля обожают те греки, которые не хотят сражаться, а таких в Греции много. Кавала напоминает оперетку.

Здесь нервничают из-за боязни, что Россия заключит сепаратный мир с Германией. Эпизод с „клочком бумаги“ поколебал святость договоров, и каждая из сторон, договорившихся в сентябре 1914 г. (быть вместе и не заключать сепаратный мир), подозревает одного, а то и нескольких своих партнеров в вероломстве. Я не могу допустить мысли, что русская армия и народ позволят императору заключить мир с Германией, если бы даже императрице и Распутину удалось убедить его сделать это.

Националисты жалуются на тяжесть предлагаемых нами условий займа и на наше требование золотого депозита в качестве обеспечения. Мы предоставили нашим союзникам кредиты на сумму 400 млн фунтов стерлингов по умеренным процентам, принимая во внимание исключительность момента. Что было бы с Францией, если бы не наш кредит?

Впрочем, то, что говорят националисты, не имеет никакого реального значения.

18 сентября. Король Константин принял требование о создании технического правительства. Он избавился от Заимиса* и К° и назначил парламентских министров, настроенных прогермански. Его Генеральный штаб, так же как и сам он, не хочет войны против немцев и болгар, даже ради защиты греческой территории; поэтому штаб и его многочисленные сторонники в армии будут готовы защищать короля против народного восстания (это для них менее страшный противник); таким образом, трон Константина можно считать в настоящий момент в относительной безопасности. Французская пресса разжигает неприязнь к Константину; возможно, что британская пресса вскоре последует ее примеру. Даже Клемансо настроен сейчас враждебно по отношению к грекам.

Вчера я видел Бриана. Он не верит в возможность сепаратного мира между Россией и Германией, даже если бы министрам-германофилам удалось склонить императора к переговорам с правителем гуннов, что маловероятно.

20 сентября. Наши так называемые бронированные танки явились большим сюрпризом для французской общественности и очень неприятной неожиданностью для гуннов. Военный атташе говорит, что французские военные власти знали о них; я в этом сильно сомневаюсь.

Недавно обсуждался вопрос репараций. Моя идея относительно возможных репараций со стороны Германии сводится к следующему: надлежало бы взять эти репарации из доходов, полученных германским правительством от продажи железных дорог и лесов какому-либо синдикату; но никто из нынешних врагов Германии не стал бы пайщиком такого синдиката; поэтому союзникам следует удержать в своих руках главные германские порты и собирать таким образом таможенные пошлины в качестве обеспечения германских платежей вплоть до полной выплаты репараций. Но в

---

* Александрос Заимис (1855—1936) — премьер-министр (в том числе окт.—нояб. 1915, июнь—сент. 1916, февр.—июнь 1917) и президент (1929—1935) Греции.

настоящий момент мы очень далеки от исчисления размера возможных репараций.

22 сентября. Вчера в Палате депутатов имела место сцена, означающая крупную неудачу партии мира во что бы то ни стало и объединения с германскими братьями. Один из членов этой партии — Лонге*, внук Карла Маркса. Когда французское правительство находилось в Бордо, его предложили в качестве кандидата в переводчики для общения с британскими войсками, преимущественно с индийцами. Ввиду того, что Лонге депутат, Мильерану было трудно отказать, но я настоял на своем и отказался принять Лонге, который желал изложить свое исповедание англиканской веры. Ему так и не удалось получить место, на которое он рассчитывал. Он связан с индийскими революционерами во Франции.

26 сентября. Здесь ходят слухи, что положение Штюрмера уже поколеблено, и возможным преемником его называют порядочного человека, а именно Гирса**, посла в Риме. Я боюсь, что известие это слишком хорошо, чтобы быть верным.

28 сентября. Из Англии идут слухи о посредничестве. О посредничестве здесь не захотят и слушать, а вопрос о перемирии не поднимался. В настоящее время немцы не могут предложить приемлемую основу, вернее, приемлемую для всех государств Антанты. Разве они могут дать такую компенсацию, которая нужна Румынии, Италии и России, чтобы иметь возможность оправдаться перед своими народами за разрыв с Францией, Бельгией и Англией? Если бы даже британское правительство было склонно заключить мир на тех условиях, которые готова предложить Германия, разве со-

---

* Жан Лонге (1876—1938) — один из лидеров французских социалистов, поддержал участие Франции в Первой мировой войне. Член Палаты депутатов французского парламента (1914—1919, 1932—1936). По матери — внук Карла Маркса.

** Михаил Николаевич Гирс (1856—1932) — русский дипломат, сын министра иностранных дел Николая Карловича Гирса. Посол России в Австро-Венгрии (1912—1913), Османской империи (1913—окт. 1914) и Италии (март 1915—март 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции, возглавил Совет бывших послов, был представителем генерала Врангеля при командовании Антанты.

гласились бы на это народ и наши колонии? Я не верю в возможность мира на протяжении ближайшего года.

29 сентября. Заявления Ллойд Джорджа в беседе с сотрудником американской печати, переданные в сегодняшнем номере „Дейли Мейл“, должны, казалось бы, достаточно ясно показать американцам, что всякое предложение президента Вильсона относительно посредничества и перемирия обречено на неудачу. Заявления эти свидетельствуют также о том, что Ллойд Джордж не согласится на гнилой мир, и указывает тем из его коллег, которые колеблются между продолжением войны до полного разгрома Германии и соглашением с гуннами о так называемом почетном мире, что он скорее уйдет из кабинета, чем уступит, и что в таком случае будет апеллировать к стране против пацифистов. Какую позицию займут его коллеги? Быть может, руководство Ллойд Джорджа приведет к тому, что малодушные займут решительную позицию против американского вмешательства и посредничества. Я надеюсь на это.

Новый бельгийский посланник* нанес мне сегодня визит. Он опасается, что германофильская партия в Петербурге одержит верх и склонит императора если не прямо заключить сепаратный мир, то войти в секретное соглашение с императором гуннов о Польше, а затем прекратить военные действия под предлогом недостатка военного снаряжения, поставки которого Россия ожидает из Франции и Англии.

---

* Эдмон де Гефье д’Эструа (1866—1935) — бельгийский дипломат, посол Бельгии в Китае и Сиаме (1904—1906), Египте (1906—1909), Румынии (1909—1912), Франции (сент. 1916—1935).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Октябрь 1916 г.

Париж, 2 октября. Говорят, что Венизелос намерен собрать на Крите распущенный парламент, в котором у него было большинство; парламент этот должен служить противоядием против того, что делает нынешний парламент, голосующий, по настоянию короля, против объявления войны. Фондом для поддержания временного правительства послужат пошлины, собираемые на островах, поддерживающих Венизелоса.

5 октября. Немцы вновь пытаются действовать по принципу „разделяй и властвуй“, на этот раз с целью обработать Бельгию и Францию при посредстве короля Альберта. Как же они плохо умеют судить о характере! Они явно устали и изнурены; они пускают в ход драгоценности, в том числе принадлежащие императрице. Тем не менее до мира еще очень далеко. Я не думаю, чтобы британская общественность позволила правительству прислушиваться к тем условиям мира, которые могло бы предложить германское правительство в согласии со своей похвальбой перед германским народом. Французы не хотят слышать о куцем мире.

6 октября. Что за вздорную речь произнес президент Вильсон в Омахе в четверг! Америка *была* слишком горда, чтобы сражаться; *теперь* для выступления нужна справедливая и важная причина. Но как же обстоит дело с „Лузитанией“? Как обстоит дело с нападением подводных лодок на нейтральные суда без предупреждения? Он подставляет свои паруса какому угодно избирательному ветерку, который

только он может поймать. Если он сможет вовлечь нас в переговоры отдельно от наших союзников, то он с легкостью подергает за хвост „доброе по природе животное“, каковым является британский лев.

8 октября. Прямо изумительно, как многие британские офицеры и политики глотают политические сплетни, которые англичане собирают здесь и отправляют домой; из этих англичан некоторых считают умными. Говорят, что Франция выдохлась, что она не подготовлена к борьбе до полной победы, что существует сильное течение в пользу мира, чуть ли не любой ценою; а что на известных условиях Франция согласится заключить сепаратный мир с Германией, — несмотря на то, что она связана сентябрьской конвенцией 1914 г., — что если бы ей предложили сейчас возвращение Эльзас-Лотарингии и вывод немецких войск из Бельгии, то она согласилась бы на мир с Германией. Все это ерунда! Французы отлично понимают, что если Германию не поставить на колени, то всякий мир, на который Германия согласилась бы сейчас, дал бы ей только возможность начать войну через несколько лет. Самое меньшее, на что Франция могла бы согласиться, это возвращение Эльзас-Лотарингии, вывод немецких войск из Бельгии, восстановление ее суверенитета, а также контрибуция от Германии. С большим трудом, быть может, удалось бы убедить Францию вернуть Германии часть германских колоний в Западной Африке, но поскольку британские доминионы будут настаивать на сохранении захваченных территорий в Юго-Западной Африке, Восточной Африке и на Тихом океане, мы не можем ожидать, чтобы французы для нашего удовольствия отказались от своих колониальных завоеваний.

9 октября. Румыны не оправдали надежд, которые возлагали на них друзья и поклонники. На русских выпадет обязанность прийти им на помощь в Добрудже.

13 октября. Вслед за Ллойд Джорджем выступают Асквит и Бонар Лоу с решительными декларациями о войне и мире. По-видимому, они сочли необходимым публично выразить свои взгляды ввиду малодушной позиции кое-кого из их окружения.

Я боюсь, что румыны попали в отчаянное положение. Но они поступали так, как поступали и остальные государства Антанты: из политических соображений они делали то, что им хотелось, а не то, что требовала военная целесообразность. Мы пришли неподготовленными в Месопотамию, французы начали кампанию со вступления в Эльзас.

Есть люди, которые думают, что германофильски настроенное русское правительство может заключить сепаратный мир с Германией, чтобы помешать созданию Польского королевства, но это означало бы отказ от всех русских мечтаний о Константинополе, так как немцы не могли бы оставить его в руках России и прервать, таким образом, связь Германии с Багдадской железной дорогой.

14 октября. Надеются, что удастся спасти Румынию от разгрома: русские спешат ей на помощь.

16 октября. Я видел письмо из хорошего петербургского источника, датированное 25 сентября.

Русская гвардия понесла очень большие потери между Ковелем и Ровно. Командовал ею генерал Безобразов*, которого император назначил вопреки протестам генерала Алексеева. Перспектива нового наступления со стороны немцев угнетающе действует в Петербурге. Солдаты, снаряды, легкая артиллерия и ружья имеются в большом и почти достаточном количестве. В марте 1915 г. Россия производила 500 тыс. снарядов в месяц. За последний месяц она получила 4 млн легких снарядов, в том числе заграничных, а по выпуску орудий Путиловский завод достиг производительности, существовавшей до его секвестра, и ожидается, что вскоре производительность возрастет до 250 орудий в месяц. Не хватает тяжелой артиллерии и крупных снарядов. Эта нехватка привела к большим потерям и к приостановке наступления, когда русские увидели против себя не австрийцев, а немцев.

---

* Владимир Михайлович Безобразов (1857—1932) — русский генерал, участник Брусиловского прорыва, в ходе которого командовал войсками гвардии с преданными армейскими частями. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

Угнетающе действует также разруха, дороговизна и неспособность правительства. Предполагалось, что положение Штюрмера поколеблено, что от него отошли поддерживавшие его митрополит Питирим* и Распутин, что на посту председателя Совета министров его сменит Трепов**, что на пост министра иностранных дел планируется назначить г-на фон Гирса или г-на Боткина***, но ни одно из этих предсказаний не оправдалось; принимая, однако, во внимание склонность этих лиц к крайней правой и к реакции, такие перемены едва ли имели бы большое значение. Все названные лица в душе враждебны либеральным идеям и принципам. Они молчат, так как не могут поступать иначе. Говорят они только то, чего не думают, за исключением бесед с близкими друзьями, и тогда они открывают свой подлинный характер. Журналист Булацель****, который выступал с оскорбительными нападками на Англию и вынужден был оправдываться перед британским послом, утверждает, что Штюрмер, отдавая ему распоряжение ублажить посла извинениями, сказал ему, что разделяет его взгляды. Москва (национальная и либеральная партии) только и заставляет

---

* Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов; 1858—1919) — православный епископ, митрополит Петроградский и Ладожский (нояб. 1915—март 1917), член Святейшего Синода (с июня 1914).

** Александр Федорович Трепов (1862—1928) – министр путей сообщения (нояб. 1915—янв. 1917), председатель Совета министров (нояб. 1916—янв. 1917) России. Один из лидеров Белого движения на начальном этапе Гражданской войны, впоследствии — один из лидеров русской монархической эмиграции.

*** Сергей Дмитриевич Боткин (1869—1945) — русский дипломат, первый секретарь посольства России в Германии (1911—1914), в годы Первой мировой войны — директор временного отдела Министерства иностранных дел по вопросам военнопленных. В 1919—1920 гг. являлся делегатом Российского общества Красного Креста в Германии, одновременно представляя интересы правительств Колчака и Деникина. В 1920—1934 гг. — глава Организации защиты интересов русских беженцев в Германии.

**** Павел Федорович Булацель (1867—1919) — русский юрист, журналист и общественный деятель, придерживался крайних националистических и монархических взглядов. Один из основателей Союза русского народа (1905), входил в руководящие органы Союза русского народа и Русского собрания. Арестован и расстрелян большевиками.

правительство вести приличную внешнюю политику. Петербург не заслужил этой похвалы.

Лондон, 20 октября. Некоторые члены правительства говорят, что мы разорены и не можем продолжать войну. Другие говорят, что мы достаточно воевали и можем добиться приемлемого мира, или говорят, что победить мы не можем, что мы не в состоянии выгнать немцев из Франции и Бельгии и что война окончится вничью.

26 октября. Сегодня утром я видел Лансдауна. Я возражал против возможности сепаратного мира между Россией и Германией. Он не верит в такую возможность, но опасается падения Румынии и отчаяния, которое может за этим последовать в России. Он думает, что это произведет на нейтральные страны более сильное впечатление, чем победы Антанты под Верденом.

27 октября. Бальфур считает невозможным, чтобы Румынию с ее 800 тыс. солдат стерли с лица земли, подобно Сербии. Он, по-видимому, не слишком встревожен рейдом германского флота в Дуврском проливе*. Между тем ему надлежало бы знать размеры опасности. Мне это событие представляется серьезным, особенно в связи с потоплением без всякого разбора судов мелких нейтральных государств, таких как Норвегия, Дания и Голландия, и с тоном угрозы, который Германия усвоила по отношению к Норвегии и который означает новую попытку терроризировать нейтральные страны и, таким образом, чинить препятствия нашему снабжению.

---

* Дуврский пролив — английское название пролива Па-де-Кале.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ноябрь 1916 г.

Париж, 3 ноября. Германские социалисты развернули совместно с русскими анархистами агитацию за мир.

4 ноября. Из авторитетного источника я узнаю, что румынские архивы перевезены из Бухареста в старую столицу Молдавии, Яссы, неподалеку от бессарабской границы России.

На одном русском заводе произошла демонстрация с требованиями мира. Два пехотных полка отказались восстановить порядок, вследствие чего были вызваны казаки, которые и рассеяли толпу. Говорят, что германские социалисты при содействии германского правительства вошли в связь с русскими анархистами. Москва твердо сопротивляется попыткам преждевременно заключить мир.

7 ноября. Глупости, совершаемые Россией время от времени, прямо губят нас, но нас спасают просчеты немцев. Российский император сделал глупость, не подтвердив обещаний, данных Польше великим князем Николаем Николаевичем. Германский император и его австрийский коллега, как нам кажется, тоже наделали ошибок в польском вопросе. В какой мере и надолго ли русские поляки, единственные, кто будет пользоваться частичной автономией под германским владычеством, будут находиться под обаянием германской декларации? Им придется ведь сражаться в германской армии либо против Франции и Англии, не любить которых у них нет оснований, либо против России, с перспективой быть расстрелянными в случае, если они попадут в плен.

У меня есть сведения, что Штюрмер уже в опале и что болезнь его должна подготовить к его уходу, и что Сазонов может вновь появиться на политической сцене! Несмотря на то, что Петербург и германофильская партия относятся одобрительно к заключению мира, Москва и армия не допустят этого.

8 ноября. Здесь было немало разговоров о том, что германофильски настроенное правительство побуждает Россию заключить сепаратный мир с Германией. Гуннский и австрийский императоры, по-видимому, потеряли всякую надежду на такой мир, так как, объявив русскую часть Польши королевством под верховным владычеством Германии, они сделали невозможным примирение с Россией[50].

15 ноября. Пуанкаре негодует по поводу текста русского протеста на декларацию германского и австрийского императоров о будущем Польском королевстве*. Он старался, чтобы русским объявили, что если император подтвердит обещания, данные великим князем Николаем Николаевичем в начале войны, и пообещает русской Польше действительную автономию, то Антанта сделает во время мирных переговоров все возможное, чтобы присоединить к русской Польше Польшу германскую и австрийскую.

20 ноября. Дени Кошен нанес мне визит сегодня днем. Он говорит, что посланники держав Антанты в Афинах, заявляющие о своем желании примирить Венизелоса с королем, на самом деле внушают королю недоверие к Венизелосу, а Венизелоса подстрекают против короля. Таким образом, действия посланников носят антидинастический характер, и они разъединяют короля и его подданных, вместо того чтобы сближать их. Кошен считает, что результатом войны будет общий сдвиг на восток территорий всех континентальных государств, участвующих в войне. Франция получит Эльзас и Лотарингию, Германия — Польшу и значительную часть западной России. Россия получит компенсацию в Малой Азии, Италия вытеснит Грецию из ее владений, граничащих с Албанией. Англия удержит германские колонии, которые она заняла или сможет еще занять. Он ничего не сказал относительно того, что получат Греция, Сербия и Болгария. Он не думает, чтобы из Салоник пришло

---

* Прокламация, изданная 5 ноября 1916 г. в Варшаве и Люблине от имени императоров Германии и Австро-Венгрии, предусматривающая создание на польских землях Российской империи (оккупированных Германией и Австро-Венгрией) независимого польского государства и призывающая население этой территории вступать в ряды создаваемой „польской“ армии.

что-либо, способствующее спасению Румынии. Он не любит русских и смотрит на них как на восточный народ, которому надлежало бы вернуться на Дальний Восток.

21 ноября. Один русский поляк, бывший депутат Государственной думы от Варшавы, посетил меня сегодня. Он остановился здесь по пути в Лондон. По его мнению, возможно, что немцы завербуют насильно, если понадобится, в германскую армию русских поляков, которых они вывезли из Польши для работы в Германии.

Недавняя сцена в Думе была гораздо более бурной, чем можно было судить по опубликованным материалам. Заявление военного министра и министра внутренних дел*, что война будет доведена до конца, инспирировал генерал Алексеев без ведома Штюрмера, который внес в кабинет не имевшее успеха предложение об аресте Милюкова**, обвинявшего Штюрмера в продажности. Оба вышеупомянутых министра солидаризировались с Милюковым на заседании Думы, вызвав этим аплодисменты. В какой мере император причастен к этой декларации и какова будет судьба Штюрмера — устранят ли его совершенно неожиданно для самого себя, подобно Сазонову и другим министрам, — этого мой поляк не может сказать. В отсутствие императора, уезжавшего в Ставку, на заседаниях кабинета председательствует императрица! Некоторое время тому назад мой поляк представлял императору меморандум о чаяниях Поль-

---

* Александр Дмитриевич Протопопов (1866—1918) — русский промышленник и политический деятель, представитель партии октябристов, депутат Государственной думы III—IV созывов (1907—1917), товарищ (заместитель) председателя Государственной думы (май 1914—сент. 1916), министр внутренних дел России (сент. 1916—февр. 1917). Арестован и расстрелян большевиками.

** Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — русский историк и политический деятель, один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии (1905), депутат Государственной думы III—IV созывов (1907—1917), сторонник ведения Россией войны до победного конца (за требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы получил прозвище „Милюков-Дарданелльский“). Министр иностранных дел России в первом составе Временного правительства (март—май 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции, один из лидеров русской эмиграции.

ши. Его Величество в общем соглашался и предложил ему показать меморандум императрице, что тот и сделал. Эта дама подвергла мелочной критике все предложения до единого и сказала, что, если предоставить Польше то, что она просит, это может побудить Литву и прибалтийские губернии требовать автономии. Мой поляк ответил ей, что в Литве и Прибалтике больше поляков, чем немцев, что не совсем верно. В общем императрица оказала ему плохой прием. При эвакуации Польши русские вывезли все ценные бумаги и банковские вклады; вследствие этого польские собственники не будут склонны поддерживать германскую так называемую автономную Польшу, поскольку будут уверены, что их ценные бумаги и вклады конфискуют, если они станут на сторону Германии.

22 ноября. Из Румынии плохие вести, и поражение ее затянет войну, но я уверен, что немцы, несмотря на свое хвастовство, очень истощены. Они так много говорят по своему радио о том, что в ближайшем будущем Вильсон выступит посредником и миротворцем в германском духе, что он вынужден был протестовать против того, что ему приписывают такие намерения. Законопроект о мобилизации для военных целей всей германской нации также наглядно свидетельствует о растерянности германского правительства. Они намерены заменить ввезенными бельгийцами и поляками всех здоровых немцев, годных для военной службы.

Французская армия потеряла убитыми и умершими от ран свыше 1 млн 100 тыс., и в Германии находится около 250 тыс. французских пленных.

23 ноября. Вести из Румынии не улучшаются. Итак, наконец-то германскому*, австрийскому** и турецкому*** посланникам пришлось покинуть Афины. Их следовало уда-

---

* Вильгельм фон Мирбах (1871—1918) — граф, посол Германии в Греции (1915—нояб. 1916) и Советской России (апр.—июль 1918). Убит в Москве Николаем Андреевым и Яковом Блюмкиным.

** Юлиус Шиляси (1870—1935) — посол Австро-Венгрии в Греции (1913—нояб. 1916), посол Венгрии в Швейцарии (февр.—апр. 1919). В 1918 г. получил титул барона.

*** Галиб Кемаль — посол Османской империи в Греции (до нояб. 1916 г.).

лить гораздо раньше. Удаление их является новшеством в так называемых обычаях и международном праве, но с самого начала войны немцы вводили новшества и нарушали международное право во вред нам. Почему бы нам в миниатюре не подражать германской практике?

24 ноября. Штюрмер пал à la manière orientale*, и вместо него правит министр путей сообщения. Должно быть, это Алексеев в Ставке запугиваниями побудил императора к этой театральной развязке, подготовив к ней Думу при помощи декларации военного министра и министра внутренних дел.

26 ноября. Большие дебаты возникли вокруг вопроса о том, кого отправят в Россию в качестве представителя Франции и Англии. Бриан и Асквит были бы подходящими людьми для того, чтобы с наибольшим результатом говорить с царем и его министрами, и возможно, что Грей пожелает представлять политику Его Величества короля Георга**. Бриан опасается, что столь длительное отсутствие в Париже, которое потребуется на поездку в Россию, пребывание там и возвращение может дать его соперникам удобный случай для свержения правительства. В таком случае возникла бы борьба из-за его преемника, притом среди его же коллег. Рибо отказывается ехать в Россию. Возможно, что поедет Думерг. Ллойд Джордж явился бы подходящим олицетворением решимости британского народа сражаться[51].

28 ноября. Положение Румынии действует угнетающе, но оно может измениться, если русские поспешат и если у них окажется достаточно пушек, а также снаряжения для полевой артиллерии.

29 ноября. Есть признаки, что малые нейтральные страны принимают решения совместно, но поскольку Швеция является spiritus rector***, соглашение, если бы таковое было

---

* à la manière orientale (фр.) — по-восточному.

** Георг V (1865—1936) — король Великобритании (1910—1936). Представитель Виндзорской династии (Саксен-Кобург-Готской линии немецкой династии Веттинов). Сын короля Эдуарда VII (1901—1910), внук королевы Виктории.

*** spiritus rector (лат.) — букв. направляющий дух; зд. движущая сила.

достигнуто под влиянием Швеции, оказалось бы не в нашу пользу. Шведский премьер-министр* — друг бошей.

30 ноября. Сегодня я виделся с румынским посланником. Он, конечно, очень удручен. Он порицает Китченера за то, что тот обращал внимание исключительно на север Франции и на Египет. У Франции не было возможности прорвать германский фронт и вторгнуться в Германию, а Египту, в действительности, не грозила никакая опасность. Китченер должен был бы понимать, что судьба войны будет решена на Балканах, а России надлежало быстро прийти на помощь Румынии, когда та вступила в войну.

Морганы предполагали выпустить англо-французский заем. Федеральное резервное управление США**, учреждение, во главе которого стоит немец Шифф***, опубликовало заметку, указывающую, что Америка, зарабатывая на войне кучу денег, должна придерживать золото в целях послевоенного экономического господства и не должна вкладывать деньги во внешние займы или предприятия. Поскольку никаких иностранных займов, кроме англо-французского займа Моргана, не предвиделось, заметка явно преследовала цель

---

* Кнут Яльмар Леонард Хаммаршёльд (1862—1953) — посол Швеции в Дании (1905—1907), военный министр (февр.—авг. 1914) и премьер-министр (февр. 1914—март 1917) Швеции. Последовательно отстаивал политику нейтралитета, в 1917 г. отверг предложение подписать торговый договор с Великобританией, что стало причиной отставки его правительства.

** Федеральное резервное управление (Совет управляющих Федеральной резервной системой) — главный управляющий орган Федеральной резервной системы США, независимого федерального ведомства, созданного в 1913 г. для выполнения функций центрального банка и осуществления централизованного контроля над банковской системой страны.

*** Якоб Генри Шифф (1847—1920) — американский банкир немецкого происхождения. Принимал активное участие в разработке концепции Федеральной резервной системы, но формально никогда не входил в ее руководство. Идейным вдохновителем ФРС был его свояк Пол Мориц Варбург (1868—1932), вошедший в первый состав Совета управляющих ФРС (1914—1918) и назначенный его вице-председателем (авг. 1916—авг. 1918).

воспрепятствовать этому займу, и встревоженный Маккена* хочет замять это дело.

„Морнинг Пост“ напечатала передовую статью, которую я еще не читал, в которой говорится, что Германия сделала очень выгодное для союзников мирное предложение при условии, чтобы ей предоставили свободу действий в Центральной и Южной Америке. Германия сделала много глупостей, но неужели она может оказаться настолько одураченной, чтобы сделать такое предложение, которое ее целиком продает Америке? Бриан смеялся над теми, кто поверил, что такое предложение было сделано. Кто это пустил такую утку, за которой погналась „Морнинг Пост“?

---

* Реджинальд Маккена (1863—1943) — первый лорд Адмиралтейства (1908—1911), министр внутренних дел (1911—май 1915), министр финансов (май 1915—дек. 1916) Великобритании. Представитель Либеральной партии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Декабрь 1916 г.

1 декабря. Сегодня за завтраком я встретился с Памсом, очень богатым фабрикантом папиросной бумаги, который сам не курит. Нас было всего трое. Он был очень интересен. Он нападал на Пуанкаре за его исполнение президентских обязанностей. Он говорит, что сейчас заметно сильное движение против Жоффра, который очень устал. Жоффр с трудом продвигался вверх по служебной лестнице, но он всегда был хорошим работником. Солдаты-фронтовики относились к нему с величайшим доверием, но он не оправдал их ожиданий. Страна, если смотреть в целом, здорова. Непокорные элементы Парижа и больших городов находятся либо на фронте, либо на заводах, изготовляющих оружие и боеприпасы, многие из них убиты, а те немногие, кого не устранили одним из этих способов от руководства беспорядками, столь малочисленны, что не могут представлять опасности. Возможны демонстрации по поводу дороговизны, но с ними можно будет справиться. Он предвидит после войны целую серию забастовок в странах-участницах войны, но еще больше в нейтральных государствах. В Германии забастовки будут наиболее серьезными, так как их будут использовать социалисты для того, чтобы добиться реформ. После войны безопасность Франции и Англии абсолютно точно будет диктовать теснейший политический союз между этими странами. Экономическое соглашение натолкнется на трудности, чинимые протекционистами, но оба правительства должны настаивать на этом союзе, а народы примиряться с ним.

4 декабря. Греки передвигают свои войска, орудия и т. д. за пределы досягаемости союзнических десантных частей на

север и располагаются против своих врагов-друзей болгар и против левого крыла армии Саррая.

Как всегда случается с союзниками Антанты, русские приходят слишком поздно, чтобы можно было предотвратить потерю румынами Бухареста и спасти их от вражеского наступления.

5 декабря. Милые дела творятся в Греции! После ряда других оскорблений, нанесенных Венизелосу, регулярные войска под начальством греческого генерала, украшенного медалями, напали на его дом в Афинах без всякой провокации со стороны его обитателей. Атака началась с артиллерийского обстрела. Содержимое дома — мебель, одежда и проч. — было описано и вывезено под военным эскортом. Мне передают, что британских и французских подданных посадили на суда, стоящие в Пирее.

6 декабря. Недурная история происходит в Англии! Мне кажется, что Ллойд Джордж и его соратники по заговору решили избавиться от Асквита или погибнуть на этом деле, иначе они бы не потребовали исключить из Военного кабинета премьер-министра под предлогом, что у него есть другие дела[52]. Они могли бы сделать его председателем комитета из пяти членов с решающим голосом. Для премьер-министра создалось бы позорное и невыносимое положение, если бы его удалили из Военного кабинета. Я очень жалею, что Асквит уходит, так как Лейбористская партия доверяла ему, а с Бонар Лоу и Ллойд Джорджем могут быть трения. Я надеюсь, что новый кабинет будет менее многочисленным, более решительным и более быстрым в решениях. Если Артур Бальфур умен, то он воспользуется благоприятной возможностью продемонстрировать лояльность по отношению к Асквиту, которую тот так ценит, и уйдет в отставку. Лансдаун, несомненно, так поступит.

По-видимому, возникла идея учредить здесь Военный кабинет по образцу того, что Ллойд Джордж предлагал для Англии. Бриан был бы председателем этого кабинета и имел бы коллегами военного министра, морского министра и Жоффра.

8 декабря. Здесь ощущается нехватка угля. Насколько я знаю, в Руане имеются запасы, но ввиду того, что муници-

пальные власти Парижа установили верхний предел цен, торговцы углем предпочитают снабжать те местности, в которых цена не фиксирована. У меня нет точных сведений о том, так ли это в действительности, но я не мог получить уголь от продавца, и мне пришлось обратиться к правительству.

У меня нет известий о том, что происходит в политических кругах Лондона. Я надеюсь, что Ллойд Джорджу удастся сформировать небольшой, но сильный кабинет, несмотря на недовольство официальных либералов. Пацифисты, повидимому, не понимают, что для нашей страны и для нашего народа речь идет о победе, и притом такой, которая поставит врага на колени — иначе рабство у гуннов. О, как я ненавижу политиков с их партийными предрассудками и выдумками! Было бы несчастьем, если бы Ллойд Джорджу не удалось сформировать правительство или если бы его формирование даже немного затянулось.

Россия внушает самые мрачные мысли. Ее войска, повидимому, всегда приходят слишком поздно. Она втянула Румынию в войну и оказалась неподготовленной, чтобы прийти ей на помощь. Нам удалось уничтожить довольно большое количество нефти и хлеба в тех областях Румынии, которые подверглись нашествию. За последнее время я ничего не слыхал о возвращении великого князя Николая Николаевича к командованию в Европе. Алексеев уволен за одну операцию. Мне кажется, что в скором будущем предстоит новое наступление французов и в связи с ним также наступление англичан.

9 декабря. Пангерманистское издание „Альдойче Блеттер“* не является правительственным органом, но ему разрешается публиковать минимальные условия мира, и хорошо было бы британскому народу знать эти условия. Вот в чем они заключаются: часть Франции аннексируется, Бельгия *воссоединяется* с Германией, Германия получает морскую базу на берегу Ла-Манша к западу от Па-де-Кале, Гер-

---

* „Альдойче Блеттер“ (Alldeutsche Blätter) — букв. „Пангерманистские листки“, немецкий еженедельный журнал, официальный орган националистической Пангерманистской лиги, издавался с 1891 по 1939 г.

мания аннексирует прибалтийские губернии России, всю Литву, русскую Польшу и всю русскую территорию к западу от линии Киев — Крым, включая Одессу; бельгийское Конго аннексируется. Германия получает все стоянки для флота, какие захочет. Австрия и Болгария делят между собою Румынию, Сербию, Черногорию и Албанию, Турция аннексирует Египет, Судан и Триполи и распространяет свое господство к югу вплоть до Германской Центральной Африки. Публикация этих завоевательных грез была разрешена, вероятно, ради того, чтобы склонить нас к миру на более умеренных условиях. Само собой разумеется, что по этому плану Германия получает обратно все свои колонии.

11 декабря. Об уходе Асквита я сожалею вследствие моего личного отношения к нему. Он мне нравится, и я надеялся, что он примет идею Ллойд Джорджа о Военном кабинете. Приходится махнуть на это рукой.

13 декабря. Если бы у немцев была такая сильная уверенность в том, что их победы будут продолжаться сколько-нибудь значительное время, они не стали бы *сейчас* предлагать мир[53]. Они продолжали бы воевать до тех пор, пока их враги не запросили бы мира. После того, как немцам не удалось уговорить каждое из неприятельских правительств в отдельности покинуть своих союзников и заключить сепаратный мир, они пытаются теперь произвести впечатление на толпу. Если бы меня спросили, то я посоветовал бы союзникам не отвечать и не принимать к сведению ноту, которую, по просьбе германского канцлера, намерены передать правительствам держав Антанты правительства Соединенных Штатов и Испании, на которую возложена обязанность защищать в Германии подданных Антанты. Молчание означало бы презрение; правительствам держав Антанты было бы трудно прийти к соглашению о точных условиях общего ответа, а если бы каждая держава стала отвечать за себя, то получились бы расхождения в условиях, которые могли бы побудить Германию к новым попыткам посеять рознь между союзниками. Германская нота свидетельствует о том, что у германского правительства нет уверенности в продолжении побед; она сознает солидарность держав Антанты и знает, что если неприятель останется тверд, то Германия потерпит

поражение. Так я смотрю на дело. Я рассчитываю на то, что Ллойд Джордж и Карсон не станут слушать уговоры Германии. Не сделает этого и Джордж Керзон, который не принадлежит к числу пацифистов.

15 декабря. Я опасаюсь, что положение Бриана сильно поколебали неудачи в Румынии и Греции, хотя он в них и не виновен, если не считать того, что он был инициатором Салоникской экспедиции. В то время (февраль 1915 г.) необходимо было увлечь за собою Грецию, Болгарию, Румынию, а нас одурачили два короля — Фердинанд и Константин.

16 декабря. Я надеюсь, что мы оставим без всякого внимания так называемую мирную ноту Германии, и даже в том случае, если она будет представлена правительством Соединенных Штатов и снабжена его рекомендацией. Но я смею думать, что правительство в Лондоне посмотрит на дело иначе. Мы слишком нервничаем по поводу американского общественного мнения. Мы должны поступать так, как, несомненно, поступили бы американцы, окажись они на нашем месте, а мы на их, но не таков метод Даунинг-стрит, или, во всяком случае, таким он не был до сих пор.

17 декабря. Я опасаюсь, что правительства Антанты станут отвечать на германскую мирную ноту, что явится, на мой взгляд, актом безумия, так как нота эта была только передана американским правительством без рекомендаций или комментариев.

Косвенным путем я узнал из кругов Ватикана, что мирные условия, которые предлагает Германия, — конечно, с целью разъединить союзников, — предусматривают определенные уступки в пользу Франции и Бельгии, кое-какие исправления границ и преимущества для Италии, но не предусматривают возвращения России ее территорий, занятых ныне Центральными державами. А Англия пусть убирается к черту!

20 декабря. Президент Вильсон предлагает американское посредничество[54], заявляя при этом, что предложение его не связано никоим образом с так называемой мирной нотой Германии! Он имел возможность познакомиться с правительственными декларациями в русском и итальянском парламентах и со всеобщим одобрением этих деклараций

против германской ноты в газетах стран Антанты, и он должен был бы знать, что Бриан и Ллойд Джордж останутся на прежних позициях. На этот раз у него нет даже неблаговидного предлога в виде президентских выборов. Мы вынуждены будем отвечать вежливо, но с подавляемым недовольством. К сожалению, американский народ обычно поддерживает своего президента, когда он бывает заносчив по отношению к какому-либо иностранному правительству. В эту игру столько раз играли безнаказанно, а в настоящий момент мы так зависим от Америки в отношении продовольствия и военных поставок! Сенат может пойти на жертвы ради престижа и добиться эмбарго на определенные товары, в которых мы нуждаемся, под предлогом, что в Америке ощущается недостаток в таких товарах.

Я подозреваю, что Константин готовится стать на сторону Германии, порвав с нами, но я надеюсь, что блокада наша ужесточится и истощит его прежде, чем он сможет объединиться с нашими врагами.

21 декабря. Жюль Камбон говорил мне вчера, что Вильсон предлагает свое посредничество и что он отрицает связь между своим выступлением и так называемой германской мирной нотой. Теперь я вижу, что это не посредничество в буквальном смысле слова, но шаг в этом направлении. В американском сообщении говорится об ужасах войны, содержится призыв к миру и напоминание об ущербе, который наносит Америке и другим нейтральным странам продолжение войны.

Принимая во внимание, что в русском и итальянском парламентах уже были сделаны декларации ответственных министров прежде, чем американская нота была отправлена, и что президент Соединенных Штатов не мог не знать, что Ллойд Джордж и Бриан произнесут аналогичные речи, со стороны американского правительства является возмутительным безобразием проповедовать нам мир, намекая при этом, что продолжение войны может стать невыносимым! А как обстоит дело с огромным ростом американской торговли благодаря войне? Американское сообщение адресовано к обеим воюющим сторонам с целью произвести ложное впе-

чатление беспристрастности. Заверения, что американское предложение не связано с германской нотой, просто смешны.

23 декабря. Швейцарское правительство имело наглость поддержать мирную ноту президента Вильсона и заявить, что за последние пять недель швейцарское правительство поддерживало связь с правительством Соединенных Штатов с целью заключения мира.

Оба министра, члены Лейбористской партии, г-да Гендерсон* и Робертс, прибыли сегодня утром. Робертса я встречал прежде, когда он прибыл вместе с Ходжем и оба обращались с речами к представителям французских рабочих, журналистам и некоторым депутатам на собрании в здании Министерства общественных работ... *Тогда* Ходж клялся, что если Асквит и Китченер скажут, что введение воинской повинности необходимо, то Лейбористская партия согласится на ее введение. Впоследствии он взял свои слова обратно. В настоящий момент они приехали на совещание с французскими социалистами, чтобы услышать их мнение о войне и высказать свои собственные взгляды.

26 декабря. Вот слова, которые произнес Сазонов в беседе с другом. До меня они дошли через общего знакомого.

„Я хотел поддерживать добрососедские отношения с Германией, которые казались мне совместимыми с франко-русским согласием. Три года тому назад миссия генерала Лимана фон Сандерса** доказала мне, что германскому правительству нельзя верить, и открыла мне глаза на его наме-

---

* Артур Гендерсон (1863—1935) — британский профсоюзный и политический деятель, один из создателей Лейбористской партии. Занимал пост председателя (1908—1910, авг. 1914—окт. 1917, 1931—1932) и генерального секретаря (1912—1934) Лейбористской партии. Министр образования (май 1915—авг. 1916), генеральный казначей (авг.—дек. 1916), член Военного кабинета (министр без портфеля, дек. 1916—авг. 1917), министр внутренних дел (1924), министр иностранных дел (1929—1931) Великобритании. В 1934 г. был удостоен Нобелевской премии мира за вклад в организацию и деятельность в качестве председателя Женевской конференции по разоружению (1932—1935).

** Отто Лиман фон Сандерс (1855—1929) — немецкий генерал, военный советник Германии в Османской империи (1913—1918). Успешно командовал турецкими войсками в ходе Дарданелльской операции союзников.

рения[55]. Господин фон Пурталес* плохо осведомлял свое правительство о действительном положении в России. Разразилась война. Императрица не пруссачка, она немка, и если бы дело шло об умалении одной лишь Пруссии, она не видела бы в этом ничего неприемлемого, при условии, что Германия оставалась бы неприкосновенной. Но она понимает, что Германия и Пруссия тесно связаны общей судьбой. Она меньше интересовалась бы Вильгельмом, если бы союзники были намерены восстановить Германию за счет Пруссии и возобновить Вестфальское соглашение. Возможно, что такое решение она одобрила бы. Оно могло бы оказаться выгодным для Великого герцогства Гессенского. Однако такое решение маловероятно. Впрочем, при всем этом речь идет о личных чувствах, которые могут привести к смене министров, но не к изменению политики. Император хранит верность союзу с Францией и Англией. Как бы ни было велико влияние императрицы, оно имеет свои пределы. Посмотрите к тому же на позицию г-на Штюрмера. Официально, напоказ, он уверяет в своем желании воевать до полной победы и заявляет, что Россия вместе со своими союзниками не сложит оружия до тех пор, пока Германия не будет побеждена. Взгляды императора не изменились и не изменятся. *Армия не позволила бы этого!*“

Я часто высказывал такой взгляд на русскую армию, и я рад найти подтверждение этому. Я говорил также, что Москва, а не Петербург, выражает чувство русских, и что между Москвой и армией будет полное единомыслие относительно Германии и куцего мира, и что императора устранили бы, если бы он поддался влиянию германофильских кругов при дворе и в петербургском обществе.

Около трех недель тому назад Бернсторф говорил о рождественском подарке в виде мира. Я думаю, что американские немцы, близкие к Вильсону, осведомили его о намерении президента обратиться с посланием о мире и благово-

---

* Фридрих фон Пурталес (1853—1928) — граф, посол Германии в Нидерландах (1899—1902) и России (1907—авг. 1914). Всячески пытался воспрепятствовать сближению России с Францией и Великобританией. В период Первой мировой войны занимал пост советника по делам России в Министерстве иностранных дел Германии (авг.1914—июль 1918).

лении, и немцы думали, что если они обратятся с посланием раньше Америки, то все нейтральные государства поверят в их готовность заключить мир, и будет создано объединение, перед которым будет невозможно устоять. Результат получился не тот, которого они ожидали. Вильсон должен быть огорошен и рассержен плохим приемом, оказанным его ноте в странах Антанты. Успокоится ли он после отказа Антанты высказать свои условия мира? Он может стать для нас очень неприятен, даже не становясь в открыто враждебные отношения и не уклоняясь от американских или, вернее, его собственных представлений о нейтральности и беспристрастии. Вот заявление генерала Поливанова о русской императрице, полученное мною из того же источника: „Дело не только в германских симпатиях. Есть еще одно обстоятельство, объясняющее позицию и поведение императрицы, а именно, ее желание сохранить монархический принцип. Трудно представить себе, до какой степени императрица исполнена этого стремления. Выше судеб наций она ставит судьбы династии, и она боится поражения Вильгельма, так как в ее глазах оно явилось бы поражением монархического принципа. Греческий принц Николай* усердно играл на этой струнке, беспрестанно повторяя, что насильственные меры против короля Константина сослужили бы службу республиканским и революционным идеям. Из Берлина дан приказ использовать этот аргумент для давления на русский двор. Г-на Штюрмера поддерживает партия императрицы. Поэтому-то он и не захотел принять по отношению к Греции энергичные меры, которые предлагало французское правительство и которые были необходимы, чтобы обеспечить свободу действий салоникской армии. Чтобы пользоваться милостью так называемых высоких сфер, нужно быть совершенно чистым с монархической точки зрения и униженно льстить священным идеям. Мой преемник, генерал Шуваев, целует руки

* Николай (1872—1938) — третий сын греческого короля Георга I (1863—1913), младший брат короля Константина I. Покинул Грецию в 1917 г. вслед за отречением брата, проживал в Швейцарии и Франции, вернулся на родину в 1936 г.

императора. Генерал Сухомлинов* был превосходнейшим придворным. Когда дела идут плохо, обращаются к серьезным людям, но при первом же просвете их прогоняют.

Несколько дней спустя господин Сазонов спросил меня: „Вы видели телеграмму г-д Бриана и Асквита г-ну Штюрмеру по поводу польского вопроса? Оба министра приняли к сведению обязательства министра иностранных дел касательно автономии Польши. Они сделали это в очень вежливой и осторожной форме. Но г-н Бозелли** решил, что он тоже должен высказать свое мнение. В результате получилось его досадное выступление. Италия, вмешивающаяся в польский вопрос, — поистине, это слишком. Было бы так легко избежать этого унижения, и я глубоко сожалею, что вопрос о польской автономии стал международным. Это — серьезная ошибка!!!“

В другом письме, датированном 9 декабря, говорится:

„В одном из кинематографов в Москве показывали военный фильм. В нем изображалась жизнь Ставки, генералы за работой, император, склонившийся над картами. Когда появилась императрица, публика стала кричать: „А Гриша, где же Гриша?!“ (Гриша — это Распутин.)*** Такого рода события говорят об очень многом. Здесь очень желают, чтобы Ллойд Джорджу удалось составить кабинет, и на него сильно рассчитывают в отношении поставок России тяжелой артиллерии.

„Императрица отправилась в Ставку, и с ней там случилось несколько истерических припадков. Протопопова оставили, Трепов хотел подать в отставку, император должен был пообещать ему, что Протопопов недолго останется на посту министра внутренних дел“.

---

* Владимир Александрович Сухомлинов (1848—1926) — русский генерал, начальник Главного управления Генерального штаба России (дек. 1908—март 1909), военный министр (1909—июнь 1915) России. После неудач на фронте обвинен в должностных преступлениях, приговорен к пожизненной каторге.

** Пауло Бозелли (1838—1932) — премьер-министр Италии (июнь 1916—окт. 1917).

*** Григорий Ефимович Распутин (1869—1916) — приближенный российского императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Приобрел большое влияние на императорскую чету за счет репутации „святого старца“, провидца и целителя. Убит заговорщиками-монархистами Ф.Ф. Юсуповым, В.М. Пуришкевичем, вел. кн. Дмитрием Павловичем.

„Чтобы иметь честных, серьезных и способных министров, вроде Сазонова, Поливанова, Коковцова*, Кривошеина**, следовало бы изменить известное умонастроение в высоких сферах, а это крайне трудно. Император уступает только страху“.

Ну и государство!

27 декабря. Бедный Жоффр. Его выставили очень грубо.

Немцы ответили на ноту Вильсона, что они были бы счастливы направить своих делегатов в нейтральный город для обсуждения с делегатами Антанты условий мира.

28 декабря. Это настоящее благословение для нас, что боши такие бестолковые. Поспешив со своим ответом на ноту Вильсона, они принесли много вреда самим себе и показали ослиное копыто.

30 декабря. Если нам не удастся добиться мира, который заставит немцев уйти с Балкан, из Константинополя и Багдадской железной дороги, то в ближайшем будущем начнется новая война из-за Египта и Индии, и тогда у нас может не оказаться тех союзников, которые у нас есть сейчас. Ради Англии и ее империи мы должны идти до конца, что бы ни говорил Вильсон. Ответ, который будет отправлен ему в течение будущей недели, является объединением парижской и лондонской точек зрения. Ответ на германскую ноту будет здесь опубликован завтра[56].

Распутина больше нет, его убил князь Юсупов***, родственник царя.

---

* Владимир Николаевич Коковцов (1853—1943) — министр финансов (1904—1905, 1906—янв. 1914), председатель Совета министров (1911—янв. 1914) России. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

** Александр Васильевич Кривошеин (1857—1921) — русский государственный деятель, главноуправляющий землеустройством и земледелием России (1908—окт. 1915), один из ведущих участников проведения в жизнь аграрной реформы П.А. Столыпина, в 1914—1915 гг. руководил экономической политикой правительства, делая упор на стимулирование экономического роста, активное развитие промышленности и сельского хозяйства. В 1920 г. возглавил правительство Юга России в Крыму.

*** Феликс Феликсович Юсупов (1887—1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон. Один из организаторов и участник убийства Григория Распутина (дек. 1916). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Январь—февраль 1917 г.

4 января. Как хорошо, что Распутина убрали с дороги! Убрал его князь Юсупов, получивший законченное образование в Оксфорде и женатый на племяннице императора, на дочери великого князя Александра и Ксении, сестры императора*. Таким образом, это дело вполне семейное. Моим осведомителем является Севастопуло. Как это было сделано, он не рассказывает и, быть может, не знает. В Москве происходили очень бурные собрания, преследовавшие цель объединения правительства с Думой для лучшего управления страной и действительного ведения войны. Имели место кое-где демонстрации против императора.

Теперь, когда нам известно, кто убил Распутина, было бы интересно узнать, сделал ли он это из националистических побуждений, с целью освободить Россию из-под плохого влияния, оказываемого через императрицу на императора. Здешние русские ликуют по поводу его смерти. Какое влияние окажет эта смерть на императрицу и императора? Говорят, что единственное чувство, управляющее императором, это страх, а это чувство он должен испытывать в настоящий момент. Мне кажется, что Москва и армия зашли слишком далеко по антигерманскому пути,

---

* Ирина Александровна (1895—1970) — княжна императорской крови, супруга Феликса Юсупова. Отцом Ирины Александровны был великий князь Александр Михайлович (1866—1933), внук Николая I, матерью — великая княгиня Ксения Александровна (1875—1960), дочь Александра III и родная сестра Николая II. После Октябрьской революции жила в эмиграции.

чтобы возвращаться назад, и императору придется либо плыть по течению, либо утонуть. Севастопуло не пытался скрыть свое удовлетворение по поводу смерти Распутина.

2 января. Помимо Юсупова, в устранении Распутина замешан, по-видимому, великий князь Дмитрий*. Тело Распутина исчезло; предполагают, что он убит во время оргии. Некоторое время тому назад передавали, что князь Орлов** сделал императору представление относительно близости Распутина к императрице; император отпустил его, сказав, что никогда больше не будет с ним разговаривать. Немного спустя князь Орлов с несколькими приятелями ужинали в отдельном кабинете одного ресторана. Узнав, что Распутин находится в ресторане, они пригласили его в свою компанию. Он согласился, в результате чего был доставлен в госпиталь со сломанными ребрами.

7 января. К устранению Распутина приложил руку не Дмитрий, сын великого князя Константина***, как здесь думали, а 25-летний Дмитрий, сын великого князя Павла**** от первого его брака с греческой принцессой*****; вторым бра-

---

* Дмитрий Павлович (1891—1942) — великий князь, внук Александра II. Один из организаторов и участник убийства Григория Распутина. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

** Владимир Николаевич Орлов (1868—1927) — князь, русский генерал, начальник Военно-походной канцелярии Николая II (1906—авг. 1915). Удален от двора по настоянию императрицы Александры Федоровны, получив назначение на Кавказ. Помощник по гражданской части наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича (младшего) (нояб. 1915—март 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции. Уволен со службы по болезни (март 1917).

*** Дмитрий Константинович (1860—1919) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича (1827—1892), второго сына Николая I. Арестован и расстрелян большевиками.

**** Павел Александрович (1860—1919) — великий князь, шестой сын Александра II, отец великого князя Дмитрия Павловича. Арестован и расстрелян большевиками.

***** Александра Георгиевна (1870—1891) — великая княгиня, старшая дочь короля Греции Георга I, супруга великого князя Павла Александровича, мать великого князя Дмитрия Павловича. Скончалась при родах.

ком он женился на разведенной даме, носящей сейчас имя княгини Палей[*].

Я думаю, что Россия находится на краю революции.

10 января. Отставка Трепова принята, и никто здесь не знает ничего о его преемнике. Враждующие при дворе партии начнут скоро убивать друг друга. Приманкой, привлекшей Распутина в дом, где он был убит, была перспектива встретиться с демимоденками.

Ответ на американскую ноту передали американскому послу[***] сегодня. Он будет опубликован через 48 часов после вручения.

13 января. Я думаю, что скоро должна последовать трагедия во дворце русского императора или революция, которую поддержит армия.

В Афинах происходила враждебная Антанте демонстрация резервистов.

14 января. Общественность начинает здесь очень беспокоиться по поводу положения дел в России и того влияния на ход войны, которое могли бы оказать низложение императора, победа реакционеров или революция. Один французский генерал высказал предположение, что Италия останется на месте, что Россия ничего больше не будет делать, а Франции и Англии придется самим заканчивать войну без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны союзников.

16 января. Русофильская политика преобладала в Министерстве иностранных дел прежде, чем туда пришел Гардиндж. В этом направлении действовала группа в составе

---

[*] Ольга Валериановна Палей (1865—1929) — урожденная Карнович, по первому мужу — Пистолькорс (в разводе с 1901 г.). Возлюбленная, позднее — супруга великого князя Павла Александровича (женаты морганатическим браком). В 1904 г. получила титул графини Гогенфельзен, в 1915 г. — княгини Палей.

[***] Уильям Грейвз Шарп (1859—1922) — американский юрист, промышленник и политик. Член Палаты представителей конгресса США (1909—1914), посол США во Франции (июль 1914—апр. 1919).

Грея, Николсона[*] и Бьюкенена[**], которого очень ценят. Теперь германское радио обвиняет его в подготовке убийства Распутина. Они утверждают, что в британском посольстве происходило собрание великих князей и других лиц. На этом собрании было решено, что, поскольку Распутина невозможно убрать от императрицы, от него нужно отделаться вовсе. Был брошен жребий, кому быть убийцей. Жребий пал на одного из великих князей Михайловичей[***]. Он от волнения лишился чувств. Тогда Юсупов взял на себя это дело. Бьюкенен гарантировал, что совершивший это дело ни в какой мере не пострадает. По настоянию императрицы, которая смотрит на Распутина как на мученика, пострадавшего за нее, Юсупова сослали в его кавказское имение в сопровождении офицера, а великого князя Дмитрия сослали в Персию под охраной генерала[****]. Говорят, что когда Распутин явился во дворец Юсупова, ему дали револьвер и предложили застрелиться самому, вместо чего он в состоянии бешенства будто бы выстрелил в Дмитрия. После этого его убили.

Несомненно, командующие и войска, находящиеся на французском фронте, ненавидят Салоникскую экспедицию, так как она лишает их части войск, которые они рассчитывали иметь в прошлом и в настоящем. Идея Салоникской экспедиции в самом начале носила военно-политический харак-

---

[*] Артур Николсон (1849—1928) — посол Великобритании в Испании (1904—1905) и России (1906—1910). Принимал непосредственное участие в заключении англо-русской конвенции 1907 г., завершившей формирование Антанты. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании (1910—апр. 1916). В 1916 г. получил титул барона.

[**] Джордж Бьюкенен (1854—1924) — посол Великобритании в Болгарии (1903—1908), Нидерландах (1908—1910), России (1910—янв. 1918) и Италии (1919—1921). Активно участвовал в политической жизни России, в том числе в период Гражданской войны.

[***] Князья Михайловичи — имеются в виду сыновья великого князя Александра Михайловича, тестя Феликса Юсупова, братья его жены Ирины.

[****] Николай Николаевич Баратов (1865—1932) — русский генерал, с окт. 1915 г. — командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии (позднее переименован в Кавказский кавалерийский корпус). Активный участник Белого движения, эмигрировал после окончания Гражданской войны.

тер. Она оказалась ошибкой, поскольку речь идет о том, чтобы соединиться с Румынией, затруднить коммуникации между Центральными державами и Турцией и привлечь Константина на нашу сторону.

11 февраля. Сегодня днем ко мне пришел Лиотэ в сопровождении двух офицеров. Я сказал ему, что считаю за великое удовольствие и честь поручение, данное мне королем Георгом, передать ему орден Подвязки* за большие услуги, которые он оказал нашей стране и которые высоко ценятся Его Величеством и правительством, и т. д. Каковы были эти услуги, я лично не знаю, но Лиотэ, по-видимому, знает, так как в короткой ответной речи он заявил, что был очень рад оказать эти услуги. Далее, он говорил о своих хороших отношениях с нашими представителями в Марокко.

27 февраля. Шайка греческих бандитов, состоящая из 150 человек, окружила и уничтожила патруль в составе двенадцати сенегальцев. Вследствие этого Саррай дал приказ находящимся под его командованием войскам убивать всех захваченных бандитов такого рода. Будут ли так поступать британцы, находящиеся под его командованием?

29 февраля. Сегодня я обедал с Блиссом**. Я не спрашивал его о намерениях Америки выступить. Он же сказал, что мистер Вильсон готовится ко всем возможностям — весьма загадочное заявление.

---

* Орден Подвязки — высший рыцарский орден Великобритании, старейший орден в мире (учрежден в 1348 г).

** Таскер Говард Блисс (1853—1930) — американский генерал, начальник Генерального штаба армии США (сент. 1917—май 1918), представитель США в Верховном совете Антанты (нояб. 1917—1920).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Март—апрель 1917 г.

8 марта. Между обоими главнокомандующими[*] замечается расхождение, и Военный кабинет предлагает созвать конференцию, чтобы главы правительств приняли окончательное решение о направлении объединенной стратегии союзнических армий; в качестве места встреч они предлагают Лондон.

11 марта. Письма из Петербурга, о которых мне сообщали, оказались пророческими. Революция разразилась. Все министры, за исключением Покровского[**], министра иностранных дел, в руках революционеров.

Император намерен отвоевать свою столицу! Императрица находится в Царском Селе.

15 марта. Как мне передают, Пишон сообщил по телефону одному из своих друзей, что российский император находится в плену, а Дума правит вместо него при участии брата императора[***] в качестве регента.

---

[*] К этому времени на должность главнокомандующего французской армией был назначен генерал Нивель. Робер Жорж Нивель (1856—1924) — французский генерал, главнокомандующий французской армией (дек. 1916—май 1917), отстранен от командования после неудачного наступления весной 1917 г. (т.н. „бойня Нивеля“).

[**] Николай Николаевич Покровский (1865—1930) — товарищ (заместитель) министра финансов (1906—1914), государственный контролер (янв.—нояб. 1916), министр иностранных дел России (нояб. 1916—март 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

[***] Михаил Александрович(1878—1918) — великий князь, младший брат Николая II, в чью пользу тот подписал окончательное отречение. Отказался занять престол, передав решение о форме правления в России Учредительному собранию. Арестован и расстрелян большевиками.

16 марта. В „Таймс“ от четверга напечатана пространная статья „Соединенные Штаты и мир“. Говорят, что статью эту инспирировал Вильсон. Что за вздор! Позвольте нам отказаться от того и другого! Позвольте нам иметь свою собственную доктрину Монро[57]. Этот вздор доставит большое удовольствие малодушной публике.

До сих пор не получены точные сведения об отречении царя. Жюлю Камбону передают, что царь отрекся за самого себя и за своего сына в пользу брата, но что великий князь Кирилл* выдвигает себя, предоставляя себя в распоряжение Думы.

18 марта. Я очень сожалею об отставке Бриана[58]. Не думаю, что кто-либо из его возможных преемников смог бы улучшить дела с точки зрения Англии. Поговаривают о Пенлеве**, математике и друге Пуанкаре.

События в России представляют очень пеструю картину. Думе не принадлежит верховная власть в стране. Среди революционеров заметны пацифистские элементы.

25 марта. „Виктуар“*** (Эрвэ)**** хочет предпринять попытку отвлечь Болгарию от Центральных держав и Тур-

---

* Кирилл Владимирович (1876—1938) — великий князь, внук Александра II, двоюродный брат Николая II. В 1905—1907 гг. находился в семейном конфликте с Николаем II из-за несанкционированного брака (затем признанного). В 1924 г., находясь в эмиграции, на правах старшего представителя династии провозгласил себя императором под именем Кирилла I.

** Поль Пенлеве (1863—1933) — французский математик и политический деятель, в годы Первой мировой войны занимал посты министра образования (окт. 1915—дек. 1916), военного министра (май—нояб. 1917) и премьер-министра (сент.—нояб. 1917) Франции. Один из создателей аналитической теории дифференциальных уравнений, активный сторонник развития авиации.

*** „Виктуар“ (La Victoire) — французская газета, основанная в 1906 г. Гюставом Эрве под названием „Гер сосиаль“ (La Guerre sociale). Переименована в 1916 г. Издание эволюционировало вместе с самим Эрве от антимилитаристских позиций к националистическим.

**** Гюстав Эрве (1871—1944) — французский социалист, изначально занимавший радикальные антивоенные позиции. Поддержал участие Франции в Первой мировой войне, в ходе которой эволюционировал в сторону национал-шовинизма. В 1919 г. основал Национал-социалистическую партию, в 1930-е годы выступал за сближение с фашистской Германией.

ции; для этого нужно было бы сперва убить Фердинанда; но даже и тогда, что можно было бы предложить Болгарии, когда все, что имеет какую-либо ценность, уже обещано другим?

29 марта. Существующее в России правительство не склонно поддерживать Константина; Италия, быть может, поступит так из ненависти к Венизелосу, который, как они боятся, мог бы сделать Грецию сильной. Преемник Бриана не разделяет его взглядов. Убрать Константина можно только в том случае, если Венизелосу предоставят свободу действий, а Константину заявят, что он так часто изменял своему слову, что мы уже не можем дольше гарантировать ему что-либо.

5 апреля. Сегодня днем меня посетил Жоффр. Он пробыл у меня три четверти часа. Я спросил его, считает ли он возможным прорваться на территорию Германии, и если да, то возможно ли достигнуть Рейна. Он ответил утвердительно, но добавил, что это потребовало бы много времени. Он полагает, что в этом году немцы, пожалуй, запросят мира или перемирия; в таком случае Антанта должна будет потребовать оккупации германской территории вплоть до Рейна. Немцы должны дойти до истощения, прежде чем согласятся на такие условия.

8 апреля. Сегодня днем у меня был с визитом Рибо. Он очень озабочен и озадачен позицией итальянского правительства, его криками о необходимости материальной помощи со стороны Франции, его территориальными претензиями в Малой Азии и, наконец, требованием допустить итальянских представителей в состав политической миссии в Сирию и Палестину, что он считает совершенно невозможным. Он намерен в ближайшем будущем отправиться в Лондон для совещания с Ллойд Джорджем. Я спросил у него, ликвидированы ли трения между генералом Нивелем и сэром Дугласом Хейгом. Он ответил, что соглашение достигнуто ценою своего рода компромисса. Я задал ему также вопрос, считает ли он военных способными принимать участие в гражданских делах; я столкнулся с большими трудностями, пытаясь растолковать им гражданскую точку зрения в делах, касающихся Франции, так как их претензии были чрезмер-

ны. Рибо согласился, что в такого рода делах военные невозможный народ. Часто поступают на них жалобы от населения, находящегося в районах, занятых британской армией.

Рибо говорил далее об участии Соединенных Штатов в войне против Германии. Я высказал предположение, что американский флот может оказать большую помощь в деле уничтожения германских подводных лодок, но что военная помощь, которую мог бы оказать американский контингент, присоединившийся к французской армии, в течение долгого времени будет оставаться не более как демонстрацией. Рибо согласился; он опасается, что Германия, прежде чем она будет окончательно разбита, может предложить условия, которые покажутся приемлемыми президенту Вильсону, но будут отнюдь неприемлемы для Франции и Англии; в таком случае Вильсон сможет оказать давление на государства Антанты. Я заметил также, что когда немецкие подводные лодки потопят большое количество американских кораблей, то американцы разгорячатся и будут настаивать на том, чтобы довести войну до благоприятного конца.

20 апреля. Ллойд Джордж вернулся сегодня утром из Сен-Жан де Мориена; он пришел ко мне в 3.15 после полудни, и я беседовал с ним в течение четверти часа. Он был очень удивлен моим здоровым видом, после того как я пролежал месяц в постели; я объяснил это англосаксонской природой. Я спросил Ллойд Джорджа, удалось ли ему разузнать что-либо у Рибо касательно его политики в отношении Греции, так как он намерен поступать иначе, чем Бриан. Ллойд Джордж ответил, что Рибо — парламентарий, постоянно думающий о голосах в Палате депутатов; он хотел бы избавиться от короля Константина, но не от наследника.

Беседуя о Палестине, я заметил, что евреи не воинственная нация, и высказал предположение, что если мы будем поддерживать сионистское движение и учредим в Палестине еврейские колонии, то они будут не в состоянии держаться против арабов без британской и французской поддержки; и я спросил его, как бы отразилась такая поддержка на отношении арабов к Англии. Я напомнил также Ллойд Джорджу, что влияние Франции в Палестине и Сирии основано на деятельности французских католических священни-

ков и руководимых ими школ, и высказал предположение, что протестант Рибо, быть может, лично склоняясь к тому, чтобы допустить справедливость наших претензий в Палестине, не осмеливается все же согласиться на британский протекторат над Палестиной и бросить таким образом вызов коалиции из французских шовинистов, французской необразованной публики, священников и прочих католиков во Франции. Ллойд Джордж не знал, что Рибо протестант, но добавил, что французам придется примириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там, так как не исповедуем никакой особой веры и являемся единственной державой, способной управлять мусульманами, евреями, католиками и вообще людьми каких угодно религий. „В таком случае, — сказал я, — вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки, т. е. чтобы мы поддерживали мир между различными религиозными и политическими группировками?“ „Да“, — сказал Ллойд Джордж.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Май—июнь 1917 г.

2 мая. Ллойд Джордж со своим окружением прибудет завтра вечером.

5 мая. Я прибыл на Кэ д'Орсе одновременно с Буржуа.

Извольский прибыл к концу конференции; его задержали в Елисейском дворце, куда он отправился, чтобы представить свои новые верительные грамоты. Было комично слышать из его уст декларацию от имени российского правительства, что греческому народу необходимо предоставить возможность выбора между республиканской и монархической формами правления для Греции.

18 мая. Извольский, как говорит Жюль Камбон, намерен склонить „Матен"* к заявлению, что император Николай, подписывая непосредственно после Русско-японской войны оборонительный и наступательный союз с императором Вильгельмом[59], в действительности не совершил акт предательства по отношению к Франции. Это было лишь актом слабости, так как император Вильгельм убедил его, что Франция присоединится к союзу, который замышлялся против Англии! Таким образом, оказывается, что разоблачение не было уткой.

От визита, который я нанес Жюлю Камбону, у меня осталось впечатление, что ситуация в России теперь не столь безнадежна. Но я с ужасом думаю, что от нее уже никогда не будет пользы.

---

* „Матен" (Le Matin) — одна из четырех наиболее популярных ежедневных французских газет в Первую мировую войну, выходившая миллионным тиражом. Издавалась с 1883 г. по 1944 г.

19 мая. Сегодня утром я узнал, что Извольскому отсоветовали делать какие-либо публичные заявления. Ему растолковали, что заявление его, сделанное, на первый взгляд, с целью уменьшить вину его бывшего хозяина, не порадует ни императора, ни его семью, ни его сторонников и в то же время, несомненно, не улучшит отношений между Извольским и нынешней властью. Мне передают, что Временное правительство в Петербурге обсуждает вопрос о публикации докладов Извольского по вопросу о Константинополе во время визита в Россию Фальера* в сопровождении Пуанкаре, а также из более поздней эпохи, предшествовавшей выборам последнего в президенты республики. Было бы интересно почитать эти донесения, но возможно, что они скомпрометировали бы кое-кого.

22 мая. Сведения из России несколько более благоприятны. При встрече со мною сегодня утром Извольский сказал, что армия „образумится" раньше, чем народ в стране. Он полагает, что наступательные действия возобновятся не позже, чем через месяц.

24 мая. Рибо отправляется в Лондон. Я боюсь, что в Лондоне есть склонность идти на уступки в отношении наших целей и намерений. Здесь господствует сильное недовольство позицией России. Без аннексий и без контрибуций — это полнейший вздор, если Антанта будет когда-нибудь в состоянии добиться их. Многочисленные делегации, явившиеся к Рибо с протестом против того, чтобы разрешить французским социалистам отправиться в Стокгольм[60], а также, мне кажется, настроение в кабинете придали бодрости Рибо. Он заявил в Палате депутатов, что правительство решило не выдавать паспорта в Стокгольм французским социалистам. Несколько позднее, быть может, им дадут паспорта в Петербург, когда не будет более опасности, что французские социалисты встретятся с германской социал-демократией. Здесь замечается дух беспокойства; имели также место демонстрации, заставившие полицию „обнажить сабли". Рибо заявил, что

---

* Арман Фальер (1841—1931) — президент Франции (1906—1913). Активно участвуя в процессе формирования и укрепления Антанты, в то же время являлся противником вооруженного конфликта с Германией.

будут предприняты все необходимые шаги, чтобы поддержать порядок и наказать иностранцев, вызывающих забастовки и беспорядки, и что мир должен быть французским миром, а не германским, и что он станет результатом победы французов.

28 мая. Забастовки женщин являются в известном отношении обоснованными, но они могут привести к забастовкам мужчин, а это было бы серьезно, если только власти не будут действовать с быстротой и решительностью, признаков чего, однако, до сих пор не видно. Заметно очень сильное разочарование и недовольство по поводу провала, пусть даже только временного, русского наступления и по поводу ограниченного успеха наступательных операций Нивеля. Угнетенное настроение, испытываемое во Франции из-за не оправдавшихся надежд на Россию, несколько облегчилось в связи с тем, что к делу Антанты присоединились Соединенные Штаты. Теперь, когда Америка вошла в число союзников, ожидают, что блокаду Германии удастся усилить; приветствуют американский флот, но опасаются, что настоящая военная помощь не подоспеет вовремя, чтобы заменить русское наступление и добиться поражения Германии в ближайшем будущем.

Кампания против Пуанкаре продолжается.

30 мая. Здесь чувствуется беспокойство из-за непрерывных забастовок, в которых участвуют преимущественно женщины, но к ним могут примкнуть и мужчины; в связи с забастовками возможны также хулиганские демонстрации, якобы против дороговизны продуктов питания.

1 июня. Очень угнетающе действует социальный кризис, непрерывные забастовки, анархия в России вместе с ее последствием — затишьем на русском фронте в Европе, а также то обстоятельство, что французские войска в боях с немцами на французском фронте не оправдали преувеличенных надежд общественности. Солдаты в траншеях проявляют признаки недовольства по поводу незначительности успехов, а планируемая встреча французских социалистов с неприятельскими социалистами в Стокгольме показывает им, что мир можно достигнуть независимо от целей, за которые им пришлось сражаться. Главный аргумент, выдвигае-

мый в пользу поездки социалистов Антанты в Стокгольм, заключается в том, что если русские, германские и австрийские социалисты встретятся, то, при отсутствии советов и помощи со стороны социалистов Антанты, русские смогут прийти к соглашению с социалистами Центральных держав.

2 июня. Сегодня утром я виделся с Жюлем Камбоном. Он рассказал мне, что встретился с Извольским во время своего визита в Министерство иностранных дел. Извольский сообщил ему, что в посольство России пришла телеграмма, как раз в тот момент, когда он выходил из посольства, направляясь на Кэ д'Орсе. Возможно, что она содержит инструкции касательно сообщений, которые нужно сделать Рибо в связи со Стокгольмской конференцией, вопрос о которой будет обсуждаться на сегодняшнем заседании Палаты депутатов. Поэтому он дал распоряжение отправить ему телеграмму на Кэ д'Орсе, как только ее расшифруют. Вслед за тем Извольский говорил о пустяках, пока ему не принесли конверт с печатью посольства. Он вскрыл его и нашел следующее: „Вам предлагается прекратить исполнение ваших обязанностей и передать дела посольства советнику Севастопуло“. Извольский прочел это вслух Жюлю Камбону, добавив: „Я пришел к вам послом и ухожу простым частным лицом“. Он, должно быть, сделал что-нибудь, чтобы заслужить такого рода отставку от такой сволочи — правительством ее нельзя назвать, — которая стоит у власти в Петербурге.

Если бы Рибо не заявил в Палате депутатов, что паспорта в Стокгольм французским социалистам выданы не будут, то произошел бы кризис кабинета. Забастовки принимают серьезный характер, и если не будет проявлена твердость, неизбежны бунты и кровопролития.

Лондон, 9 июня. Биржевая телеграфная компания сообщает следующее: ожидается, что лорд Берти, имевший вчера аудиенцию у короля в Букингемском дворце, в ближайшем будущем оставит пост британского посла в Париже.

11 июня. Меня спрашивают, верно ли сообщение газет? Я отвечаю, что мне не предлагали подавать в отставку и что у меня нет оснований для этого, так как я совершенно выздоровел и способен и далее выполнять свои обязанности. Я

завтракал у Лансдауна. Лансдаун осведомился, не будет ли с его стороны нескромным спросить меня, верно ли, что я останусь послом до окончания войны? Я ответил, что Грей просил меня об этом, но что эта просьба и мое согласие необязательны для нынешнего правительства.

12 июня. В сегодняшнем номере „Таймс“ публикует над передовой следующее краткое сообщение:

ЛОРД БЕРТИ

„Ходят слухи, что лорд Берти Теймский намерен покинуть свой пост британского посла во Французской республике, который он занимал в течение многих лет, обнаруживая большое умение. Мы уверены, что этот слух лишен какого бы то ни было основания. В настоящий критический момент войны трудно было бы сделать бо́льшую ошибку, чем удалить из посольства в Париже такого выдающегося общественного деятеля, имеющего такие заслуги, какие имеет лорд Берти, если только это изменение не связано с состоянием его здоровья. Между тем этого нет. Здоровье лорда Берти превосходно, и бдительность его при охране франко-британских интересов нисколько не уменьшилась. Он пользуется в небывалой степени доверием французов, и его твердость оказала неоценимые услуги за последние три года. Он не достиг еще своего предела ни по отношению к своей стране, ни по отношению к великому союзнику, при котором он аккредитован. Поэтому мы вместе с теми, кто больше всех призван правильно оценивать положение со всех точек зрения, надеемся, что лорд Берти не только останется в Париже послом, но что он получит также полную поддержку. В тот момент, когда во многих странах сторонники компромиссного мира осмеливаются поднимать головы, мы не можем позволить себе роскошь ослаблять нашу бдительность или сменять стража, занимающего пост, требующий наибольшей испытанности“.

Я замечаю здесь в общем угнетенное умонастроение. Число британских судов, потопленных подводными лодками, вновь возросло, но возросло также число подводных лодок, потопленных нами. Говорят, что Асквит намерен сме-

нить Ллойд Джорджа. Мне кажется, что это сейчас невозможно.

23 июня. Положение в России меняется изо дня в день, и отнюдь нельзя быть уверенным, что русские перейдут в наступление. Клемансо говорит, что при дополнительном давлении со стороны германских войск, переброшенных с русского фронта на французский, активное наступление французов невозможно. Поэтому будут производиться демонстративные наступательные действия, подобно тем, которые практиковали англичане, с целью отвлекать немцев, пока американцы не подоспеют для крупных наступательных операций, которые начнутся, быть может, не ранее, чем через год.

24 июня. Много хлопот наделали здесь русские части[*]. Их перевели в тыл французского фронта, они не хотят сражаться и не хотят, чтобы их куда-нибудь переводили. Их обработали русские анархисты.

27 июня. Три представителя британской Лейбористской партии, член парламента О'Грэди, Эппльтон и Шорт[**] были в России. Они верят, что русское наступление возобновится в ближайшем будущем. Они не любят Кайо и его методов и целей, но на них произвело впечатление, что в широких кругах французских социалистов есть стремление завершить войну и что Кайо является человеком, который может этого добиться.

Пишон сказал вчера, что если бы Мальви арестовал зачинщиков беспорядков вместо того, чтобы играть им на руку, то опасные демонстрации прекратились бы.

---

[*] Русские бригады, прикомандированные к французской армии — 1-я и 3-я особые пехотные бригады, соединения русской армии, сформированные и отправленные для ведения военных действий на территории Франции, в то время как 2-я и 4-я особые пехотные бригады были отправлены на Салоникский фронт (1916).

[**] Альфред Шорт (1882—1938) — британский профсоюзный и политический деятель, один из руководителей британского профсоюзного движения, член Палаты общин британского парламента (1918—1931, 1935—1938), парламентский заместитель министра внутренних дел (младший член правительства, май 1929—янв. 1931), представитель Лейбористской партии.

28 июня. Все признают, что моральное состояние части французской армии ухудшилось вследствие потерь и неудач Нивеля, вследствие поражения России и бунта русских частей на французском фронте, а также вследствие затишья на этом фронте. Кайо и К° пытаются использовать настроения для агитации за мир любой ценой. Не думаю, чтобы они завербовали много сторонников, если только дела значительно не ухудшатся. Наша непрерывная наступательная оборона, уверенность наших солдат и перспектива американской военной помощи, как мне кажется, поддерживают настроение во Франции.

30 июня. Известные силы по ту сторону Английского канала, по-видимому, продолжают верить и добиваться сепаратного мира и сионизма[61]! Германию необходимо как следует добить, прежде чем она станет искать мира. Компромиссный мир повлек бы за собою склоку между союзниками из-за вопроса о том, кому платить за разбитые горшки и кому жертвовать благами, на которые они рассчитывают. Попытки вывести из войны Болгарию и Турцию были бы более чем бесполезны. Болгария не может высвободиться из австро-германских объятий, а для того, чтобы вывести из войны Турцию, Антанте пришлось бы распрощаться со всякой мыслью о Месопотамии, Аравии, Палестине, Армении и сферах влияния в Малой Азии или, по крайней мере, с некоторыми из этих идей. Кто из союзников Антанты готов пойти на требуемые жертвы? Нет, мы должны продолжать борьбу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Июль 1917 г.

2 июля. Мне передают, что секретные заседания были необычайно шумными и что на них раздавались крики: „В Версаль!“, другими словами, требования Национального собрания для выборов президента. Удивительно, до какой степени мало секретны эти секретные заседания.

4 июля. Здесь полагают, что русские действительно начинают оправляться.

Тома не имел того успеха в России, который ему приписывают, — по крайней мере, он не имел успеха с точки зрения защиты французских интересов[62]. Он выступал в пользу плебисцита по вопросу об Эльзас-Лотарингии. Вслед за тем ему пришлось брать обратно свои слова, и в настоящее время Рибо начисто отверг такого рода идею. Результат плебисцита можно легко обеспечить за счет военной силы в желательном для оккупирующей стороны направлении. Если бы в Эльзас-Лотарингии не находились германские войска, а, напротив, там были бы французские войска, то чтобы принять решение в пользу Франции, никакого плебисцита не потребовалось бы.

5 июля. Мадам X. посетила меня, чтобы поделиться своими опасениями. Состояние армии ужасно, мы должны прийти на помощь, расширив наш фронт. Пенлеве находится в опасности. Если он станет действовать согласно требованиям депутатов, то Петен подаст в отставку. Если он будет противиться депутатам, его свергнут. Петен способный генерал и пользуется популярностью в армии, но у него слишком много самолюбия, чтобы он согласился обратиться за помощью к британской армии вследствие плохого состояния

французской. Наступление Нивеля обошлось в 140 тыс. убитыми, ранеными и пленными, его армии совершенно деморализованы и отказываются сражаться. Нивель принял от Жоффра его штаб, который оказался негодным, а к Петену перешел штаб Нивеля. Необходима основательнейшая чистка. Палата депутатов намерена послать гражданских комиссаров для контроля над армией. Петен откажется принять их и подаст в отставку. Пенлеве оказался между молотом и наковальней. Он очарователен, умен, хорошо говорит, но у него нет достаточной решительности. Ему следовало высказаться до конца и настоять на том, чтобы привлечь английскую помощь. Мадам X. хочет направить двух депутатов, враждебных Пенлеве (если он не решится действовать), в Англию с рекомендательными письмами к Артуру Бальфуру и Джорджу Керзону, которых она знает лично, дабы эти два депутата могли официозно обрисовать критическое положение и указать на меры, необходимые, чтобы исправить ситуацию, т. е. на необходимость более широкого британского участка фронта. Я спросил, почему Пенлеве не может сделать соответствующее представление, пользуясь обычными путями. Она сказала, что он слишком робок. Она хотела, чтобы он сам отправился в Англию. Я сказал ей, что Пенлеве бывал там не раз, что он был там после наступления Нивеля, что он хорошо знает Ллойд Джорджа, наконец, почему Рибо не вмешивается в дело, если во французской армии действительно господствует такое плохое настроение, как она говорит. „Все здесь слишком робки, революция идет“, — ответила она. Она хочет, чтобы я встретился с Пенлеве в ее доме, а не по собственной инициативе. Я сказал, что нанесу ему визит в Военном министерстве. Депутаты, которых она хотела бы направить в Лондон, это Абель Ферри[*], докладчик Военной комиссии Палаты депутатов, и Фавр[*]. Я высказал пред-

---

[*] Абель Ферри (1881—1918) — член Палаты депутатов французского парламента (1909—1918), заместитель министра иностранных дел (июнь 1914—окт. 1915), активно занимался военными проблемами, убит во время посещения фронта в сентябре 1918 г.

[*] Эмиль Фавр (1869—1918) — член Палаты депутатов французского парламента (1905—1918), скончался от эпидемии гриппа („испанка“) в ноябре 1918 г.

положение, что публичное заседание, которое последует за секретной сессией, покажет, жизнеспособно ли министерство и останется ли Пенлеве на посту военного министра, а пока эти вопросы не будут решены, бесполезно направлять депутатов в Лондон для обсуждения вопроса о состоянии французской армии и о расширении британского участка фронта. Этим я от нее отделался.

12 июля. Рибо отклонил всякую мысль о плебисците как способе решения судьбы Эльзас-Лотарингии, заявив, что кабинет, включая заблуждающегося Тома, единодушно считает права Франции на эту область неотъемлемым.

14 июля. Пенлеве посетил меня сегодня днем. Я рассказал ему о желании депутатов побеседовать со мной по вопросу о расширении британского участка фронта, о моем отказе принять их, о том, как один депутат писал мне, что хочет, чтобы его приняли по вопросу общего характера, причем я не мог предполагать, что речь идет о британском участке фронте. Между тем на деле речь шла именно об этом. Я рассказал о моем отказе предпринять какие-либо шаги, о визите мадам X. и ее заботах о спасении Пенлеве по личным и патриотическим соображениям, о ее предложении дать рекомендательные письма к Артуру Бальфуру и лорду Керзону двум депутатам, чтобы они получили возможность изложить опасность положения и спасти правительство и Францию за счет увеличения британского участка фронта на 135 километров, иначе будет хаос и революция. Он сказал, что когда дамы вмешиваются в политику, то они обычно несут вздор. Посетивший меня депутат и упомянутая дама сильно преувеличивали серьезность положения. Замечатно недовольство среди пострадавших частей, и существует мнение, что Франция несет чрезмерную долю тяжести войны, но не было никаких бунтов и криков „Да здравствует мир!“ Положение в армии в ближайшем будущем станет объектом расследования при участии британских авторитетных лиц. Он поблагодарил меня за ответы, которые я дал депутату и мадам X. Я сказал, что моя информация была бы для него полезнее, если бы он смог принять меня не после, а до секретной сессии и открытого заседания. Он не ожидает никакой опасности со стороны намеченного секретного за-

седания Сената. Он упомянул о необычайно ребяческом поведении русских частей во Франции. Я упомянул о мирной пропаганде финансистов, среди которых много евреев и лиц еврейского происхождения, а также других, думающих только о деньгах. Он за борьбу до конца.

17 июля. Социалисты обсуждают вопрос, предложить ли Альберу Тома выйти из правительства. Ренодель* и Лонге намерены принять участие в намечаемой международной конференции, на которой будут присутствовать немцы. Допустит ли профсоюз кочегаров, чтобы Рамсей Макдональд[63]** отправился на конференцию при условии, что они направят своих делегатов, которые будут слушать его речи и, в случае надобности, возражать ему? Немцы пытаются раздуть здесь огонь революции и вражду против Англии как виновницы продолжения войны; будет предпринята попытка использовать в качестве козыря вопрос о колониях, Месопотамии и т. д., и таким образом возложить на нас вину за затягивание заключения мира. Если бы только русские, которые ведут себя как дети, согласились быть серьезными три месяца! В таком случае мы могли бы дождаться американцев, которые придут следующей весной, и добиться полного краха Германии и ее союзников.

20 июля. Сообщение о предстоящей конференции, опубликованное в сегодняшних утренних газетах, вызвало гнев находящихся здесь сербского*** и румынского посланников. Говорят, что официально будут представлены только Франция, Англия, Италия и Россия. Сербия, Румыния и Греция

---

* Пьер Ренодель (1871—1935) — один из лидеров французских социалистов, поддержал участие Франции в Первой мировой войне. После убийства Жана Жореса в июле 1914 г. возглавил газету „Юманите“ (1914—1918).

** Рамсей Макдональд (1866—1937) — британский профсоюзный и политический деятель, один из основателей Лейбористской партии. Занимал пост генерального секретаря (1900—1912) и председателя (1911—1914, 1922—1931) Лейбористской партии. Премьер-министр Великобритании (янв.—нояб. 1924, 1929—1935).

*** Миленко Радомар Веснич (1863—1921) — сербский юрист и дипломат, посол Сербии (затем Югославии) в Италии (1901—1902), Франции (1903—1906, 1907—1920), министр юстиции Сербии (1906—1907), министр иностранных дел и премьер-министр Югославии (1920—1921).

будут иметь только совещательный голос. Они протестовали в письменной форме и настаивают на своем участии в конференции на равных с великими державами, так как дело идет об их национальных интересах. Русский поверенный в делах Севастопуло поддерживает их требования. Черногория заявляет протест по поводу того, что она даже не упомянута, и требует тех же прав, которые будут предоставлены Румынии, Сербии и Греции. Можно себе представить, как мы будем драться, когда дело дойдет до обсуждения мирных условий наших союзников и до вопроса о том, кто будет платить за достижение так называемого разумного мира. Такой мир не порадует никого и огорчит очень многих. Карсон, как видно, говорил, что мы должны быть готовы обсуждать условия мира, если немцы в качестве гарантии согласятся отвести свои войска за Рейн. Жоффр говорил мне, что если немцы запросят мира, то державы Антанты должны в виде гарантии германской искренности занять левый берег Рейна.

22 июля. Выдвинуто предложение, исходящее от русского министра иностранных дел*, относительно созыва в сентябре конференции Антанты для обсуждения „целей войны“[64]. Несомненно, такого рода конференция вскрыла бы крупные разногласия и привела бы к прениям о том, кто из союзников должен умерить свои требования ради достижения мира. Германское правительство, несомненно, получало бы информацию о ходе конференции и использовало бы получаемые сведения для разжигания споров между противниками Германии. Единственный способ обеспечить удовлетворительный и длительный мир — это поставить Германию на колени. В этом случае риск серьезных разногласий между державами Антанты был бы меньше.

26 июля. Министр Гендерсон намерен привезти в Париж русских делегатов-социалистов и представителей британ-

---

* Михаил Иванович Терещенко (1886—1956) — министр финансов (март—май 1917) и министр иностранных дел (май—окт. 1917) России в период Временного правительства, выступал за продолжение участия России в Первой мировой войне. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

ской Лейбористской партии, Уордла[*] и Макдональда. Насколько это излишне! Зачем потакать русским экстремистам?

27 июля. Ллойд Джордж оставил здесь Джорджа Янга[**], одного из секретарей Военного кабинета. Он должен оказывать содействие Гендерсону и в то же время наблюдать за этим человеком, бывшим недавно в России и намеревающимся привезти завтра в Париж пацифистски настроенных членов Лейбористской партии, Уордла и Макдональда, для совещаний с французскими социалистами. Гендерсон намерен посетить меня и побеседовать, а Янгу удалось выведать желание Ллойд Джорджа, чтобы я дал Гендерсону хороший и успокаивающий совет и попытался, таким образом, удержать его от опрометчивых шагов. Ллойд Джордж нервничает из-за положения на фронтах и из-за возможности, что британские, французские и русские пацифисты вынудят заключить неудовлетворительный мир. Он намерен взять их обманом. Мне необходимо повидать Рибо до встречи с Гендерсоном, чтобы убедиться, осведомлен ли Рибо об этой миссии и ее целях, и узнать его мнение.

28 июля. Я посетил Рибо для беседы о намерениях социалистов. Он сказал мне, что Альберу Тома поручено следить за английскими и русскими делегатами. Непосредственно перед тем я виделся с Тома, который выехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему: „Надеюсь, что вы помешаете им делать глупости“. „Я попытаюсь“, — был его ответ.

---

[*] Джордж Уордл (1865—1947) — член Палаты общин британского парламента (1906—1920), парламентский секретарь Министерства торговли и промышленности Великобритании (младший член правительства, авг. 1917—янв. 1919), представитель Лейбористской партии.

[**] Джордж Малкольм Янг (1882—1959) — британский историк, с 1908 по 1920 г. — государственный служащий, являлся одним из секретарей Военного кабинета Ллойд Джорджа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Август 1917 г.

Лондон, 6 августа. Некоторые идиоты из числа случайных английских путешественников привезли с собою в Лондон из Италии и Франции убеждение, что обе эти страны не смогут выдержать еще одну зимнюю кампанию. И вот „некое влиятельное лицо“ — я его не знаю — использует эту информацию для агитации за преждевременный мир, из опасения, что дальше будет хуже для нас. Как настойчивы, однако, эти евреи и другие пацифисты!

9 августа. Здесь циркулируют слухи, что Франция вынуждена заключить мир и не может продержаться еще одну зимнюю кампанию. На самом деле пацифисты несколько дней тому назад подхватили в Париже сведения об английских жертвах и действуют ими на податливость французов, подчеркивая в то же время необходимость возможно более скорого заключения мира в наших собственных интересах. Пацифисты, финансисты, германофилы и франкофобы выступают здесь, в Лондоне, за мир практически любой ценой, доказывая, что немцы готовы согласиться на справедливый мир.

11 августа. Гендерсон натворил недурную путаницу с конференцией лейбористов. Еще накануне своей речи он знал, что нынешнее русское правительство отказалось от какой бы то ни было связи со Стокгольмской конференцией. Тем не менее он настаивал перед конференцией лейбористов на том, чтобы принять предложения русских социалистов об участии в конференции в Стокгольме, на встрече там с неприятельскими делегатами и на предварительном обсуждении с ними условий мира на основе резолюций, не подразу-

мевающих конкретных обязательств. Я думаю, что при таких обстоятельствах британское правительство не может дать паспорта британским делегатам. Я полагаю также, что Гендерсон не сможет оставаться членом Военного кабинета. Этот джентльмен ждет, что обстоятельства совпадут с его предвзятыми взглядами. Если такого совпадения нет, то он сердится на обстоятельства, но продолжает поступать и высказываться, не меняя своих взглядов.

12 августа. Итак, Гендерсон уехал. Он сыграл весьма печальную роль. Не думаю, чтобы кабинет мог дать паспорта на Стокгольмскую конференцию. Я уверен, что французское правительство этого не сделает.

Париж, 23 августа. Я виделся с Пенлеве и просил его помочь мне устранить создавшееся в Англии впечатление, будто здесь колеблются относительно продолжения войны. Он согласился с теми соображениями, которые я высказывал, когда мне доказывали возможность уступок. В вопросах и общей позиции Ллойд Джорджа он заметил склонность к сомнениям. Он намерен вновь посетить меня. Мои замечания сводились к следующему: если по окончании нынешнего наступления англичане растянут свой фронт и удержат его, то Франция будет продолжать борьбу до прибытия американцев. Я указал также, что большой вред наносят нам известные лица, распространяющиеся здесь о нежелании Англии продолжать войну и отправляющие в Англию ложные сообщения о моральном состоянии французских войск с целью доказать, что они не выдержат новой зимней кампании.

25 августа. Вчера вечером я посетил Альбера Тома. Я рассказал ему, как я отвечал у себя дома на предположение, что Франции не выдержать новой зимней кампании. Он говорит, что я высказывался правильно. Он отправляется сегодня в Англию для встречи с социалистами. Я посоветовал ему говорить очень решительно со всеми теми, кого он знает как малодушных. Я сказал ему также, что существует объединение финансистов, еврейских и христианских, из пацифистов по убеждению и инспирированных немцами агентов, которое ставит своей целью агитацию за скорый и вследствие этого преждевременный мир. Я высмеивал идею выве-

сти из войны Болгарию или Австрию путем переговоров. Никто из них не смог бы подписать и соблюдать сепаратный мир, только военные удары могут заставить народы сбросить своих правителей, но Турцию, пожалуй, можно было бы купить. Ввиду того, что папская нота[65] являлась зондажем со стороны Германии и не создала в странах Антанты той атмосферы, которую желали и ожидали ее авторы, нам предстоят дальнейшие объяснительные ноты папы, которые будут указывать, что он был неправильно понят и что он имел в виду более благоприятные условия для Бельгии и Франции. Лучшим ответом на данное предложение являются успехи французов и итальянцев и в придачу к ним наши удары на севере. Тома верит в возрождение России. Было бы чудом, если бы она смогла сделать что-либо путное до наступления зимы.

28 августа. В Турине произошли серьезные беспорядки с участием уличных хулиганов, у которых нашли много денег. Убито 27 человек.

29 августа. Газеты ничего не сообщают о ходе межсоюзнической социалистической конференции в Лондоне.

30 августа. Я имел интересную беседу с г-ном Кадманом*, который завтракал у меня сегодня. Французские власти знали о залежах сланца на юге, но до сих пор настолько легко было получать нефть, что они считали излишним экспериментировать со сланцами. Он пытается втолковать правительству, что недостаток тоннажа вынудит нас нормировать потребление керосина и нефти во Франции, а французскому правительству, в свою очередь, придется ограничивать потребление отдельных лиц. В настоящий момент почти всякий, имеющий связи в учреждениях, может получить примерно то же количество, которое имею я, т. е. триста литров, что равняется 60 галлонам в месяц.

---

* Джон Кадман (1877—1941) — британский горный инженер и нефтяник, занимал должности главного инспектора горнорудного дела и природных ископаемых в Шотландии (1904) и Тринидаде (1904—1907), в 1908—1920 гг. преподавал в университете Бирмингема, накануне Первой мировой войны участвовал в разведке нефтяных месторождений в Иране. После Первой мировой войны занимал руководящие должности в Англо-иранской нефтяной компании, с 1927 г. — председатель совета директоров компании.

31 августа. Ответ Вильсона папе блистателен. Он говорит, что не может позволить себе смелость высказываться об императорах и правящих кругах Центральных держав. Русские продолжают свою возню и не сражаются, черт их возьми! Лондонская конференция межсоюзнических социалистов потерпела, по-видимому, фиаско, но переговоры, вероятно, возобновятся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сентябрь 1917 г.

4 сентября. Итак, Рига сдана без боя. Что за сволочь эти русские!

6 сентября. Пенлеве очень озабочен внутренней политикой, и это неудивительно. Военный атташе думает, что падение Риги не поколеблет французов. Сегодня я видел своего бывшего повара, находящегося сейчас на фронте в колониальном пехотном полку. Я спросил его относительно недовольства. Он ответил, что кое-где недовольство заметно из-за того, что война затягивается, но вместе с тем солдаты сознают, что необходимо продержаться еще одну зиму, чтобы получить приемлемый мир.

11 сентября. Что за шабаш происходит в России! Я надеюсь, что Корнилов* почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта. Только что появился список нового кабинета (10 часов 30 минут)[66]. Тома возвращается в министерство, и передают, что Рибо согласился принять портфель министра иностранных дел. Не могу понять, как это Рибо соглашается на понижение. Я рад все же, что не приходится начинать все дело с новым человеком.

---

* Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918) — русский генерал, военный атташе России в Китае (1907—1911), в 1914—1916 гг. воевал на Юго-Западном фронте, командующий Петроградским военным округом (март—апр. 1917), главнокомандующий Юго-Западным фронтом (июль 1917), Верховный главнокомандующий вооруженными силами России (июль—авг. 1917). В августе 1917 г. с оружием в руках выступил против Временного правительства (Корниловский мятеж). Один из лидеров Белого движения на начальном этапе Гражданской войны, создатель и главнокомандующий Добровольческой армии (1917—1918).

Передавали, что социалисты будут настаивать на передаче Тома портфеля министра иностранных дел на том основании, что в России ожидали назначения его послом. Это было бы в самом деле смешно. В русских делах он оказался ложным пророком. Главные его предложения, а именно, участие в Стокгольмской конференции и плебисцит относительно Эльзас-Лотарингии, пришлось отвергнуть. Когда я видел его дней десять тому назад, он все еще продолжал думать, что русские вернутся на свое место. Между тем это было как раз накануне бегства русских из Риги.

16 сентября. Вчера за обедом я встретился с Мессими и его женой*. Он был военным министром в начале войны. Он безусловно не оптимист. Он говорит, что война целиком ведется в расчете на истощение и исход ее зависит от того, какая сторона потеряет больше убитыми. Он не считает возможным настоящий прорыв германского фронта ни во Франции, ни в Бельгии. Если Франция и Англия могут держаться без России один год, два, три или даже больше, то это превосходно, но народы устанут раньше этого срока. Что касается мира, то он полагает, что французы были бы рады получить Эльзас-Лотарингию, в обмен вернув Германии Камерун и передав ей французское Конго, при условии отказа обеих сторон от контрибуций. Я высказал предположение, что немцы захотят получить обратно все свои прежние колонии и что требование их послужит им предлогом сказать французам: „Англия преграждает вам путь к Эльзас-Лотарингии, отказываясь возвратить германские колонии“. Я полагаю, что он опьянел от собственных слов, ходя из угла в угол комнаты. Надеюсь, что среди французских генералов немногие разделяют его образ мыслей.

Три новых министра посетили меня. Они оплакивают русских. Если русские возобновят наступление, то это будет приятным сюрпризом. В России дела идут с каждым днем все хуже и хуже, но приближаются осенние дожди, и грязь затруднит крупные передвижения германских войск.

---

* Андреа Корниль (1877—1959) — дочь Андре-Виктора Корниля, французского врача и политического деятеля, первая супруга Адольфа Мессими. В разводе с 1921 г.

17 сентября. Утверждают, что Уинстон сказал будто бы: „Генералы не хотят заключать мир, а адмиралы не хотят сражаться“. Предполагают, что он высказывался за перемирие на французском фронте до тех пор, пока американцы прибудут со своими силами.

Все новые министры, которых я видел, поддерживают войну до конца. Они считают, что Россия вышла из игры, и будут довольны, если русские устоят на месте и удержат какое-нибудь количество немцев.

20 сентября. Меня посетил один итальянец, с которым я познакомился в Риме, некий сэр Филиппо де Филиппи*. Он находится на пути к британскому фронту, а затем в Англию. Он, по-видимому, сильно сомневается, что стойкости Италии хватит более чем на год или хотя бы на год: он только *надеется* на это. Нехватка угля и пшеницы, а также общее положение во Флоренции, Турине и Романье может привести к требованиям мира. Итальянцы намерены установить контроль над Триестом, но не вступать в него, так как, если бы они вступили в город, то австрийцы разрушили бы его обстрелом.

21 сентября. Большинство Палаты депутатов настроено дождаться прибытия американских сил, так как эксперимент Нивеля доказал Петену и Фошу ошибочность политики, сводящейся к потере людей в обреченных на неудачу наступлениях и в попытках прорвать германский фронт, не имея подавляющего численного превосходства. Социалисты, однако, доказывают, что даже при тактике выжидания и сопротивления германским наступлениям ежемесячные потери через шесть месяцев окажутся выше потерь, ожидаемых в случае немедленного энергичного наступления, но идеал социалистов — это отказ от аннексий и контрибуций, участие в Стокгольмской конференции. Они верят также или притворяются, будто верят, в возможность Лиги Наций, которая сможет в принудительном порядке установить мир между народами, когда последние обнаружат склонность к

---

* Филиппо де Филиппи (1869—1938) — итальянский врач и путешественник. В Первую мировую войну возглавлял службу информации и пропаганды итальянской армии в Лондоне.

склоке и борьбе. Но кто же примет на себя роль полицейского? Тома хочет поддеть Рибо его парламентской декларацией о том, что Франция не ищет ни аннексий, ни контрибуций и требует только возвращения Эльзас-Лотарингии и возмещения убытков за разрушения, причиненные неприятелем. Тома истолковывает речи Рибо и министерские декларации в том смысле, что Франция отказывается требовать, в случае полного поражения Германии, оккупации левого берега Рейна. Я уверен, что в таком случае французская общественность потребует, чтобы нынешние владения Германии на левом берегу были у нее отторгнуты, и вместе с исправлением французской границы, необходимым для военной обороны Франции, — области эти составили бы буферное государство между Францией и Германией. Социалисты непрактичные люди. Казалось бы, эта война должна научить их кое-чему о человеческой природе, в частности, о бесчеловечной природе Германии и о том, как германские социалисты приспособили свои старые теории к замыслам Германии, к ее жестокостям и к ее способам ведения войны.

22 сентября. Не так давно еще я упоминал о мятежном состоянии некоторых русских бригад, прикомандированных к французской армии. Они не хотят сражаться, не хотят передвигаться; они проникли в соседние французские части; их увели в тыл. Одна русская артиллерийская бригада была направлена через Францию в Салоники. Она окружила своих мятежных соотечественников и выпустила по ним 600 снарядов, причем десять человек было убито, остальные же сдались и дожидаются своей отправки в Россию в качестве пленных*.

Им долго придется ждать!

Жюль Камбон говорит мне, что пацифисты опять усиленно принялись здесь за работу.

23 сентября. Французская пресса высмеивает ответы императора папе; однако „Юманите“[67] хочет, чтобы Антан-

* Восстание солдат 1-й особой пехотной бригады русской армии в лагере Ла-Куртин (июль—сент. 1917) было жестоко подавлено по приказу Временного правительства совместно французскими войсками и силами 3-й особой пехотной бригады русской армии, сохранившей верность властям.

та довела до сведения немцев свои условия мира. По этому поводу газета пишет:

„Не находятся ли союзнические демократии в выгодном положении перед лицом этих двух империй, которые развязали войну и которые не решаются громко высказать свои условия мира? Эти демократии могут и должны каждый день обращаться к совести всех народов, к совести германского народа, который нужно вывести из ослепления. Будем же неустанно противопоставлять осторожному молчанию Центральных империй ясные заявления союзнических держав, которые требуют только справедливости и мирные условия которых не зависят от военных событий. В борьбе этих двух сторон перед общественным мнением превосходство принадлежит, несомненно, союзникам, если только они сумеют использовать свое оружие“.

Что за вздор! Что такое совесть германского народа? Каждый класс его создает свою особую теорию, воинственную или пацифистскую, но всегда согласованную с „Deutschland über Alles“, и не будет мира на земле до тех пор, пока не настанет „Deutschland unter Alles“*, а для этой цели мы должны продолжать борьбу до конца.

24 сентября. Эти глупенькие люди, желающие быть невинными, похожи на детей, тянущихся за луной. Они хотят невозможного и считают его возможным. Я говорю о социалистах. Вчера у них происходили собрания. Все они высказываются за участие в Стокгольмской конференции, причем Тома делает оговорку, что вопрос об ответственности за войну должен обсуждаться. Конференция с немцами была бы похожа на игру в карты с шулерами. Апеллировать к совести германского народа бессмысленно. У них нет совести. А те, кто претендуют на таковую, подчиняют ее диктату какой угодно бесчеловечности ради германского господства. Если состоится конференция, на которую делегаты союзников отправятся с согласия своих правительств, то мы не получим мир, а получим позорную отсрочку борьбы на несколько лет.

---

* Deutschland unter Alles (нем.) — „Германия после всех“ является переделанной версией оригинальной строки Deutschland über Alles (нем.) — „Германия превыше всего“, первой строки „Песни немцев“.

25 сентября. Здесь был некий джентльмен на пути из Рима. Он говорит, что в Турине происходили довольно серьезные беспорядки и что в Риме достаточно громко шепчут о мире.

В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского* хватило ума объединиться с Корниловым, чтобы выгнать всю эту сволочь из Петербурга, то, может быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок.

28 сентября. Некоторые лица думают, что Австрия находится при последнем издыхании и не может выдержать дольше, но она не может также заставить Германию заключить приемлемый для нас мир, а сепаратный мир с Австрией для нас неприемлем. Нужно было бы ей сперва сговориться с Италией — а как это сделать?

---

* Александр Федорович Керенский (1881—1970) – русский общественный и политический деятель. После Февральской революции — министр юстиции (март—апр. 1917), военный и морской министр (март—сент. 1917), председатель Временного правительства (июль—окт. 1917) России. Представитель партии эсеров. После Октябрьской революции жил в эмиграции.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Октябрь 1917 г.

1 октября. Марк Сайкс[*] обедал со мной сегодня. Он интересный человек. Он намерен приступить завтра к переговорам по Аравии. Он видел Альбера Тома и намерен сообщить ему сведения относительно угнетения арабов турками, которые он сможет использовать в своей речи на конгрессе социалистов в Бордо 6 октября.

Джолитти и его группа грозят революцией, если мир не будет заключен немедленно. Тем временем наступление Кадорны[**] перешло в оборону. Положение в России становится все хуже и хуже, а Альбер Тома настаивает, чтобы мы относились к России с сочувствием и своей поддержкой помогли ей вновь собраться с силами и возобновить борьбу.

2 октября. Сегодня у меня был здесь полковник Обри Герберт[†], член парламента; он туркофил. Он остановился

---

[*] Марк Сайкс (1879—1919) — баронет, британский дипломат и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1911—1919), представитель Консервативной партии. В годы Первой мировой войны советник британского правительства по вопросам Ближнего Востока, в мае 1916 г. вместе с французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико подписал соглашение по разграничению сфер господства Великобритании и Франции на Ближнем Востоке после планируемого раздела Османской империи (соглашение Сайкса—Пико).

[**] Луиджи Кадорна (1850—1928) — граф, итальянский маршал (1924), начальник Генерального штаба Италии (июль 1914—нояб. 1917), фактически главнокомандующий итальянской армией в годы Первой мировой войны. После поражения при Капоретто (окт.—нояб. 1917) снят с должности.

[†] Обри Герберт (1880—1923) — британский ученый-востоковед, разведчик, дипломат и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1911—1923), представитель Консервативной партии.

здесь на пути через Рим в Албанию. Он намерен привезти из Соединенных Штатов албанцев, чтобы те сражались с болгарами. Он никогда не думал и сейчас не думает, что война может затянуться еще на одну зиму. Я спросил, кто же должен отказаться от борьбы, — мы, французы или американцы, или все вместе. Он считает, что мы можем выдержать, но, принимая во внимание общую усталость от войны, огромные размеры военных расходов, настроение рабочего класса в Англии и в других странах, враждебное продолжению войны, было бы лучше всего заключить мир сейчас, когда налицо благоприятная возможность для заключения достойного мира. В ответ на расспросы он изложил свое представление о достойном мире, а именно: вывод немецких войск из Бельгии и Франции; часть Эльзас-Лотарингии переходит Франции; Малая Азия остается в руках Турции; для Армении предусматривается особое полунезависимое положение; турки остаются в Константинополе; проливы открываются для всех. Король Хиджаза получает три флага — свой собственный, турецкий и британский; Сирия и Палестина получают особый режим под господством Турции, и особый режим устанавливается для Месопотамии и Аравии под турецким и британским главенством. Энвера можно было бы купить, и он (Герберт) убедился из личных бесед с турками в Швейцарии и Месопотамии, что на таких условиях Турция согласилась бы бросить Германию и помочь укрощению Болгарии. Австрия находится при последнем издыхании и готова заключить мир. Он не смог дать удовлетворительный ответ на мои расспросы о том, откажутся ли Франция и Италия от своих требований в Малой Азии, согласятся ли они на то, чтобы мы оставили в своих руках все, что мы заняли, и не отдали бы ничего ради заключения мира, и согласятся ли американцы, вступившие в войну ради уничтожения германского милитаризма и освобождения угнетенных народов, оставить Польшу и Армению под гнетом и сохранить Германию в качестве мощной военной державы. Что касается возвращения

Активно лоббировал предоставление Албании независимости (1913), дважды получал предложения стать ее королем. В годы Первой мировой войны участвовал в секретных разведывательных миссиях в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

нами кое-чего, на основании бесед с генералом Смэтсом[68]*, он полагает, что относительно Восточной Африки возможны соглашения с Германией. Я сказал ему, что генерал Смэтс, по-видимому, не раскрыл ему своих действительных мыслей. Герберт одно из тех лиц, которым разрешается бегать повсюду в хаки и проповедовать мир.

4 октября. Х. был во французской Главной квартире с Петеном, с которым имел потом частную беседу. По словам Петена, нельзя позволить, чтобы дела шли так дальше. Британцы занимают только четверть всего фронта и должны значительно растянуть свой участок фронта. Он пустил в ход старый аргумент, что фронт наш слишком глубок. Х. не пришлось напоминать Петену, что наши войска выдерживают всю тяжесть наступлений дополнительных германских дивизий. Если бы он это сказал, то ему пришлось бы добавить, что наши припасы, вспомогательные части, ремонтные мастерские и прочее находятся на французской территории позади линии нашего фронта, тогда как французская армия имеет все эти службы в пределах самой фронтовой полосы.

6 октября. Военный атташе уведомил меня, что Клемансо сообщил военному корреспонденту „Таймс“, что немцы недавно предложили сепаратный мир Франции на основе уступки Эльзас-Лотарингии и левого берега Рейна, при условии разрыва Франции с Англией; Рибо получил эти информационные сведения от Клемансо. Если такого рода предложение было сделано, в чем я сомневаюсь, то сделано это было исключительно с целью рассорить союзников.

8 октября. Севастопуло смущен заметным здесь недоброжелательным отношением к России. Русских рабочих увольняют их французские наниматели.

---

* Ян Христиан Смэтс (1870—1950) — южноафриканский военный и политический деятель. Один из лидеров Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в годы Англо-бурской войны (1899—1902); военный министр (1910—1920, 1939—1948), министр финансов (1912—1915) и премьер-министр (1919—1924, 1939—1948) Южно-Африканского Союза (британский доминион с 1910 г.). Член Военного кабинета Великобритании (министр без портфеля, июнь 1917—янв. 1919). В годы Первой мировой войны – командующий британскими силами в Восточной Африке. В 1941 г. получил звание фельдмаршала.

11 октября. Сегодня я нанес визит Клемансо; он считает военное положение благоприятным, но абсолютно необходимо расширение британского участка фронта; если он будет растянут, то нетрудно будет дождаться прибытия американцев. Я спросил его, какого рода условия предлагают Франции агенты, претендующие на то, что они выступают от имени Германии; он ответил, что Рибо дал ему честное слово, что никакие специальные условия не упоминались. Это совпадает с тем, что я слышал от главы кабинета Рибо. Хотя он не говорил об этом, я думаю все же, что Клемансо намерен сформировать правительство, если Пенлеве будет свергнут.

15 октября. В письме Ллойд Джорджу я указал, что, по моим сведениям, Альбер Тома обижен, что не получает от него никаких сообщений с тех пор, как он покинул свой пост. Я добавил, что Тома, отстаивавший в прошлом участие в конференции в Стокгольме, не может публично отказаться от своей позиции, не теряя своего влияния в социалистической партии, но что мне лично кажется невероятным, чтобы кто-либо из умных социалистов действительно мог верить, что путем личных обсуждений в Стокгольме с германскими социалистами можно заставить их, или вообще какого-либо немца, признать ответственность Германии за войну. Разумеется, германские социалисты не смогли бы доказать французским и британским социалистам, что Франция и Англия несут ответственность; более того, вопрос об ответственности будет только в свое время представлять исторический интерес и в настоящее время не имеет практического значения. Суть дела заключается в том, чтобы как можно скорее завершить войну. Я добавил также несколько замечаний о громких требованиях, раздающихся здесь в обществе и в кабинете, относительно расширения британского участка фронта. Эти требования будут продолжаться, сколь бы ни были убедительны британские доводы против желаний французов, так как старшие классы французских солдат устали от траншейной работы, и французское правительство намерено вернуть их к мирной жизни, заменив их британскими войсками.

16 октября. Телеграмма из Женевы, напечатанная в сегодняшнем вечернем выпуске „Тан“, сообщает следующее:

„Заместитель министра иностранных дел Германии фон дем Буше* сделал следующее заявление: „Утверждение, сформулированное господином Рибо в его речи во французской Палате депутатов 12 октября, согласно которому Германия дала понять французскому правительству, что оно имеет возможность начать переговоры о возвращении Эльзаса-Лотарингии, лишено всяких оснований. Германское правительство всякий раз, когда его зондировали по вопросу о возможном мире, не оставляло никаких сомнений относительно того пункта, что германская территория никогда не сможет стать предметом обсуждения с какой-либо иностранной державой“. Итак, мы видим пробуждение Бриана от его сна.

27 октября. Только сегодня французским газетам разрешено было опубликовать так называемые инструкции, данные господину Скобелеву** комиссией Советов[69]. Комиссия эта претендует на то, чтобы назначить его своим делегатом на межсоюзническую конференцию в Париже. Русскому правительству было указано, что господин Скобелев не является министром и не может быть принят поэтому, вопреки ожиданиям русского правительства, в качестве представителя России, и что вопросы, подлежащие обсуждению конференции, касаются не условий мира, а выбора наилучших средств, чтобы довести войну до победы. Среди мирных условий, излагаемых комиссией Советов, имеются следующие: плебисцит для Эльзас-Лотарингии; возвращение Германии всех ее колоний; отказ от контрибуций, от эконо-

---

* Хилмар фон дем Буше-Хадденхаузен (1867—1939) — барон, немецкий дипломат, посол Германии в Аргентине (1910—1913) и Румынии (сент. 1914—авг. 1916), заместитель министра иностранных дел Германии (нояб. 1916—дек. 1918).

** Матвей Иванович Скобелев (1885—1938) — русский политический деятель, депутат Государственной думы IV созыва (1912—1917), министр труда во Временном правительстве (май—сент. 1917), входил в состав руководства Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского центрального исполнительного комитета, был избран членом Учредительного собрания. В 1920—1925 гг. жил в Париже, в 1925 г. вернулся в СССР, расстрелян в 1938 г.

мической блокады, от сепаратных таможенных соглашений. Условия эти, должно быть, состряпаны в Германии и оплачены ею.

Итальянцы потерпели ужасное поражение, и неизвестно, остановятся ли они в своем бегстве. Они потеряли триста орудий и 30 тыс. человек пленными. Этого, как мне передают, не отрицает сам Кадорна[70].

Сведения из Италии становятся еще хуже. Теперь немцы заявляют уже, что они захватили 60 тыс. пленных и 500 орудий. Сегодня днем я встретился с леди Д., она приехала из Рима. По ее словам, там наблюдаются и всегда наблюдались сильные настроения против войны. Теперь уже нет больше криков „вперед“.

28 октября. Спирс[*] принес мне сегодня военные новости, и притом плохие новости, касательно Италии. А двумя часами позже военный атташе принес аналогичные сведения. Оба сказали мне, что Фош и Робертсон выезжают отсюда в Италию завтра вечером. Французское и британское правительства, быть может, отправят каждое по армейскому корпусу, чтобы попытаться повлиять на итальянский народ и приостановить бегство итальянских войск. 60 тыс. пленных могут скоро превратиться в 100 тыс. Наши и французские орудия не были потеряны, так как их вывезли с передовых позиций, итальянцы же потеряли в горах бесчисленное множество орудий и припасов. Известна аксиома, что тот, кто держит в своих руках Ломбардию, господствует над Италией. Таким образом, возможно, что неприятель вскоре будет господствовать над Италией. Несчастные итальянцы! Но несчастны и мы.

---

[*] Эдвард Льюис Спирс (1886—1974) — британский генерал и политический деятель, член Палаты общин британского парламента (1922—1924, 1931—1945), в первый раз как представитель Либеральной, второй раз — Консервативной партии. В годы Первой мировой войны исполнял обязанности офицера связи между британскими и французскими силами, глава британской военной миссии во Франции (май 1917—1920). В 1953 г. получил титул баронета.

Сэр Уолтер Лоуренс* из Главной квартиры посетил меня; Хейг настроен очень оптимистично. На наших предприятиях, работающих на оборону, не заметно особого желания завершения войны, так как заработная плата высока; общество полно пессимизма и тревоги из-за воздушных налетов, но в общем общество здорово.

Недавно был произведен обыск в помещении „Аксьон франсез“[71] и в других местах. В правительственном сообщении в печати указывается, что были обнаружены склады оружия, а также „Инструкция, провоцирующая гражданскую войну, путем вооружения граждан друг против друга“. Инструкция исходит от роялистов, но их настолько немного, что с ними не приходится считаться. Склады оружия свидетельствуют об общем недовольстве, распространившемся на многих людей, не являющихся непременно роялистами, по поводу клик, которые претендуют на управление страной! Если французские армии на фронте прогонят немцев, то можно будет направить в Париж армейский корпус, который свергнет нынешнюю правительственную шайку. Никто не может оказаться хуже ее, и все порядочные люди в стране оказались бы сторонниками смены власти. Нам не пришлось бы более слушать так много вздора о Лиге Наций и вечном мире, как сейчас. Ввиду того, что фраза эта была пущена социалистами и президентом Вильсоном, никто из лиц, занимающих видное политическое положение, не решается высмеивать Лигу Наций. Кто принял бы на себя поддержание мира, если бы возникли разногласия между двумя или несколькими государствами, входящими в союз, и если спорящие государства были бы готовы решить вопрос вооруженным путем?

29 октября. Теперь немцы уверяют уже, что они захватили 80 тыс. пленных итальянцев и свыше 600 орудий. Робертсон прибудет сегодня вечером и отправится в Италию вместе с Фошем. Кадорна выпустил приказ, в котором дела-

---

* Уолтер Ройпер Лоуренс (1857—1940) — британский чиновник на службе в Индии, личный секретарь вице-короля Индии Дж.Н. Керзона (1898—1905), член Законодательного совета Индии. В 1906 г. получил титул баронета. В годы Первой мировой войны курировал проблемы медицинского обслуживания военнослужащих из Индии.

ет выговор двум итальянским дивизиям, обратившимся в бегство и создавшим брешь, через которую немцы проникли глубоко в расположение итальянцев. Местная цензура запретила публикацию этого приказа из опасения, что газеты могут обидеть латинскую сестру. Немцы утверждают также, что они заняли проходы в Венецианскую долину. Итальянские генералы надеются приостановить дальнейшее движение немцев, но это только надежды.

Имеются доказательства, что так называемое правительство России ведет переговоры с немцами.

Позже. Французы и мы намерены отправить войска в Италию, чтобы показать синий цвет и хаки и предотвратить, таким образом, дальнейшее бегство, но Робертсон, проезжавший через Париж вчера вечером, считает, что отправить британские войска в Италию, — это значит выбрасывать хорошие деньги после плохих. Немцы заявляют уже о 100 тыс. пленных итальянцев и свыше 700 орудий.

30 октября. Немцы заняли Удине, но никаких новых известий с итальянского фронта нет.

Керенский, считая, что его жена* недостаточно достойная спутница для него в Зимнем дворце, бросил ее, заявив, что, поскольку он является сейчас атеистом, он не связан более обетами церковного брака. Он приблизил к себе танцовщицу из русского балета.

31 октября. Итальянцы как будто несколько оправились.

* Ольга Львовна Барановская (в замужестве — Керенская, 1886—1975) — первая супруга Александра Федоровича Керенского (1904). С 1917 г. супруги проживали раздельно, в разводе с 1939 г. Эмигрировала вскоре после Октябрьской революции.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ноябрь—декабрь 1917 г.

1 ноября. В радиограмме, отправленной вчера днем из Вены, сообщается, что германские и австрийские войска перешли Изонцо в нижнем течении во многих местах и приближаются к Венецианской долине в направлении Тальяменто и горных областей у истоков реки. Повсюду они находят богатую добычу. В обращении к итальянскому народу австрийцы заявляют, что ими взято 120 тыс. пленных и 1300 орудий и что народ обманули Саландро*, Соннино**, д'Аннунцио*** и интервенционисты. Прокламация призывает народ сбросить с себя тиранию виновников войны, которые ввергли страну в величайшее бедствие, либо из-за того, что продались Англии, либо уступая эгоизму капиталистов.

5 ноября. Племянник Остина Ли был здесь вчера проездом с итальянского фронта на пути в Англию. Он сообщил, что наши орудия увезли, но все боеприпасы были потеряны,

---

* Антонио Саландро (1853—1931) — премьер-министр и министр внутренних дел Италии (март 1914—июнь 1916). Был вынужден уйти в отставку после серьезных поражений итальянских войск при Трентино (май—июнь 1916).

** Сидней Соннино (1847—1922) — премьер-министр и министр внутренних дел (февр.—май 1906, 1909—1910), министр иностранных дел (окт. 1914—июнь 1919) Италии.

*** Габриэле Рапаньетта д'Аннунцио (1863—1938) — итальянский писатель, военный и политический деятель, придерживался крайних националистических взглядов. Широкую известность получил благодаря вооруженному захвату югославского порта Риека (Фиуме), диктором которого являлся более года (сент. 1919—дек. 1920). Активно сотрудничал с фашистским режимом Муссолини. В 1924 г. получил титул князя Монте Невозо (1924).

а французские орудия, которые не удалось увезти, уничтожены. Далее, он сообщил, что 100 тыс. итальянских солдат сложили оружие с возгласами „Да здравствует мир!“

Говорят, что если бы министры не выехали в Италию, то с правительством было бы покончено уже в конце недели. Правительство Клемансо, по-видимому, неизбежно.

10 ноября. На совещании, состоявшемся 7-го в Раппало, представители Англии, Франции и Италии решили учредить Верховный военный совет в целях „лучшей координации военных действий на западном фронте“. Верховный совет будет собираться, как правило, в Версале, где живут военные представители.

15 ноября. Клемансо предложено сформировать правительство, что он и намерен сделать[72]. Он может добиться успеха и удержаться у власти, так как он будет настаивать на прекращении всякого рода скандальных партий. Столь же важно и то обстоятельство, что он не принадлежит к числу людей, склонных к мирным маневрам.

17 ноября. Мне передают, что когда на заводах, работающих на оборону, и на электрических станциях начался саботаж, Клемансо сообщил в 4 часа дня генеральному секретарю Всеобщей конфедерации труда*, что если это будет продолжаться, он наводнит Париж войсками и возложит ответственность на конфедерацию труда. Саботаж прекратился!

3 декабря. „Виктуар“ вновь выдвигает свое предложение о назначении французского генералиссимуса и межсоюзнического штаба. Это сделано в связи с ударом, который нанесли немцы в районе Камбре. Я отправляю резюме по почте в Лондон вместе с извлечением из статьи „Эко де Пари“**, которая признает невозможность таким способом ликвидировать существующие затруднения и выражает надежду, что Версальская конференция приведет к улучшению существующего положения.

---

* Леон Жуо (1879—1954) — французский профсоюзный лидер, генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда (французский национальный профсоюзный центр; (1909—1947).

** „Эко де Пари“ (L’Echo de Paris) — французская ежедневная газета, выходившая с 1884 по 1944 г. в Париже.

Недурное трио представляют собою русские мирные парламентеры: — еврей-доктор из 5-й армии, доброволец немецкого происхождения и гусарский офицер, выгнанный из армии за растрату[73]*. Этому почтенному субъекту было разрешено посетить наши авиационные заводы в Англии, так как, несмотря на то, что он вызывал подозрения, у военных властей не было доказательств.

4 декабря. Сегодня днем я видел Мильнера**. Он возвращается в Версаль сегодня вечером. Поражение, которое мы потерпели при Камбре, вызвано, по-видимому, неосмотрительностью и нестойкостью одной английской дивизии.

6 декабря. Смэтс считает, что вопрос о Германской Восточной Африке не есть южно-африканский вопрос, а является вопросом имперским, и что с точки зрения Британской империи Германскую Восточную Африку нельзя возвращать, так как она соприкасается с Занзибаром и господствует над нашими путями в Индию. Забастовки в департаменте Луары окончились, и войска возвращаются из Лиона.

Германское радио заявляет, что в боях под Камбре немцы звхватили свыше 9 тыс. пленных, 148 орудий, 716 пулеметов и что подступы к порту Кале, равно как Лондон, Дувр и ряд других английских городов, подверглись германскими авиаторами бомбардировке, вызвавшей многочисленные большие пожары. Сообщается также о заключении десятидневного перемирия на всем фронте от Балтийского до Черного моря и на русско-турецком фронте в Азии.

---

* Русские мирные парламентеры — члены Армейского комитета 5-й армии — военный врач Михаил Сагалович и вольноопределяющийся Георгий Мерен, а также поручик 9-го гусарского Киевского полка Владимир Шнеур

** Альфред Мильнер (1854—1925) — губернатор Капской колонии и верховный комиссар Великобритании в Южной Африке (1897—1901), член Военного кабинета (министр без портфеля, дек. 1916—апр. 1918), военный министр (апр. 1918—янв. 1919), министр колоний (янв. 1919—1921) Великобритании. Автор декларации Бальфура (1917). В 1902 г. получил титул виконта.

8 декабря. Бывший министр Этьен[*] посетил меня сегодня днем. Он негодует на русских. Общественность начинает здесь понимать, что казаки едва ли принесут нам реальную пользу. Россия будет находиться в состоянии брожения в течение долгого времени. Отбросы поднялись сейчас наверх в виде накипи, и потребуется кровожадный диктатор для того, чтобы эту накипь снять. Такой диктатор найдется, когда народ начнет страдать от этой сволочи. В настоящий момент они не хотят сражаться, и нет никого, кто бы заставил их сражаться. Они хотят грабить и делить землю. Некоторое время спустя они передерутся между собой, и тогда настанет момент для появления диктатора.

Перспективы мрачны почти во всех отношениях, но я верю в наш народ и во французов. Будем надеяться, что немцы, посеявшие семена социализма в его крайней форме, пожнут у себя вихрь революции и террора. Однако в своей надежде я не слишком уверен.

10 декабря. Троцкий до войны жил в качестве революционного эмигранта в Париже. Когда разразилась война, его заподозрили в шпионаже и выселили в Испанию в октябре 1916 г. Его обвинили в анархизме, арестовали и препроводили согласно его просьбе на Кубу, откуда он, кажется, через Англию вернулся в Россию после свержения императора.

14 декабря. Хаос в России является предметным уроком для французов, который помешает им иметь социалистическое правительство. Даже в том случае, если такое правительство составлено из так называемых умеренных членов партии, оно пойдет за крайним партийным меньшинством из боязни потерять голоса во время выборов.

Занятие Иерусалима — отрадное событие. Но нам нужно гораздо больше, чтобы уравновесить поражение под Камбре и печальное положение Италии. Что касается России, то пусть они дерутся между собою до тех пор, пока большевики не ожесточат большинства и не будут убиты. Между тем

---

[*] Эжен Этьен (1844—1921) — член Палаты депутатов французского парламента от Алжира (1881—1919), министр внутренних дел (янв. — нояб. 1905), военный министр (нояб. 1905—окт. 1906, янв.—дек. 1913) Франции.

здесь и в Англии встречаются люди, притом серьезные люди, поддающиеся вере, что будущим летом мы получим вооруженную помощь от России. Возможно, что эта страна к тому времени вовсе перестанет существовать как единое целое.

15 декабря. Немцы отрицают утверждение Бальфура, что они зондировали нас относительно условий мира. Они говорят, что нейтральное лицо, действовавшее, несомненно, в наших интересах, запрашивало информацию о целях немцев. Германское правительство не может довериться нейтральному посреднику в вопросе об условиях мира.

16 декабря. В речи, произнесенной в Берлине, Тирпиц* заявил, что Германия должна получить Фландрию, Антверпен, Зебрюгге, Остенде, Кале, Брие и Лонгви. Эту декларацию следовало бы распространить по всей Англии и Франции, чтобы восстановить народы против пацифистов и мирных переговоров с Германией до того, как она будет разбита. Ллойд Джорж произнес прекрасную речь. Газета Клемансо „Ом аншене“ завершает хвалебную статью следующими словами:

„Критический момент пройдет. Наступит час решения. К этому часу уже теперь должны готовиться все союзники, думая только об одном: единая армия и единая война, единое направление. Вот этого-то и недостает в речи г-на Ллойд Джорджа. Мы можем победить. Мы победим. Мы победим скорее, если в единой и нераздельной Антанте будет один фронт, один план, один вождь“.

17 декабря. Норвежские социал-демократы предложили норвежскому комитету, ведающему ежегодным присуждением Нобелевской премии мира, выставить в качестве кандидатов Ленина и Троцкого. В нынешнем году это предложение запоздало. Однако президент комитета сказал, что

---

* Альфред фон Тирпиц (1849—1930) — германский гросс-адмирал (1911), министр военно-морского флота (1897—март 1916), создатель передового военно-морского флота Германии, сторонник ведения неограниченной подводной войны. После вынужденного ухода в отставку стал одним из основателей и лидером Немецкой отечественной партии (1917), выступавшей за войну до победного конца и аннексии. В 1924—1928 гг. депутат рейхстага от Немецкой национальной народной партии.

если бы им удалось восстановить мир и порядок, то предложение это можно рассматривать как вполне уместное.

18 декабря. Мне кажется, что мы совершили ошибку, выдав русских анархистов вследствие угроз Советов, после того как первоначально мы отказались это сделать! К нам будут обращаться все с новыми требованиями. Это Бьюкенен посоветовал сдаться. Он заявил, что не может взять на себя ответственность за возможные последствия нашего упорного отказа.

23 декабря. Маклаков[*], так называемый русский посол, посетил меня сегодня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством дефакто, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного властью законно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами, Учредительное собрание окажется фарсом. Он видел в прессе сообщение, что бывшего министра юстиции Щегловитова[**], известного реакционера, выпустили на свободу и его используют большевики, которые, по его мнению, готовятся при помощи немцев возвести на престол кого-либо из членов российского царствующего дома. То, что останется тогда от России, будет выдано на полный произвол Германии. Я спросил его, согласятся ли на такое решение Украина, Сибирь и другие части России. Он ответил, что, быть может, не согласятся в данный момент, но что заводы, изготовляющие военное снаряжение, окажутся в руках россий-

---

[*] Василий Алексеевич Маклаков (1869—1957) — русский юрист и политический деятель, представитель партии конституционных демократов (кадетов), депутат Государственной думы II—IV созывов (1907—1917), председатель Юридического совещания при Временном правительстве (март 1917), посол России во Франции (окт.—нояб. 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

[**] Иван Григорьевич Щегловитов (1861—1918) — министр юстиции (1906—июль 1915), председатель Государственного совета (янв.—февр. 1917) России. Арестован во время Февральской революции, расстрелян большевиками.

ских немцев, и казаки останутся без артиллерии. Я спросил его, не выступит ли народ против Ленина и Троцкого из-за недостатка продовольствия в Петербурге. Он думает, что так оно и будет, но что это не поможет изгнать немцев.

Милюков говорил Маклакову, что британское правительство подстрекало русское правительство требовать Константинополь, чего русские, за исключением отдельных лиц, не хотели, так как знали, что владение Константинополем вызовет затруднения и сделает невозможным какое-либо примирение с турками. Маклаков говорит, что русский народ не дозрел до республики. Он хочет конституционную монархию. Маклакову передавали также, что Бьюкенен предлагал державам Антанты освободить Россию от ее обязательств по отношению к ним. Он считает это глупостью, и неудивительно. Мы не можем заставить их сражаться на нашей стороне, но зачем освобождать их от их обязательств и предоставлять им этим возможность доказывать, что они прекратили борьбу с Германией с согласия и по предложению Антанты.

24 декабря. Сегодня днем меня посетил Мильнер. Он не является ярым сионистом. Он только надеется, что принятие программы сионизма может сослужить нам службу; но что будет, если в Палестине евреи поссорятся с арабами, и арабы, являющиеся воинами, начнут бить евреев, которые с библейских дней стали пацифистами? Несомненно, евреи обратятся к британским христианам за защитой против арабов. А если эти христиане окажут им поддержку, то что скажут мусульмане, арабы, индийцы и т. д.? Я думаю, что сионизм — это вздор.

25 декабря. В „Матен" опубликована статья Альбера Тома. Он продолжает верить в себя и в значительную роль Лиги Наций в борьбе против войны. Возможно, что определенные державы придут к соглашению друг с другом, что, в случае отказа какого-либо государства подчиниться арбитражу при разногласии с другим, договорившиеся стороны вмешаются, чтобы предотвратить войну; но даже в таком случае некоторые государства будут медлить, и если их собственные интересы не будут затронуты, то они попросят

освободить их под тем или иным более или менее благовидным предлогом.

27 декабря. Если Япония или Америка будут медлить с занятием Владивостока[74], то большевики смогут захватить или уничтожить военное снаряжение, которое там выгрузила Антанта для русских, когда они сражались на нашей стороне. Было ли когда-либо на свете что-нибудь более жалкое, чем переговоры большевиков с бошами и австрийцами. Непременное условие, что Германия должна получить обратно все захваченные у нее колонии, должно было бы заставить наших миротворцев умолкнуть.

28 декабря. Бен Тиллет* приходил сегодня утром с двумя другими. Он передал мне сожаление Эппльтона по поводу того, что тот был вынужден уехать, не повидавшись со мной. Все трое вместе с одним французским социалистом приглашены завтра к завтраку. Я предоставил Тиллету на завтра мой автомобиль для утренних визитов.

31 декабря. Сегодня утром Клемансо и Пишон приняли объединенную делегацию депутатов-социалистов, а именно Тома, Юбера Руже**, Реноделя, Кашена*** и Жана Лонге. Они просили выдать паспорта в Петербург, чтобы помешать заключению сепаратного мира между Россией и Центральными державами или, по крайней мере, добиться, чтобы он имел как можно меньше негативных последствий для Франции. Он отказал (браво, Клемансо!) по той причине, что положение в

---

* Бенжамин Тиллет (1860—1943) — британский профсоюзный и политический деятель, президент Конгресса профсоюзов Великобритании (1929), член Палаты общин британского парламента (1917—1924, 1929—1931), представитель Лейбористской партии, придерживался социалистических взглядов.

** Юбер Руже (1875—1958) — французский публицист, писатель и политический деятель, социалист, член Палаты депутатов французского парламента (1910—1919, 1924—1942).

*** Марсель Кашен (1869—1958) — один из лидеров французских социалистов, один из основателей и лидеров Французской коммунистической партии (1920). В 1918—1958 гг. возглавлял газету „Юманите“, с 1920 г. ставшую официальным органом ФКП. С 1924 г. — член Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (Коминтерна). Член Палаты депутатов французского парламента (1914—1932), сенатор (1936—1940).

Петербурге слишком неопределенное, чтобы можно было рассчитывать на полезные результаты их вмешательства. А выдача паспортов создала бы ложное впечатление относительно позиции французского правительства: можно было бы подумать, что оно принимает участие в переговорах в целях заключения прелиминарного мира и т. д.

Мирные предложения бошей абсурдны, но я не думаю, чтобы отсутствие в них „свободы морей“ означало отказ их от этой идеи. Она вновь появилась бы, если бы мы пошли на переговоры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Январь 1918 г.

6 января. Сегодня ко мне приходил Севастопуло. Он считает, что Киев может вновь стать столицей России. Он говорит, что Финляндия, не имеющая своего хлеба, не может жить независимо от России. Теперь, когда отпала необходимость заботиться о квартире для императорской семьи, переезд правительства из Петербурга в Москву или в Киев не представит затруднений. Так говорит Севастопуло; но прежде чем вести разговоры о новой столице, Россия должна оправиться.

7 января. Какой-то Дж. вернулся с рассказами о том, как угнетен Лондон: общественность начинает проявлять сильное недовольство из-за недостатка продовольствия, она недовольна также правительством; банкиры утверждают, что только Америка спасла нас от финансовой катастрофы, что мы должны заключить мир немедленно. Я спросил его, готовы ли банкиры, о которых он упоминал, платить контрибуцию в соответствии с мирным договором, заключенным под диктовку Германии, так как только такой мир достижим в настоящий момент.

8 января. Я полагаю, что премьер-министру пришлось ради поддержки со стороны Лейбористской партии заявить, что судьбу захваченных германских колоний должна решать мирная конференция. Когда наступит этот момент, можно будет найти сколько угодно всяких доводов, чтобы не возвращать их Германии, но наши союзники будут ссылаться на его слова, желая получить уступки, которые немцы станут обещать, если мы, согласно нашим обещаниям, передадим вопрос о колониях на решение конференции.

9 января. Мне не нравится меморандум президента Вильсона о целях войны[75]. Альбер Тома, этот социалист, проповедовавший плебисцит, дает теперь отбой относительно Эльзас-Лотарингии, вступив, таким образом, в конфликт с некоторыми из своих хороших товарищей.

10 января. Я надеюсь, что Ллойд Джордж найдет способы затушевать свои компромиссные заверения относительно германских колоний, но что мне совсем не нравится, это меморандум Вильсона. Наши колонии выскажутся, когда настанет время для конференции, и с их благополучием нужно считаться больше, нежели с красивыми фразами президента Вильсона. Что он понимает под абсолютной свободой мореплавания за пределами территориальных вод в мирное, равно как и в военное время? Что означает равенство условий торговли? Наконец, каково значение двусмысленного пятого пункта, касающегося колоний? Он хочет иметь Россию в качестве поля для коммерческой деятельности Соединенных Штатов и относится к шайке Ленина и Троцкого как к людям, достойным уважения.

13 января. Здесь считают, что в Англии уделяют слишком много внимания крайнему крылу Лейбористской партии и г-ну Гендерсону, а также его непрерывным попыткам организовать международную конференцию в Стокгольме или Копенгагене или еще где-нибудь. Я полагаю, что в Англии сотрудничество с шумливыми социалистами нужнее, чем здесь. Здесь они поболтали в свое время, а теперь они дискредитированы в стране и не имеют силы в Палате депутатов; они знают, что в лице Клемансо они имеют дело с человеком, который без колебаний выступит против всяких беспорядков, вызванных ими.

К сожалению, с Альбером Тома считаются в Англии. Он должен понять, что мелет вздор о Лиге Наций и о целесообразности встречи с дорогими русскими товарищами. Представьте себе, что за глупость думать — а так думают вожди французских социалистов, — что русских большевиков можно убедить в их неправоте, уговорить их прекратить свои эксцессы и начать новую жизнь.

У нас было уже достаточно и более чем достаточно деклараций о целях войны. Если Антанта попытается написать

коллективную ноту, определяющую цели войны более детально, чем это было сделано уже в заявлениях Ллойд Джорджа, Вильсона и Пишона, то мы окончательно рассоримся.

15 января. Что за вздор пишет сегодня Герберт Уэллс* в парижском издании „Дейли Мейл“ в статье, посвященной восхвалению большевиков!

17 января. Передают слова, якобы сказанные Бертло, что дипломатические паспорта выдают только шпионам и кокоткам. Почти каждый день происходят новые аресты. Враждебные настроения против большевиков здесь очень сильны. И они до сих пор еще не назначили своего представителя. Удивляются тому, что мы вступаем в сношения с правительством в Петрограде и его представителями в Англии.

22 января. Вести из России и Украины производят тяжелое впечатление; французы гораздо более сдержанны по отношению к большевикам, чем мы.

В пятницу я встретился с Извольским за обедом. Он хочет говорить со мной о России. Он клянется, что лично был против передачи России Константинополя, который он желал бы видеть вольным городом в руках турок, но ему приходилось слушаться приказов и требовать Константинополь в угоду общественному мнению в России. Извольский, хорошо знающий Японию и Сибирь, рекомендует японскую интервенцию. Если вмешаются китайцы, то сибиряки бросятся в объятия большевиков. Он не видит возможности возрождения империи и вообще монархии в России. Лучшее, на что можно надеяться, это федерация государств. Сепаратный мир между Украиной и Германией был бы несчастьем, так как немцы смогли бы вывозить из Украины припасы в неограниченном количестве. Извольский хотел бы при помощи

---

* Герберт Уэллс (1866—1946) — английский писатель (известный в первую очередь своими научно-фантастическими произведениями), публицист и общественный деятель. Придерживался социалистических взглядов, член Лейбористской партии Великобритании. Трижды посещал Россию (в 1914, 1920 и 1934 гг.), где встречался с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. После второго визита в Россию издал книгу „Россия во мгле“ (1920).

союзников воспрепятствовать переходу Архангельска и Сибири в руки большевиков.

23 января. Самоуправление Ирландии может быть полезно или вредно для Британской империи. Однако вмешательство в это дело со стороны американского президента или Конгресса было бы чудовищным безобразием. В парижском выпуске „Дейли Мейл“ сегодня опубликовано письмо или телеграмма от их вашингтонского корреспондента, предсказывающая такого рода вмешательство, если британское правительство не введет самоуправление в Ирландии: „И народ Соединенных Штатов также не допускает мысли, чтобы Ольстеру[76] позволили отделиться от остальной Ирландии, как он не допускает мысли о том, чтобы разрешить Южной Каролине отделиться от США“.

Немецкие социалисты начинают выступать против его величества, но зайдут ли их возражения против действий императора и его генералов настолько далеко, чтобы принести нам реальную пользу? Я в этом сомневаюсь. В Австрии социалисты работают хорошо[77].

24 января. Недурную чертовщину завели мы у себя сами, приняв большевика Литвинова* в качестве псевдопредставителя большевистского правительства, вместо того чтобы арестовать его, как только о нем узнали. Здесь такого рода представителей нет. Практикуемая нами возня с большевиками не оправдывает себя; ошибкой было разрешать Гюисмансу** высадиться в Соединенном Королевстве. Резкие выступления Литвинова были встречены приветствиями. Он подстрекал англичан поступить по примеру боль-

---

* Максим Максимович Литвинов (настоящее имя — Меер-Генох Моисеевич Валлах, 1876—1951) — советский дипломат, партийный и политический деятель, народный комиссар СССР по иностранным делам (1930—1939), посол СССР в США (1941—1943). С ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. — дипломатический представитель Советской России в Великобритании (не получил официального признания британского правительства).

** Камиль Гюисманс (1871—1968) — бельгийский журналист и политический деятель, один из руководителей Социалистической партии Бельгии, секретарь Международного социалистического бюро (постоянный исполнительно-информационный орган) II Интернационала (1905—1920), премьер-министр Бельгии (1946—1947).

шевиков, чтобы достигнуть мира. Жена Литвинова* британская подданная, а сам он долгое время жил в Англии.

26 января. Лидер Лейбористской партии Гендерсон распространяет разные вздорные мнения. Если бы ему предоставить свободу действий, то он довел бы до распада Британскую империю. Он говорит о победе на ближайших всеобщих выборах и о том, что он станет премьер-министром. Я надеюсь, что мы не доживем до такого конца, но большевизм, по-видимому, болезнь заразная, и, к несчастью, Германия в настоящее время имеет против него иммунитет.

Вчера вечером я встретился с Извольским за обедом. Кроме нас, был еще только председатель бюджетной комиссии Палаты депутатов. Извольский считает, что Украина в настоящий момент потеряна. Концентрированное давление на большевиков необходимо начать из Архангельска, Сибири и Кавказа; державы Антанты должны предоставить деньги, оружие и боеприпасы, а также высадить небольшое количество войск в Архангельске; японцы должны высадить войска в Порт-Артуре или Тяньцзине вместе с американскими и британскими контингентами; сибиряки присоединятся к ним и выгонят всех большевиков; британские войска из Месопотамии поддержат армян и черкесов и т. д. Очень длинная волынка. Извольский утверждает, что у него нет личных мотивов для этих проектов, и считает, что в конце концов одержат верх кадеты; бывшая Российская империя распадется на отдельные государства, которые, быть может, образуют конфедерацию, во главе которой, может быть, станет монарх. Он не думает, что Антанта станет, таким образом, в состоянии войны с Россией, она поможет только лояльным по отношению к государству элементам подавить большевиков. На это потребуется известное время, а между тем Германия будет вывозить продовольствие и прочее из Украины и Румынии. Французские капиталы в России, в форме займов, инвестиций и т. д., достигают суммы в 800 млн фунтов. Один из аргументов Извольского в пользу его

* Айви Лоу (1889—1977) — супруга М.М. Литвинова (1916), британская подданная, родилась в семье выходцев из Венгрии, всю жизнь сохраняла гражданство Великобритании.

архангельского плана, понравившегося председателю бюджетной комиссии, заключается в том, что леса этой области, представляющие безграничную ценность, можно захватить в качестве обеспечения предоставленных Францией займов. Извольский напомнил мне, что мы торговали с Архангельском еще во времена королевы Елизаветы.

27 января. Сегодня я завтракал у Жозефа Рейнака*. Он считает, что мы обнаружили явную слабость по отношению к большевистскому правительству в Петербурге. Присутствовавший Генри Вильсон** объяснил ему, что Ллойд Джордж не мог отказаться от контактов с ними из-за давления Лейбористской партии.

Передают, что Кадорна предстанет перед военным судом, отчасти из-за того, что некоторые части его войск сложили оружие, главным же образом из-за того, что он критиковал правительство за недостаточное внимание к его сообщениям о том, что войска его развращены социалистами.

28 января. Маклаков приходил ко мне, чтобы отсоветовать вступать в какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия на некоторое время должна оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны. Из боязни заразить свои войска большевизмом германское командова-

---

* Жозеф Рейнак (1856—1921) — французский юрист, журналист и политический деятель, член Палаты депутатов французского парламента (1889—1898, 1906—1914). В годы Первой мировой войны регулярно комментировал военные события в парижских газетах.

** Генри Хью Вильсон (1864—1922) — британский фельдмаршал (1919) ирландского происхождения, главный офицер связи между британскими и французскими силами (1914—дек. 1915), командующий Восточным военным округом Великобритании (сент. 1917—февр. 1918), начальник Генерального штаба Великобритании (февр. 1918—1922). В начале 1917 г. возглавлял военную миссию Антанты в Россию. Застрелен членами Ирландской республиканской армии. В 1919 г. получил титул баронета.

ние не осмелится проникнуть вглубь Севера России, где эта болезнь свирепствует.

30 января. Итак, Смэтс говорил в географическом обществе о германских намерениях в Африке. Он, по-видимому, — и вполне разумно, — против возвращения чего бы то ни было немцам, а относительно Германской Восточной Африки он говорит: „Преждевременное и неблагоразумное возвращение Германской Восточной Африки ее бывшим владельцам могло бы иметь последствия, выходящие далеко за пределы африканского континента. Быть может, мне разрешат выразить горячую надежду, что страна, в которой столь много наших героев потеряли свою жизнь, никогда не станет угрозой будущему мирному развитию мира“. Браво, Смэтс!

Еще одно излияние Альбера Тома. Он призывает державы Антанты к объединенному выступлению по вопросу об условиях мира. Всякая попытка прийти к соглашению относительно такой декларации повела бы к затруднениям, спорам и разногласиям. От нас, как от единственной европейской державы, занимающей вражеские территории, наши союзники стали бы ожидать, что мы будем платить за разбитые горшки, вернув Германии и Турции занимаемые нами территории, чтобы заставить Германию хотя бы частично принять условия Антанты. Будем продолжать борьбу, и пусть голод, мор, недовольство и забастовки совершают свою медленную, но верную работу, которая сломит заносчивость немцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Февраль 1918 г.

1 февраля. Здесь находится Марк Сайкс; он служит в Министерстве иностранных дел в отделе Палестины, Хиджаза, Сирии и т. д. Основываясь на своем опыте, полученном во время пребывания в Петербурге, он утверждает категорически, что в России будет террор, подобный французскому террору 1793 г., и что британское посольство может оказаться в числе его жертв.

4 февраля. Мильнер нанес мне сегодня продолжительный визит. Он надеется, что Клемансо удержится до конца войны. Он был очень откровенен. Россию он считает бесполезной, разве что удастся воспрепятствовать такому крупному безобразию, как сепаратный мир, и отвлечь часть германских сил. Большевизм — это заразная болезнь, которая, как можно надеяться, распространится на Германию и Австрию. Но Антанте придется установить карантин старого образца, чтобы уберечься от заразы.

5 февраля. Жюль Камбон читал мне вчера письмо из Лондона, в котором говорится о возникновении идеи частной встречи с Черниным* в Швейцарии, но эту идею задушили в самом зародыше.

---

* Оттокар Чернин (1872—1932) — граф, посол Австро-Венгрии в Румынии (1913—нояб. 1916), министр иностранных дел Австро-Венгрии (дек. 1916—апр. 1918). Был вынужден уйти в отставку, после того как достоянием гласности стали его переговоры с президентом Франции Раймоном Пуанкаре о сепаратном выходе из войны. В 1920—1923 гг. — член Национального совета (нижней палаты парламента) Австрии.

6 февраля. Вчера вечером я встретился на обеде с послом Маклаковым и его сестрой*, дамой сорока лет, очень умной и имевшей ярко выраженные славянские черты. Маклаков озабочен тем, что мы вступили в контакт с большевиками, которые, по его мнению, не могут оставаться долго у власти. Он подробно указывал Мильнеру на неуместность и вредные последствия такого рода контактов. Это Лейбористская партия в Англии заставляет правительство делать такие странные вещи.

Здесь создалось, по-видимому, впечатление, что положение Ллойд Джорджа поколеблено[78]. Сейчас не время для перемен. Будем надеяться и молиться о том, что Гендерсон и К° не заведут Лейбористскую партию на ложный путь.

8 февраля. Мистер Гарбен, богатый социалист, работающий здесь в отделе визирования паспортов, был на митинге в Ноттингеме. Он говорит, что парламентская фракция Лейбористской партии не отражает настроения рабочих и что три с половиной или четыре миллиона рабочих являются сторонниками немедленного заключения мира на каких угодно условиях.

11 февраля. Вчера вечером я обедал у Станислава де Кастеллана**. Я сидел рядом с княгиней Радзивилл***, которая только что приехала из Петербурга. По ее описанию, там происходят празднества, танцы, увеселения и расстрелы. Она присутствовала на улице при встрече двух полков. Один из них был большевистским, а другой монархистским, и один пел Интернационал, а другой царский гимн. Она хочет немедленного мира. Владения Радзивиллов находятся в части Польши, оккупированной немцами.

---

*Мария Алексеевна Маклакова (1879—1957) — сестра В.А.Маклакова, его многолетний друг и соратник. Жила с братом и вела его хозяйство. После Октябрьской революции жила в эмиграции, где активно занималась общественной деятельностью.

** Станислав де Кастеллан (1875—1959) — французский политический деятель, член Палаты депутатов французского парламента (1902—1906, 1919—1936), сенатор (1938—1944), брат Бони де Кастеллана.

*** Княгиня Радзивилл (1892—1960) — урожденная Дороти Паркер-Дикан, супруга польского князя Антония Альбрехта Радзивилла. В разводе с 1921 г.

13 февраля. Среди рабочих Клайда[*] есть много русских; имеется меньшинство из пацифистов и нелояльных элементов, зато в Дербишире шахтеры твердо стоят за победный мир, и общий дух в стране здоровый.

16 февраля. Наконец-то здесь введены серьезные ограничения роскоши в области питания и прочих предметов первой необходимости; они должны вступить в силу с 1 марта. Мне кажется, что уменьшение в Англии нормы мяса до одного фунта в неделю рассчитано более, чем что-либо, на создание недовольства среди рабочего класса и на помощь пацифистской пропаганде.

Сегодня к завтраку приходила английская чета. Он настроен пацифистски, рассуждая, примерно, следующим образом: „Мы уже достаточно воевали. Все устали от войны. Мы никогда не сокрушим немцев военной силой. Status quo ante bellum[**] был бы лучшим решением при настоящих условиях, и он означал бы фактическое поражение Германии, так как она начала войну с намерением завоевать господство над миром, и статус-кво означал бы для нее поражение, так как она потеряла миллионы людей и денег и ничего не выиграла. Она была бы слишком бедна в финансовом отношении, чтобы начать войну снова. Что касается населения наших колоний, которое не согласно на возвращение германских колоний, то солдаты из колоний достаточно сражались, а Ллойд Джордж и другие находящиеся у власти лица неоднократно заявляли, что мы не ищем территориальных приобретений“. Однако, что бы сказали правительства и народы наших доминионов на предложение вернуть германские колонии? На это мой гость не мог найти ответа.

19 февраля. Несколько слов о парламентской фракции Лейбористской партии. По мнению моего вчерашнего гостя, которое он высказывал как мнение партии, из трех возмож-

---

[*] Клайд — третья по длине река в Шотландии, на берегах которой расположен город Глазго. В XIX — начале XX в. являлась важной торговой и транспортной артерией Великобритании, в годы Первой мировой войны на ее берегах располагался ряд военно-промышленных предприятий.

[**] status quo ante bellum (лат.) — положение, существовавшее до войны.

ностей, а именно, во-первых, решительная военная победа, во-вторых, продолжение войны в течение неопределенного времени, в-третьих, заключение всеобщего мира, приемлемого для всех народов, — Лейбористская партия считает первую невозможной, вторую — несчастьем, которое приведет к разорению всех воюющих стран, третью — приемлемой, в соответствии с заявлением президента Вильсона. Возвращение Германии ее колоний необходимо обставить гарантиями надлежащего обращения с туземцами и запретом привлекать их к военной службе. Равным образом, Германия не должна иметь исключительные права на сырье. Лейбористская партия против дальнейших увеличений колониальных владений Великобритании. Она будет настаивать на заключении мира, который не будет ни британским, ни французским, ни немецким миром. Он должен быть миром для всего мира и соглашением между всеми народами, включая Германию. Ошибкой было не допустить Стокгольмскую конференцию. Она помогла бы Керенскому удержаться у власти. Цель международной конференции — выведать у германских социалистов их взгляды на войну и на желательные условия мира. Что касается Эльзас-Лотарингии, то Великобритания вступала в войну не для того, чтобы получить эти провинции для Франции. Не может быть вообще речи об аннексии этих провинций, так как аннексий не должно быть вовсе, но использование ископаемых богатств в этих провинциях должно быть доступным для всех государств. Судьбу этих провинций следует решать на мирной конференции. Быть может, удастся согласиться на раздел. Отношение Лейбористской партии к генералу Робертсону и Высшему военному совету в Версале будет зависеть от объяснений премьер-министра. Если они окажутся неудовлетворительными, то партия будет голосовать против него. Если правительство Ллойд Джорджа падет, то откроются следующие возможности: в качестве экстренной меры — министерство Лансдауна, или коалиционный кабинет Асквита, или лейбористское правительство. Если война будет продолжаться, то лучше всего было бы Ллойд Джорджу остаться, пока она будет доведена до конца. Ни кабинет Лансдауна, ни коалиционное министерство Асквита не имеют шансов продержаться в те-

чение длительного времени. Лейбористская партия не желает стать у власти в настоящий момент. Лейбористское правительство имело бы действительный успех только после всеобщих выборов, на которых партия увеличила бы количество мест в парламенте.

21 февраля. Мюррей Элибанк пришел сегодня к завтраку. У него обедали Макдональд и Жозеф Рейнак, пришедший для встречи с ним. Рамсей Макдональд сказал Мюррею, что он желал бы остаться в Париже на несколько дней, но что Томас, ожидающий приглашения в Букингемский дворец для формирования кабинета, настаивает на возвращении всех членов Лейбористской партии в Лондон. Рамсей Макдональд убежден, по словам Мюррея, в том, что британское и французское правительства согласятся на участие британских и французских делегатов на международной конференции в Швейцарии для встречи с неприятельскими социалистами и что такая встреча облегчит мир. Но на каких условиях?

В Сент-Этьене была обнаружена германская шпионская организация, располагавшаяся в винной лавке, принадлежащей одному немцу и его жене. Организация эта ставила себе целью организацию стачек в критические моменты войны.

22 февраля. Неужели наступление немцев в глубь России и их аннексионистская программа и требование контрибуции не окажут влияния на французских и британских социалистов, собравшихся в Лондоне, и на их абсурдные идеалы[79]?

25 февраля. Посетивший меня вчера генерал Роулинсон[*] обнаруживает мягкотелость в вопросе о германских колониях. Он считает, что мы должны бы вернуть Германии Дар-эс-Салам. Он расположен как раз напротив Занзибара и превратился бы в гнездо пиратов, грабящих нашу торговлю на пути к Дальнему Востоку. Он считает, что, если мы не решимся продолжать войну до полного поражения Германии, мы

---

[*] Генри Сеймур Роулинсон (1864—1925) — британский генерал, в годы Первой мировой войны занимал различные командные должности в составе британских экспедиционных сил во Франции, руководил эвакуацией войск Антанты из Архангельска и Мурманска в рамках интервенции в Россию (1919). В 1920—1925 гг. — главнокомандующий британскими войсками в Индии. В 1919 г. получил титул барона.

должны идти на уступки. Если народы примут программу Лондонской социалистической конференции, то война должна будет длиться еще два года или больше, ибо откуда мы иначе получим независимую Польшу с выходом к морю и другие вещи, упоминаемые конференцией, которые Германия едва ли уступит, если не будет разбита? Социалисты поддерживают требования итальянских ирредентистов*, но вместе с тем заявляют, что не должно быть расчленения Австро-Венгрии, не должно быть аннексии Лифляндии, Курляндии и Литвы. Они требуют также самоопределения для Армении, Месопотамии и Аравии или управления их комиссией, назначенной Лигой Наций. Как все это невежественно и абсурдно! Каким образом можно обеспечить самоопределение, и каким образом провести на практике предлагаемый способ управления?

26 февраля. Поговаривают о серьезных трениях между американскими и французскими генералами; Першинг** и Петен не могут договориться, и ведутся интриги, направленные на то, чтобы убрать Першинга. Американцы не выносят французской бюрократической волокиты и переходят к выполнению своих намерений, подчас не дожидаясь санкций французов. Это вызывает трения. Американцы мало считаются с частными интересами и чувствами французов. Американцы хотели бы занять на фронте место рядом с нами. В интересах наших будущих отношений я лично предпочел бы, чтобы они оставались с французами.

Я опасаюсь, что здешние социалисты ничему не научились на примере России. Они по-прежнему хотят вести переговоры с неприятелем. Речь Гертлинга* не изменила их по-

---

* Ирредентисты — итальянские националисты, сторонники воссоединения с Италией всех территорий, где проживают итальянцы (в первую очередь, за счет Австро-Венгрии).

** Джон Джозеф Першинг (1860—1948) — американский генерал, обладатель высшего военного звания в вооруженных силах США (генерал армий, 1919), военный атташе США в Японии (1905—1908), главнокомандующий американскими экспедиционными силами во Франции (май 1917—1918), начальник Генерального штаба армии США (1921—1924).

* Георг фон Гертлинг (1843—1919) — канцлер Германии (нояб. 1917—сент. 1918), заключил Брестский мир с Советской Россией.

зиции, хотя он и заявляет, что Эльзас-Лотарингия не представляет никакой международной проблемы.

Вчера я обедал в „Ритце" в качестве гостя сэра Чарльза Эллиса** и сидел между ним и Уинстоном Черчиллем. Взгляды Уинстона своеобразны. Он вдруг заявил, что война не должна продолжаться ни на один день больше, чем потребуется для освобождения Бельгии и для получения Францией не непременно всего Эльзаса и Лотарингии, но такой части их, которая лишит Францию возможности думать и говорить, что ее покинула Англия и оправдывать свои поиски новых друзей. Что касается германских колоний, то Южная Африка могла бы путем соглашения заполучить Германскую Юго-Западную Африку в обмен на какую-нибудь другую германскую колонию, захваченную нами. Германскую Восточную Африку следует вернуть Германии. Довод, что Восточную Африку можно использовать в качестве базы подводных лодок, угрожающей нашему пути в Индию, не выдерживает критики, так как подводные лодки могут обходиться и без таких баз. Германии необходимы угольные станции и колонии, и нельзя ожидать, чтобы ее можно было запереть в пределах Европы. Я спросил, можно ли ожидать, что Япония вернет Цзяочжоу. На это он не ответил, и я оставил вопрос о колониях. Несколько позже, после обеда, Уинстон заявил, что речь Гертлинга не открывает никаких перспектив мира и что нам придется продолжать борьбу еще два или три года, что анархия распространится, повидимому, из России на другие страны, но позже всего на Англию, где настроение народа лучше, чем оно было два года тому назад. Если правительство Клемансо падет, то он хотел бы видеть у власти Альбера Тома, так как он будет за продолжение войны. Ему нравится Пенлеве. Он считает, что война ведется из-за европейских вопросов и не из-за какихлибо иных и что после войны Европа останется вооруженным лагерем.

** Чарльз Эллис (1852—1937) — глава службы артиллерийско-технического снабжения в Министерстве военного снабжения Великобритании.

27 февраля. Вчера Уинстон очень сильно противоречил самому себе. Он говорил, что нынешняя война — европейская война и что результаты ее должны быть европейскими. Я высказал предположение, что, по его мысли, решение войны находится в Европе. На это он ответил утвердительно, но прибавил, что вне Европы ничего и не происходит. Вслед за тем он сказал, что, поскольку Германия вывела из войны Россию, мы, в свою очередь, должны вывести из войны Турцию. Обратный вывод из этого заключается в том, что если Германия откажется от захваченных ею частей России, то мы отдадим Палестину и Месопотамию и предоставим арабам самим свести свои счеты с Турцией. Я спросил у Уинстона, каково его мнение о японской интервенции. Он ответил, что в случае интервенции Россия объявила бы Японии войну. Чем такая декларация Ленина, Троцкого и К° была бы хуже, чем нынешнее положение? Если Япония будет сидеть смирно, то большевики, с идущими по их пятам немцами, обоснуются во Владивостоке. Лучше было бы, чтобы там и в Маньчжурии были японцы, чем большевики и немцы.

Говоря о перспективах войны, Уинстон заявил, что мы быстро завоевываем превосходство над немцами в воздухе, что мы сможем, как он ожидает, преодолеть трудности подводной войны и тогда будем в состоянии вести переговоры с Германией, если она проявит благоразумие.

Он говорит, что производство военного снаряжения никогда не шло так хорошо, как сейчас. Он не упоминал об Ирландии.

Что сказало бы население наших колоний, если бы Уинстон опубликовал свои взгляды?

28 февраля. Французские газеты раздувают японскую интервенцию во Владивостоке и Маньчжурии. Если Япония пойдет туда, то для того, чтобы обосноваться там в более или менее замаскированном виде. Со стороны Америки было бы глупостью возражать против этой интервенции.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Март—апрель 1918 г.

4 марта. О Россия, что за поражение! Территориальные аппетиты Германии растут. Карс, Батум и т. д. должны быть возвращены Турции! Япония, спеши! Мне кажется, что за все время войны у нас не было таких черных дней, как эти, за исключением тех, когда немцы были вблизи Парижа в начале сентября 1914 г. По сведениям Ли, Клемансо настроен пессимистически. Я видел его сегодня утром. Он не производит такого впечатления. Каждую неделю происходят новые аресты по подозрению в шпионаже.

5 марта. Мирные предложения, адресованные Румынии со стороны Германии и Австрии[80], и расчленение России, а также полное уничтожение Польши должны открыть глаза социалистам и заставить их понять, что международная социалистическая конференция при участии представителей всех воюющих и нейтральных стран не заставит германских социалистов противиться территориальным аппетитам Германии и не приблизит мир, разве что мир этот будет написан под диктовку Германии. Я надеюсь, что продвижение японцев действительно начинает приобретать очертания.

6 марта. Скверная забастовка имела место на одном из оборонных заводов вблизи Парижа. Мне кажется, что она окончилась. Забастовка в Сент-Этьене была подавлена очень решительными мерами. Были пущены в ход конный полк и 3 тыс. жандармов, и большое количество забастовщиков было убито и ранено. Закончилась история отправкой молодых забастовщиков на фронт и повышением заработной платы старшей категории рабочих.

7 марта. Дж. Бьюкенен был вчера здесь у меня. Он говорит, что многие молодые консерваторы намерены вступить в коалицию с Лейбористской партией, и он думает, что эта партия окажется наиболее сильной численно в ближайшей Палате общин. Он спросил, не пораженец ли Лушер*? Зачем ему быть им? Его компаньон делает снаряды. Он спросил также, делает ли пацифизм успехи во Франции.

Когда Альбер Тома заявил Клемансо, что если тот не последует его совету в каком-то вопросе, то будет всеобщая забастовка, тот заметил: „Во всяком случае вы в ней не примете участия". „Почему же?" — спросил Тома. „Потому что я расстрелял бы вас намного раньше начала забастовки", — ответил Клемансо.

Бедная Румыния! Требования немцев относительно свободного доступа к Одессе означают также свободу их продвижения из этого порта в Трапезунд, Батум и Персию совместно с Турцией, идущей из Ардагана и Карса. Слишком долго колебались, прежде чем дали Японии свободу действий в Сибири.

9 марта. В Лондоне опасаются, что продвижение японцев в глубь Сибири вызовет у русских враждебное чувство к Антанте. В России сейчас господствует большевистское и враждебное Антанте настроение. Поддержка японцев может ободрить противников большевиков в России в их сопротивлении. Как бы то ни было, если японцам удастся воспрепятствовать вывозу припасов из Сибири немцами, то мы останемся в выигрыше.

В письме, полученном из Лондона, говорится: „Внутреннее положение является неудовлетворительным. Наблюдается значительное усиление пацифизма, стимулируемое недостатком мяса. Низшие классы столько зарабатывали, что могли хорошо питаться. Теперь они недовольны тем, что имеют только фунт мяса в неделю после того, как ели два фунта в день в среднем. Действительно, похоже на то, что

---

* Луи Лушер (1872—1931) — министр военного снабжения Франции (сент. 1917—нояб. 1918), министр восстановления промышленности (нояб. 1919—1920) Франции. На Парижской мирной конференции являлся главным советником премьер-министра Ж. Клемансо по экономическим вопросам.

некоторые из наших так называемых государственных мужей провоцируют революцию. Говорят, что Ллойд Джорж предложил свои услуги консерваторам".

Вчера Клемансо имел большой успех в палате депутатов.

12 марта. Так называемый русский посол Маклаков хочет и не хочет японской интервенции в Сибири.

14 марта. Представитель меньшинства социалистов Мистраль[*] пишет в „Юманите", что доводы, выдвигаемые Японией в пользу интервенции, являются предлогом для захвата части России, брошенной на произвол судьбы Антантой, и что из вражды к русской революции Антанта не окажет противодействия Японии, интервенция которой толкнет Россию в объятия Германии.

15 марта. Здесь существует опасение, что наши забастовки и позиция Лейбористской партии и пацифистов могут толкнуть нас на заключение преждевременного мира.

16 марта. Неклюдов[**], бывший в последнее время русским послом в Мадриде, а до того посланником в Софии и еще раньше советником русского посольства в Париже, просил меня принять его и пришел сегодня днем. Он говорил пространно и напыщенно, оплакивал слабость императора Николая и его подчиненность жене, следствием чего явились кризисы, которые привели в конце концов к революции. Он критиковал потакание революционерам со стороны Антанты и укорял нас за связи с большевиками. Наиболее уязвимой державой является сейчас Англия, так как Германия нацелена из Одессы на Батум, Кавказ, Персию и Индию. Необходимо хорошо помнить, что Россия не просила о японской интервенции. На выступление Японию толкнула Антанта, и если Япония не придет к соглашению с лояльными элементами в России, то ее интервенция принесет только вражду и

---

[*] Поль Мистраль (1872—1932) — французский социалист, изначально поддержал участие Франции в Первой мировой войне, однако позднее присоединился к немногочисленному пацифистскому крылу социалистов. В 1919—1932 гг. — мэр Гренобля.

[**] Анатолий Васильевич Неклюдов (1856—1934) — посол России в Болгарии (1911—1913), Швеции (1914—1917) и Испании (апр.—авг. 1917). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

окончится неудачей. Франция и Англия, по-видимому, действуют, не советуясь с русскими, хорошо знающими Россию, и т. д. Я заметил, что когда горит дом, то владелец его обычно благодарен соседу, который помогает ему тушить огонь, нравится ли сосед ему или нет. Несомненно, Япония, в случае интервенции, будет рада помощи и содействию тех русских частей, которые захотят воспрепятствовать продвижению большевиков и немцев на восток. Но где эти офицеры? Пусть они предложат свои услуги японцам. Неклюдов, по-видимому, считает, что он и еще двое-трое русских, составивших в Париже совещательную комиссию, могут претендовать на то, чтобы с ними советовались.

Я спросил его, не думает ли он, что немцы построят трон для монарха, и захотят ли отделившиеся Финляндия, Прибалтика, Польша и Украина вновь стать частью Российской империи. Он не думает, что такую страну, как Россия, имеющую за собой пятивековую историю, было бы возможно расчленить надолго. Германии выгодно в настоящий момент поддерживать состояние хаоса в тех областях России, которые она еще не отторгла. Она не тянется к Дальнему Востоку. Она хочет проникнуть на Кавказ, в Персию, в Центральную Азию, в Индию. Я посоветовал Неклюдову изложить свои взгляды и советы в виде меморандума, который я смог бы отправить в Лондон. Маклакова, который является адвокатом и кадетом, Неклюдов считает интересным, но лишенным практических идей.

21 марта. Поль Камбон не верит в возможность мощного наступления немцев на западе, он считает, что ближайшими объектами Германии являются сейчас Кавказ, Персия, Афганистан, Индия, а также Месопотамия и Малая Азия, Алеппо и Палестина. В Туре, Перигё и других местах происходили забастовки железнодорожных рабочих (не машинистов), но в настоящий момент они закончились.

22 марта. Боюсь, что боши устроили нам новый Камбре.

23 марта. По уверениям немцев, они захватили во время наступления против нас 200 орудий и 16 тыс. пленных. По имеющимся здесь сведениям, мы держимся, но потери

наши были велики. Против нас было выставлено 97 германских дивизий, по 15 тыс. каждая.

25 марта. Положение на фронте критично. Если мы не задержим немцев на Сомме, то они скоро окажутся в Амьене. Я очень угнетен.

26 марта. Положение в высшей степени серьезно, но французские подкрепления спешат на помощь. Быть может, нынешний военный кризис принудит к тому, что так долго было предметом дискуссий и споров, а именно — к единому командованию. Сегодня началась межсоюзническая конференция в Дуллане*.

27 марта. Положение на фронте несколько улучшилось, и здесь не заметно внешних признаков угнетенного состояния. Вчера я начинал думать, что мы вновь можем оказаться в Бордо. Жюль Камбон сегодня полон надежд.

28 марта. Мне передают, что во вторник, во время Дулланской конференции, в помещении мэрии происходило совещание Мильнера, Хейга, Вильсона и Плюмера**, в результате которого Мильнер, при полном согласии Хейга, от имени правительства предоставил британские войска в распоряжение Фоша. После нескольких минут размышления Фош согласился. Клемансо заметил, что англичане вели себя превосходно и с большим достоинством.

Ходят слухи, что если немцы приблизятся к Парижу настолько, чтобы успешно обстреливать его, то Министер-

---

* Дулланская конференция — конференция представителей правительств и высших военачальников Великобритании и Франции, состоявшаяся 26 марта 1918 г. в г. Дуллан на северо-востоке Франции. В ходе конференции было принято решение назначить Фердинанда Фоша Верховным главнокомандующим войсками Антанты (официальное назначение состоялось 3 апреля).

** Герберт Плюмер (1857—1932) — британский фельдмаршал (1919), командующий Северным военным округом Великобритании (1911—1914), главнокомандующий британскими экспедиционными силами в Италии (февр. 1917—февр. 1918), главнокомандующий британской оккупационной армией на Рейне (дек. 1918—1919), губернатор Мальты (1920—1924), верховный комиссар Великобритании в Палестине (1925—1928). В 1915 г. войска под его командованием впервые в истории подверглись газовой атаке в районе Ипра (Бельгия). В 1919 г. получил титул барона, в 1929 г. — виконта.

ство иностранных дел, Военное и Морское министерства будут переведены в Тур, а дипломатический корпус и прочие министерства в Бордо. В 1870 г. правительство и дипломатический корпус переехали в Тур, а затем в Бордо.

31 марта. Я видел Клемансо. Он уверен в успехе, но сегодняшний день имеет критическое значение. Мы, несомненно, убили огромное количество немцев, но наша 5-я армия была фактически уничтожена. Будем надеяться, что Фош в качестве Верховного главнокомандующего над англо-франко-американскими войсками сможет остановить германское наступление и спасти Амьен.

4 апреля. Подсчитано, что с начала германского наступления 500 тыс. человек выехало из Парижа. Это хорошо, так как сейчас нет места для панической публики.

Адмирал Холл* посетил меня сегодня, остановившись здесь на пути из Италии. Он считает, что война может окончиться в этом году, и притом с успехом на море. Он не видит возможности возвратить Германии что-либо из захваченных у нее колоний, но нам придется дать ей свободу действий в России, поскольку она может там удержаться в течение некоторого времени. Однако у нее будет немало хлопот с Лениным и Троцким.

5 апреля. Французы были потрясены нашим несчастьем, но признают, что оно вызвано непреодолимой силой натиска. Высказываются предположения, что британские войска, помимо плохого руководства, не имели также доверия к Гофу**. Я думаю, что теперь, когда Фош стал фактически Верховным главнокомандующим, Версаль потеряет свое значе-

---

* Уильям Реджинальд Холл (1870—1943) — британский адмирал, глава разведывательной службы британского военно-морского флота (1914—1919). Известен по операции „Комната № 40“, по перехвату и дешифровке депеши Циммермана, что способствовало вступлению США в Первую мировую войну. Член Палаты общин британского парламента (1919—1923, 1925—1929), представитель Консервативной партии.

** Хьюберт Гоф (1870—1963) — британский генерал, в годы Первой мировой войны занимал различные командные должности в составе британских экспедиционных сил во Франции. В 1919 г. возглавил межсоюзническую военную комиссию, направленную в Прибалтику для контроля за эвакуацией германских войск.

ние. О нем Клемансо говорит: „je m'en fous“*. Версаль привел к Фошу. Мы несколько отступили около Амьена, и Клемансо недоволен этим, так как Хейг клялся, что удержит позиции. Со стороны американцев было близорукостью, что они не вступили в войну раньше, а со стороны президента Вильсона было более чем глупо, что он не содействовал японской интервенции. Какую часть русских удастся ему привлечь своей позицией по отношению к так называемому „русскому народу“? Такой вещи вообще не существует, перед нами не что иное, как конгломерат различных рас, разбившийся на куски. Весь вопрос только в том, будут ли противники большевиков рады японскому предводительству, которое поддержит Антанта и которое будет сопровождаться заверениями в отсутствии аннексионистских намерений. Испробовать это стоит, но „скорость является существенным условием контракта“, как говорят юристы.

Общественность и наиболее обеспеченные представители буржуазии покидают Париж. Множество магазинов закрылось, и повсюду господствует тревожное настроение; однако военные круги, по-видимому, уверены в том, что боши не дойдут до Парижа. Если происходящее сейчас сражение не закончится в нашу пользу, то мы будем дальше от заключения мира, чем когда-либо, а между тем я не предвижу нашего успеха. Если нам удастся задержать немцев у Амьена, Кале и Парижа и убить значительное их количество, то мы выиграем время, в течение которого американцы смогут присоединиться и все наши подкрепления будут переброшены во Францию.

11 апреля. Увы, нас гонят, по-видимому, понемножку к линии Кале. Армантьер пал. Когда мы окажемся в силах противостоять германскому натиску? Большое орудие возобновило сегодня обстрел Парижа**: в промежуток времени от 3 ч

---

* je m'en fous (фр.) — мне на него наплевать.

** „Парижская пушка“, иначе „Труба Кайзера Вильгельма“, иначе „Колоссаль“ — 210-мм орудие с дальностью стрельбы до 120 км, поступившее на вооружение германской армии в марте 1918 г. и применявшееся для обстрела Парижа в марте—августе 1918 г. Имело в первую очередь психологический эффект. Иногда ошибочно утверждается, что для об-

45 мин до 4 ч 45 мин было выпущено три снаряда, через 20 мин каждый, и четвертый был выпущен в 6 ч 30 мин, причем этот последний выстрел казался самым близким.

12 апреля. Клоц[*] говорит, что нам предстоит пережить три-четыре очень тревожных месяца, но что после этого мы одержим верх.

13 апреля. Вчера мы пережили обстрел. Вскоре после десяти часов произошел налет аэропланов. Оказалось несколько убитых, и на Рю де Риволи был подожжен дом.

Клемансо неудовлетворен положением на фронтах.

14 апреля. В 8 часов вечера прозвучала продолжительная серия выстрелов, и я думал, что это означает конец налета, но в 11 ч 45 мин раздался еще один выстрел, за которым последовало еще два.

Итак, наконец, у нас есть главнокомандующий союзническими армиями во Франции. Наше несчастье в значительной мере было вызвано ложным самолюбием, из-за которого мы отказывались передать командование над нашей армией представителю той страны, в которой война свирепствует свыше трех лет, и отказывались от французской помощи, когда она была необходима.

17 апреля. Сегодня утром я получил личную телеграмму от Бальфура, выдержанную в очень благородных выражениях и сообщающую, что моя миссия закончена и что на мое место в качестве специального посла назначен Дерби. Я поблагодарил Бальфура и сказал, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь новому послу.

стрела Парижа весной—летом 1918 г. использовалась 420-мм мортира „Большая Берта“

[*] Луи Люсьен Клоц (1868—1930) — французский журналист и политический деятель, министр финансов Франции (нояб. 1910—март 1911, июнь 1911—март 1913, сент. 1917—янв. 1920).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Август 1918—июль 1919 г.

Лондон, 27 августа. Для того, чтобы обезопасить Францию от внезапной агрессии прусского милитаризма в будущем, Западно-Рейнская область вместе с Эльзас-Лотарингией должна стать буфером между Пруссией и Францией. Если мы на самом деле одержим победу, то весь пацифистский и социалистический вздор рассеется, как дым, особенно теперь, когда Америка распознала „подлинную природу“ не только германских правителей и военных, германской аристократии, германской профессуры, культурной публики и торгово-финансовых кругов, но также и большинства германского народа, в частности, и в особенности населения северной Германии и Баварии.

30 августа. Я получил письмо из Парижа, в котором говорится: „Сообщения с фронта настолько благоприятны, что чувствуешь себя как бы во сне, и вы не можете себе представить, какое влияние имеет это не только на рынок, но и на ход дел вообще“. Первоначальные мирные условия Вильсона почти совершенно стерлись. Прежде чем будет заключен мир, раздастся громко „Die Watch am Rhein“* в переводе по-французски, как символ французских стремлений.

Не так давно Жоффр говорил мне, что если бы немцы запросили перемирие, то одним из условий была бы оккупа-

---

* Die Watch am Rhein (нем.) — „Стража на Рейне“; немецкая патриотическая песня на стихи Макса Шнекенбургера (1840), положенная на музыку с началом Франко-прусской войны (1870). Повторно обрела популярность в годы Первой мировой войны.

ция союзниками Рейнской области вплоть до левого берега реки.

8 сентября. Если союзники будут продолжать свое победное шествие, то сохранение статус-кво с присоединением Эльзас-Лотарингии перестанет удовлетворять общественное мнение во Франции. Народ потребует мести, компенсации и безопасности Франции в будущем, а этих целей можно достигнуть прежде всего за счет уничтожения германской военной машины и военного духа, оккупации территории Германии, восстановления Бельгии, насколько только возможно, присоединения к ней Люксембурга, отторжения от Германии территорий на западном берегу Рейна. Что касается Италии, то вместе с победой будут расти ее аппетиты по части австрийской территории. Общественное мнение стран Антанты будет требовать создания польского государства с выходом к морю и независимого от Германии, Австрии и России. Финляндию следует научить не оглядываться на Германию. Население наших колоний не отдаст немцам то, что мы отвоевали, и ради нашей колониальной империи и ради нас самих мы должны позволить им поступить так, что бы ни говорили и ни думали Уинстон Черчилль, Р. Сесил и другие.

13 сентября. Некоторые устремления Франции и Италии не совпадают с устремлениями Англии, но Англия и ее правительство все же должны поддержать их, чтобы заручиться поддержкой французского и итальянского правительств во время мирных переговоров. Я всегда говорил Асквиту, Грею, Ллойд Джорджу, говорил также Уинстону Черчиллю, когда тот советовал соглашение между Южной Африкой и Германией за счет возвращения Германии по крайней мере части Восточной Африки, что наши доминионы не допустят такого соглашения и что ни Новая Зеландия, ни Австралия, ни Япония не согласятся отдать Германии то, что у нее отняли в Тихом океане.

6 октября. Боши вскоре начнут просить мира. Я надеюсь, что наши министры будут тверды и останутся глухи до тех пор, пока с немцами не будет совершенно покончено. В Германии так же, как и в Австрии, будут беспорядки, а турки не смогут удержаться, если мы хорошо используем Бол-

гарию, заняв ее Черноморское побережье и прогнав турецко-германо-русский флот при помощи подводных лодок и аэропланов. Я оставил бы их во владении Константинополем в качестве вольного порта, передав разоруженные проливы в управление европейской комиссии наподобие режима Суэцкого канала.

21 октября. Мне не нравится ответ президента Вильсона на германскую ноту о перемирии и мире[81]. Он заходит слишком далеко в поддержке гуннов, питая их уверенность, что мы и французы способны пойти на половинчатый мир. Год тому назад Дерби жаловался, что мы не заключаем мир с противником на так называемых „разумных условиях“.

27 октября. „Обсервер“[*] присоединяется к шуму и крику относительно всеобщих выборов в ближайшем будущем. Условия перемирия, выдвигаемые в газете, недостаточно строги, и в них не требуется возмещение Германией военных расходов. В ней говорится только о возмещении за разрушенное и сожженное, а также о передаче лишь части германского флота и всех подводных лодок. Что касается будущего, то „Обсервер“, по-видимому, верит, что нрав германского леопарда может измениться. Газета называет Брюссель или Женеву как место для мирного конгресса. Таким местом должен быть Версаль, где в 1871 г. был провозглашен германский император и где ныне Германскую империю необходимо расчленить. Германский народ оправдывал германского императора и германские жестокости, и так он будет поступать и в дальнейшем, если ему не выбьют все зубы и не обрежут все когти. Как бы то ни было, „Обсервер“ — это не британский избиратель и не британский народ. Мы еще посмотрим.

2 ноября. Итак, Асквит цепляется за старый лозунг о свободной торговле в истолковании его Вильсоном применительно к отношениям между государствами. Свободная торговля в том виде, как мы ее применяли до войны, умерла окончательно. Военщина и юнкеры гуннов сознают, что если они хотят жить, то должны продолжать войну хотя бы для

[*] „Обсервер“ (The Observer) — старейшая в мире воскресная газета, выходящая в Лондоне с 1791 г.

вида. Если они могут собраться с силами и удержать новую оборонительную линию в течение зимы, притом на территории Антанты, то они вновь предложат соглашение между равными. Но что произойдет тем временем внутри Германии? События идут теперь быстро, и восстания на территории прежней Австрийской империи могут распространяться на Германию. Если это произойдет, то короны, если не головы, начнут падать одна за другой. Если Фошу удастся вовлечь немцев в еще одно крупное сражение и выиграть его, то германский народ, мне кажется, возопит о мире.

4 ноября. Верный способ предупредить гонку вооружений после войны, о котором говорит Нортклиф, это лишить Германию денежных средств для перевооружения, заставив ее платить за военные издержки, так же как за разрушения, за поджоги и жестокости, и используя германский труд для добычи угля из германских копей в пользу Франции и Бельгии до тех пор, пока угольные копи в этих странах опять не приведут в порядок. В Германии имеются государственные железные дороги, государственные леса, промышленные предприятия и угольные копи, которые можно использовать как залог при взимании подлинных контрибуций, местных, индивидуальных и национальных, за совершенное немцами зло. Сущий вздор воображать, что Антанта сможет в будущем пожать благодарность за то, о чем твердят как о „справедливых условиях“ и „умеренности“. Предложение Нортклифа о передаче германским судам случаев, расследованных международными трибуналами и с первого же взгляда доказывающих зверство, жестокости и злодеяния, абсурдно. В девяти случаях из десяти германские суды выносили бы оправдательные приговоры и находили бы смягчающие обстоятельства, а наказания их были бы номинальными.

Итак, Австрия на самом деле вышла из игры. И я думаю, что союзники Антанты должны пройти в Германию через развалины бывшей империи. В Баварии поднимается тревога.

6 ноября. Ничто не может быть лучше, чем условия перемирия с австрийскими армиями, а теперь главное — это не дать австрийским немцам, которые населяют территорию от Вены до Южного Тироля, войти в состав Германии.

7 ноября. Мне не нравится то, что приняли Четырнадцать пунктов президента Вильсона с оговорками исключительно в вопросе о свободе морей, а также ограничение германской контрибуции требованиями возмещений только пострадавшему гражданскому населению. Это ограничение исключает оплату Германией военных расходов Антанты.

Характерным для германского образа мыслей (согласно которому все другие народы лишены способности рассуждать) является предложение, чтобы, в интересах гуманности, прибытие германской делегации на союзнический фронт сопровождалось предварительным прекращением военных действий, дабы гунны могли продолжать без затруднений свой отход. Ближайшие несколько дней будут очень тревожными для людей, которые, подобно мне, настаивают на том, чтобы полностью обескровить немцев. Нам придется продолжать войну с Баварией, если она удержит Тироль под предлогом самообороны.

8 ноября. Действительно, похоже на то, что боши приняли условия перемирия. Тем хуже, мне кажется, так как я предпочел бы продолжение борьбы на некоторое время и захват германской территории, вместо оккупации согласно условиям перемирия. Германские делегаты на совещании о перемирии, несомненно, будут пытаться ставить вопрос о мирных условиях. Президент Вильсон должен был бы не ограничиваться одними протестами против мер, предусматриваемых германскими властями, направленных против предписания, данного углепромышленным компаниям в Бельгии и требующего вывода всех людей и животных из копей, передачи немцам всего сырья, принадлежащего компаниям, и немедленного разрушения копей. О том, что произошло между парламентерами, искавшими перемирия, и Фошем, мы узнаем не раньше, чем в понедельник вечером.

10 ноября. Я получил достоверные сведения, что условия перемирия очень суровы и предусматривают оккупацию союзниками не только территорий до левого берега Рейна, но также полосы в сорок миль на правом берегу реки, в которую входят Вестфальские угольные копи и Дюссельдорф. Из того же источника я узнаю, что в числе условий мира бу-

дут следующие: Германия теряет Гельголанд; Кильский канал, являющийся подлинной морской военной дорогой, разрушается. Немедленно по выполнении условий перемирия должна состояться конференция держав Антанты в Версале.

20 ноября. Итак, морские офицеры бошей проливали слезы при передаче подводных лодок. Это крокодиловы слезы! Почему они не плакали, когда топили торговые суда, сознательно не оставляя в живых ни одного живого существа, чтобы таким образом замести следы разрушения? Где были их слезы, когда они стреляли по беззащитным экипажам на спасательных лодках, покинувшим свои тонущие корабли? Они ликовали тогда, и при всем том в нашей стране есть люди, которые призывают к мягкости по отношению к бедным немцам, действовавшим по приказу германского правительства.

26 ноября. Мне кажется, что державам Антанты следовало бы сделать серьезное представление нидерландскому правительству с указанием, что предоставление убежища императору (все равно, отрекся он или нет) будет иметь серьезное влияние на дружественные отношения с Антантой, и потребовать от нидерландского правительства изгнания императора, его свиты и его сына, как нежелательных элементов.

2 декабря. Визит, который нанес мне Клемансо и продолжался около получаса, произвел на меня прекрасное впечатление. Коротко говоря, наши взгляды во всем сходятся. Он высмеивает тех, кто представляет вопрос о суде над императором гуннов, как подлежащий обсуждению и решению международной комиссии ученых юристов. Он является преступником, которому голландцы дали убежище, и Антанта должна требовать его выдачи или изгнания. Клемансо высказывается за требование военных репараций. Он не верит в неспособность Германии платить. Большевизм не укоренится ни во Франции, ни в Англии. Он говорит, что Англия должна получить Гельголанд. Он думает, что Вильсон найдет правильную линию, когда появится на конференции и представит свои „четырнадцать заповедей“. Он за то, чтобы мы настаивали на нашем толковании наших прав на море во время войны: он указал американцам, что если бы не бри-

танская блокада Германии, то Антанта не смогла бы выиграть, и если бы не давление британского флота, то американские войска не смогли бы прибыть в Европу для участия в войне.

5 декабря. Находясь на борту „Джорджа Вашингтона“*, президент Вильсон заявил одному представителю американской печати, что едет в Европу для борьбы за свои Четырнадцать пунктов и что за столом мирных переговоров он будет настаивать на свободе морей и всеобщем разоружении, и что ни одно государство не должно иметь превосходства на море! Рузвельт** дал хороший ответ на Четырнадцать пунктов, сказав, что Америка не оказала столь крупных услуг, как ведущие державы Антанты, что британский флот и французские, британские и итальянские армии внесли основной вклад в победу над Германией, и тем самым в сохранение безопасности Соединенных Штатов; что Британская империя нуждается в самом большом флоте, на что Соединенные Штаты должны немедленно дать свое согласие; что германская трактовка свободы морей в корне неправильна и что этой фразе не следует давать такого толкования, которое помешало бы британскому флоту повторить те огромные услуги, которые он оказал во время войны; что англичане должны удержать в своих руках завоеванные ими колонии; что Америка должна настаивать на доктрине Монро и сохранить свое право закрывать Панамский канал перед неприятелем во время войны и что она не должна вмешиваться в европейские, азиатские или африканские дела.

---

* „Джордж Вашингтон“ (George Washington) — американский океанский лайнер, спущен на воду в 1908 г. как собственность германской судоходной компании „Северогерманский Ллойд“, интернирован в США в 1914 г., реквизирован американским флотом в 1917 г. и переоборудован в транспортное судно. В 1918—1919 гг. использовался для доставки членов американской делегации на Парижскую мирную конференцию.

** Теодор Рузвельт (1858—1919) — президент США (1901—1909), представитель Республиканской партии. В 1912 г. вновь баллотировался на пост президента (от Прогрессивной партии), но проиграл Вудро Вильсону. В годы Первой мировой войны резко критиковал внешнюю политику Вильсона за непоследовательность и нерешительность, отстаивал необходимость более активного участия США в войне.

6 декабря. Вчера меня посетил Поль Камбон. Относительно заявления Уинстона Черчилля, что эксперты Адмиралтейства не советуют нам занимать Гельголанд и что вследствие этого вопрос не был включен в условия перемирия, Камбон вполне справедливо заметил, что немцы, повидимому, не считали этот остров бесполезным для себя в военно-морском отношении, так как истратили миллионы франков на его укрепление, и владение им дало возможность воспрепятствовать нападению наших кораблей на материк.

Камбон рассказал мне о деятельности Клемансо в качестве мэра Монмартра накануне Парижской коммуны и во время правления коммунаров в 1871 г.* Клемансо не имел отношения к расстрелу генерала Тома** и другого генерала***, которые прогуливались по Монмартру в штатской одежде во время попытки версальских войск завладеть крупными орудиями, увезенными коммунарами из укрепленного кольца вокруг Парижа на Монмартр, по их словам, с целью воспрепятствовать захвату этих орудий пруссаками. В то время, когда генерал Тома командовал частью войск, сражавшихся против немцев, он выдвинул на передовую позицию монмартрские батальоны, как худший материал, с тем чтобы иметь надежные войска в резерве. Батальоны коммунаров дрогнули, и по окончании сражения генерал Тома отдал приказ по этим войскам, носивший очень оскорбительный характер. Его узнали, несмотря на штатскую одежду, захватили вместе с другим генералом, предали суду и приговорили к расстрелу. Когда мэру Клемансо сказали о предстоящем, он поторопился вмешаться, но оказалось слишком поздно — оба генерала были убиты. Клемансо был в то вре-

---

* Жорж Клемансо занимал пост мэра Монмартра (18-го муниципального округа Парижа) в период с начала сентября 1870 г. до конца марта 1871 г.

** Жак Леонар Клеман Тома (1809—1871) — французский политический деятель, депутат Учредительного собрания (1848—1849), командующий парижской Национальной гвардией (1848—1849, 1870—1871). В период Второй империи (1851—1870) находился в эмиграции. Расстрелян восставшими в первые дни Парижской коммуны.

*** Клод-Мартин Леконт (1817—1871) — французский генерал, участник Франко-прусской войны. Расстрелял восставших в первые дни Парижской коммуны.

мя депутатом и мэром, и он тотчас же сложил с себя звание мэра. Правая часть Палаты депутатов и ее пресса настаивали на том, что Клемансо был причастен к убийству. Версальские войска, посланные для захвата орудий, действовали по всем правилам военного искусства. Командиры их составляли диспозиции атаки, но тем временем монмартрская чернь, состоявшая преимущественно из женщин, проникла в среду солдат и путем лести и заигрывания привела к братанию с ними. Это дало войскам коммунаров время окружить версальцев. Произошло небольшое сражение, и пушки не были захвачены. С этого момента коммунары стали проливать кровь. Они брали заложников, и, не получив от Тьера* согласия на выдачу им некоторых коммунаров, в том числе Бланки**, находившихся в руках версальского правительства, они расстреляли архиепископа Парижского*** и других заложников, а затем стали жечь Тюильри и другие общественные здания. Коммунары обстреливали версальские войска как раз из тех самых крупных пушек на Монмартре. Тьер не мог смириться с тем, что в руках коммунаров оставались средства, чтобы терроризировать Париж, и приказал отнять у них пушки. Ему следовало бы дождаться того времени, когда достаточное количество французских военнопленных вернулось из Германии. После прибытия этих пленных Париж был взят с ходу и Коммуна была подавлена. Некоторые говорили, что Тьеру и правительству вместе с парламентом надлежало оставаться в Париже, а не удаляться в Версаль. Если бы они остались в Париже, то они оказались

---

* Луи Адольф Тьер (1797—1877) — министр внутренних дел (1832, 1834—1836), премьер-министр и министр иностранных дел (1836, 1840), президент (1871—1873) Франции.

** Луи Огюст Бланки (1805—1881) — французский революционер, активный участник революций 1830 и 1848 гг., один из лидеров Парижской коммуны. Придерживался заговорщической тактики революционной борьбы.

*** Жорж Дарбуа (1813—1871) — архиепископ Парижа (1863—1871). В ходе Франко-прусской войны 1870—1871 гг. активно занимался помощью раненым и нуждающимся в Париже, отказался покинуть осажденный прусскими войсками город, арестован и расстрелян в числе других заложников участниками Парижской коммуны.

бы во власти Коммуны, так как надежные французские части находились на фронте или в плену.

7 декабря. „Таймс", иначе говоря, лорд Нортклиф, с полным основанием выступает против Ллойд Джорджа в вопросе о Германии и военных издержках. Он возражает против добавления слов „в пределах ее платежеспособности" к заявлению, что „Германия должна оплатить военные издержки", сделанному им в речи, произнесенной 29 ноября в Ньюкасле. Далее, он возражает против заявлений Ллойд Джорджа: „Мы образовали комиссию, обладающую значительными полномочиями, для обсуждения вопроса о платежеспособности Германской империи". Германию нужно заставить работать на союзников до тех пор, пока она вместе с соучастниками ее преступлений не оплатит все издержки войны. Французы принимают меры против отчуждения Германией своего достояния. В сообщении французской прессы утверждается, что комиссия в Спа выработала условия выполнения финансовой части договора о перемирии, а именно: Германия не имеет права отчуждать, переуступать или закладывать железные дороги, рудники, леса и какие бы то ни было промышленные, торговые и колониальные предприятия, а также распоряжаться иностранными ценными бумагами и своим золотым запасом.

Общественность с возрастающей настойчивостью требует, чтобы бошей заставили платить военные издержки. Вокруг этого вопроса будет идти борьба на предвыборных собраниях. Вопрос о суде над императором не подвергается уже больше обсуждению, необходимость суда признана всеми, и голландскому правительству придется уступить после демонстративного сопротивления и обсуждения вопроса с точки зрения международного права, что является по существу потерей времени.

8 декабря. Гарвин* в „Обсервер" говорит о восстановлении России под покровительством Америки! Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные народы православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных

---

* Джеймс Луис Гарвин (1868—1947) — влиятельный британский журналист и редактор. Главный редактор газеты „Обсервер" (1908—1942).

государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами.

12 декабря. Если бы президент Вильсон потребовал своего участия в мирной конференции, то он, несомненно, ожидал бы быть на ней председателем, а этого Клемансо не мог и не хотел бы уступить даже королю.

14 декабря. „Таймс“ отмечает визит президента Вильсона, приветствуя его как президента Соединенных Штатов, а не автора Четырнадцати пунктов. Касаясь инсинуации, что наши цели на Востоке эгоистичны, газета отмечает, что они не более эгоистичны, чем доктрина Монро. Мы хотим действовать в нашей части мира так же, как Америка действует в своем полушарии. Говорят, будто наш „маринизм“ так же плох, как германский милитаризм, но разве так думает хоть кто-нибудь в американской армии?

2 января 1919 г. Пишон говорил в Палате депутатов об исторических правах Франции в Сирии, Ливане и Палестине и сказал, что Великобритания, несомненно, с честью выполнит свои обязательства по отношению к Франции. Я предупредил Ллойд Джорджа, что сколько бы ни были абсурдны требования Франции, — а именно неверующее правительство, опирающееся на влияние французских римско-католических школ и священников, которое требует вследствие этого прав, — тем не менее ни одно французское правительство не осмелится поступать иначе, так как уверенность в этих правах живет во всех священниках и католиках Франции, а также среди политических деятелей, которые сами не являются католиками, но чутки к общественному настроению.

4 января. В своей речи, обращенной к итальянскому парламенту, президент Вильсон возвращается к своему старому идеалу дружбы всех народов в качестве исходного пункта, а не в качестве маловероятной возможности в будущем в результате версальских мирных условий. Я продолжаю думать, что мы должны пойти в Берлин, и я надеюсь, что сами события могут толкнуть нас туда. Я уверен, что мы

смогли бы найти достаточно добровольцев в армии и в стране для такого увеселительного похода.

13 января. Как могло правительство сделать такой неловкий шаг, как предложение допустить представителя террористического Советского правительства в Париж для изложения советской точки зрения перед делегатами мирной конференции! Роберт Сесил временно заведовал Министерством иностранных дел, когда предложение это было сделано Франции, Италии, Японии и Америке.

18 января. Фош блистателен! Если державы Антанты будут проводить в жизнь его взгляды, то все будет хорошо. Французы считают, что германская граница находится слишком близко (с точки зрения безопасности Франции) к Парижу и по соглашению 1815 г., и по договорам 1870 и 1871 гг. Франция хотела бы отбросить Германию с левого берега Рейна к самой голландской границе. Говорили, что если Франция захочет больше, чем Эльзас-Лотарингию, то мы ради этого не стали бы продолжать войну. Они не подумали об обратной стороне медали: о том, что Франция сделала для спасения Англии и своего собственного спасения. Политики обычно очень невежественны и очень близоруки.

20 января. Я думаю, что Клемансо с успехом даст отпор попыткам пригласить в Париж советского делегата для изложения точки зрения большевиков, хотя президент Вильсон, повидимому, скорее сочувствует предложению Ллойд Джорджа. Последний не имел бы такого триумфа на парламентских выборах, если бы общественность знала его намерения касательно большевиков на Парижской конференции. Я не одобряю предложений Смэтса о том, чтобы немцам предоставили сырье, дабы они могли продолжать свое производство. Я бы взял их крепко в руки и заставил работать для Антанты и под наблюдением Антанты. Не нравится мне также идея допустить Германию и Россию к переговорам, как только они проявят раскаяние. Германию следовало бы поставить вне закона. Я надеюсь, что предложение отдать под протекторат Соединенных Штатов Константинополь, Палестину и арабов от Красного моря до Персидского залива не будет принято. Только благодаря нашей защите Персидского залива, по соглашению с шейхами, этот залив может использоваться для мировой торговли.

Мы охраняли его почти сто лет. У нас есть также договоры с арабскими шейхами от Адена до Южной Аравии, согласно которым они отвергают представительство какого бы то ни было другого народа, кроме англичан, и обязуются не уступать никакой части своей территории какой-либо иной стране. Что намерены делать мудрецы на Парижской конференции? Неужели они нам предложат отказаться от наших прав, освященных договорами, соглашениями и подписанными конвенциями? Как абсурден и возмутителен заносчивый тон германского правительства, говорящего о своих требованиях и намерениях, и указания на невозможность осуществить поставки, которые они обязались осуществить по договору о перемирии! Нам придется „идти на Берлин".

23 января. Парижская конференция обратилась ко всем борющимся в России группам (включая и советское правительство) с предложением заключить перемирие и отправить своих делегатов на Принцевы острова* для встречи и переговоров с делегатами держав Антанты и правительства Соединенных Штатов.

Мне кажется, что Клемансо счел целесообразным сделать уступку неопытности президента Вильсона и упорству Ллойд Джорджа в ожидании, что если советское правительство и примет приглашение, то оно не станет соблюдать условий этого приглашения. Это может оказаться очень опасным и дорогостоящим способом показать господам Вильсону и Ллойд Джорджу, что они были, по меньшей мере, очень глупы. То, что называется Россией, я считаю мертвым. Азиатские ханства отпадут, так же поступят те части китайского народа, которые были в той или иной форме аннексированы бывшей Российской империей.

27 января. Сегодняшние газеты сообщают о дебатах в американском Сенате, во время которых сенаторы демократы, г-да Кинг из Юты** и Майерс из Монтаны***, а также

---

* Принцевы острова — группа из девяти островов в Мраморном море недалеко от Стамбула.

** Уильям Генри Кинг (1863—1949) — американский сенатор от штата Юта (1917—1941), представитель Демократической партии.

*** Генри Ли Майерс (1862—1943) — американский сенатор от штата Монтана (1911—1923), представитель Демократической партии.

республиканец Шерман[*] критиковали президента Вильсона за его попытки убедить французских представителей отказаться от своего враждебного отношения к переговорам с большевиками. Единственная моя надежда заключается в том, что американскую общественность не удастся путем лести заставить поддерживать взгляды Вильсона. Предложение о переговорах на Принцевых островах обещает окончиться фиаско, так как ни одна русская партия не пожелает отправиться туда для встречи с большевиками. С другой стороны, условия, на которых советское правительство, по имеющимся известиям, согласно принять приглашение, таковы, что конференция должна их отвергнуть, если у нее есть хоть какой-либо здравый рассудок.

30 января. Навязчивая идея Вильсона — это Лига Наций, построенная по его плану. Он делает эту идею привлекательной для неразмышляющих американцев, лишая Японию возможности создания морских и военных баз на Тихом океане, что, в случае если его предложение будет принято, станет, конечно, преимуществом для Соединенных Штатов. Согласиться с его предложениями в той части, которая касается южных морей и Тихого океана, означало бы отдалить Австралазию от Англии. Уступать предложениям Вильсона относительно Камеруна и Того — значит задевать Францию и наносить ущерб ее интересам, как и интересам Великобритании. С какой стати нам радоваться получению мандата от какой-то неопределенной Лиги Наций, которая к тому же еще не создана? Что касается Германской Восточной Африки, то согласие с предложениями Вильсона стало бы непростительной слабостью. Система мандатов[**], подобно системе совместного владения, наверняка приведет к тре-

---

[*] Лоренс Йетс Шерман (1858—1939) — американский сенатор от штата Иллинойс (1913—1921), представитель Республиканской партии.

[**] Мандатная система Лиги Наций — система управления бывшими колониальными и зависимыми владениями Центральных держав (Германии и Османской империи), установленная на Парижской мирной конференции. Все подмандатные территории были разделены на три класса в зависимости от уровня развития (A, B и C) и переданы под управление странам Антанты. Наибольшее число подмандатных территорий получили Великобритания и Франция.

ниям и к краху. Совместное владычество Англии и Франции в Египте может служить тому примером. Соглашение с Францией о Новых Гебридах является постоянной причиной споров. Напомню также трения из-за Самоа. Я нигде не встречал предложения, чтобы Филиппины находились под суверенитетом Лиги Наций! Адмирал Майо* и мистер Лансинг** пропагандируют идею огромного американского военного флота и столь же огромного торгового флота, чтобы захватить мировую торговлю. По мнению президента Вильсона, державы Антанты в своей торговой политике не должны делать различий между отдельными государствами и выделять Германию и ее союзников. Каждое государство должно быть свободно в установлении ввозных пошлин! Это положило бы конец торговым договорам между независимыми государствами в том, что дело касается тарифных вопросов. Мы не смогли бы допускать к себе французские изделия по пониженным тарифным ставкам, по сравнению с германскими, а Франция не могла бы заключить с нами соглашение о том, чтобы допускать к себе наши изделия на условиях, более благоприятных по сравнению с изделиями других стран. Какую опасность это представило бы для подлинного всеобщего мира!

Забастовки принимают здесь очень серьезный характер. Говорят, что правительство уверено в том, что в течение двух недель сможет взять ситуацию под контроль. Глазго заполнен революционерами-иностранцами и большевистскими идеями.

5 февраля. Солсбери посетил меня сегодня. Он говорит, что популярность американцев во Франции уменьшилась, ибо они явились, чтобы помочь французам, а не англичанам, а теперь они предпочитают англичан французам. Я заметил, что президент Вильсон вступил в войну ради спасения Америки. „Лузитания“ не заставила его вступить в войну, хотя очень широкие круги американцев стыдились, что их страна не объявляет войны после преступления с „Лузитанией“.

---

* Генри Томас Майо (1856—1937) — американский адмирал, командующий Атлантическим флотом США (1916—1919).

** Роберт Лансинг (1864—1928) — государственный секретарь США (июнь 1915—февр. 1920), представитель Демократической партии.

Мысль президента сводилась к тому, что если Франция и Англия потерпят поражение и будут разбиты, то затем настанет очередь Америки, и тогда не окажется ни французских, ни британских армии и флота, чтобы прийти на помощь Америке, порты которой подвергнутся обстрелу, острова будут захвачены, а прибрежные города разрушены после поражения американского флота.

11 февраля. Клемансо блестяще поддерживает наши взгляды, отвергающие требование ограничить наш флот, и он это делает несмотря на то, что наши делегаты не оказали ему столь лояльной поддержки, какая была бы желательна. Я с радостью вижу, что он настаивает на мерах, обеспечивающих безопасность Франции, требуя лишить Германию средств внезапного нападения на Францию. В этом вопросе французы, по-видимому, единодушны.

15 февраля. Я прочел „Устав Лиги Мира“. По-видимому, он подвергся значительному разжижению с тех пор, как Вильсон выступил со своим планом. В нем нет особых упоминаний о германских колониях, за исключением Юго-Западной Африки и „некоторых островов южной части Тихого океана“. Механизм вмешательства в случаях острых разногласий между государствами, грозящих нарушением мира, представляется мне очень громоздким. Можно себе представить, какая грызня начнется, когда на обсуждение поставят вопросы о территориальных изменениях, необходимых для охраны Франции от внезапных нападений немцев. В добавление к Эльзас-Лотарингии, возвращаемой Франции, совершенно необходимы буферные государства между Францией и Германией.

18 февраля. Фош был блистателен! Обсуждая его доклад о невыполнении немцами условий перемирия, корреспонденты „Таймс“ говорят: „Нужно признать целесообразным — и, несомненно, это было бы полезно с точки зрения окончательного мира — ограничение территории, на которой Германия будет иметь возможность концентрировать свою армию. Такого рода мероприятие представляло бы неисчислимую ценность для французов, если бы оно не только сейчас, но и в мирное время удерживало германские войска в известном отдалении от Рейна. Французы получили бы тем

самым одну из тех гарантий безопасности, которые они считают существенно необходимыми для успеха Лиги Наций". Из этого следует, что на левом берегу Рейна не должно быть германских войск, а следовательно, и германской администрации. Дальнейший вывод из этого сводится к тому, что на левом берегу Рейна, между этой рекой и Францией — в границах 1869 г. — будет буферное государство.

19 февраля. Меня ужасает покушение на жизнь Клемансо*. В самом деле, что бы произошло на конференции, если бы он умер! Нет никого, кто смог бы его заменить.

20 февраля. Я так опасаюсь за Клемансо, которому приходится видеть так много людей и так переживать из-за невозможности присутствовать на конференции и заниматься другими делами. По-видимому, Вильсона ждет в Америке далеко не единодушная встреча.

21 февраля. Клемансо — это чудо! Надо надеяться, что после того, как полиция обнаружила в Париже и других частях Франции большевистскую деятельность, будут депортированы все русские, которые не смогут представить доказательства своего хорошего поведения. Но почему нужно было ждать покушения на французского премьер-министра?

22 февраля. Идеи Вильсона переживают тяжелые дни в американском Сенате. Американские делегаты в Париже, действующие согласно его инструкциям, возражают против англо-французских требований, чтобы Германия оплачивала военные издержки и платила репарации. Я надеюсь, что мы воспротивимся такому диктату.

23 февраля. Вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на территориальных условиях мира и на охране безопасности Франции и других государств, конференция болтает о Лиге Наций и, таким образом, теряет драгоценное время, результатом чего может явиться необходимость спешно и с бесконечными ошибками решать действительно важные вопросы.

---

* Неудачная попытка покушения на жизнь Жоржа Клемансо была предпринята 19 февраля 1919 г. Анархист Эмиль Коттен (1896—1936) трижды выстрелил в Клемансо, который даже не был серьезно ранен. Террорист был приговорен к смертной казни, которую, по настоянию Клемансо, заменили на десятилетнее тюремное заключение.

26 февраля. Итак, укрепления Гельголанда подлежат уничтожению, Кильский канал лишается укреплений и будет открыт для всех судов. С Константинополем, Дарданеллами и Босфором происходит то же самое. Какое счастье! Но кто возьмет на себя охрану этих двух проливов и островов в Мраморном море, а также входов в Дарданеллы, которые британское правительство обещало России? Я оставил бы султана в Константинополе, чтобы удовлетворить тех, кто продолжает смотреть на него как на главу в отношении веры, но я поставил бы его под опеку.

1 марта. Сегодня днем меня посетил Лансдаун. Он считает, что Ллойд Джордж вел правильную политику последнее время, хотя, конечно, он не разделяет его аграрной политики. Что касается президента Вильсона, то, как передают, в Соединенных Штатах наблюдается скрытое недовольство им. Он не опроверг сообщения о том, что он выставит свою кандидатуру в третий раз, что явилось бы еще одним отклонением от принципов Вашингтона[82].

4 марта. В своей речи в Палате общин Уинстон Черчилль сказал, что в час победы нужно постоянно помнить два правила. Первое: не требовать под влиянием успеха больше, чем позволяют справедливость и благоразумие. Второе: не распускать свою армию до того момента, как будут получены приемлемые условия. Второе правило было встречено рукоплесканиями, но мне понятно, что Палата общин встретила молчанием провозглашение первого правила, которое Уинстон назвал основой политики британского правительства, а Ллойд Джордж в своей вчерашней речи с таким же эффектом говорил о благоразумии в области территориальных изменений. Я надеюсь, что мы выжмем немцев до последнего гроша и заставим их работать на нас так же, как они заставили бы нас в случае своей победы. В печати появился протест арабов и христиан против превращения Палестины в еврейское государство.

Наконец-то идеалисты на конференции начинают понимать реальную ситуацию и целесообразность отложить вопрос о Лиге Наций до того момента, когда будут определены условия мира. Вильсон возвращается проученным из Америки, которая приняла участие в войне исключительно ради

защиты справедливости! По прибытии в Америку он заявил, что за исключением немногих сенаторов-республиканцев в вопросе о Лиге Наций его поддерживает вся Америка, а между тем вопрос о Лиге был отложен с согласия его помощника, полковника Хауса, с тем чтобы дать конференции возможность обратиться к выработке условий мира.

20 марта. Ограничение численности германских войск, вооружения и т. д. — все это превосходно, но кто будет наблюдать и контролировать действия немцев в этой области? Военные атташе не могли бы иметь веса, и им бы никто не подчинялся.

22 марта. Сегодня опубликован адресованный британскому правительству протест Ага-хана[*], эмира Али[**] и других мусульман против расчленения Турецкой империи и создания мандатных территорий в Малой Азии и вывода этих автономных государств из-под духовного суверенитета султана. В частности, они протестуют против превращения Палестины в еврейское государство. Я оставил бы султана в Константинополе под опекой и дал бы туркам хороший порт, например, Смирну, в качестве выхода к морю.

Согласно вчерашним сообщениям из Парижа, в результате совещания между Ллойд Джорджем и Алленби[***] было решено вернуться к американскому предложению о создании межсоюзнической комиссии для изучения на местах не только сирийского и палестинского вопросов, но также во-

---

[*] Султан Мухаммад-шах, Ага-хан III (1877—1957) — мусульманский религиозный и индийский политический деятель, духовный лидер (имам) мусульманской общины исмаилитов, один из основателей и первый президент индийской Мусульманской лиги (1906—1913), председатель Ассамблеи Лиги Наций (1937—1938).

[**] Али ибн Хусейн аль-Хашими (1879—1935) — старший сын Хусейна ибн Али аль-Хашими, король Хиджаза (1924—1925), представитель династии Хашимитов. В 1925 г. Хиджаз был захвачен Абдул-Азизом ибн Саудом, правителем (эмиром) соседнего княжества Неджд, в 1932 г. включен в состав Саудовской Аравии.

[***] Эдмунд Алленби (1861—1936) — британский фельдмаршал (1919), главнокомандующий британскими экспедиционными силами в Египте (июнь 1917—1918), глава британской администрации в Палестине (дек. 1917—июнь 1918), верховный комиссар Великобритании в Египте (1919—1925). В 1919 г. получил титул виконта.

проса о всей азиатской Турции. Таким образом, обсуждение мандатов на азиатскую Турцию будет отложено на несколько месяцев. Сильным пунктом в протесте Ага-хана является указание на плохие последствия умаления власти турецкого султана для Афганистана, Индии и Средней Азии. Для Сирии, Аравии и Палестины это не имело бы большого значения.

25 марта. Большим камнем преткновения на пути к миру является то обстоятельство, что делегаты думают о своих национальных интересах, а многие среди них о своих партийных и личных интересах больше, чем о необходимости хорошего мира. Нужно молиться о том, чтобы положение в Венгрии заставило мистера Вильсона понять факты и необходимость немедленного мира независимо от его Лиги Наций[83].

Грэм* пишет, что конференция, по-видимому, увязла в грязи и что все то, что я говорил некоторое время тому назад об используемых ею методах, оказалось верным. Он усматривает опасность в объединении русских большевиков с германскими спартаковцами** и с анархистами Центральной Европы, особенно Венгрии.

26 марта. Ввиду того, что взгляды Ллойд Джорджа по польскому вопросу не встречают сочувствия у экспертов и французской общественности и печати, он грозит перенести конференцию в нейтральную страну, что является с его стороны смешной претензией, так как у него нет власти сделать это. Чтобы Польша могла жить, она должна иметь доступ к Данцигу, — притом в виде широкой территории, а не в виде права прохода или узкого коридора, — и нельзя допустить,

---

* Джордж Диксон Грэм (1873—1940) — первый секретарь посольства Великобритании во Франции (1906—1916), советник посольства Великобритании в Италии (1916—1917), полномочный посланник Великобритании во Франции (1918—1920), посол Великобритании в Бельгии (1920—1928) и Испании (1928—1935).

** Союз Спартака — марксистская революционная организация в Германии, основанная в 1914 г. (первоначальное название — „группа Интернационал“), ставшая основой для формирования Коммунистической партии Германии (дек. 1918—янв. 1919). Лидеры — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин.

чтобы она ориентировалась на Россию, Германию или Пруссию как на своего рода покровительствующую державу. Она должна быть настоящим буферным государством в союзе с другими государствами, которые будут созданы из областей, отторгнутых от России, Австрии и Германии.

27 марта. Франклин-Бульон* недолюбливает Клемансо, но его замечания относительно Сирии и Палестины, границ Франции и Польши выражают французские чувства, и если Ллойд Джордж не изменит своей позиции, не откажется от своей линии, требующей для Польши только права прохода к Данцигу, и от мягкости по отношению к Германии за счет Франции, то дружеские и благодарные чувства по отношению к Англии сменятся горечью, неблагодарностью и враждебностью.

28 марта. Как недовольны французы работой конференции и каким фиаско является устав Лиги Наций в его настоящей редакции! Маловероятно, чтобы Америка в Европе согласилась безусловно поддерживать силой решения Лиги и сражаться за них; к тому же вооруженное вмешательство Америки с достаточными силами, чтобы поддержать Францию против Германии, произошло бы слишком поздно, чтобы иметь реальный смысл.

Ллойд Джордж очень упорен в вопросе о польском коридоре к Данцигу. В Центральной и Восточной Европе народы, религии и языки настолько переплетены, что с ними не следует считаться при определении границ, которые должны дать возможность Польше легко обороняться против таких потенциальных завоевателей, как Германия, с одной стороны, и Россия, с другой. Польша должна иметь надежный доступ к Данцигу, дабы Лига Наций, если она будет существовать, или защитники Польши могли достигнуть ее морским путем. Я не верю в возрождение России, даже в пределах, остающихся после территориальных ограничений, предусматриваемых конференцией. Разве может такое

---

* Генри Франклин-Бульон (1870—1937) — французский дипломат и политический деятель, социалист, член Палаты депутатов французского парламента (1910—1919, 1923—1936). В 1921 г. от имени французского правительства подписал соглашение с турецким правительством Мустафы Кемаля, признав, таким образом, его власть.

объединение народов и религий возродиться в виде большого государства при республиканской форме правления? То, что останется от старой России в Европе, должно иметь право прохода к Балтийскому морю, незамерзающий порт на севере, право прохода к Черному морю, если Россия будет политически уничтожена на Черноморском побережье, и, быть может, право прохода через Персию к Персидскому заливу в целях торговли. Сибирь должна сама о себе заботиться и ориентироваться на Тихий океан.

2 апреля. Ллойд Джордж дал интервью в печати, и если верно передают его позицию в отношении контрибуций и возмещения издержек войны, которые требуют от Германии, оно вызовет большое недовольство в нашей стране, а французы воспримут это так, словно их оставили на произвол судьбы.

Пертинакс* в „Пти Паризьен“** предвидит опасность, что британское правительство может вернуться к политике, проводившейся под влиянием лорда Холдена*** в период 1905—1914 гг.[84] „После четырех лет, пережитых нашей страной, она не может терпеть такую неуверенность. Она не может спокойно смотреть, как растет и все выше вздымается волна германского реванша. Всякий пункт, отвоеванный Германией благодаря британской политике, непосредственно превращался бы в прямую угрозу для Франции. Связь между обеими странами невозможно сохранить“. Дух реванша будет существовать в Германии независимо от того, будем ли мы умеренны, как того хочет Ллойд Джордж, или

---

* Андре Жеро (1882—1974) — французский журналист, активно печатавшийся в ведущих французских изданиях под псевдонимом Пертинакс (по имени римского императора, правившего в 193 г. н.э.).

** „Пти Паризьен“ (Le Petit Parisien) — центральная французская ежедневная газета, выходившая с 1876 по 1944 г. в Париже.

*** Ричард Бердон Холден (1856—1928) — военный министр (1905—1912), лорд-канцлер (1912—1915, 1924) Великобритании, председатель Палаты лордов британского парламента (1924). До 1923 г. представитель Либеральной партии, затем официально перешел в Лейбористскую партию. С именем Ричарда Холдена связана серия реформ британских вооруженных сил (известные как „реформы Холдена“, 1906—1912), в ходе которых был создан британский экспедиционный корпус. В 1911 г. получил титул виконта.

требовательны, какими мы должны быть. Мы имеем дело с народом, который нельзя укротить мягкостью, и неужели ради того, чтобы дать возможность немцам смириться с их военным поражением, мы должны отдалять от себя нашу союзницу Францию и создавать в ней дух недовольства нами и возобновлять веру в неизменность приписываемого нам характера „коварного Альбиона“.

7 апреля. Падеревский* удачно резюмировал споры вокруг Данцига, поставив вопрос: что лучше — включить ли в Польшу 2 млн немцев, или отдать 35 млн поляков под иго Германии, оставив Данциг и подступы к нему под суверенитетом Германии и удушая таким образом Польшу.

10 апреля. Профессиональные дипломаты проявили мало дальновидности и наделали много ошибок. Но что сказать о любителях, участвующих в переговорах, как Вильсон, Хаус, Ллойд Джордж, Смэтс и другие, с их так называемыми идеями самоопределения, Лиги Наций, умеренности требований к Германии! Они находятся под влиянием соображений внутренней политики, избирательных расчетов и личного честолюбия. Виданы ли были когда-либо такие бессмыслицы, как идея Локкарта** о контроле над русскими большевиками, как Принцевы острова, или какое-либо другое место для переговоров с этой сволочью, как миссия Смэтса в Будапеште[85], как Данциг и вопрос о том, кому им владеть и каким образом дать полякам выход к морю, как Фиуме, Италия, Югославия; как Италия и Смирна и Адалия; как Палестина и евреи и арабы; как судьба Константинополя и султан в качестве халифа? Настроения во Франции станут скоро очень антибританскими, если Ллойд Джордж вместе с президентом Вильсоном будут продолжать отказывать Франции

---

* Игнацы Ян Падеревский (1860—1941) — польский музыкант, композитор и политический деятель, в годы Первой мировой войны входил в состав Польского национального комитета в Париже, ориентировавшегося на Антанту. Премьер-министр и министр иностранных дел Польши (янв.—нояб. 1919).

** Роберт Гамильтон Брюс Локкарт (1887—1970) — британский журналист, писатель и дипломат, вице-консул, затем — генеральный консул Великобритании в Москве (1912—сент. 1917), глава специальной британской миссии при советском правительстве (янв.—сент. 1918), выслан из Советской России в связи с обвинениями в шпионаже и заговоре.

в территориальных и финансовых гарантиях против враждебных намерений Германии в будущем и откажутся участвовать в оккупации Рейнской области, пока не будут получены гарантии, что Германия выполнит приемлемые условия мира.

В некоторых газетах ведется дискуссия по вопросу о том, кто добился победы и заставил Германию капитулировать, британский ли флот или союзнические армии. И флот, и армии вместе сделали это. Говорили, что Трафальгар решил судьбу Наполеона; по этому поводу Клемансо сказал мне, что Трафальгар подготовил падение Наполеона, но закончило его Ватерлоо. Трафальгар без последовавшего за ним Ватерлоо не достиг бы этого результата.

14 апреля. Несмотря на вновь подтвержденное мнение экспертов, что Данциг должен отойти к Польше вместе с широким польским подступом к нему, конференция пренебрегла этим и добилась решения, согласно которому Данциг является свободным городом, находящимся в таможенном союзе с Польшей.

15 апреля. Дела в Индии и в Египте обещают мало хорошего[86]. Я полагаю, что нам удастся договориться с французами относительно Сирии и Ливана. За последнее время мало говорили о султане, Константинополе и проливах. Италия обижается, встречая противодействие своим претензиям на исключительное господство в Адриатическом море. Если мы получим мандат на Палестину, то сколько хлопот мы будем иметь с евреями.

19 апреля. Движения в Индии, Малой Азии и на Дальнем Востоке доказывают, что следовало оставить султана в Константинополе в качестве халифа, чтобы те мусульмане, которые считают его таковым, не могли протестовать против христианского предложения о передаче контроля над проливами христианской державе.

21 апреля. Если Германия подпишет мир в том виде, какой имеет сейчас проект договора, то это посеет семена ряда новых войн. И все это из-за того, что президент вначале слишком спешил со своей Лигой Наций, а потом настаивал на том, что осталось после ряда изменений и сокращений. Если мы предпримем решительные военные действия на су-

ше и на море против гуннов, то они отступят, подпишут что угодно и станут трактовать предварительный мир как „клочок бумаги“, лишь только явится благоприятная возможность для этого. Поэтому нам следовало бы совместно с французами и бельгийцами занять Рейнскую область и заставить немцев оплачивать издержки по оккупации и оказывать на них финансовое давление не только, чтобы получить репарации, но и для того чтобы они возместили военные расходы. Я думаю, что Италия получит Фиуме, но что вместе с тем этот город станет вольным портом, доступ к которому будут иметь Югославия и другие народы к северу и востоку от него.

6 июня. Ллойд Джордж добивался отмены воинской повинности во Франции. Если бы воинская повинность была уничтожена, то Франция не могла бы собрать армию, достаточно сильную для обороны страны, так как обычный француз совершенно лишен того духа предприимчивости и авантюризма, который имеется у среднего англичанина. Население Франции уменьшается, и всякий француз может найти себе работу, вследствие этого он предпочитает умеренную уверенность авантюре. Мечта обыкновенного француза — это стать государственным чиновником. Упразднение воинской повинности во Франции означало бы упразднение армии, в то время как в Англии оставалась бы добровольческая армия оплачиваемых солдат в добавление к крупному флоту.

22 июня. Наши моряки прозевали потопление почти всего германского флота[87]. Что скажут теперь в защиту немецкой честности те, кто в нее верят? Если, что не является невероятным, потопление было предписано берлинскими властями или последние знали о нем, то союзники должны были бы отказаться от перемирия и начать продвижение в глубь Германии, независимо от того, готово ли германское правительство подписать мир или нет. Потопление корабля — это уголовное преступление, к тому же, когда это преступление совершалось, корабли уже не являлись собственностью гер-

манского правительства. Следовало бы предать суду германского адмирала[*] и его штаб.

23 июня. Мы, англичане, не несем полную ответственность за те условия перемирия, которые дали возможность германскому экипажу находиться вне наблюдения британцев и поступать как ему было угодно с германскими кораблями.

1 июля. Клемансо произнес, по-видимому, блестящую речь в Палате депутатов. В эту войну было два великих военных лидера — Жоффр и Фош, а великим государственным деятелем и настоящим патриотом, без всяких задних мыслей касательно голосов на выборах, является Клемансо.

2 июля. Мирный договор мог быть хуже, но ему следовало бы быть лучше. Он мало регулирует вопросы, не касающиеся Германии. Договоры о взаимопомощи заключены между Америкой и Францией, а также между Англией и Францией. Они имеют в виду помощь Франции против неспровоцированного нападения, однако, если наша помощь будет зависеть от участия в ней Америки, то это портит все дело: Америка может потерять много драгоценного времени, прежде чем станет действовать, к тому же Америка находится далеко, и мы сами подвергнемся опасности, если будем медлить в момент кризиса. Италия обижается и добивается выполнения своих крайних требований.

К числу крупных недостатков следует отнести Данциг, непредоставление Франции обороноспособной границы 1814 г., то, что Бельгия не получила оба берега Шельды, что Австрии и Венгрии не обеспечен выход к Адриатическому морю, что греков натравили на Смирну, а также колебания относительно Константинополя, проливов и султана, вместе с предложением отрезать турок от моря, лишив их порта в Средиземном море. В сущности грек такой же большой разбойник, как и турок.

4 июля. Вчера я первый раз заседал в Палате лордов. Многие из лордов спали во время речи Керзона, некоторые

---

[*] Людвиг фон Рейтер (1869—1943) — германский адмирал, с ноября 1918 г. — командующий германским флотом открытого моря. 21 июня 1919 г. отдал приказ о затоплении флота, интернированного на морской базе Великобритании в Скапа-Флоу.

называли его речь превосходной, я лично сказал бы, что она является весьма ясным заявлением. Принц Уэльский[*] и Стэмфордхем[**] сказали мне, что они слышали речь Ллойд Джорджа в Палате общин. Я читал отчет в „Таймс", это была большая и умелая речь, убедительная и красноречивая. Он, несомненно, оказал стране большие услуги.

17 июля. Я отправился на Альберт Гейт[***] и видел Камбона, которому я передал поздравление по случаю большого успеха церемоний в Париже 14 июля. Я рассматриваю их как выражение радости по поводу прекращения войны на французских границах, но не по поводу перспективы длительного мира. Камбон пригласил меня посмотреть на процессию в честь заключения мира из здания посольства. Говорят, что какой-то остроумный француз сказал: „Мирный договор содержит в себе все зародыши справедливой и длительной войны".

19 июля. Процессия войск представляла собою прекрасное зрелище. Мне никогда не удалось бы добраться до здания французского посольства, если бы не мой специальный пропуск.

Прием, оказанный американским войскам, не отличался таким энтузиазмом, какой выпал на долю бельгийцев, сербов и итальянцев. Фошу была устроена грандиознейшая овация, и он был, по-видимому, бесконечно рад. По степени горячности, с которой толпа встречала отдельных крупных полководцев, я распределил бы их в следующем порядке: на первом месте Фош, на втором — Битти[****], на третьем Хейг.

---

[*] Эдуард VIII (1894—1972) — король Великобритании (янв.—дек. 1936), представитель Виндзорской династии. Сын короля Георга V. Являясь наследником британского престола, носил титул принца Уэльского (1910—янв. 1936). Отрекся от трона по личным мотивам, получил титул герцога Виндзорского (1937—1972). Губернатор Багамских островов (1940—1945).

[**] Артур Джон Бидж (1849—1931) — личный секретарь двух британских монархов: королевы Виктории в 1895—1901гг. и ее внука Георга V в 1901—1931. В 1911 г. получил титул барона Стэмфордхема.

[***] Альберт Гейт (Albert Gate) — улица в Лондоне (рядом с Гайд-парком), на которой с 1853 г. располагалось посольство Франции (дом номер 1).

[****] Дэвид Битти (1871—1936) — британский адмирал, командовал британским флотом в важнейших сражениях Первой мировой войны,

Битти был предоставлен выбор между автомобилем, ландо* и верховыми лошадьми для него и его адмиралов. Он отказался от автомобиля и ландо, что же касается верховых лошадей, то он сказал, что они не подходят для моряков, и хотя он лично умеет ездить верхом, но многие адмиралы чувствовали бы себя неудобно в седле, поэтому он решил идти пешком вместе с остальными адмиралами. Нашим морякам устроили превосходную встречу, равно как кавалерии, пехоте и всем колониальным войскам. Французские войска были встречены грандиозным ликованием, а наши танки, очень умело проезжавшие по улицам, вызвали всеобщий интерес. Японский отряд был хорошо принят. Шерсть всех наших лошадей блестела, как атлас. В общем процессия представляла превосходное зрелище, и я рад, что видел ее.

включая Ютландское сражение, первый морской лорд (начальник Главного морского штаба Великобритании, 1919—1927). В 1919 г. получил титул графа.

* Ландо — карета с откидывающимся верхом, используемая преимущественно в торжественных случаях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Австрийская нота Сербии. 28 июня 1914 г. в Сараево были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена. Убийцей оказался сербский студент Гаврило Принцип, и после четырехнедельного расследования дела австро-венгерское правительство обратилось к сербскому правительству 23 июля с *ультимативной нотой*. Считая, что убийство эрцгерцога было подготовлено в Белграде так называемым „великосербским кругом“, стремившимся к расширению Сербии путем присоединения Боснии, австрийское правительство потребовало от Сербии: 1) принятия и опубликования предписанного ей заявления, в котором бы сербское правительство решительно осуждало всякую великосербскую пропаганду, угрожая виновным в такой пропаганде тягчайшими карами; 2) роспуска националистической сербской организации „Народна Одбрана“; 3) допуска австро-венгерских властей к розыску виновных и замешанных в убийстве на территории Сербии и к участию в подавлении всякой деятельности, направленной против Австро-Венгерской империи и ее территориальной целости. Никаких переговоров по вопросам, поднятым в ноте, австрийское правительство не допускало, требуя ответа „да“ или „нет“ в течение 48 часов [к с. 87].

2. Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией. [Боснийский кризис — *К. М.-Б.*]. С 1878 г. по постановлению Берлинского конгресса Босния и Герцеговина была оккупирована и находилась под управлением Австрии. В октябре 1908 г. Австрия объявляет Боснию и Герцеговину присо-единенными к территории Австро-Венгерской империи и, пользуясь уступчивостью слабого революционного (младотурецкого) правительства Турции, добивается (18 января 1909 г.) признания аннексии Турцией. Протест Сербии остался гласом вопиюще-

го в пустыне, ибо державы Антанты (Англия, Франция и Россия) не пожелали в тот момент идти на прямую конфронтацию с Австро-Венгрией. Начав с формальных протестов против нарушения Австрией постановлений Берлинского конгресса 1878 г., державы кончили тем, что сами предложили Сербии подписать акт отречения, что ею было выполнено 31 марта 1909 г. Престиж России при этом сильно пострадал, так как она оказалась в числе государств, уговаривавших Сербию пойти на капитуляцию [к с. 89].

3. Германский ультиматум России. В ответ на объявление Австрией войны Сербии (28 июля) Россия приступила к частичной мобилизации (в Одесском, Киевском и Московском военных округах). 31 июля в России опубликован приказ о всеобщей мобилизации. Германия объявляет о положении „грозящей военной опасности“ и требует от России отмены в течение 24 часов всех военных приготовлений и уведомления об этом Германии. Ответа на этот ультиматум не последовало, и 1 августа Германия объявила всеобщую мобилизацию и состояние войны с Россией [к с. 91].

4. Жан Жорес, вождь Социалистической партии француз [официальное название — Французская секция Рабочего интернационала — *К.М.-Б.*], был убит 31 июля 1914 г. роялистом Раулем Вилленом, видевшим в нем опаснейшего „врага войны“. Характерно, что убийцу судили только в марте 1919 г., в момент наибольшего „патриотического угара“ (после победы) и... оправдали. Трудно сказать, как бы в дальнейшем Жорес реагировал на возникновение войны. Позиция Жореса по отношению к империалистическим войнам, союзам империалистических государств и к буржуазному пацифизму полна противоречий. С одной стороны, Жорес беспощадно разоблачал империалистические замыслы буржуазии, в том числе и французской. С другой стороны — он же утверждал, что „взглядам пролетариев-социалистов и интернационалистов нисколько не противоречит самое активное участие в народной организации национальной обороны“, что „Тройственное согласие Франции, Англии и России само по себе не означает угрозы миру“. Характерны для Жореса также надежды, которые он возлагал на международный арбитраж [к с. 92].

5. *„Хорошее поведение“ французских социалистов по отношению к войне*, за которое лорд Берти хвалит их не раз на протяжении всего своего дневника, является одной частью общей картины предательства вождей II Интернационала.

В течение ряда лет французская Социалистическая партия проповедовала, что на войну пролетариат должен ответить всеобщей международной стачкой. Но когда в 1914 г. война разразилась, вожди французской Социалистической партии высказались за „оборону отечества“, за классовое сотрудничество, за „гражданский мир“ пролетариата с буржуазией, который вскоре был скреплен вступлением виднейших социалистических лидеров в буржуазное правительство (Самба, Гед, октябрь 1916 г., кабинет Бриана). В этом сошлись оба крыла французского социализма — жоресизм и гедизм (марксистское направление), между которыми, впрочем, и до начала войны различие все более стиралось [к с. 92].

6. *Позиция Англии накануне и в начале войны и разногласия в английском кабинете*. Позиция Англии в начале войны была очень неопределенной. Франция твердо рассчитывала на вмешательство Англии, и именно это обстоятельство придало ей решимость поддерживать Россию в австро-сербском конфликте. С другой стороны, Германия довольно долго рассчитывала, что Англия останется нейтральной. В английском правительстве единственными сторонниками *немедленного* вмешательства в войну были Асквит и Грей, особенно последний. Поэтому он, не имея на то полномочий от правительства, сообщил французскому послу, что, если Германия нападет на Францию, британский флот выступит в ее защиту.

Нарушение Германией бельгийского нейтралитета (см. примеч. 7), создавшее реальную угрозу самой Англии, дало Грею повод объявить Германии войну, и все разногласия в английском правительстве были ликвидированы [к с. 92].

7. *Нарушение нейтралитета Бельгии*. 30 июля 1914 г. Грей обратился к французскому и германскому правительствам с требованием соблюдать бельгийский нейтралитет. Французское правительство обещало, германское же отказалось дать определенный ответ. 2 августа германские войска

оккупировали Люксембург (нейтралитет которого также был гарантирован великими державами). В тот же день бельгийскому правительству была предъявлена германская нота с требованием пропустить германские войска через бельгийскую территорию. Бельгия ответила отказом, и германские войска перешли бельгийскую границу. 3 августа Германии был предъявлен ультиматум с требованием очистить бельгийскую территорию. В ночь с 4 на 5 августа Англия объявила Германии войну [к с. 93].

8. Германия и Дания в XIX в. В тексте речь идет о войнах Пруссии и Австрии с Данией из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн. В обоих герцогствах, находившихся под властью датских королей, имелось значительное немецкое население. В результате серии военных конфликтов (датско-прусская война 1848—1850 гг., война Пруссии и Австрии с Данией 1864 г., австро-прусская война 1866 г.) Шлезвиг и Гольштейн вошли в состав Пруссии [к с. 95].

9. Захват Японией Цзяочжоу. Цзяочжоу — область на берегу Желтого моря, захваченная в 1898 г. Германией у Китая (под видом аренды). В самом начале войны (16 августа 1914 г.) Япония потребовала от Германии передачи этой области и удаления всех германских судов из китайских и японских вод. Не получив никакого ответа, Япония объявила Германии войну и приступила к осаде города и гавани Циндао. Осада длилась до 9 ноября, когда город был занят японцами [к с. 97].

10. Победа русских на австрийском фронте. Имеется в виду русское наступление в Галиции, приведшее 7 сентября 1914 г. к занятию Львова [Галицийская битва — *К. М.-Б.*] [к с. 101].

11. Гомруль и ирландская политика Англии в начале войны. К началу мировой войны ирландское национальное движение уже разделялось на умеренных националистов, возглавляемых Редмондом, готовых удовольствоваться самоуправлением (Home Rule), обещанным английским правительством, и на шинфейнеров (Sinn Fein, древнеирландское слово, означающее „мы сами“), требовавших отделения и полной независимости всей Ирландии, включая северную часть ее — Ольстер. Проживавшие в Ольстере английские

лендлорды и капиталисты не довольствовались парламентской оппозицией консерваторов проектам гомруля, но организовали отряды для вооруженной борьбы с ирландскими националистами. В ответ на это ирландцы также вооружились, и накануне войны Ирландия представляла собой два вооруженных лагеря.

Когда началась война, закон о самоуправлении был подписан королем, но не был введен в действие. Редмонд удовлетворился этой чисто формальной „уступкой“ и стал энергично вербовать Ирландских добровольцев в английскую армию. [Ирландские добровольцы — военизированная националистическая организация, основанная в ноябре 1913 г.; большая часть Ирландских добровольцев последовала за Редмондом, реорганизовавшись в Национальных добровольцев, из числа которых были сформированы 24 батальона британской армии. — *К. М.-Б.*]. Но уже в сентябре 1914 г. политика Редмонда встретила отпор в рядах Ирландских добровольцев. Меньшая часть Ирландских добровольцев организовалась под руководством Эона Макнила, отвергла идею компромисса и, постепенно откалывая от добровольцев Редмонда все бóльшие части, положила начало подготовке к вооруженному восстанию против Англии, разразившемуся в 1916 г. [Пасхальное восстание — *К. М.-Б.*]. О нем см. примеч. 43 и 44 [к с. 106].

12. Лондонская декларация 1909 г. и блокада Германии Англией. Лондонская декларация о праве морской войны 1909 г. явилась результатом работы созванной по инициативе Англии международной конференции. Наиболее существенным пунктом этой декларации является разделение военной контрабанды на безусловную и условную. К первой относятся предметы вооружения, ко второй — продовольствие и прочие предметы гражданского потребления. Таким образом, по смыслу декларации англичане не имели права захватывать предметы продовольствия, если они направлялись в нейтральные порты. Между тем весь смысл блокады заключался для Англии в том, чтобы взять Германию измором, а для этого необходимо было лишить Германию возможности снабжаться через нейтральные страны. Поэтому, согласившись в начале войны соблюдать „в принципе“ Лондон-

скую декларацию, английское правительство тотчас же принялось „разъяснять“ ее отдельными „распоряжениями тайного совета“, так что вскоре от декларации ничего не осталось, а место ее заняла хорошо организованная машина по контролю над всей морской торговлей нейтральных государств. Всякое нейтральное судно обязано было являться на английскую контрольную станцию, подвергалось тщательному обыску и осмотру документов, и, в случае доказанности предназначения груза для Германии, он задерживался. Решения английского призового суда нередко приводили к спорам и осложнениям между Англией и нейтральными странами Европы. Этим обстоятельством, впрочем, англичане смущались очень мало. С „малыми нейтралами“, такими как Дания, Норвегия и т. д., можно было не церемониться. Сложнее обстоял вопрос об отношениях с Соединенными Штатами, по торговле которых английская блокада ударяла с немалой силой. Трения на этой почве с Соединенными Штатами окончательно были ликвидированы в сущности только к моменту, когда сами Соединенные Штаты выступили против Германии [к с. 114].

13. „Экономист“ (The Economist) — либеральный английский экономический еженедельник [основан в 1843 г. — *К. М.-Б.*] [к с. 114].

14. Италия, Тройственный союз и Антанта. С 1882 г. Италия состояла в союзных отношениях с Германией и Австрией. Однако еще задолго до войны 1914 г. постоянно существовавшие серьезные противоречия между итальянским и австрийским империализмом, главным образом на почве стремления обоих государств к господству на Адриатическом море, получили перевес над итало-французским антагонизмом в отношении колоний. С другой стороны, наметившееся в начале XX в. англо-французское сближение настолько увеличивало и без того подавляющее господство Англии в Средиземном море, что итальянским империалистам и думать не приходилось о возможности бороться против Англии. Вместе с тем Италия была недостаточно сильна, чтобы пойти на открытый разрыв с Германией. Соотношение сил складывалось в пользу нейтралитета Италии. Такую позицию Италия и заняла в начале войны. При этом она сумела в полной мере использовать также свою формальную

принадлежность к Тройственному союзу, фактически распавшемуся в июле 1914 г., постоянно подчеркивая перед Антантой, что, выступив на ее стороне, она нарушит обязательства своим союзникам („моральность“!), что для этого необходим серьезный повод („удобный случай“!) и серьезная гарантия помощи со стороны Антанты („легкость“!), а также солидная доля в будущей общей добыче. Такова была позиция, занятая Сан-Джулиано, являвшимся в тот момент итальянским министром иностранных дел. О дальнейшем торге Италии с Центральными державами и с Антантой см. ниже примеч. 26 [к с. 115].

15. Польша. В начале мировой войны самостоятельного польского государства не существовало. Польская республика еще в XVIII в. (1772, 1793, 1795 гг.) была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Во время войны державы обеих коалиций поочередно пытались привлечь симпатии поляков обещаниями той или иной формы „автономии“, а когда дела шли плохо, то и „независимости“. В момент, когда лорд Берти считал уже необходимым говорить о независимости Польши (разумеется, как всегда, имея в виду также и ослабление России), русское правительство успело еще только в весьма неопределенной форме пообещать полякам царства Польского и завоеванных областей самоуправление — воззвания великого князя Николая Николаевича от 15 и 16 августа 1914 г. [к с. 116].

16. Румыния и Бессарабия. В 1856 г. по Парижскому миру, закончившему проигранную Россией Крымскую войну, Россия лишилась Бессарабии, которая вошла в состав образованного в 1859 г. княжества Румыния. В 1878 г. Бессарабия возвращается России по Сан-Стефанскому миру, в обмен на завоеванную у Турции Добруджу. Разногласия между союзниками и Россией по вопросу о привлечении Румынии на сторону Антанты касались не только „цены“: для России польза от участия Румынии в войне вообще была сомнительна, главным образом вследствие того, что присоединение Румынии увеличивало и без того огромную протяженность русского фронта [к с. 116].

17. Выступление Турции. Начало германского влияния в Турции и ориентация Турции на Германию восходит к концу

XIX в. После революции 1908 г. [младотурецкая революция — *К. М.-Б.*]внешняя ориентация Турции не изменилась, а вскоре после первой Балканской войны [1912—1913 гг. — *К. М.-Б.*], в которой Англия оказала поддержку Греции и другим Балканским государствам, расчленявшим Турцию, и сама еще более укрепилась на Кипре и в Египте, враждебность Турции к Англии усилилась. Для реорганизации турецкой армии в 1913 г. были приглашены германские инструкторы. Наконец, отпало последнее обстоятельство, которое могло бы удерживать Турцию в английском фарватере — именно резкий антагонизм между Англией и Россией на Ближнем Востоке (см. примеч. 19).

Когда началась война, Турция все же медлила выступить против Англии; Англия же, в свою очередь, не хотела дать повода считать ее нападающей стороной, опасаясь возбудить панисламистское движение в своих колониях. События были форсированы германским правительством, направившим 28 октября 1914 г. в Черное море свои крейсера „Гёбен“ и „Бреслау“, которые еще в начале августа Турция пропустила через Дарданеллы. 29—30 октября турецко-германская эскадра минирует Севастопольский порт, топит транспортное судно и обстреливает Одессу, Феодосию и Новороссийск. 31 октября Россия объявляет Турции войну, а 3 ноября британский флот уже обстреливает дарданелльские порты [к с. 116].

18. Англия, арабский халифат и военные операции в Аравии. Еще в начале XX в. Англия умела использовать натянутые отношения между арабами и турками. За исключением Хиджаза и Йемена, где турки держали свои гарнизоны, Турция уже после младотурецкой революции (1908) фактически не имела никакого влияния в Аравии, и там укрепилось английское влияние. После заключения в 1914 г. соглашения Англии с Ибн-Саудом, султаном Неджда, по которому последний обязался не нападать на страны, находящиеся под протекторатом Англии, и не входить в соглашение с другими державами, Англия старается привлечь на свою сторону шерифа Мекки, эмира Хиджаза — Хусейна аль-Хашими. После длительных переговоров (с июня 1915 г. по май 1916 г.) Хусейн летом 1916 г. окончательно перехо-

дит на сторону Англии и выступает против Турции. 13 июня 1916 г. войска шерифа Хусейна берут Мекку, а к концу 1916 г. очищают от турок Хиджаз. Выступление против турок Асира и Йемена и взятие Акабы и Адена наносят окончательное поражение турецким войскам, оперировавшим в Аравии [к с. 116].

19. Россия, Константинополь и проливы. Позиция держав Антанты. В XIX в. стремления русского империализма проникнуть в Средиземное море наталкивались на объединенный отпор западных держав, в первую очередь Англии. Целым рядом международных трактатов (последний из них — постановления Берлинского конгресса 1878 г.) за турецким султаном признавалось право закрывать проливы для прохода иностранных военных судов в мирное время. В XX в. Англия, упорно работавшая над созданием антигерманской коалиции и стремившаяся к вовлечению в эту коалицию России, идет на ряд уступок России. В 1908 г. Англия обещает изменить режим проливов в желательном для России смысле, т. е. так, чтобы русские военные суда имели свободный проход в Средиземное море в мирное время. Лорд Берти не согласен даже на эту уступку. Между тем со вступлением Турции в войну открылась перспектива захвата Константинополя. Вопрос о том, кто будет им владеть, стал на повестку дня в момент начала Дарданелльской экспедиции, и Россия не замедлила предъявить свои претензии в меморандуме, переданном 4 марта 1915 г. французскому и английскому послам в Петрограде. В марте—апреле того же года французское и английское правительства заключили секретное соглашение с Россией, гарантировавшее последней в числе прочих приобретений в Турции также Константинополь [к с. 120].

20. Попытки Америки посредничать между воюющими сторонами. Брайан занимал пост государственного секретаря Соединенных Штатов Америки и в своих попытках посредничества проводил политику президента Вудро Вильсона, претендовавшего на роль миротворца в самые первые дни войны [к с. 121].

21. Подводная блокада Англии Германией. 4 февраля 1915 г. германское правительство объявило воды, омывающие Великобританию, военной зоной, в которой все не-

приятельские торговые суда будут топиться, причем безопасность не гарантировалась также и нейтральным судам. Декларация эта вызвала резкий протест со стороны Соединенных Штатов, в результате чего последовало со стороны Германии обещание щадить нейтральные суда, причем нейтральность судна определяется не одним лишь флагом, а всей совокупностью обстоятельств. Февраль 1915 г. можно считать началом подводной войны в широких размерах (о дальнейшем развитии подводной войны см. примеч. 25). Подводную войну Германия противопоставила английской морской блокаде (см. примеч. 12). Однако подводная война не могла достигнуть того эффекта, которого достигала блокада (взять противника измором) [к с. 134].

22. Лондонская конференция социалистов стран Антанты состоялась 14 февраля 1915 г. На конференции были представлены социалисты Англии (Независимая рабочая партия и Лейбористская партия), Франции, Бельгии и России (меньшевики и эсеры; представитель большевиков ограничился подачей декларации, объясняющей, почему большевики не будут участвовать в этой конференции). В повестке дня конференции стояло три вопроса: 1) права малых наций (Польша, Бельгия, Сербия); 2) колонии; 3) гарантии мира. Иначе говоря, собравшиеся социал-патриоты прямо перешли к обсуждению условий будущего мира, даже не поставив вопроса об отношении пролетариата к империалистической войне и молчаливо признав, что она, во всяком случае, должна быть доведена до победного конца, т. е. до разгрома Германии. Участие в конференции „интернационалистов“ из Независимой рабочей партии [входившей в состав Лейбористской партии в качестве коллективного члена — *К. М.-Б.*]: Макдональд, Кейр Харди и др. показало всю цену их интернационализма. Буржуазия убедилась, что они стоят на той же почве, что и лидеры Лейбористской партии, профсоюзов и проч. („сначала победа, а потом справедливый мир“). В этом было главное значение этой конференции для буржуазии, и напрасно лорд Берти беспокоился, что Самба скомпрометировал себя, участвуя в ней [к с. 135].

23. Пацифизм в Англии. В начале войны пацифистские течения были очень сильны не только среди английского

пролетариата, но и среди значительной части английской буржуазии. Часть либералов, во главе с известным теоретиком пацифизма Норманом Энджеллом, стояла на той точке зрения, что война „невыгодна“, так как она подрывает английскую торговлю; очень многие были противниками войны по религиозным соображениям, наконец, часть Лейбористской партии, вернее, громадное большинство Независимой рабочей партии, во главе с Рамсеем Макдональдом, занимало определенную социал-пацифистскую позицию: социалисты якобы против *всякой* войны, так как война означает гибель миллионов людей, разрушение культуры и т. д., и т. д. Нередки были случаи индивидуальных отказов идти на военную службу под предлогом религиозных или социалистических убеждений. Правительство беспощадно расправлялось с такими уклонявшимися, ко всему же пацифистскому движению в целом оно относилось без особых опасений, прекрасно понимая всю его слабость и внутреннюю противоречивость. После того как Независимая рабочая партия приняла участие в Лондонской конференции союзных социалистов, в глазах широких масс окончательно стерлась разница между социал-пацифистами и откровенными социал-патриотами [к с. 140].

24. Полковник Хаус — друг и ближайший советник президента Вильсона. В начале войны он, не занимая никакого официального поста, объезжал всю Европу в качестве личного представителя президента. Его заявления считались не менее, а скорее более авторитетными, чем официальные выступления Государственного департамента Соединенных Штатов. После вступления Америки в войну он был назначен представителем Соединенных Штатов на межсоюзнической конференции в Париже в ноябре 1917 г., а затем в Верховном совете Антанты в Версале. Наконец, он участвовал в работе Версальской мирной конференции и разработке мирных договоров [к стр. 146].

25. „Лузитания“ (Lusitania), английский пассажирский пароход, шедший из Нью-Йорка, 7 мая 1915 г. был потоплен германской подводной лодкой у ирландских берегов, причем погибло 1500 человек, среди которых было свыше 100 американских граждан. Потопление „Лузитании“ было лишь эпи-

зодом в борьбе Германии за прорыв английской блокады. Германское военное командование все время настаивало на том, что сломить блокаду можно только „неограниченной подводной войной“, т. е. потоплением всех не только военных, но и пассажирских и торговых судов, даже нейтральных, идущих в Англию. Однако германское правительство долго колебалось, боясь, чтобы Соединенные Штаты не вступили в войну на стороне Антанты. Не принимая никакого определенного решения, немцы в течение долгого времени топили пассажирские суда от случая к случаю, а потом оправдывались перед Соединенными Штатами. С другой стороны, Антанта использовала каждый такой случай для проведения широчайшей кампании за вступление Соединенных Штатов в войну. Однако Вильсон не только не сделал из факта потопления „Лузитании“ тех выводов, которых от него ожидали в Англии и Франции, но ограничился протестом, в котором выражал уверенность, что потопление произошло без ведома правительства и что в дальнейшем такие факты больше не повторятся. Германский ответ был довольно двусмысленным. 19 августа 1915 г. был потоплен английский пассажирский пароход „Арабик“, опять-таки без предупреждения. На новый протест Вильсона последовало обещание Германии воздержаться от потоплений торговых судов, и от „неограниченной подводной войны“ было решено отказаться. Вопрос этот был поднят вновь уже в 1916 г., началась же эта война уже в начале 1917 г., что и послужило формальным поводом к разрыву между Соединенными Штатами и Германией [к с. 148].

26. Торг Италии с Центральными державами и с Антантой. Вступление Италии в войну. Вступлению Италии в войну на стороне держав Антанты предшествовали длительные переговоры сперва с Центральными державами, затем с Антантой. В первом случае речь шла о цене итальянского нейтралитета, большего Центральные державы не требовали. Сменивший Сан-Джулиано (умер в октябре 1914 г.) на посту министра иностранных дел Сонино предъявил Австрии ряд „минимальных требований“. Австрия (в марте 1915 г.) после долгих задержек согласилась отдать Трентино, но, несмотря на давление Германии, отказывалась уступить территории на балкан-

ском побережье Адриатического моря (Триест, Истрию, Далмацию и т. д.). После этого Сонино начал переговоры с Антантой. Результаты этих переговоров были зафиксированы в секретном Лондонском договоре 26 апреля 1915 г. По договору Италии были обещаны: Трентино, Истрия (без Фиуме), побережье Далмации и острова (населенные преимущественно хорватами), приобретения в Малой Азии, компенсации в Африке в случае расширения африканских колониальных владений прочих держав Антанты. Стремясь заполучить помощь Италии, Антанта надавала обещаний не только за счет Австрии и Турции, но и в ущерб претензиям Сербии и Греции (в Адриатике). Условия „секретного“ Лондонского договора (полностью обнародованного лишь в 1917 г. Советским правительством) не остались секретными и во время войны и обострили до крайности отношения между Италией, с одной стороны, и Сербией и Грецией, с другой. Заручившись этими обещаниями, Италия 3 мая 1915 г. объявляет о своем выходе из Тройственного союза, 23 мая 1915 г. объявляет войну Австрии. Однако итальянские империалисты стремятся как можно меньше связывать себя и поэтому всячески оттягивают присоединение к соглашению держав Антанты о незаключении сепаратного мира (подписано Италией лишь 30 ноября 1915 г.) и объявление войны Германии (последовавшее лишь 27 августа 1916 г.).

Джолитти, бывший итальянским премьер-министром до войны (ушел в отставку 10 марта 1914 г.), сторонник нейтралитета, сделал попытку свергнуть кабинет Саландро парламентским путем накануне выступления Италии. 13 мая Саландро, не имевший прочного большинства в Палате депутатов, вышел в отставку. Но уже через неделю настроение Палаты депутатов изменилось под влиянием шовинистических демонстраций, и 20 мая 1915 г. Саландро вернулся к власти.

Князь Бюлов, германский посол в Риме, ведя переговоры о сохранении Италией нейтралитета, поддерживал постоянные сношения с Джолитти [к с. 149].

27. Россия и Румыния в 1877 г. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Румыния воевала на стороне России и участвовала в осаде Плевны. По мирному договору Румыния не получила никакой „награды“: Добруджа пере-

шла к ней взамен возвращаемой России Бессарабии (см. примеч. 16) [к с. 156].

28. Забастовка шахтеров в Уэльсе. В 1915 г. федерация горняков Южного Уэльса при заключении нового коллективного договора с шахтовладельцами выговорила себе право выступать от имени всех рабочих, занятых в угольной промышленности независимо от того, являются ли они членами федерации или нет. В дальнейшем федерация потребовала одинаковой оплаты рабочих на всех шахтах. Вследствие предательства союза кочегаров, машинистов и рабочих, работающих на поверхности земли, заключивших сепаратное соглашение с шахтовладельцами, требования федерации были отвергнуты. В ответ вспыхнула стачка, длившаяся неделю и принесшая значительные убытки. Требования шахтеров частично были удовлетворены [к с. 158].

29. Дарданелльская экспедиция. Со вступлением Турции в войну (ноябрь 1914 г.) связь держав с Россией через Черноморские проливы оказалась прерванной. 3 ноября 1914 г. английские суда производят разведывательный обстрел дарданелльских фортов. 2 января 1915 г. Россия просит британское правительство произвести диверсию в Дарданеллах, чтобы облегчить положение русских в Армении. За то время, что экспедиция в Дарданеллы обсуждалась и подготавливалась в Лондоне, положение в Армении изменилось в пользу России. Тем не менее мысль об экспедиции не была оставлена, так как для Англии дело шло отнюдь не столько о помощи русским и о восстановлении связи с Россией, сколько о перенесении войны на Балканы, с целью отвлечения германских сил с Западного фронта и охраны своих ближневосточных владений от нападения со стороны Турции. Кампания началась действиями англо-французской эскадры, обстрелявшей форты, была поддержана затем сухопутными силами, высадившимися на полуострове Галлиполи, и, по прошествии почти года, окончилась полной неудачей союзников: 8 января 1916 г. союзники эвакуировали полуостров Галлиполи [к с. 164].

30. Поездка Эппльтона, О'Грэди и др. во Францию. Во время войны во всех воюющих странах с рабочими организациями, ставшими на сторону „обороны отечества", не

только смирились, но даже произошло своеобразное „огосударствление“ профессиональных союзов, рабочих партий и т. п. организаций. Вожди этих организаций не только по собственному разумению оказывали услуги „своему“ правительству и „своей“ буржуазии, но очень часто им давались вполне определенные задания от различных ведомств. Обычным явлением были своеобразные „дипломатические“ миссии рабочих лидеров в союзные страны. В данном случае Эппльтон (секретарь Всеобщей федерации тред-юнионов), О'Грэди и Крунион (представители отдельных союзов) приехали во Францию с целью выяснить настроение французских рабочих и убедить их отложить всякую внутреннюю политику до „полной победы“. Соответствующее поручение они, несомненно, получили от британского Министерства иностранных дел, о чем свидетельствует и рекомендация лорда Сесила, и широкое содействие, какое им оказывал лорд Берти [к с. 165].

31. Дело Кайо—Кальметта. Кайо, неоднократно занимавший пост французского министра финансов, выступает в 1913 г. инициатором и энергичным защитником закона о подоходном налоге. Против него была начата ожесточенная кампания, во главе которой стал журналист Кальметт, редактор крайне реакционной газеты „Фигаро“, который не остановился перед опубликованием интимных писем Кайо к его жене, написанных еще до брака. Жена Кайо, доведенная до отчаяния этой травлей, стреляла в Кальметта и убила его. Кайо должен был выйти в отставку. Суд над женой Кайо происходил накануне войны. Она была оправдана. Во время войны в связи с так называемым „германофильством“ Кайо (см. примеч. 39) вновь вспомнили об этом деле, и крайние националисты стали пользоваться против Кайо теми же сплетнями, которыми оперировал Кальметт [к с. 165].

32. Антанта и Греция. С 1913 г. Греция состояла в оборонительном союзе с Сербией против Болгарии. Поскольку в 1914 г. Сербия воевала не против Болгарии, а против Австрии, Греция объявила союзный договор неприменимым и сохраняла нейтралитет, тем более что, несмотря на союзные отношения с Сербией, Греция нацеливалась на некоторые сербские владения, которые и рассчитывала получить по

окончании войны из рук Центральных держав в случае их победы. В свою очередь, Центральные державы не требовали участия Греции в войне, довольствуясь ее нейтралитетом.

Между тем для Франции и Англии, стремившихся распространить войну на Балканах, необходимо было вывести Грецию из состояния нейтралитета. Союзническая дипломатия рассчитывала добиться этого следующим способом: 1) возбудить у греческого правительства такие аппетиты, которые могли бы быть удовлетворены лишь в войне против Турции, а именно посулить территориальные приобретения в Малой Азии и даже Константинополь (хотя он и был еще раньше обещан России!); 2) застраховать Грецию от „болгарской опасности“, отдав Болгарии кое-что из греческих владений (Драма, Кавала); 3) склонить Сербию к „добровольной“ передаче Греции того, что Греция рассчитывала получить за нейтралитет от Центральных держав. Проводником этой политики в Греции явился Венизелос, бывший греческим премьером в начале войны. Однако ему не удалось сперва сломить стремления короля Константина сохранить нейтралитет. В марте 1915 г. Венизелос вышел в отставку. Антанта ответила на это оккупацией греческих островов и угрозой уничтожить греческую морскую торговлю. Новые выборы в парламент (август 1915 г.) вновь приводят к власти Венизелоса. 22 сентября 1915 г. союзники высаживают первый десант в Салониках, несмотря на протест короля Константина, причем Венизелос заверяет союзников, что протест этот чисто формальный. Конфликт между премьер-министром и королем обострился настолько, что Венизелос вновь должен был уйти в отставку, после чего союзники решают „заговорить с Грецией энергично“. В дальнейшем события, связанные с десантом в Салониках, еще больше осложняются разногласиями в среде самих союзников (см. примеч. 38) [к с. 165].

33. Вступление Болгарии в войну. Прогерманская ориентация Болгарии была предопределена решениями Бухарестского мирного договора, подписанного 10 августа 1913 г. и закончившего так называемую вторую Балканскую войну Болгарии против Сербии и Греции, которая велась за раздел территорий, захваченных этими державами в совместной

войне против Турции в 1912—1913 гг. Во второй Балканской войне Болгария потерпела поражение, и львиная доля отвоеванных у Турции территорий досталась Греции и Сербии с Черногорией, тогда как Болгария, понесшая наибольшие потери в войне, получила лишь незначительное приращение территории и вынуждена была сверх того отдать Румынии Добруджу [Южную Добруджу — *К. М.-Б.*]. За спиной Сербии и Греции стояли державы Антанты, подготовлявшие себе союзников для будущей войны против Австрии и Турции. Болгария все же выступила не сразу, а сохраняла нейтралитет в продолжение более чем одного года, в течение которого вела одновременно торг с Центральными державами и с Антантой. Решающую роль в выступлении Болгарии сыграла уверенность руководящих кругов ее во главе с королем Фердинандом в победе Центральных держав, основанная на положении, создавшемся во второй половине 1915 г.: поражение России в Галиции и неудача Дарданелльской экспедиции союзников. 12 октября 1915 г. Болгария объявила войну Сербии [к с. 175].

34. Введение воинской повинности в Англии. До войны в Англии не существовало обязательной воинской повинности. Осенью 1915 г. после образования коалиционного правительства был сделан первый шаг к введению всеобщей воинской повинности, а именно, был проведен закон о принудительной регистрации всех мужчин от 16 до 65 лет. К концу 1915 г. сделалась совершенно очевидной необходимость усилить кадры английской армии в связи с неблагоприятным положением на фронтах. Однако была сделана еще попытка обойтись без принудительного призыва. Лорду Дерби было поручено руководство комплектованием армии добровольцами. К ноябрю выяснилось, что требуемого количества добровольцев не набрать. 21 декабря 1915 г. правительство в принципе согласилось на введение принудительной воинской службы.

В начале 1916 г. в парламенте был принят законопроект об обязательной воинской повинности для холостяков и бездетных вдовцов в возрасте от 18 до 40 лет. Законопроект не распространялся на Ирландию, кроме того, исключались священники, лица, работающие на оборону, кормильцы се-

мьи и, наконец, „противники войны по убеждению“. После долгих колебаний правительство, наконец, решилось ввести действительно *всеобщую* воинскую повинность (3 мая 1916 г.) [к с. 179].

35. Отставка Вивиани и кабинет Бриана. В начале 1915 г., когда выяснился затяжной характер войны, Сенат и Палата депутатов потребовали предоставления им более широкого участия в политическом и военном контроле и руководстве. Был выделен ряд комиссий. Палата депутатов стала требовать от военного министра Мильерана объяснений стратегического характера, на что тот не соглашался. Ввиду этих расхождений 29 октября Вивиани подал в отставку. Новое министерство было составлено Брианом (он же министр иностранных дел). Военным министром был назначен генерал Галлиени. Партийным составом новый кабинет мало отличался от предыдущего. Социалисты Самба и Гед остались в кабинете Бриана [к с. 181].

36. Англия и Турция в 1878 г. Обеспокоенные успехами русских войск, разгромивших турецкую армию и подходивших к Константинополю, Англия и Франция, опасаясь захвата Россией Черноморских проливов и усиления русского влияния в Малой Азии, выступают в защиту Турции. После Берлинского конгресса (1878) Англия заключает с Турцией дружественный договор, согласно которому Англия обязалась препятствовать дальнейшему разделу Турции и выступать в случае какого-либо осложнения на Ближнем Востоке в ее защиту [к с. 181].

37. Английские интересы в Сирии и Палестине. Договор Сайкса—Пико. 13 марта 1916 г. Англия и Франция тайно заключают между собой соглашение (так называемый „договор Сайкса—Пико“), по которому все земли, населенные арабами, в том числе Сирия и Палестина, были разделены на пять зон. Месопотамия и южный берег Сирии отходили Англии. Большая часть Анатолии, Ливан и часть прибрежной полосы Сирии предоставлялись Франции. Кроме этих двух зон, предоставленных согласно договору в прямое распоряжение Англии и Франции, следовали так называемые „сферы влияния“. Договор Сайкса—Пико лег в основу последующих соглашений о судьбе Сирии и Палестины. Постанов-

лением сессии Верховного совета Антанты в Сан-Ремо (25 января 1920 г.) мандат на Сирию был передан Франции, а мандат на Месопотамию и Палестину — Англии [к с. 185].

38. Салоники. История союзнической экспедиции в Салоники ярко иллюстрирует отношение Антанты к нейтральным государствам, а также трения между кабинетами, с одной стороны, и верховным командованием, с другой. Задуманная первоначально в небольшом масштабе высадка английских войск для оказания помощи сербской армии разрослась затем в широкий план кампании на Балканах. Высадка в Салониках была произведена в октябре 1915 г. Значение этой экспедиции для союзников возросло вследствие выступления Болгарии на стороне Центральных держав. В то время как союзники подвозили в Салоники все новые войска, Греция продолжала упорствовать в сохранении нейтралитета, что не помешало союзникам ввести в этой нейтральной стране настоящий режим военной оккупации (см. примеч. 32 и 48). Распределение союзнических сил между Дарданеллами и Салониками являлось источником постоянных трений между Англией и Францией. Салоники были по преимуществу французским, а Дарданеллы английским предприятием. С другой стороны, высшее командование обеих стран очень неохотно отдавало силы на обе экспедиции, опасаясь ослабить Западный фронт [к с. 185].

39. Кайо во время войны. Во время войны Кайо оставался депутатом и занимал пост казначея армии. Кайо считался очень влиятельным и был близок к правительству благодаря своей дружбе с бессменным министром внутренних дел Мальви. В то же время было известно, что Кайо не был сторонником войны до полного разгрома Германии. Он считал, что интересы Франции и Англии сталкиваются гораздо больше, чем интересы Германии и Франции, поэтому он стремился к скорейшему заключению „справедливого“ (для обеих сторон) мира. Вследствие этого Кайо скоро сделался средоточием всех сторонников мира. Во время своих заграничных поездок он также сталкивался с немцами и с агентами германского правительства, которые старались использовать его для агитации в пользу мира во Франции. Его друг Боло-паша [Поль Боло — *К. М.-Б.*] был арестован и уличен в

том, что он получал значительные суммы из Германии для подкупа французской прессы. По аналогичному обвинению был арестован другой его друг Альмерейдо. Все громче раздавались голоса, что сам Кайо изменник и что его надо судить наравне с его „сообщниками“.

Наконец, когда Клемансо встал во главе правительства, Кайо были предъявлены определенные обвинения. В декабре 1917 г. Кайо был лишен депутатской неприкосновенности, а в январе 1918 г. арестован. Однако судили его лишь в 1920 г. и признали виновным в „сношении с неприятелем“. Он был приговорен к трем годам тюремного заключения, лишен права жить в столице на 5 лет и лишен гражданских прав на 10 лет [к с. 188].

40. Значение занятия Эрзерума. Взятие Эрзерума русскими войсками 16 февраля 1916 г. явилось тяжким ударом для Турции, так как при этом была окончательно разгромлена третья турецкая армия. Завладев Сарыкамышем и Эрзерумом, русские войска смогли затем широко развернуть операции как в районе Вана — Трапезунда, так и в западной Персии в районе Урмии и Исфахана [к с. 199].

41. Взятие форта Кут-Эль-Амара. Форт Кут-Эль-Амара — важнейший стратегический пункт в Месопотамии. Здесь 28 апреля 1916 г. англичанам было нанесено турками тяжкое поражение, повлекшее за собой сдачу Кут-Эль-Амары и пленение отряда генерала Чарльза Тауншенда. Лишь год спустя англичане смогли, оправившись от этого поражения, возобновить наступление на Месопотамию, и только в сентябре 1918 г. Месопотамия, освобожденная от турок, переходит в руки англичан [к с. 208].

42. О шерифе Хусейне см. примеч. 18 [к с. 209].

43. Ирландское восстание 24 апреля 1916 г. [Пасхальное восстание — *К. М.-Б.*]. В 1916 г. национальное освободительное движение охватило все части ирландского населения. Революционные организации: Ирландские добровольцы (вербовавшиеся преимущественно из рядов сельских батраков и фермеров), Ирландская гражданская армия (пролетарская организация), шинфейнеры (преимущественно интеллигентская организация) энергично готовились к вооруженной борьбе против англичан. Завязывались связи с ирландцами в

Соединенных Штатах для получения денег и оружия и с Германией. Несмотря на то, что некоторые вожди движения пытались задержать или даже отменить восстание, оно все же разгорелось 24 апреля 1916 г. Восстание началось в Дублине, где повстанцы продержались неделю и были вынуждены сдаться лишь после прибытия значительных подкреплений из Англии. В остальной Ирландии происходили отдельные вспышки, быстро подавленные после разгрома Дублина. Генерал Максвелл, командовавший английскими войсками, потребовал от повстанцев сдачи без условий и зверски расправился с руководителями восстания. Большинство из них было расстреляно без всякого суда, других судили военным трибуналом и приговаривали либо к расстрелу, либо к пожизненному заключению [к с. 212].

44. Роджер Кейсмент — видный участник освободительного движения в Ирландии. Незадолго до восстания Кейсмент отправился в Германию с целью добиться от германского правительства отправки оружия и военного снаряжения в Ирландию, а также освобождения военнопленных ирландцев для усиления кадров повстанцев. Миссия его была не слишком удачна: вербовка волонтеров подвигалась туго, и Кейсмент разочаровался в реальной помощи германского правительства. Тем не менее в Ирландию было отправлено германское судно [„Либау“ (Libau) — *К. М.-Б.*] с грузом оружия и с немецким экипажем [судно шло под норвежским флагом, моряки выдавали себя за норвежцев — *К. М.-Б.*]. Случайно английское правительство узнало об этом, и у самых берегов Ирландии корабль был перехвачен британским крейсером. Команда была взята в плен, но успела потопить свой корабль. В то же самое время Кейсмент вернулся в Ирландию, где ему удалось уговорить Эона Макнила [одного из лидеров Ирландских добровольцев — *К. М.-Б.*] издать приказ об отмене восстания, ввиду невозможности получить реальную помощь от Германии. Накануне восстания Кейсмент был арестован. Суд над ним откладывался, с одной стороны, из-за той кампании против его казни, которая была поднята преимущественно в Соединенных Штатах, а отчасти и в самой Англии; с другой стороны, из суда над Кейсментом хотели создать показательный процесс, с целью

продемонстрировать связь ирландских националистов с Германией. Суд состоялся в августе. Кейсмент был приговорен к смертной казни за „измену отечеству“. 3 августа 1916 г. Кейсмент был повешен [к с. 212].

45. *Ютландский морской бой в ночь с 31 мая на 1 июня 1916 г.,* где встретились главные силы английского флота с главными силами немецкого флота. Несмотря на численное превосходство, англичанам не удалось разбить немецкий флот, и последний успел укрыться на своей базе. Обе стороны понесли громадные потери. Стратегически сражение, не давшее решительного результата, не сказалось на последующем ходе войны на море [к с. 215].

46. *Визит Альбера Тома в Россию.* Летом 1916 г. Альбер Тома приезжал в Россию. Недостаток снарядов в русской армии сильно беспокоил союзников. Союзные послы постоянно следили за производством военных припасов и за снабжением русской армии, но когда положение становилось особенно катастрофическим, приезжал какой-нибудь „ревизор“ из Англии или Франции. В данном случае Тома и явился таким ревизором. Немудрено, что русские министры и особенно двор были очень неприятно поражены этим визитом. Помимо того, что перед Тома пришлось скрыть „глупости и взяточничество“, обидным казалось и то, что „какой-то социалист нас смеет учить“, а поскольку он является ответственным министром союзной страны, приходится покорно выслушивать его указания. Зато „демократические“ круги русского общества и Государственной думы, и кадеты в особенности, были в восторге и всячески чествовали „министра-социалиста“ [к с. 218].

47. *Изгнание турок из Мекки* (см. примеч. 18) [к с. 219].

48. *Сдача Кавалы.* После отставки сторонника Антанты Венизелоса с поста премьер-министра (см. примеч. 32) Греция, несмотря на все происки Антанты, упорствовала в сохранении нейтралитета, даже после вступления Болгарии в войну на стороне Центральных держав. Когда в мае 1916 г. болгарские войска вступили на греческую территорию, им не было оказано сопротивления, а в августе того же года греческие гарнизоны по приказу из Афин сдали болгарам города Серре, Кавала и Демир-Хисар. Венизелос (вернее,

Антанта) ответил на это „революцией“ в оккупированных союзниками Салониках, где было образовано временное правительство, распространившее свою власть на острова и объявившее войну Болгарии. В 1917 г., после свержения русского самодержавия, не допускавшего крутых мер против короля Константина из боязни поколебать „монархический принцип“, у союзнических „демократий“ были развязаны руки, и при помощи вооруженного вмешательства они свергли Константина, отправили его в Швейцарию и установили в Афинах власть Венизелоса, вскоре разорвавшего дипломатические сношения с Германией и Австрией [к с. 232].

49. Выступление Румынии. На выступление Румынии Антанта возлагала большие надежды и сильно нуждалась в нем, так как к осени 1916 г. Германия не только успешно сопротивлялась франко-британскому наступлению на Сомме, но и оказывала значительную поддержку Австрии против неожиданного и сильного июльского наступления армий Брусилова. Антанте пришлось поэтому заплатить Румынии (конечно, обещаниями и, разумеется, за чужой счет) довольно высокую цену.

По секретному договору, заключенному Румынией с державами Антанты в начале августа 1916 г., Румынии была обещана вся Трансильвания, широкая полоса собственно Венгрии, Буковина и Банат, т. е. все, чего Румыния добивалась, за исключением Бессарабии, которую союзники очень бы охотно отдали (см. примеч. 17 и 27), на что, однако, не соглашалась Россия. 27 августа Румыния вступила в войну [к с. 232].

50. Провозглашение Германией независимости королевства Польского. Антанта, выступившая с начала войны в благородной роли „освободительницы малых наций“, все время пыталась истолковать манифест великого князя Николая Николаевича (см. примеч. 15) как объявление независимости Польши, чему содержание самого манифеста и все поведение русских властей в Польше самым явным образом противоречило. Германское правительство никогда не могло сравняться с Антантой по части демагогии. Только осенью 1916 г., когда вся русская Польша была в руках немцев и когда Германия страшно нуждалась в солдатах, Центральные державы стали обсуждать вопрос о провозглашении ав-

тономии или независимости Польши. Однако между Германией и Австрией сразу же обнаружились глубокие расхождения в этом вопросе. Германия первоначально предложила объявить независимое королевство Польское в составе русской Польши, всей Галиции и той части Познани, где польское население превышает 65%. Австрия не согласилась на это. Австрийский проект сводился к объединению Галиции и русской Польши в единое королевство, которое вошло бы на правах третьего члена в Австро-Венгерскую империю. После того как и этот проект был отвергнут, германский канцлер провозгласил независимое Польское королевство на территории бывшей русской Польши, оккупированной германскими войсками. Разумеется, это решение не удовлетворило польскую буржуазию, которая уже мечтала о „великой Польше“, и вызвало страшное возмущение царского правительства, ослабив, таким образом, шансы Германии на заключение сепаратного мира с Россией. Союзники же и тут сумели сыграть в благородство, объявив в коллективной ноте о признании независимости Польши. Царское правительство к этой ноте не присоединилось [к с. 242].

51. Россия и сепаратный мир. Намерение союзников послать в Россию кого-либо из виднейших деятелей Антанты показывает, до какой степени дошли к этому времени опасения, что Россия заключит сепаратный мир с Германией. До сих пор трудно сказать, как далеко зашло русское правительство и двор в переговорах с Германией, но слухи о таких переговорах к концу 1916 г. были настолько распространены, что лидер кадетов Милюков, выступавший в данном случае от имени думского большинства и вдохновляемый английским послом Бьюкененом, смог бросить председателю Совета министров Штюрмеру обвинение в измене. Даже последовавшая за этим отставка Штюрмера, видимо, не избавила правительства Антанты от их опасений [к с. 245].

52. Падение кабинета Асквита и кабинет Ллойд Джорджа. Либеральный кабинет Асквита был преобразован 19 мая 1915 г. в коалицию консерваторов, либералов и лейбористов. Для руководства войной был выделен „военный комитет“. Осень 1916 г. принесла державам Антанты ряд разочарований: на Западном фронте наступление на Сомме

приостановилось, на востоке — полный разгром Румынии. В консервативной печати вновь усилились требования более энергичного ведения войны и обвинения против Асквита. Замысел консерваторов был выполнен руками либерала Ллойд Джорджа. 1 декабря 1916 г. в письме к Асквиту Ллойд Джордж предложил передать ведение войны совершенно независимому от остального кабинета „военному комитету" в составе четырех лиц, тут же поименованных: Ллойд Джордж, сэр Эдвард Карсон (консерватор), Бонар Лоу (консерватор) и один член Лейбористской партии. После того, как Асквит отказался принять такой план, Ллойд Джордж подал в отставку, вслед за ним ушел в отставку и Асквит. Новый кабинет был составлен Ллойд Джорджем, согласно плану, предложенному им в письме к Асквиту [к с. 249].

53. Германское мирное предложение. К концу 1916 г. положение на фронтах сводилось в общем к следующему: на Западном фронте союзники отбили германское наступление на Верден, но возможность вытеснить немцев из Франции и Бельгии представлялась более чем сомнительной самим союзникам. На восточных фронтах основным фактом являлся разгром Румынии, вследствие чего Центральные державы сочли момент удобным для того, чтобы выступить с предложением мира.

12 декабря Германия обратилась с нотой к президенту Вильсону и к папе римскому. Нота эта говорила о несокрушимости германского и австрийского фронтов, о вероятности дальнейших успехов Центральных держав, об отсутствии у них желания доводить войну до полного разгрома противников и готовности начать переговоры о мире. Никаких конкретных условий Германия не предлагала. На эту ноту, переданную Вильсоном Антанте, последняя ответила 29 декабря резким отказом „принять предложение, лишенное искренности и содержания". Ни та, ни другая империалистическая коалиция не соглашалась еще признать себя побежденной [к с. 251].

54. Запрос Вильсона. Почти одновременно с германской мирной нотой (см. примеч. 53) выступил президент США Вудро Вильсон с запросом к воюющим сторонам о конкрет-

ных целях, преследуемых ими, по достижении коих они согласны были бы прекратить войну. В лагере Антанты много говорилось в связи с этим выступлением о том, что Вильсон якобы льет воду на мельницу немцев. На деле запрос Вильсона являлся просто дипломатической вылазкой с целью найти повод для вмешательства в войну.

Германия уклонилась от ответа на вопрос Вильсона, заявив, что наилучшим способом обсуждения вопросов о целях войны она считает непосредственные переговоры между воюющими сторонами. Антанта, не желая уклоняться целиком от ответа и вынужденная хотя бы слегка приподнять завесу над своими планами, долго медлила с ответом и лишь 10 января 1917 г. сообщила о своих „целях войны“: 1) восстановление Бельгии, Сербии и Черногории с уплатой возмещений; 2) эвакуация занятых территорий Франции, России и Румынии с возмещениями; 3) возврат областей, отторгнутых у держав Антанты Центральными державами в прошлом; 4) освобождение населения, „находящегося под кровавым игом турок“, и изгнание последних из Европы [к с. 252].

55. Генерал Лиман фон Сандерс — глава германской военной миссии в Турции, приглашенный Турцией в 1913 г. для реорганизации турецкой армии и флота. Активный проводник немецкой политики в Турции, имевший большое влияние на лидеров младотурок, стоявших в то время у власти и ориентировавшихся на Германию [к с. 255].

56. Ответ на германскую ноту и на запрос Вильсона, (см. примеч. 53 и 54) [к с. 258].

57. Доктрина Монро. В 1823 г. в послании к конгрессу Президент Соединенных Штатов Дж. Монро выдвинул положение, что Соединенные Штаты не должны вмешиваться в неамериканские дела и не должны допускать вмешательства Европы в дела американского континента. Слова лорда Берти: „Позвольте нам иметь свою собственную доктрину Монро“ являются протестом против вмешательства Вильсона в политику европейских держав [к с. 265].

58. Отставка Бриана и министерство Рибо. Трения между правительством и Палатой депутатов, требовавшей более подробной информации о военном положении, послужившие в конце 1915 г. поводом к отставке Вивиани, про-

должались во все время министерства Бриана. Бриан так же мало, как и его предшественник, был склонен устраивать секретные заседания палаты. Отношения между Палатой депутатов и правительством особенно обострились во время наступления немцев на Верден зимой 1916 г. Но суть дела заключалась в том, что Палата депутатов являлась, с одной стороны, очагом всяческих партийных и личных интриг, с другой стороны — резонатором общего подавленного настроения в стране, для которого на рубеже 1916 и 1917 гг. было достаточно причин: внутренняя разруха хозяйства и транспорта, тяжелое положение на Восточном фронте после разгрома Румынии. Бриан вышел в отставку 17 марта. С точки зрения основного вопроса — „война до конца“ или „соглашение“ — речь могла идти только о выборе между правительством еще более диктаторским, нежели правительство Бриана, и правительством, способным на крутой поворот во внешней политике. Такой поворот замышлял и подготовлял Кайо (см. примеч. 39). Поскольку этот замысел не удался, дело шло к военной диктатуре, и более радикальный и „парламентский“ кабинет Рибо, равно как и сменивший его кабинет Пенлеве (см. примеч. 66), явились лишь отсрочкой установления диктатуры Клемансо (см. примеч. 72) [к с. 265].

59. Русско-германский договор 1905 г. 23—24 июля 1905 г. состоялось свидание Николая II с Вильгельмом II в Финском заливе у острова Бьёрке [„Бьёркское свидание“ — *К. М.-Б.*], где ими был подписан тайный союзный оборонительный договор, по которому, в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся империй, другая должна была оказать ей помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. Договор должен был вступить в силу немедленно после заключения Россией мира с Японией; однако вследствие боязни Николая испортить отношения со своей союзницей Францией Бьёркский договор не был ратифицирован и в силу так и не вступил [к с. 269].

60. Стокгольмская конференция. Инициативу созыва международной социалистической конференции в Стокгольме для обсуждения „справедливых условий мира“ взяли на себя социал-соглашатели нейтральных стран. Социалистические партии этих стран были настроены прогермански,

и их попытка была сделана по предварительному уговору с германскими социал-демократами большинства. Так как к весне 1917 г. германское правительство уже прекрасно понимало, что „полной победы“ ему не добиться, а военное положение Германии было еще настолько прочно, что можно было надеяться заключить компромиссный мир, то оно обращалось к всевозможным посредникам, дабы начать переговоры о мире. Филипп Шейдеман [один из лидеров немецких социалистов — *К. М.-Б.*] в своих воспоминаниях прямо рассказывает, как он совещался с канцлером Германии относительно Стокгольмской конференции и получил от него не только разрешение на поездку в Стокгольм, но и подробнейшую инструкцию о том, как себя на этой конференции вести.

Страны Антанты еще не помышляли о мире с Германией, поэтому во Франции и Англии предложение о созыве конференции с „вражескими“ социалистами встретило совсем другой прием, чем в Германии. „Официальные“ социалистические партии первоначально прямо отказались участвовать в конференции, и только „левые“ меньшинства изъявили согласие участвовать, но... они не получили паспортов от своих правительств. В дальнейшем Стокгольмскую конференцию стал очень широко пропагандировать тогдашний соглашательский ВЦИК [Всероссийский центральный исполнительный комитет, избранный на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов — *К. М.-Б.*], рассылавший даже приглашения на нее от своего имени. Но Стокгольмская конференция так и не состоялась.

Большевистская партия разбирала вопрос о Стокгольмской конференции на своей апрельской конференции 1917 г. и тогда же охарактеризовала ее как „торг между империалистами об обмене аннексиями“, торг, прикрытый лживыми фразами о „справедливом и демократическом мире“ и „взаимной амнистией социалистических вождей“ [к с. 270].

61. Англия и сионизм. Декларация Бальфура. Желая закрепить за собой Палестину и превратить ее в свою стратегическую и политическую базу на Ближнем Востоке, Англия объявляет себя сторонницей сионизма, выдвигая проект „создания в Палестине национального центра для еврейского

народа“. Англия официально заявляет об этом в опубликованной 2 ноября 1917 г. декларации (известной под именем „декларации Бальфура“), вызвавшей ликование в кругах сионистов и еврейской буржуазии и возбудившей сильнейшее негодование среди арабов. После получения мандата на Палестину Англия, как известно, не стала спешить с проведением в жизнь своих обещаний [к с. 275].

62. Второй визит Альбера Тома в Россию. Альбер Тома, в качестве социалиста и министра союзной страны, приехал в конце мая 1917 г. в Россию со специальной миссией убедить русских социалистов в благородстве и демократичности целей войны Антанты и в необходимости немедленного наступления на русском фронте. Выступая на митингах, он выражал свое сочувствие мирной программе Совета рабочих и солдатских депутатов и давал обещания, от которых французское правительство поспешило отречься. У него создалось впечатление полного успеха своей миссии, особенно в связи с наступлением русских войск 18 июня. Но последующие события очень скоро опровергли эти иллюзии [к с. 276].

63. Макдональд во время войны. Рамсей Макдональд в начале войны был председателем Независимой рабочей партии и лидером парламентской фракции Лейбористской партии. В то время, как большинство Лейбористской партии и профсоюзов с начала войны заняли патриотическую позицию, Макдональд был настроен пацифистски. В силу этого ему пришлось уступить руководство парламентской фракцией Гендерсону. Он был ярым сторонником Стокгольмской конференции (см. примеч. 60) и специально ездил в Париж с целью убедить французских и бельгийских социалистов участвовать в ней. Миссия его, однако, не увенчалась успехом [к с. 279].

64. Идея созыва межсоюзнической конференции о целях войны была выдвинута правительством Керенского и ВЦИКом, в качестве единственной конкретной меры „борьбы за мир“. Предложение потерпело жалкое фиаско: разговорам о мире Антанта предпочла созыв конференции для обсуждения „наилучших способов ведения войны“ (см. примеч. 87) [к с. 280].

65. Папская мирная нота. 1 августа 1917 г. папа римский Бенедикт XV обратился к воюющим сторонам с предложением заключить мир на основе статус-кво (восстановления довоенного положения), разоружения и международного арбитража. Германия дала уклончивый ответ. От имени союзников выступил президент США Вудро Вильсон, заявивший, что условия, предлагаемые папой римским, означали бы „восстановление мощи Германии и возобновление ее старой политики“ [к с. 284].

66. Отставка Рибо и министерство Пенлеве. Период министерства Рибо был отмечен все более усиливающимся движением против войны; в мае и июне по стране прокатилась волна забастовок, на фронте начались бунты. Под влиянием этих волнений социалисты требуют паспорта для выезда на Стокгольмскую конференцию (см. примеч. 60). Жестоко расправившись с движением на фронте, подавив стачечное движение внутри страны и отказав социалистам в паспортах, Рибо все же не удовлетворил полностью шовинистические круги, так как не обнаружил достаточно „твердости“ по отношению к пропаганде мира в печати. Наконец, ушло в отставку все министерство Рибо (7 сентября 1917 г.).

Новое министерство, образованное Пенлеве, однако, оказалось недолговечным. В палате депутатов составилось значительное правое большинство, которое свергло Пенлеве 13 ноября 1917 г. [к с. 286].

67. Газета „Юманите“ — в то время социал-патриотический орган. Коммунистическим органом газета „Юманите“ стала только после Турского конгресса французской Социалистической партии (декабрь 1920 г.) [к с. 289].

68. Генерал Смэтс — бурский генерал, стоявший во главе английской армии, выступившей из Южной Африки в Германскую Восточную Африку. Германские экспедиционные войска под командой генерала Пауля фон Леттов-Форбека сумели оказать англичанам сильнейшее сопротивление. Лишь в ноябре 1917 г. генерал Леттов-Форбек принужден был очистить Восточную Африку, перейдя на территорию португальской колонии Мозамбик [к с. 294].

69. Скобелев и межсоюзническая конференция в Париже. Скобелев, известный меньшевик, член IV Государственной

думы, товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член соглашательского ВЦИКа, был делегирован в Париж на межсоюзническую конференцию иностранной комиссией при ВЦИКе. Скобелев был послан в Париж с ведома и согласия Временного правительства, причем не подлежит сомнению, что правительство прекрасно знало, что его на министерское совещание не пустят, ВЦИК же демонстрировал свое миролюбие, снабжая своего представителя на чисто *военную* конференцию союзных министров подробной инструкцией об условиях мира [к с. 296].

70. Поражение Кадорны. К осени 1917 г. итальянская армия в результате кампании 1915—1916 гг., которая велась с переменным успехом, занимала части австрийской территории — Трентино и Венецию-Джулию. В октябре 1917 г. австро-германское командование, перебросив значительные силы с русского фронта, решило очистить австрийские территории и нанести сокрушительный удар Италии с целью принудить ее к сепаратному миру и сосредоточить все силы для решительного натиска на Западном фронте до прибытия американских войск. Центральные державы рассчитывали при этом на сильное антивоенное движение, охватившее итальянских рабочих и проникшее в армию. В результате своего наступления австро-германцы дошли до нижнего течения Пьяве и оказались в 30 км от Венеции, итальянцы же потеряли 300 тыс. пленными и 2500 орудий, в том числе почти всю тяжелую артиллерию. Но на Пьяве итальянцам удалось задержаться, и к концу 1917 г. германские дивизии были отведены на Западный фронт [к с. 297].

71. „Аксьон франсез“ (Action française). — французская монархическая газета [выходила с 1908 г. — *К. М.-Б.*], основателем и редактором которой являлся известный депутат-монархист Леон Доде. Газета являлась одновременно руководящим центром монархической организации, имевшей разветвления по всей Франции. Не ограничиваясь агитацией за восстановление монархического строя, эти группы вооружают своих членов, разгоняют рабочие собрания, производят налеты на профсоюзы и другие рабочие организации [к с. 298].

72. Правительство Клемансо. Клемансо, пришедший к власти 13 ноября 1917 г., явился для Франции таким же во-

енным диктатором, каким в Англии был Ллойд Джордж. В кабинет Клемансо не вошел почти никто из тех лиц, которые занимали министерские посты во время войны. В отличие от своего предшественника, Клемансо без колебаний не только задержал старшие возрасты в армии, но и бросил на фронт новые силы, провел ряд процессов против „пацифистов“ и беспощадно расправлялся с рабочим движением [к с. 301].

73. Темная личность, бывший гусарский офицер, о котором идет здесь речь, — это Шнеур. Солдаты авиационной роты, в которой служил Шнеур, дали о нем благоприятный отзыв, и ему были даны технические поручения во время переговоров о перемирии. Как только выяснилось, что в 1910 г. Шнеур находился в связи с охранкой, он был немедленно арестован и заключен в Петропавловскую крепость [к с. 302].

74. Японская интервенция в Сибири началась 5 апреля 1918 г., когда японский десант высадился во Владивостоке. Любопытно сопоставить то, что пишет лорд Берти о подготовке японской интервенции, с японским официальным сообщением и воззванием к населению, согласно которым причиной высадки явилось... „убийство двух японцев, происшедшее во Владивостоке накануне“, т. е. 4 апреля! Попытка японцев закрепиться на русском Дальнем Востоке, как известно, потерпела полное фиаско.

25 октября 1922 г. последние японские части эвакуировались из Владивостока [к с. 307].

75. Четырнадцать пунктов Вильсона. 8 января 1918 г. Вудро Вильсон в обращении к конгрессу Соединенных Штатов изложил в 14 пунктах свой взгляд на основы будущего мира.

Пункты 1—5 и 14 посвящены наиболее общим условиям будущего мира. Сюда относятся: отмена тайной дипломатии, свобода морей в мирное и военное время, максимальная свобода международного товарооборота, сокращение вооружений, Лига Наций и т. д.

Пункты с 6 по 13 кратко трактуют конкретные проблемы отдельных стран: эвакуация занятых территорий России, эвакуация и восстановление Бельгии, эвакуация и восстановление занятых областей Франции и передача ей Эльзаса и Лотарингии, так называемое „исправление границ“ Ита-

лии, самоопределение народов Австро-Венгрии и Турции, независимость Польши.

Платформа Вильсона пыталась совместить популярную в широких народных массах, особенно после русской революции, идею „мира без аннексий и контрибуций“ с аннексионистскими требованиями держав Антанты.

Несмотря на то, что требования Антанты сохранились в платформе Вильсона лишь в очень урезанном виде и что некоторые принципы этой платформы были направлены явно против морского могущества Англии („свобода морей“), главы Антанты — Клемансо и Ллойд Джордж — не вступили в дискуссию с могущественным союзником, вполне обоснованно рассчитывая, что, когда дело дойдет до мирной конференции, вся эта платформа лопнет, как мыльный пузырь. Зато платформа Вильсона была использована в полной мере для агитации за мир в Центральных державах и для поощрения движения народов Австро-Венгрии, приводившего постепенно к распаду Австро-Венгерской империи.

В самих Соединенных Штатах платформа Вильсона также вызвала резкое недовольство, так как в ней, особенно в идее Лиги Наций, видели нарушение принципов доктрины Монро [к с. 310].

76. Ирландская независимость и общественное мнение Соединенных Штатов. Шинфейнеры имели в США свою организацию, которая вела широкую агитацию за полную независимость Ирландии, за полное отделение ее от Англии, включая и Ольстер. Эти требования крайних националистов встречали сочувствие не только в американском обществе, но и в правительственных кругах. В частности, президент США Вудро Вильсон в 1919 г. отстаивал самостоятельное представительство Ирландии на мирной конференции [к с. 312].

77. Германские и австрийские социалисты во время войны. К концу 1917 г. и началу 1918 г. волна стачек прокатилась по всей Германии и Австрии. В январе 1918 г. в Берлине происходила серьезнейшая забастовка на военных заводах, распространившаяся и на другие города Германии и принявшая чуть не всеобщий характер. Социалисты, как независимые, так и представители социал-демократического большинства, участвовали в стачечном комитете. Социалисты большинства

во главе с Фридрихом Эбертом вошли в стачечный комитет с определенным заданием сорвать стачку во что бы то ни стало. Они уведомили об этом шаге не только правительство, но и Генеральный штаб и получили от последнего разрешение „на руководство забастовкой“ [к с. 312].

78. „Мирные настроения“ в Англии. К началу 1918 г. стремление к миру ярко выражалось даже в Англии, страдавшей от войны меньше прочих воюющих стран. В феврале 1918 г. в Англии расширяется принудительное рационирование питания. Вслед за хлебными карточками вводятся карточки на мясо и жиры. Мобилизуется ряд освобожденных до того категорий, производится новый набор в 450 тыс. человек. Сильно сказывается влияние Октябрьской революции в России и выход России из войны. Ллойд Джордж, ярый сторонник „войны до победного конца“, оказался перед угрозой потерять поддержку Лейбористской партии в парламенте [к с. 317].

79. Лондонская конференция социалистов Антанты состоялась в конце февраля и в начале марта 1918 г. Она представляла собой первую попытку со стороны социалистов стран Антанты возобновить международные связи с социалистами Центральных держав. Лондонская конференция, на которой присутствовали социалисты Англии, Франции и Бельгии, разработала желательные условия мира, которые и были пересланы социалистическим партиям Германии и Австрии.

Условия эти явились развитием „общих положений“, опубликованных президентом США Вудро Вильсоном в его обращении к Временному правительству России, и были уточнены в согласии с Четырнадцатью пунктами Вильсона (см. примеч. 75) [к с. 320].

80. Мирные предложения Румынии со стороны Германии и Австрии. В конце 1917 г. русский генерал Д.Г. Щербачев принял на себя командование всеми войсками, как русскими, так и румынскими на румынском фронте; вскоре он вынужден был заключить перемирие с австро-германскими войсками. Германия и Австрия почти одновременно с брест-литовскими переговорами вели переговоры с Румынией, которой они навязали необычайно тяжелые усло-

вия, устанавливающие фактически режим военной оккупации [к с. 324].

81. Распад Четверного союза и дипломатическая переписка Центральных держав с Вильсоном. 25 сентября 1918 г. Болгария сложила оружие и 30 сентября подписала договор о перемирии, приняв безоговорочно все условия Антанты. Этим была уничтожена всякая связь между Центральными державами и Турцией. Правительство Энвера пало, и путь к сепаратному миру с Турцией оказался открытым.

4 октября Германия и Австрия обратились к Вудро Вильсону с просьбой содействовать заключению мира. С этого дня завязалась переписка, длившаяся около месяца. В своих ответах на все более уступчивые предложения Центральных держав Вильсон требовал уже не только принятия его Четырнадцати пунктов за основу, но совершенно недвусмысленно требовал изменения германской конституции и немедленной эвакуации всех занятых территорий.

Говоря о потакании Вильсона „гуннам“, лорд Берти имеет в виду все те же Четырнадцать пунктов, которые продолжали официально считаться платформой будущего мира.

Готовность Центральных держав принять какие угодно условия перемирия возрастала, особенно когда Австрия фактически распалась на части, а в Германии уже началась революция.

7 ноября Центральные державы выслали мирных парламентеров, 9 ноября в Германии была провозглашена республика, и 11 ноября было подписано перемирие, за которым последовал вывод германских войск из оккупированных областей и оккупация германских территорий союзническими войсками [к с. 334].

82. Несмотря на существующую в США традицию, не позволяющую одному и тому же лицу быть президентом более двух сроков, Вильсон [ставший президентом Соединенных Штатов в 1912 г. и переизбранный в 1916 г. — *К. М.-Б.*] в 1920 г. надеялся в третий раз баллотироваться на пост президента, однако на предвыборном съезде Демократической партии его кандидатура не получила поддержки. На прези-

дентских выборах победу одержал кандидат от Республиканской партии Уоррен Гардинг [к с. 349].

83. *Революция в Венгрии*. После распада Австро-Венгерской империи и отречения от престола императора Карла I [12 ноября 1918 г. — *К. М.-Б.*], образовалось правительство Михая Каройи, опиравшееся на радикальное крыло буржуазии и социал-демократов и просуществовавшее до 20 марта 1919 г., когда оно подало в отставку, обратившись к социал-демократам с предложением образовать новое правительство. Социал-демократы, не чувствуя за собой достаточной поддержки масс, предложили коммунистам войти с ними в соглашение. Результатом переговоров явилось установление советской республики, провозглашенной 21 марта 1919 г. Советская республика в Венгрии просуществовала до 1 августа 1919 г., когда венгерская красная армия была разгромлена войсками Румынии и Чехословакии [к с. 351].

84. До войны лорд Холден был одним из убежденнейших сторонников сближения между Англией и Германией. В 1912 г., будучи членом правительства, он совершил поездку в Берлин, где вел переговоры с императором и канцлером. Британский кабинет заверял германское правительство в том, что Англия сама не предпримет и не будет участвовать ни в каких нападениях на Германию. Германия же требовала гарантии абсолютного нейтралитета Англии в случае войны Германии с другими державами, на что британское правительство не соглашалось [к с. 353].

85. *Миссия генерала Смэтса в Будапеште*. Миссия генерала Смэтса, командированного в начале апреля 1919 г. Верховным советом Антанты в Будапешт для переговоров с венгерским советским правительством, представляла собой попытку Англии путем мирного соглашения ликвидировать советскую республику. Переговоры ни к чему не привели, и в день отъезда Смэтса из Будапешта румынские войска снова начали наступление у Тисы [к с. 354].

86. Положение в Индии и Египте. 13 апреля 1919 г. в Амритсаре (Индия) англичане расстреляли мирную сходку индусов. Более 500 человек было убито и около 1500 человек ранено. Целая волна демонстраций, митингов протеста, забастовок и беспорядков прокатилась по всей стране.

Вождем этого массового движения выступил Махатма Ганди. Кроме того, к этому времени среди индийских мусульман растет и „халифатское движение“ — требование сохранения независимости халифата, возврата англичанами Константинополя и священных мест турецкому халифу и т. д.

В Египте события начались еще в конце ноября 1918 г., когда депутация националистов, во главе с Заглул-пашой [Саад Заглул — *К. М.-Б.*], представила британскому верховному комиссару [Реджинальд Уингейт — *К. М.-Б.*] свою программу, сводящуюся к автономии Египта с предоставлением Англии права надзора в вопросах, касающихся государственного долга и Суэцкого канала. Получив отказ, они избрали комитет действия из 14 человек и начали широкую агитацию, собирая повсюду тысячи подписей под своими петициями о предоставлении стране автономии. После отставки кабинета Рушди-паши [Хусейн Рушди — *К. М.-Б.*] и ареста англичанами лидеров националистов руководство движением перешло в руки левого крыла националистов и, развиваясь со дня на день, скоро приняло характер настоящего восстания против англичан. В учебных заведениях и в правительственных учреждениях начались забастовки, принявшие сразу же грандиозные размеры. Вскоре события перекинулись в провинцию, где произошли вооруженные столкновения. Повсеместно были разрушены железнодорожные пути, перерезаны телеграфные провода и т. д. К концу марта революционное движение с огромной силой разыгралось в Нижнем Египте, нося уже массовый характер. Нижний Египет был отрезан от Каира. Кое-где бедуинами была перебита вся английская администрация. Генерал Эдмунд Алленби, назначенный верховным комиссаром с диктаторскими полномочиями, двинул против „бунтовщиков“ карательные отряды, снабженные аэропланами для бомбардировки мятежных деревень, бомбами и пулеметами. Во многих местах происходят форменные сражения с англичанами. К концу апреля, благодаря прибывшей помощи из Европы и Судана, англичанам удается восстановить „порядок“ [к с. 355].

87. Потопление германского флота в Скапа-Флоу. Согласно условиям перемирия, германский флот был передан в

руки англичан. Значительная часть переданных кораблей была интернирована в английской морской базе в Северном море, в Скапа-Флоу. 21 июня 1919 г., т. е. за неделю до подписания Германией Версальского договора, стоявшие в Скапа-Флоу суда были потоплены их командирами по приказу германского Адмиралтейства [к с. 356].

Е.С. Берлович
1927 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Френсис Берти

За кулисами Антанты

Дневник британского посла в Париже
1914—1919

Под редакцией К.В. Миньяр-Белоручева

Подписано в печать 19.12.2013. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.- изд. л. 20,5. Тираж 500 экз. Заказ № 13 .
Цена договорная.

Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России, 2014.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.
Типография ГПИБ.

